34
П 266

Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году.

Москва
1882

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Кол. пред. выдач
г. Сокол бум. комбинат

...ский областной абонемент
...ской обл. библиотеки

153020

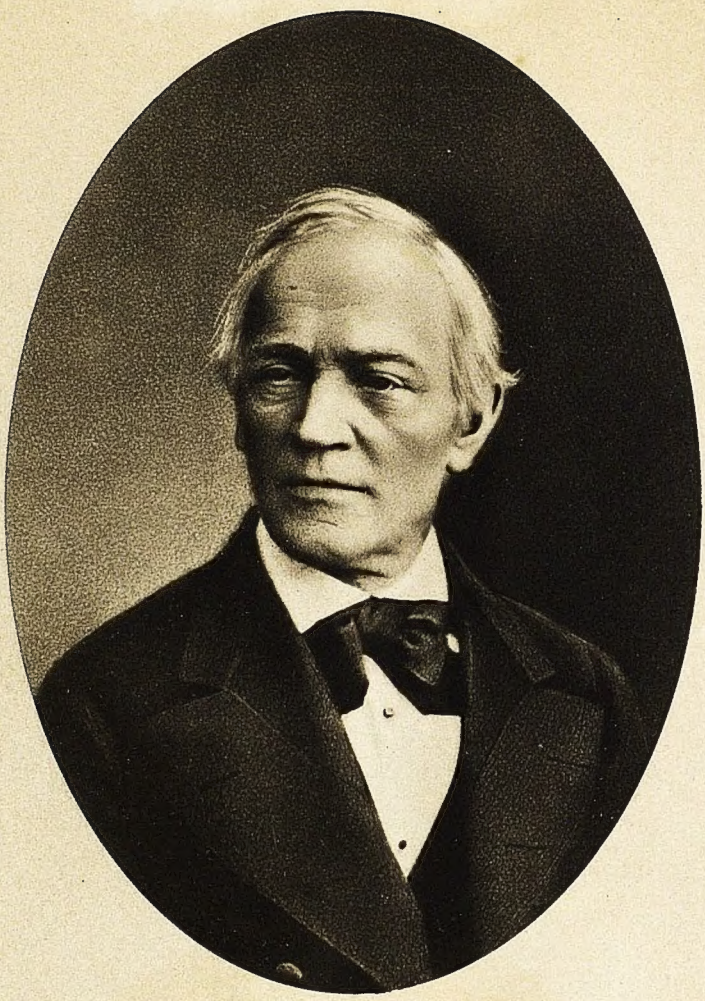

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К°. въ Москвѣ.

Предсѣдатель Юрьевскаго

В. Лешковъ

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Тарисовъ.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

2144
Э.К.
М9 4/40
Р
34
П 266
153020

ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ

РУССКИХЪ ЮРИСТОВЪ

ВЪ МОСКВѢ

въ 1875 году.

Издано подъ редакціей:

С. И. Баршева, Н. В. Калачова, С. А. Муромцева
и А. М. Фальковскаго.

Коммутационный абонемент
Московской обл. библиотеки

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1882

2 экз. л.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 11427
13-XI-1928
БИБЛИОТЕКА.

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе. . . . . I—XVIII

Общій очеркъ подготовительныхъ Къ съѣзду работъ . . . 1

Правила для перваго съѣзда русскихъ юристовъ 4

Предполагавшаяся программа его занятій 6

Основанія для устройства съѣзда 12

Программа занятій съѣзда, утвержденная правительствомъ. 14

Полный списокъ членовъ съѣзда 17

Открытіе съѣзда и первое засѣданіе 5 іюня 25

Засѣданіе 6 іюня . . . . . 40—117

I. Докладъ В. Н. Лешкова: «О правѣ промышленности, какъ основаніи для отличенія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго“ 41

Пренія по докладу В. Н. Лешкова 44

Предложеніе С. И. Зарудnаго, доложенное А. М. Фальковскимъ: „Объ изданіи X т. св. зак., дополненнаго въ самомъ текстѣ статей всѣми узаконеніями, вошедшими въ продолженіе законовъ“ 49

Пренія о предложеніи С. И. Зарудnаго 52

Докладъ М. П. Соловьева и А. М. Фальковсваго: „Объ изданіи гражданскаго уложенія Россійской Имперіи съ изложеніемъ причинъ необходимости отмѣны мѣстныхъ сводовъ граждайскихъ узаконеній, нынѣ дѣйствующихъ, и указаніемъ основныхъ положеній, могущихъ служить къ объединенію въ Россіи гражданскаго права“ 59

Пренія по докладу М. П. Соловьева и А. М. Фальковскаго . 76

II. Докладъ В. И. Родиславскаго: „О необходимости опредѣлить въ нашемъ законодательствѣ гражданскую отвѣтственность за самовольное представленіе драматическаго произведенія“. 99

Пренія по докладу В. И. Родиславскаго 103

Стр.
Засѣданіе 7 іюня . . . . . 118—199
I. Докладъ Н. В. Калачова: „Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству“ 119
Пренія по докладу Н. В. Калачова 128
II. Докладъ В. Д. Спасовича: „Слѣдовало бы разрѣшить свободное распоряженіе по духовнымъ завѣщаніямъ родовыми имуществами“ 151
Пренія по докладу В. Д. Спасовича 154
III. Предложеніе В. Д. Спасовича: „О введеніи въ наше законодательство распоряженій имуществомъ посредствомъ договоровъ на случай смерти“ и пренія сопровождавшія это предложеніе 165
IV. Докладъ В. Г. Демченко: „Не представляется достаточнаго теоретическаго основанія возводить универсальное и партикулярное преемство къ разнымъ эпохамъ развитія и различнымъ степенямъ сознанія наслѣдства, напротивъ—универсальность и партикулярность наслѣдованія должно разсматривать, какъ слѣдствія различной наслѣдственной принадлежности имуществъ, а не различнаго пониманія существа наслѣдства разными народами въ разныя времена“. . 167
Пренія по докладу В. Г. Демченко 187
Предложеніе В. А. Умова, доложенное А. М. Хоткевичемъ: „Съ какого времени имущество безвѣстно-отсутствующаго лица поступаетъ къ наслѣдникамъ его и какимъ порядкомъ послѣдніе вступаютъ въ право распоряженія онымъ, какъ своею собственностью?“ 191
Пренія по поводу предложенія В. А. Умова 196
Засѣданіе 8 іюня . . . . . 200—263
I. Докладъ Н. П. Ляпидевскаго: „О дополненіи нашего дѣйствующаго законодательства постановленіемъ объ узаконеніи и признаніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака“ 201
Пренія по докладу Н. П. Ляпидевскаго 218
II. Докладъ А. В. Лохвицкаго: „О предоставленіи наслѣднику права получать наслѣдство по описи и оцѣнкѣ и объ отвѣтственности его за долги наслѣдодателя только въ предѣлахъ стоимости полученнаго наслѣдства“ 241
Пренія по докладу А. В. Лохвицкаго 246

Стр.

III. Предложеніе г. Тергукасова, доложенное А. Я. Ашебергъ, по вопросу о томъ: „Гдѣ долженъ быть протестованъ вексель, выданный по предъявленіи, въ томъ ли мѣстѣ, гдѣ имѣетъ постоянное жительство векселедатель или бланконадписатель, или же гдѣ написанъ вексель?“ 249

Рѣчь С. И. Баршева 251

Заключительная рѣчь Н. В. Калачова. 252

Заключительныя пренія 258

Приложенія . . . . . 264—280

I. Телеграмма изъ Петербурга отъ 8 іюня 1875 г. управляющему Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи . . 264

II. Отчетъ г. Попечителю Московскаго учебнаго округа о первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ. — Н. В. Калачова. 264

III. Памяти Василія Николаевича Лешкова и Сергѣя Ивановича Баршева. — Ст. А. М. Фальковскаго 272

Введеніе.

Образцомъ для перваго съѣзда русскихъ юристовъ послужили съѣзды нѣмецкихъ юристовъ (Deutsche Juristentage), начавшіеся въ 1860 году и съ тѣхъ поръ почти ежегодно собирающіеся въ разныхъ городахъ Германіи и Австріи. До 1880 года ихъ состоялось уже болѣе 10 и городами, гдѣ они собирались въ разное время, были: Берлинъ, Вѣна, Мюнхенъ, Дрезденъ, Гейдельбергъ, Майнцъ, Брауншвейгъ и другіе *). Труды этихъ съѣздовъ изданы въ *двадцати* томахъ, изъ коихъ каждый носитъ заглавіе: Verhandlungen des 1-sten, 2-ten, 3-ten u. s. v. Deutschen Juristentages, причемъ каждый томъ издается постояннымъ комитетомъ, или депутаціей избирающихся для сего съѣздами ученыхъ изъ разныхъ городовъ. Въ виду обилія и разнообразія

*) Въ частности года съѣздовъ и города, гдѣ они собирались, были слѣдующіе: первый съѣздъ происходилъ въ 1860 г. въ Берлинѣ подъ предсѣдательствомъ доктора Вехтера; второй въ 1861 г. въ Вѣнѣ; третій въ 1862 г. въ Майнцѣ; четвертый въ 1863 г. въ Брауншвейгѣ; пятый въ 1864 г. въ Мюнхенѣ, подъ предсѣдательствомъ Блюнчли; шестой въ 1867 г. въ Дрезденѣ; седьмой въ 1869 г. въ Гейдельбергѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. Гнейста; восьмой въ 1870 г. въ Гамбургѣ; девятый въ 1871 г. въ Штутгардтѣ; десятый въ 1872 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Относительно послѣднихъ съѣздовъ мы не могли собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній; можемъ только указать, что они происходили: одиннадцатый въ 1873 г., двѣнадцатый въ 1875 г, тринадцатый въ 1876 г. (въ Зальцбургѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. Гнейста), четырнадцатый въ 1878 г.

предметовъ, обсуждавшихся на бывшихъ съѣздахъ, происходившіе въ первые десять изъ нихъ доклады, сужденія, пренія и выводы сведены въ одно изданіе докторомъ Кислингомъ *). Этимъ изданіемъ мы и воспользуемся для того, чтобы познакомить нашихъ читателей какъ съ основными положеніями означенныхъ съѣздовъ, такъ и съ тѣми предметами, на которые было обращено главное ихъ вниманіе. Съ этою цѣлью самъ издатель расположилъ сдѣланныя имъ извлеченія въ особой таблицѣ, въ которой (послѣдовательно по листамъ) изложено: въ графѣ первой первоначальное положеніе, выработанное относительно съѣздовъ (ursprüngliches Statut) и первыя основныя статьи (ursprüngliche Anträge); во второй — предложенія (доклады) о перемѣнахъ въ нихъ; въ третьей— относящіяся къ этимъ предложеніямъ рѣшенія; въ четвертой— дѣйствующее нынѣ положеніе (съ измѣненіями, сокращеніями, отмѣнами и добавленіями противъ первоначальнаго положенія). Предложимъ краткіе выводы изъ этихъ извлеченій, сдѣланныхъ Кисслингомъ.

§ 1. Нѣмецкіе юридическіе съѣзды имѣютъ своею цѣлью созывъ или собраніе нѣмецкихъ юристовъ для живаго обмѣна разныхъ мнѣній и личныхъ переговоровъ касательно развитія разныхъ отдѣловъ права гражданскаго, процесса и права уголовнаго и для ихъ объясненія.

§ 2. Означенные съѣзды собираются ежегодно, но постоянной депутаціи предоставляется дѣлать изъ этого правила соотвѣтствующія ихъ цѣли отступленія.

§ 3. Членами съѣздовъ могутъ быть всѣ лица, занимающія какія-либо судебныя должности, нота-

*) Оно вышло въ 1873 г. въ Берлинѣ подъ заглавіемъ: Die Verhandlungen der ersten zehn Deutschen Juristentage (1860—72).

ріусы, учителя высшихъ нѣмецкихъ школъ, члены ученыхъ академій, доктора правъ и члены-юристы по разнымъ отдѣламъ управленія.

§ 4. Началомъ вступленія въ члены съѣзда считается пріемъ извѣстнымъ лицомъ членской карты, которая уполномочиваетъ его къ участію въ засѣданіяхъ съѣзда съ правомъ голоса.

§ 5. Члены вносятъ ежегодно два талера и обязаны уплачивать эту сумму въ теченіи четырехъ недѣль съ открытія каждаго новаго года и сверхъ того одинъ талеръ на мѣстѣ съѣзда за извѣстительную о своемъ пріѣздѣ карту.

§ 6. Общему собранію нѣмецкаго юридическаго съѣзда предшествуютъ совѣщанія по отдѣленіямъ. Съ этою цѣлью члены приписываются къ слѣдующимъ отдѣленіямъ: 1) по гражданскому праву; 2) по праву торговому, вексельному, морскому и международному; 3) по праву и процессу уголовному; 4) по судоустройству и судопроизводству. Отдѣленія выбираютъ изъ среды себя предсѣдателей, секретарей, докладчиковъ и увѣдомляютъ предсѣдателя общаго собранія по окончаніи своихъ совѣщаній относительно обсуждавшихся предметовъ; доклады ихъ излагаются письменно. Въ каждомъ отдѣленіи участвуютъ съ правомъ голоса только тѣ члены, которые записались въ отдѣленіе. Всѣ постановленія отдѣленій передаются въ общее собраніе, но обсужденіе и рѣшеніе какого-либо вопроса имѣютъ мѣсто въ общемъ собраніи лишь въ томъ случаѣ, когда это предложено подлежащимъ отдѣленіемъ или по крайней мѣрѣ десятью членами и принято общимъ собраніемъ.

§ 7. Предсѣдатель общаго собранія избирается на все время юридическаго съѣзда въ первомъ засѣданіи такого собранія большинствомъ голосовъ,

заявляемыхъ записками или изустно. Въ томъ же засѣданіи выбираются отъ двухъ до четырехъ членовъ, заступающихъ его мѣсто и четыре секретаря.

§ 8. Всѣ постановленія общаго собранія и отдѣленій утверждаются простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ, выборы же опредѣленнымъ большинствомъ, а при равенствѣ голосовъ — жребіемъ.

§ 9. Въ общемъ собраніи всѣ предложенія, за исключеніемъ предложенія объ окончаніи преній, дѣлаются письменно.

§ 10. Предъ закрытіемъ съѣзда избирается въ общемъ собраніи постоянная депутація изъ 19 членовъ и предсѣдателя послѣдняго съѣзда. Изъ числа 19 членовъ должны имѣть жительство въ городѣ, гдѣ былъ послѣдній съѣздъ, по крайней мѣрѣ трое, а 12 въ другихъ мѣстностяхъ. Списокъ лицъ, подлежащихъ сему выбору, составляется предсѣдателемъ общаго собранія, заступающими его мѣсто и десятью членами каждаго отдѣленія.

На постоянной депутаціи лежатъ слѣдующія производства и обязанности:

1) она заботится объ исполненіи постановленій съѣзда, разрѣшаетъ, по своему усмотрѣнію, печатаніе протоколовъ и докладовъ, разсылаетъ напечатанные экземпляры членамъ и хранитъ всѣ акты и статьи съѣзда;

2) назначаетъ время и мѣсто ближайшаго съѣзда, дѣлаетъ нужныя къ нему приготовленія, разсылаетъ повѣстки, распредѣляетъ ежедневныя занятія, при чемъ должна принимать во вниманіе только доклады, поступившіе до 31 мая текущаго года, и заготовляетъ предложеніе относительно измѣненій въ очереди дѣлъ, обсуждаемыхъ общимъ собраніемъ;

3) принимаетъ заявленія о вступленіи вновь въ

члены, заготовляетъ членскіе билеты, получаетъ взносы, дѣлаетъ подлежащіе расходы и отдаетъ отчетъ слѣдующей за нею депутаціи;

4) восполняетъ свой составъ, въ случаѣ выбытія въ теченіи промежуточнаго между съѣздами года одного или нѣсколькихъ членовъ.

Депутація выбираетъ изъ среды себя предсѣдателя, секретаря, получающаго опредѣленную на расходы сумму, и кассира. Она засѣдаетъ въ томъ городѣ, гдѣ имѣлъ мѣсто послѣдній съѣздъ.

§ 11. Измѣненія въ этомъ уставѣ дѣлаются въ общемъ собраніи простымъ большинствомъ голосовъ, но по письменному предложенію, которое заявляется постоянной депутаціи за четыре недѣли до открытія новаго съѣзда юристовъ.

Первая мысль и предложеніе о созваніи съѣзда нѣмецкихъ юристовъ принадлежитъ приватъ-доценту доктору Гольцендорфу, который 3 марта 1860 г. заявилъ объ этомъ совѣту юридическаго общества въ Берлинѣ. Въ 10-мъ засѣданіи этого общества, происходившемъ 10 марта 1860 г., предложеніе Гольцендорфа было выслушано съ живѣйшимъ одобреніемъ и положено принять мѣры къ открытію перваго означеннаго съѣзда въ Берлинѣ. За тѣмъ, въ засѣданіи юридическаго общества 14 апрѣля того же 1860 г. была избрана коммиссія изъ 10 членовъ для разсылки приглашеній на съѣздъ и составленія проэкта программы и положенія съѣздовъ нѣмецкихъ юристовъ, впрочемъ, съ предоставленіемъ ей права дѣйствовать самостоятельно и по собственному усмотрѣнію. Вотъ текстъ приглашенія, разосланнаго въ разные города и распубликованнаго, равно какъ и проэктъ положенія, въ 20-мъ нумерѣ прусской судебной газеты (Preussische Gerichtszeitung, отъ 16 мая 1860 г.). „Одушевленное

желаніемъ вспомоществовать по своимъ силамъ единству Германіи въ области права „Юридическое Общество въ Берлинѣ“ положило созвать съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ и установить ежегодное повтореніе такихъ съѣздовъ. Цѣль ихъ — соединить нѣмецкихъ юристовъ для живаго обмѣна мыслей и личныхъ сношеній, распространить стремленіе къ однообразному развитію права гражданскаго, процесса и права уголовнаго, выяснить препятствія, которыя представляются въ практикѣ такому развитію и условиться на счетъ предложеній къ содѣйствію единства въ правѣ. Первый съѣздъ долженъ имѣть мѣсто въ Берлинѣ 28, 29 и 30 августа. Наканунѣ перваго дня члены съѣзда соберутся въ „Одеумѣ“ для взаимныхъ привѣтствій и радушной бесѣды. Всѣ необходимыя руководства, разъясненія, указанія хорошихъ и дешевыхъ квартиръ и проч. принялъ на себя графъ фон-Вартенслебенъ (предсѣдатель коммиссіи). Предметы, подлежащіе обсужденію на первомъ съѣздѣ, такіе-то (первое мѣсто занимаетъ здѣсь положеніе для постоянныхъ очередныхъ съѣздовъ). Лица, изъявившія готовность участвовать въ первомъ съѣздѣ, слѣдующія... Да раздастся такимъ образомъ — говорится въ заключеніи — во всѣхъ нѣмецкихъ весяхъ радостное воззваніе принять участіе въ дѣлѣ, посвященномъ отечественному праву и только ему одному“.

Редакція прусской судебной газеты съ своей стороны обратилась въ редакціи тѣхъ политическихъ газетъ и юридическихъ журналовъ, которые сознаютъ, что единство нѣмецкаго права должно быть цѣлью всѣхъ нѣмецкихъ юристовъ, съ просьбою перепечатать означенное приглашеніе на предположенный ихъ съѣздъ. Очень многіе газеты и журналы огласили это предложеніе. 710 нѣмецкихъ

юристовъ изъявили готовность участвовать на первомъ съѣздѣ и многіе изъ нихъ прислали даже свои тезисы и доклады, изъ коихъ значительное число касалось именно единства нѣмецкаго права.

Не безъинтересно указать, съ какимъ живымъ сочувствіемъ отозвались высшіе должностные сановники-юристы на полученное ими извѣщеніе о первомъ съѣздѣ. Такъ прусскій министръ юстиціи (докторъ Симонсъ), отдавая всю честь задуманному дѣлу, присовокуплялъ, что цѣль съѣзда—содѣйствовать юридическому объединенію нѣмецкаго отечества—заслужитъ привѣтствіе всякаго, кто сознаетъ вредъ, проистекающій отъ разнообразія дѣйствующаго въ Германіи права для юридической жизни народа. Виртембергскій министръ юстиціи писалъ, что онъ докладывалъ королю о счастливой мысли, положенной въ основу юридическихъ съѣздовъ, и что его величество съ величайшимъ интересомъ отнесся не только къ ихъ цѣли, но и къ практическому ея осуществленію, которое постоянно его занимаетъ. Министръ юстиціи саксонскаго королевства сообщалъ между прочимъ, что участіе въ съѣздѣ юристовъ вполнѣ невозбранно юристамъ этого государства, и что онъ съ своей стороны готовъ всѣми мѣрами содѣйствовать ихъ полезному предпріятію. Въ томъ же смыслѣ отозвались министры юстиціи австрійскій, баварскій, гессенскій и многіе другіе, въ томъ числѣ и представители вольныхъ городовъ Любека и Франкфурта. На расходы по первому съѣзду прусскій принцъ-регентъ назначилъ отъ казны 2,500 талеровъ, а министръ юстиціи Симонсъ сдѣлалъ распоряженіе о допущеніи членовъ съѣзда къ осмотру и изученію судебныхъ учрежденій и тюремъ и изъявилъ желаніе принять ихъ у себя на дому. Доклады и пренія записывались

стенографами, впрочемъ не всегда исправно, такъ какъ члены съѣзда говорили не съ кафедры, а съ своихъ мѣстъ.

За исключеніемъ отчетовъ о съѣздахъ нѣмецкихъ юристовъ, мы имѣемъ въ рукахъ лишь труды юридическихъ съѣздовъ въ Финляндіи. Они начались здѣсь съ 1862 года и продолжаются донынѣ. Результаты ихъ печатаются, и до сихъ поръ, насколько мы знаемъ, вышло 12 выпусковъ происходившихъ на этихъ съѣздахъ докладовъ и преній, изъ коихъ послѣдній—двѣнадцатый — 1876 г. (изданъ въ Гельсингфорсѣ, равно какъ и предыдущіе выпуски, коихъ первый вышелъ здѣсь же въ 1865 г.). Финляндскіе съѣзды происходятъ, какъ и германскіе, попеременно въ разныхъ городахъ — Вазѣ, Выборгѣ, Або и проч. и притомъ иногда болѣе одного раза въ годъ.

Въ другихъ государствахъ, сколько намъ извѣстно, періодическіе съѣзды юристовъ до сихъ поръ не привились, и причина этому заключается, можетъ быть, въ томъ результатѣ, къ которому должны стремиться означенные съѣзды, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія нѣмецкихъ юристовъ. Мы видѣли выше, что послѣдніе задались мыслію выработать на своихъ совѣщаніяхъ, коимъ посвящены ихъ съѣзды, единое германское право для разныхъ государствъ, составляющихъ единую германскую націю или имѣющихъ одну общую имъ прародину — то, что̀ нѣмцы зовутъ своимъ Vaterland. Въ другихъ государствахъ такого политическаго разчлененія между вѣтвями одной народности, не смѣшанной съ другими народностями, не представляется, или же своими историческими судьбами эти государства разошлись между собою такъ далеко, что германская точка зрѣнія на единство

права въ разныхъ государствахъ для нихъ немыслима: такъ, напримѣръ, романскія государства настолько различаются между собою своими особенностями, что было бы странно съѣзжаться между собою ихъ юристамъ, теоретикамъ и практикамъ, для составленія одного общаго такимъ самостоятельнымъ державамъ, хотя бы и одной народности по коренному ихъ происхожденію, кодекса—гражданскаго, государственнаго и даже уголовнаго права. Если же возникаютъ, по мѣрѣ развитія международныхъ сдѣлокъ и сношеній, требованія о взаимныхъ соглашеніяхъ извѣстныхъ началъ, существующихъ въ разныхъ государствахъ, наприм., въ торговлѣ, мореплаваніи, по задержанію и выдачѣ преступниковъ и т. п., то они разрѣшаются обыкновенно съѣздами политическихъ дѣятелей разныхъ государствъ: соглашенія ихъ между собою и издаются ими въ видѣ конвенцій, утверждаемыхъ конфирмаціей или контрасигнованіемъ со стороны государей, а также другихъ лицъ, стоящихъ во главѣ государствъ, отъ имени коихъ съѣзжались упомянутые делегаты, если не сами они составляли этотъ съѣздъ.

Примѣняя изложенныя соображенія къ нашему отечеству, мы не можемъ не сознаться, что оно въ этомъ отношеніи составляетъ нѣчто особое и отъ германскаго политическаго строя, заключающагося въ развѣтвленіи изъ одного корня нѣсколькихъ государствъ, связанныхъ другъ съ другомъ языкомъ, нравами и обычаями, и отъ другихъ самостоятельныхъ государствъ, хотя и возникшихъ и разросшихся изъ одной коренной народности, но составляющихъ нынѣ державы, не сознающія никакого политическаго между собою единства. Съ древнѣйшихъ временъ Россія, если и была въ основѣ своей государ-

ствомъ славянской народности, тѣмъ не менѣе на широкомъ раздольѣ ея полей и лѣсовъ издревле между славянскими племенами обитали племена народностей финской, литовской, тюркской и другихъ, слившіяся съ славянскими насельниками такъ тѣсно, что нѣкоторыя изъ нихъ, по свидѣтельству лѣтописей, положили даже, съ общаго съ славянами согласія, основу нашему государству, а другія до того съ ними сплотились, что въ настоящее время трудно различить, какого они происхожденія. Многіе наши, знаменитые даже, роды считаются несомнѣнно русскими, хотя бы и напоминали своими фамиліями происхожденіе нѣмецкое, татарское или какое-либо другое, о нѣкоторыхъ же названіяхъ такихъ фамилій можно и дѣйствительно спорить, откуда онѣ выходцы. Но и остатки нѣкоторыхъ инородческихъ на нашей землѣ племенъ, еще не совсѣмъ обрусѣвшіе, до того, однако, претворились въ нашемъ государственномъ строѣ, что на ихъ особенности слѣдуетъ смотрѣть такъ же, какъ и на тѣ особенности, какими различаются между собою наши народные классы или состоянія, а иногда и жители разныхъ губерній одного и того же класса. Съ государственной точки зрѣнія такое сплоченіе или сдруженіе разныхъ народностей въ одно политическое цѣлое, безъ сомнѣнія, не только крайне желательно, но и необходимо для внутренней его силы и взаимной связи между членами одного подданства. Не смотря на то, не только различіе между племенами, по ихъ первоначальному происхожденію, но и потребности, основывающіяся на различіяхъ: почвы, или мѣстныхъ условій, степени образованія и развитія, сложившагося издревле образа жизни и столь же давно установившихся занятій, никакъ не дозволяютъ

безнаказанно подчинять, съ одной стороны, низшіе классы или сословія теперь же тѣмъ юридическимъ началамъ или, вѣрнѣе, положеніямъ и уставамъ, которые начертываются въ законодательномъ порядкѣ для высшихъ, болѣе образованныхъ, болѣе зажиточныхъ и нравственно болѣе близкихъ между собою членовъ государства, а съ другой стороны, уравнивать или нивелировать сразу тѣ особенности, какія нѣкоторыя прежнія, хотя бы и временныя обстоятельства произвели въ народномъ бытѣ не только низшихъ, но и среднихъ и даже высшихъ классовъ. И какъ бы ни развивался народъ, какъ бы ни совершенствовался онъ въ нравственномъ отношеніи, какъ бы ни обогащался матеріально, нѣтъ сомнѣнія, что такое различіе между классами—въ особенности высшими и низшими—не можетъ исчезнуть вдругъ, вслѣдствіе одного лишь предписанія—какъ бы мановенія волшебнаго жезла. Это не значитъ, однако, чтобы не надлежало вовсе стремиться къ поднятію вообще народнаго уровня въ образованіи и благосостояніи, чтобы не слѣдовало постоянно и упорно заботиться о предстоящемъ чрезъ это сближеніи разныхъ классовъ и возможности подготовленія такимъ образомъ общаго всѣмъ классамъ кодекса той или другой части права: время это, конечно, настанетъ, и труды законодателя, какъ народнаго дѣятеля увѣнчаются безспорно хотя и медленнымъ, но вѣрнымъ успѣхомъ.

Всѣ приведенныя мысли и соображенія мы рѣшились высказать, не обинуясь, какъ личный взглядъ нашъ на предстоящую нашимъ отечественнымъ юристамъ дѣятельность по части законодательства и кодификаціи. Мы глубоко убѣждены, что, ради дѣйствительной пользы и блага всего общества, наши

юристы—теоретики и практики—прежде, чѣмъ задаться творческой идеей нѣмецкихъ юридическихъ съѣздовъ—начертанія одного общаго законодательства для разныхъ германскихъ государствъ, или входящихъ въ составъ ихъ областей, должны неизбѣжно приступить къ слѣдующимъ подготовительнымъ работамъ: 1) Изучить и выяснить съ одной стороны тѣ основныя начала, которыя суть общія для всѣхъ классовъ нашего государства, а съ другой тѣ спеціальныя положенія, которыми они управляются, по теоретическимъ-ли основаніямъ (въ силу дѣйствующихъ въ томъ или другомъ классѣ общества законоположеній) или же руководствуясь практическими данными и пріемами, въ особенности наше низшее сословіе — такъ называемый простой народъ — держащееся своихъ началъ, хотя уже отчасти ослабѣвшихъ, но тѣмъ не менѣе еще крѣпко охватывающихъ его внутренній, домашній бытъ, его семейныя отношенія и общественные распорядки въ селеніяхъ и даже городахъ, — началъ, не только живущихъ въ народномъ сознаніи съ тѣхъ поръ, какъ пошла русская земля, но утвержденныхъ и закрѣпленныхъ самими узаконеніями какъ до-петровскаго времени, такъ и слѣдовавшихъ затѣмъ реформъ. 2) Собравъ эти разнообразныя, спеціальныя основы народной жизни каждаго отдѣльнаго сословія, сличить ихъ между собою, выяснить, на сколько они могутъ быть и какимисредствами приведены къ единству, и начертать надлежащія мѣры для достиженія этой цѣли. 3) Составить, вслѣдствіе основательнаго изученія народнаго быта каждой мѣстности, тѣ юридическіе сборники или *временные уставы*, которые должны, съ одной стороны, указать на руководствующіе въ разныхъ сферахъ народной жизни обычаи, съ другой —

замѣнить тѣ ложно называемые этимъ именемъ убѣжденія, которыя нерѣдко утвердились въ народномъ сознаніи въ совершенную противоположность началамъ религіознымъ, нравственнымъ, юридическимъ, гигіеническимъ и т. п. 4) и за симъ, однако, тѣмъ не менѣе, слѣдить за различными условіями въ каждой мѣстности народной жизни и ея развитія, которыя вызываютъ новые обычаи и новыя безмолвно (tacitu consensu) признаваемыя неизбѣжными юридическія начала во взаимныхъ сношеніяхъ, ибо безъ того юридическая жизнь каждой общины, какъ бы ни была она мала, замкнулась бы въ слишкомъ тѣсныя и тяжелыя оковы, при коихъ дальнѣйшее движеніе и совершенствованіе народной жизни и быта оказались бы невозможными.

Спрашивается: можемъ ли мы, при такихъ требованіяхъ, научныхъ и практическихъ, довольствоваться одними трудами возникшихъ уже у насъ въ разныхъ мѣстностяхъ *юридическихъ обществъ*, или же слѣдуетъ также дать мѣсто и *съѣздамъ русскихъ юристовъ*, притомъ, въ одномъ ли какомъ-либо городѣ, хотя бы и столичномъ, или въ разныхъ нашихъ полосахъ, окраинахъ и центральныхъ губерніяхъ, какъ въ Германіи?

Читатели „Трудовъ“ нашего перваго съѣзда юристовъ увидятъ, что и у насъ раздаются голоса о необходимости изданія русскаго гражданскаго уложенія для всѣхъ классовъ съ полною отмѣною мѣстныхъ гражданскихъ кодексовъ, и притомъ съ совершеннымъ устраненіемъ положеній или статей, несогласныхъ съ началами, выработанными въ кодексахъ тѣхъ народовъ, которые опередили насъ въ культурномъ отношеніи, напр., въ французскомъ Code civil и гражданскихъ уставахъ прусскомъ, австрійскомъ и друг. Пренія, происходившія на на-

шемъ съѣздѣ, привели, однако, благодаря большинству голосовъ, къ тому заключенію, что, при условіяхъ того быта, который пока присущъ нашимъ различнымъ сословіямъ и цѣлымъ народностямъ разныхъ мѣстностей, намъ еще рано думать о такомъ общемъ для всѣхъ сословій и мѣстностей гражданскомъ кодексѣ, хотя уже и дѣйствуетъ въ большей части предѣловъ Россіи общее уголовное уложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы рѣшиться въ законодательномъ порядкѣ отмѣнить всѣ мѣстныя условія и вызванныя ими статьи нашихъ гражданскихъ законовъ, необходимо предварительно изучить ихъ вполнѣ сознательно и столь же сознательно придти къ убѣжденію, что онѣ безполезны и могутъ быть замѣнены статьями яко бы общими всѣмъ народностямъ. А между тѣмъ въ нашей практикѣ въ ходу не только эти вошедшія въ нашъ „Сводъ“ статьи, но и множество разнообразныхъ по мѣстностямъ положеній, основанныхъ на юридическихъ обычаяхъ. И безъ сомнѣнія, эти обычаи также слѣдуетъ предварительно изучить, чтобы произнести смѣлое рѣшеніе, что они могутъ быть воспрещены однимъ почеркомъ пера, или быть признаны ничтожными, а можетъ быть даже и вредными. Но какимъ образомъ, съ одной стороны, ознакомиться съ этими разнообразными мѣстными обычаями и узаконеніями, не только въ практическомъ ихъ примѣненіи, но и въ теоретическомъ ихъ значеніи; какъ, съ другой стороны, столковаться между собою юристамъ въ подведеніи ихъ подъ одни общія начала, и какъ наконецъ ввести ихъ, какъ основныя положенія въ общее для всего государства уложеніе? Можетъ ли быть для этого достаточно трудовъ немногихъ юридическихъ обществъ, раздѣленныхъ между собою

большими пространствами? Конечно, нѣтъ, ибо *кѣмъ* и *гдѣ* могутъ быть лучше всего изучаемы народные юридическіе обычаи, какъ не мировыми судьями и мировыми съѣздами въ мѣстностяхъ не только отдѣльныхъ губерній, но даже и отдѣльныхъ уѣздовъ и волостей, и *какъ* всего удобнѣе могло бы быть произведено ихъ сличеніе съ другими подобными же обычаями и обсужденіе того, какимъ способомъ свести ихъ къ единству, если не на *юридическихъ съѣздахъ*, и притомъ съѣздахъ, повторяющихся въ разныхъ мѣстностяхъ для того, чтобы совершенно основательно выяснить тѣ особенности, которыя присущи каждой мѣстности. Скажемъ даже болѣе: лишь тогда, думаемъ мы, когда будетъ подготовленъ такой богатый матеріалъ и будетъ достаточно очищенъ и разработанъ, онъ можетъ подлежать дальнѣйшему изученію и объединенію для начертанія общаго гражданскаго или уголовнаго кодекса въ существующихъ ли уже юридическихъ обществахъ или въ имѣющей учредиться вновь центральной законодательной коммиссіи. Такимъ образомъ, мы не можемъ не придти къ заключенію, что и у насъ, какъ въ Германіи, юридическіе съѣзды необходимы, и при томъ въ виду, преимущественно даже, практической цѣли, ибо если — что касается идеальной мысли нѣмецкихъ юристовъ — нельзя не сознаться, что достиженіе ихъ съѣздами единства въ основныхъ положеніяхъ разныхъ уложеній германскихъ государствъ есть, хотя и задушевная, но все-таки слишкомъ смѣлая, и потому едва ли осуществимая мечта, то въ Россіи, напротивъ того, она есть несомнѣнное требованіе единаго политическаго строя, и потому вполнѣ основательная, а вслѣдствіе того сознательно и на-

дежно-осуществимая задача единаго, стремящагося къ опредѣленной цѣли законодательства.

Заключеніе, къ которому мы пришли, вызываетъ, однако, весьма естественно нѣкоторую регламентацію означенныхъ съѣздовъ, именно въ виду того, чтобы имѣющіе происходить на этихъ съѣздахъ доклады и пренія и дѣлаемые ими выводы не оставались безъ практическаго примѣненія для достиженія предложенной выше цѣли. Въ этомъ отношеніи труды нѣмецкихъ юридическихъ съѣздовъ могли бы служить намъ хорошимъ руководствомъ. И намъ, по примѣру этихъ съѣздовъ, надлежало бы выработать основныя положенія для юридическихъ съѣздовъ русскихъ юристовъ, слѣдовало бы учредить постоянную коммиссію, которая заботилась бы, съ одной стороны, объ изданіи трудовъ бывшихъ съѣздовъ, а съ другой — подготовляла бы задачи, предложенія и доклады, подлежащіе обсужденію ближайшаго съѣзда; наконецъ, принимала бы мѣры къ расширенію состава сессій и изъискивала необходимыя средства къ поддержанію и развитію съѣздовъ, словомъ, была бы не только движущимъ началомъ ихъ постояннаго обновленія, но и живительною связью съѣздовъ предшествующихъ съ послѣдующими и такимъ образомъ обращала идею съѣздовъ въ богатое фактами и мыслію учрежденіе, которымъ подкрѣплялась бы теоретически и практически законодательная дѣятельность высшаго правительства. Къ сожалѣнію, въ этомъ смыслѣ не только наши будущіе юридическіе съѣзды, но и съѣзды по другимъ отдѣламъ знаній, получившіе уже у насъ полное гражданство, еще не успѣли заручиться опредѣленными положеніями въ родѣ тѣхъ основныхъ статей, которыя были начертаны нѣмецкими юристами при

самомъ началѣ открытія ихъ съѣздовъ и затѣмъ постоянно развивались и исправлялись. Но особенно не посчастливилось въ этомъ отношеніи съѣздамъ русскихъ юристовъ. Не смотря на то, что цѣль ихъ, какъ мы видѣли выше, несравненно ближе къ самымъ насущнымъ потребностямъ нашего законодательства, чѣмъ идеальныя стремленія нѣмецкихъ съѣздовъ къ объединенію законоположеній разныхъ германскихъ государствъ, мы, однако, не съумѣли настолько ясно и убѣдительно выставить ихъ практическую пользу, чтобы бывшій министръ юстиціи поддержалъ ихъ съ тою же готовностью и сочувствіемъ къ ихъ задачѣ, какія заявили въ отношеніи нѣмецкихъ съѣздовъ министры юстиціи разныхъ германскихъ государствъ. Къ сожалѣнію, и редакціонная коммиссія трудовъ нашего перваго съѣзда, не смотря на то, что ему даровано было Высочайшее пособіе, которымъ были не только удовлетворены необходимые текущіе расходы, но и осталась достаточная сумма на относящееся къ нему изданіе, — не могла въ теченіи продолжительнаго времени приступить къ выпуску въ свѣтъ происходившихъ на нихъ докладовъ и совѣщаній вслѣдствіе представлявшейся необходимости сношеній съ бывшими членами съѣзда, живущими въ разныхъ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстностяхъ.

Издавая нынѣ этотъ томъ, смѣемъ надѣяться, что настоящія строки возобновятъ бывшія въ нашей сѣверной столицѣ стремленія къ созыву втораго съѣзда русскихъ юристовъ, стремленія, которымъ мы отъ души въ свое время радовались въ той надеждѣ, что совѣщанія и сужденія этого съѣзда,

происходя, такъ-сказать, на глазахъ самого правительства, должны быть несравненно не только разнообразнѣе, но и плодотворнѣе, чѣмъ слабыя попытки перваго московскаго съѣзда. Да увѣнчаются— повторимъ мы и теперь—эти радушныя пожеланія хотя и запоздалымъ, но вожделѣннымъ успѣхомъ!

Н. Калачовъ.

Мысль о юридическихъ съѣздахъ въ Россіи родилась въ средѣ Московскаго Юридическаго Общества и впервые была высказана С. И. Баршевымъ. Принятая сочувственно, она вызвала постановленіе Общества 18 сентября 1872 года, въ силу котораго составилась коммиссія для разработки проэкта организаціи перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ. Въ составъ коммиссіи вошли слѣдующія лица: предсѣдатель С. И. Баршевъ, товарищъ предсѣдателя В. Н. Лешковъ, секретарь А. М. Фальковскій, члены: В. И. Кохновъ, И. М. Остроглазовъ, Л. Ф. Снегиревъ, Э. Н. Сумбулъ и С. С. Шайкевичъ. Къ этимъ послѣднимъ впослѣдствіи присоединились: М. П. Соловьевъ и Н. М. Цвѣтаевъ. Коммиссія эта выработала первоначальный проэктъ организаціи съѣзда. Составленный въ самыхъ общихъ чертахъ, онъ былъ одобренъ правительствомъ которое и разрѣшило открытіе въ Москвѣ, въ видѣ опыта перваго съѣзда русскихъ юристовъ.

Въ виду такого разрѣшенія правительства Московское Юридическое Общество постановленіемъ 24 сентября 1873 года опредѣлило: 1) общій съѣздъ русскихъ юристовъ созвать на 28—31 декабря 1874 года; 2) отъ имени Общества просить гг. Министровъ Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи о ихъ товарищей принять участіе въ съѣздѣ русскихъ юристовъ; 3) гг. сенаторовъ кассаціонныхъ и судебныхъ департаментовъ правительствующаго сената, оберъ-прокуро-

ровъ и ихъ товарищей, предсѣдателей судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, прокуроровъ судебныхъ палатъ и ихъ товарищей, прокуроровъ окружныхъ судовъ, предсѣдателей соединенныхъ палатъ и губернскихъ судовъ, губернскихъ прокуроровъ, предсѣдателей совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, почетныхъ членовъ Юридическаго Общества, профессоровъ юридическихъ факультетовъ и вообще извѣстныхъ ученыхъ, а также юристовъ высшихъ административныхъ установленій пригласить на съѣздъ особыми письмами; 4) о приглашеніи же всѣхъ другихъ лицъ, имѣющихъ право быть членами съѣзда, публиковать въ газетахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ; 5) гг. попечителя московскаго учебнаго округа и ректора московскаго университета просить принять участіе въ съѣздѣ и оказать содѣйствіе въ сдѣланіи для съѣзда всѣхъ нужныхъ приготовленій и распоряженій и, въ особенности, въ разрѣшеніи имѣть собраніе русскихъ юристовъ въ зданіи московскаго университета и 6) для составленія программы занятій съѣзда пригласить русскихъ юристовъ къ 1 мая 1874 года прислать въ Юридическое Общество заявленія о тѣхъ вопросахъ уголовнаго, гражданскаго и торговаго права, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и нотаріальной части, судоустройства и тюремнаго дѣла, которые они сочтутъ необходимымъ подвергнуть обсужденію собранія юристовъ".

Вскорѣ потомъ въ газетахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ распубликовано было слѣдующее объявленіе: „О предстоящемъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ. — Вслѣдствіе ходатайства Московскаго Юридическаго Общества о разрѣшеніи періодическихъ съѣздовъ русскихъ юристовъ г. товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, согласно съ мнѣніемъ г. Министра Юстиціи, разрѣшилъ Обществу, сначала въ видѣ опыта, устроить только одинъ съѣздъ съ тѣмъ, чтобы на послѣдующіе съѣзды испрашивалось каждый разъ разрѣшеніе правительства и чтобы программа занятій каждаго съѣзда была предварительно представлена въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для утвержденія, по надлежащемъ сношеніи объ оной съ Министерствомъ Юстиціи.

Разрѣшенный правительствомъ первый съѣздъ предполагается устроить на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Цѣль съѣзда заключается въ образованіи собранія для личнаго сближенія русскихъ юристовъ и для живаго между ними обмѣна мнѣній по вопросамъ уголовнаго, торговаго и гражданскаго права, судоустройства, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и тюремнаго дѣла, и, наконецъ, для содѣйствія къ однообразному пониманію и примѣненію права.

2) Членами съѣзда могутъ быть:

а) сенаторы кассаціонныхъ и судебныхъ департаментовъ правительствующаго сената, оберъ-прокуроры и товарищи ихъ;

б) судьи, прокуроры, судебные слѣдователи, присяжные повѣренные и нотаріусы

и в) члены академіи наукъ, профессора и преподаватели юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, члены Юридическаго Общества и вообще лица, получившія высшее юридическое образованіе.

3) Желающіе поступить въ члены съѣзда приглашаются письменно заявить объ этомъ Юридическому Обществу, отъ котораго и получаютъ членскіе билеты, уполномочивающіе на участіе въ совѣщаніяхъ и постановленіяхъ съѣзда.

4) Для болѣе удобнаго распредѣленія занятій съѣздъ раздѣляется на отдѣленія:

а) уголовнаго права и тюремнаго дѣла;

б) гражданскаго и торговаго права;

в) судоустройства и уголовнаго судопроизводства

и г) гражданскаго судопроизводства и нотаріальной части.

5) Порядокъ внутренняго устройства отдѣленій съѣзда и общаго собранія ихъ, а также совѣщаній, будетъ опубликованъ по утвержденіи программы занятій съѣзда.

Для составленія же требуемой правительствомъ программы Юридическое Общество постановило: обратиться ко всѣмъ русскимъ юристамъ, сочувствующимъ предполагаемому устройству съѣзда, съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи къ 1 мая 1874 года, въ Общество, ихъ мотивированныхъ предложеній по вышеупомянутымъ отдѣламъ права.

Съѣздъ предполагается имѣть въ Москвѣ, въ зданіи университета, 28, 29, 30 и 31 декабря 1874 г.“

Возобновленная коммиссія, принявъ въ соображеніе замедленіе, происшедшее въ отправленіи пригласительныхъ писемъ 14 сего апрѣля, постановила: назначенный Юридическимъ Обществомъ срокъ 1 мая 1874 года на представленіе русскими юристами заявленій принять участіе въ дѣлахъ съѣзда и мотивированныхъ предложеній продолжить до 1 сентября 1874 года.

Прошло около года и г. ректоръ университета С. М. Соловьевъ сообщилъ наконецъ Юридическому Обществу слѣдующую бумагу: „Господинъ Управляющій Московскимъ Учебнымъ Округомъ, отъ 28-го сего марта за № 1841, увѣдомилъ совѣтъ университета, что онъ разрѣшаетъ Московскому Юридическому Обществу назначить для съѣзда юристовъ въ Москвѣ 5, 6, 7 и 8 іюня текущаго 1875 года. Объ этомъ честь имѣю увѣдомить Юридическое Общество для зависящихъ распоряженій. (Подлинное подписалъ: ректоръ университета Соловьевъ)“.

Между тѣмъ коммиссія подготовила два проэкта: одинъ заключалъ въ себѣ правила для перваго съѣзда русскихъ юристовъ, а другой—программу его занятій. Приводимъ рядомъ оба документа.

I.

ПРАВИЛА

для перваго съѣзда русскихъ юристовъ.

§ 1. Цѣль съѣзда—обсужденіе вопросовъ русскаго гражданскаго, торговаго и уголовнаго права, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и тюремнаго дѣла въ видахъ содѣйствія къ однообразному пониманію и примѣненію отечественныхъ законовъ.

§ 2. Первый съѣздъ русскихъ юристовъ предполагается, въ видѣ опыта, имѣть въ московскомъ университетѣ 28, 29, 30 и 31 декабря 1874 года.

§ 3. Членами съѣзда могутъ быть:

а) сенаторы кассаціонныхъ и судебныхъ департаментовъ правительствующаго сената, оберъ-прокуроры и товарищи ихъ;

б) судьи, прокуроры, судебные слѣдователи, присяжные повѣренные и нотаріусы.

и в) члены академіи наукъ, профессора и преподаватели юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, члены Юридическаго Общества и вообще лица, получившія высшее юридическое образованіе.

§ 4. Желающіе поступить въ члены съѣзда приглашаются письменно заявить объ этомъ Юридическому Обществу, отъ котораго и получаютъ членскіе билеты, уполномочивающіе на участіе въ совѣщаніяхъ и постановленіяхъ съѣзда.

§ 5. Для болѣе удобнаго распредѣленія занятій, съѣздъ раздѣляется на отдѣленія:

а) уголовнаго права и тюремнаго дѣла;

б) гражданскаго и торговаго права;

в) судоустройства и уголовнаго судопроизводства

и г) гражданскаго судопроизводства и нотаріальной части.

Въ случаѣ надобности, отдѣленія могутъ быть временно соединяемы въ одно. Лица, заявившія о желаніи присутствовать на съѣздѣ, приглашаются заблаговременно заявить Московскому Юридическому Обществу—въ какомъ отдѣленіи они преимущественно намѣрены участвовать. Переходъ членовъ изъ одного отдѣленія въ другое допускается во всякое время.

§ 6. Отдѣленія избираютъ своего предсѣдателя, его товарища и одного или нѣсколькихъ секретарей. Заключенія отдѣленій должны быть письменныя. О результатахъ своихъ занятій отдѣленія чрезъ своихъ предсѣдателей сообщаютъ общему собранію съѣзда. Вопросъ, разсмотрѣнный въ отдѣленіи, можетъ быть подвергнутъ новому обсужденію общаго собранія лишь въ случаѣ, когда само отдѣленіе признаетъ это необходимымъ.

§ 7. Въ первомъ своемъ засѣданіи общее собраніе избираетъ предсѣдателя съѣзда. Избраніе это совершается по запискамъ членовъ. Предсѣдатель съѣзда наблюдаетъ за по-

рядкомъ занятій съѣзда и руководитъ преніями въ общемъ собраніи.

§ 8. Всѣ заключенія съѣзда какъ въ отдѣленіяхъ, такъ и въ общемъ собраніи ихъ постановляются по простому большинству голосовъ.

§ 9. Предложеніе о прекращеніи преній по извѣстному вопросу немедленно пускается на голоса.

§ 10. Засѣданія общаго собранія съѣзда публичны.

§ 11. Протоколы засѣданій отдѣленій общаго собранія печатаются во всеобщее свѣдѣніе.

II.

ПРОГРАММА

занятій перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ.

I.

По отдѣленію уголовнаго права и тюремнаго дѣла.

1) О предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, какъ ученіи и учрежденіи, принадлежащихъ исключительно къ области уголовнаго права (заслуженнаго профессора московскаго университета, почетнаго члена и предсѣдателя Московскаго Юридическаго Общества В. Н. Лешкова).

2) Аналогія преступности, нарушающая предѣлы между судебною и законодательною властью, по улож. о нак. не существуетъ (ординарнаго профессора варшавскаго университета, доктора уголовнаго права С. М. Будзинскаго).

3) Необходимость реформы постановленій русскаго уголовнаго законодательства по вопросу о лишеніи права (доцента с.-петербургскаго университета и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества И. Я. Фойницкаго).

4) Объ измѣненіи системы отвѣтственности для малолѣтнихъ преступниковъ (ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета, доктора уголовнаго права и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества Н. С. Таганцева).

5) Наказуемость покушенія въ видѣ общаго правила не можетъ имѣть мѣста.

6) Необходимость расширенія понятій семейныхъ похищеній (магистра правъ Н. А. Неклюдова).

7) О тюремномъ дѣлѣ, какъ составной части права общественнаго, а не уголовнаго (заслуженнаго ординарнаго профессора, почетнаго члена и предсѣдателя Московскаго Юридическаго Общества В. Н. Лешкова).

8) Исправительныя колоніи и пріюты слѣдуетъ основывать отдѣльно для малолѣтнихъ преступниковъ, приговоренныхъ къ наказанію, отдѣльно же для несовершеннолѣтнихъ нищихъ, бродягъ, нравственно-испорченныхъ дѣтей и проч., къ которымъ можно причислить и малолѣтнихъ, освобожденныхъ отъ наказанія, потому что преступленіе учинено ими безъ разумѣнія (экстраординарнаго профессора варшавскаго университета, доктора уголовнаго права В. В. Микляшевскаго).

9) О расширеніи права суда на пониженіе наказанія въ случаѣ объявленія подсудимаго присяжными засѣдателями заслуживающимъ снисхожденія (присяжнаго повѣреннаго, доктора государственнаго права и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества А. В. Лохвицкаго).

II.

По отдѣленію гражданскаго и торговаго права.

1) Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству (сенатора 2-го департамента правительствующаго сената, доктора гражданскаго права и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества Н. В. Калачова).

2) О правѣ промышленности, какъ основаніи для отличія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго (заслуженнаго ординарнаго профессора, почетнаго члена и предсѣдателя Московскаго Юридическаго Общества В. Н. Лешкова).

3) О необходимости новой кодификаціи гражданскаго права матеріальнаго взамѣнъ I ч. X т. свода зак. гражд. и бо́льшей части статей торговаго устава, съ указаніемъ какъ совершить эту работу (оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента правительствующаго сената А. А. Книрима).

4) Объ изданіи гражданскаго уложенія Россійской Имперіи, съ изложеніемъ причинъ необходимости отмѣны мѣстныхъ сводовъ гражданскихъ узаконеній, нынѣ дѣйствующихъ, и указаніемъ основныхъ положеній, могущихъ служить къ объединенію въ Россіи гражданскаго права (преподавателя московскаго университета, присяжнаго повѣреннаго и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества А. М. Фальковскаго и присяжнаго повѣреннаго округа московской судебной палаты М. П. Соловьева).

5) О дополненіи нашихъ гражданскихъ законовъ постановленіями о признаніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и объ узаконеніи ихъ (магистра Н. П. Ляпидевскаго).

6) О необходимости опредѣлить въ нашемъ законодательствѣ гражданскую отвѣтственность за самовольное представленіе драматическаго произведенія (кандидата правъ В. И. Родиславскаго).

7) Объ изданіи т. X св. зак. дополненнаго, въ самомъ текстѣ статей, всѣми узаконеніями, вошедшими въ продолж. зак. (сенатора 2-го департамента правительствующаго сената С. И. Зарудnаго).

8) Слѣдовало бы разрѣшить свободное распоряженіе по духовнымъ завѣщаніямъ родовыми имуществами.

9) О введеніи въ наше законодательство распоряженій имуществомъ посредствомъ договоровъ на случай смерти (присяжнаго повѣреннаго, доктора правъ и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества В. Д. Спасовича).

10) Не представляется достаточнаго теоретическаго основанія возводить универсальное и сингулярное преемство къ разнымъ эпохамъ развитія и различнымъ степенямъ сознанія наслѣдства (экстраорд. профессора университета Св. Владиміра В. Г. Демченко).

11) О предоставленіи наслѣднику права получать наслѣдство по описи и оцѣнкѣ и объ отвѣтственности его за долги наслѣдодателя только въ предѣлахъ стоимости полученнаго наслѣдства (присяжнаго повѣреннаго, доктора государственнаго права и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества, А. В. Лохвицкаго).

12) Съ какого времени имущество безвѣстно отсутствую-

щаго лица поступаетъ къ наслѣдникамъ его, и какимъ порядкомъ послѣдніе вступаютъ въ право распоряженія онымъ, какъ своею собственностью? (доцента московскаго университета В. А. Умова).

13) Въ какихъ случаяхъ дома и другія постройки, возведенныя на чужой землѣ, считаются недвижимыми имуществами (ст. 384 т. X. ч. I и прим. къ 310 ст. т: XII ч. II уст. благ. въ каз. сел.) (товарища предсѣдателя воронежскаго окружнаго суда Т. А. Тергукасова).

14) Какъ поступить съ землями, оставшимися отъ упраздненныхъ большихъ дорогъ? (мироваго судьи А. Н. Обнинскаго).

15) О вліяніи запрещеній на вводъ во владѣніе недвижимыми имуществами по актамъ укрѣпленія (присяжнаго повѣреннаго Р. С. Кохманскаго),

и 16) Гдѣ долженъ быть протестованъ вексель, выданный по предъявленіи, въ томъ-ли мѣстѣ, гдѣ имѣетъ постоянное мѣстожительство векселедатель, или бланконадписатель, или же гдѣ написанъ самый вексель? (ст. 585, 615 — 617, 619, 620 и 623 уст. торг.) (товарища предсѣдателя воронежскаго окружнаго суда Т. А. Тергукасова).

III.

По отдѣленію судоустройства и уголовнаго судопроизводства.

1) О существѣ власти и обязанностяхъ присяжныхъ (заслуженнаго ординарнаго профессора, доктора законовѣдѣнія и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества С. И. Баршева).

2) О началахъ преобразованія волостныхъ судовъ (М. И. Зарудnаго).

3) О пользѣ введенія въ судоустройство особыхъ испытаній для занятія самостоятельныхъ судебныхъ должностей (товарища прокурора московскаго окружнаго суда Н. В. Муравьева).

4) О необходимыхъ преобразованіяхъ для укрѣпленія и распространенія сословія присяжныхъ повѣренныхъ (товарища оберъ-прокурора кассаціоннаго сената К. К. Арсеньева).

5) Полезна-ли безусловная гласность въ отправленіи правосудія, дѣлающаяся какъ бы каѳедрою, ученіемъ для всѣхъ возрастовъ и состояній (сенатора кассаціоннаго уголовнаго департамента правительствующаго сената К. Н. Лебедева).

6) О введеніи въ наше уголовное судопроизводство обжалованія, въ кассаціонномъ порядкѣ, опредѣленій о преданіи суду (присяжнаго повѣреннаго, доктора правъ и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества В. Д. Спасовича).

7) О необходимости передать судебнымъ палатамъ кассаціонное производство по жалобамъ на мировые съѣзды (какъ гражданское, такъ и уголовное) (присяжнаго повѣреннаго А. А. Боровиковскаго).

8) Необходимость уголовныхъ приговоровъ съ относительною санкціею (магистра правъ Н. А. Неклюдова).

9) О необходимости пересмотра правилъ устава уголовнаго судопроизводства объ особомъ порядкѣ производства дѣлъ по преступленіямъ должности и предоставленіи окончательнаго преданія суду по этимъ дѣламъ судебно-обвинительной власти.

10) Существующій у насъ и опредѣляемый ст. 963 устава уголовнаго судопроизводства обрядъ публичной казни ни въ теоріи, ни на практикѣ, не удовлетворяетъ требованіямъ уголовнаго правосудія и даетъ результаты противоположные его цѣлямъ (товарища прокурора московскаго окружнаго суда Н. В. Муравьева).

11) Участвующимъ въ уголовномъ дѣлѣ лицамъ слѣдуетъ предоставить право обжалованія, въ аппелляціонномъ порядкѣ, той части приговора окружнаго суда, постановленнаго съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которая касается гражданскаго иска.

12) Въ числѣ поводовъ къ отмѣнѣ окончательныхъ уголовныхъ приговоровъ слѣдуетъ включить нарушеніе прямаго смысла законовъ и неправильное его толкованіе при обсужденіи требованій гражданскаго истца.

13) Полезно-ли существованіе у насъ аппелляціонныхъ инстанцій для разсмотрѣнія фактической стороны уголов-

ныхъ дѣлъ (присяжнаго повѣреннаго округа с.-петербургской судебной палаты П. В. Макалинскаго).

14) Не слѣдуетъ-ли распространить начало гласности и на производство предварительнаго слѣдствія?

15) Не слѣдуетъ-ли въ случаѣ нежеланія подсудимыхъ имѣть защитника ввести безусловно обязательное назначеніе послѣдняго отъ суда? (помощ. присяжнаго повѣреннаго Н. В. Баснина).

16) О необходимости предоставленія врачамъ экспертамъ права на судѣ: а) ознакомленія съ дѣломъ до начатія судебнаго слѣдствія; б) допроса свидѣтелей во время производства судебнаго слѣдствія и в) представленія заключенія своего ex consilio.

17) Объ установленіи новаго порядка судебно-медицинскаго изслѣдованія въ случаяхъ сомнѣнія въ нормальности психическаго состоянія,

и 18) О необходимости матеріальнаго обезпеченія судебныхъ врачей (ординарнаго профессора университета Св. Владиміра Ѳ. Ѳ. Эргардтъ).

IV.

По отдѣленію гражданскаго судопроизводства и нотаріальной части.

1) Объ исключеніи изъ 728 ст. уст. гражд. судопр. послѣднихъ словъ ея объ исчисленіи срока на подачу отзыва на заочное рѣшеніе со дня послѣдней публикаціи рѣшенія (присяжнаго повѣреннаго, доктора правъ и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества В. Д. Спасовича).

2) Объ отмѣнѣ обязательной явки въ окружной судъ по гражданскимъ дѣламъ со стороны истца и о постановленіи заочнаго рѣшенія, въ случаѣ его неявки, на томъ же основаніи, какъ это установлено въ пользу отвѣтчика (присяжнаго повѣреннаго, доктора государственнаго права и почетнаго члена Московскаго Юридическаго Общества А. В. Лохвицкаго).

3) О причинахъ весьма разнообразнаго примѣненія окружными судами правилъ о сокращенномъ судопроизводствѣ и

о необходимости установить единообразный порядокъ (присяжнаго повѣреннаго округа одесской судебной палаты А. К. Рихтера).

4) Объ отмѣнѣ 30 ст. уст. гражд. судопр.

5) О дополненіи 274 ст. уст. гражд. судопр.

6) О дополненіи 933 ст. уст. гражд. судопр. (присяжнаго повѣреннаго А. А. Квачевскаго).

7) Могутъ-ли мировые судьи принимать къ своему производству иски къ отвѣтчикамъ, мѣстожительство коихъ имъ неизвѣстно?

8) Должны-ли имѣть примѣненіе законы охранительнаго судопроизводства къ охраненію крестьянскихъ наслѣдствъ.

9) Какимъ порядкомъ должно происходить снятіе принятыхъ мировымъ судьею мѣръ къ охраненію наслѣдствъ (мироваго судьи А. Н. Обнинскаго).

Правительство, по разсмотрѣніи доставленныхъ ему правилъ и программы, утвердило слѣдующую ихъ редакцію:

Основанія для устройства перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ.

1) Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ имѣетъ цѣлью обсужденіе по утвержденной Министрами Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи программѣ вопросовъ гражданскаго и торговаго права въ примѣненіи къ отечественному законодательству.

2) Съѣздъ этотъ состоитъ подъ покровительствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго зависитъ утвержденіе всѣхъ предположеній по устройству сего съѣзда.

Примѣчаніе. Министру Народнаго Просвѣщенія предоставляется поручить попечителю московскаго учебнаго округа ближайшее распоряженіе по устройству сего съѣзда.

3) Членами съѣзда могутъ быть:

а) сенаторы кассаціонныхъ и судебныхъ департаментовъ правительствующаго сената, члены консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, оберъ-прокуроры и товарищи ихъ,

б) судьи, прокуроры, товарищи прокуроровъ, судебные слѣдователи, присяжные повѣренные и нотаріусы,

и в) члены академіи наукъ, профессора и преподаватели юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, члены состоящаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ Юридическаго Общества и вообще лица, полу́чившія высшее юридическое образованіе.

4) Желающіе поступить въ члены съѣзда письменно заявляютъ объ этомъ упомянутому Юридическому Обществу, отъ котораго и получаютъ членскіе билеты, уполномочивающіе на участіе въ совѣщаніяхъ и постановленіяхъ съѣзда.

5) Для болѣе удобнаго распредѣленія занятій, съѣздъ раздѣляется на отдѣленія:

а) гражданскаго и

б) торговаго права.

Лица, заявившія о желаніи присутствовать на съѣздѣ, заблаговременно заявляютъ Юридическому Обществу, въ какомъ отдѣленіи они преимущественно намѣрены участвовать. Переходъ членовъ изъ одного отдѣленія въ другое допускается во всякое время.

6) Каждое изъ двухъ отдѣленій съѣзда избираетъ своего предсѣдателя, его товарища и одного или нѣсколькихъ секретарей. Заключенія отдѣленій должны быть письменныя. О результатахъ своихъ занятій отдѣленія, чрезъ своихъ предсѣдателей, сообщаютъ общему собранію съѣзда.

Вопросъ, разсмотрѣнный въ отдѣленіи, можетъ быть подвергнутъ новому обсужденію общаго собранія лишь въ случаѣ, когда само отдѣленіе признаетъ это необходимымъ.

7) Въ первомъ своемъ засѣданіи общее собраніе избираетъ предсѣдателя съѣзда. Избраніе это совершается по запискамъ членовъ.

8) Предсѣдатель съѣзда наблюдаетъ за порядкомъ занятій съѣзда, отвѣтствуетъ за всякое отклоненіе сужденій съѣзда отъ предѣловъ утвержденной для него программы и вообще руководитъ преніями въ общемъ собраніи и пользуется правами, предоставляемыми закономъ предсѣдательствующимъ въ собраніяхъ. Тѣ же права по отдѣленіямъ съѣзда предоставляются предсѣдателямъ въ оныхъ, съ воз-

ложеніемъ на нихъ тѣхъ же обязанностей и отвѣтственности.

9) Всѣ заключенія съѣзда, какъ въ отдѣленіяхъ, такъ и въ общемъ собраніи ихъ, постановляются по простому большинству голосовъ.

10) Предложенія о прекращеніи преній по каждому изъ исчисленныхъ въ программѣ вопросовъ разрѣшаются немедленно по большинству голосовъ.

11) Засѣданія общаго собранія публичны.

12) Протоколы засѣданій отдѣленій и общаго собранія печатаются въ общее свѣдѣніе.

(На подлинной копіи подписано: Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Д. Толстой).

Государь Императоръ основанія сіи разсматривать и Высочайше утвердить соизволилъ въ С.-Петербургѣ, въ 28 й день февраля 1875 года.

(Управляющій дѣлами комитета министровъ статсъ-секретарь Кахановъ).

ПРОГРАММА

занятій перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ.

По отдѣленіямъ гражданскаго и торговаго права.

1) Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству.

2) О правѣ промышленности, какъ основаніи для отличія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго.

3) О необходимости новой кодификаціи гражданскаго права матеріальнаго взамѣнъ 1 ч. X т. св. зак. гражд. и бо́льшей части статей торговаго устава, съ указаніемъ какъ совершить эту работу.

4) Объ изданіи гражданскаго уложенія Россійской Имперіи, съ изложеніемъ причинъ необходимости отмѣны мѣстныхъ сводовъ гражданскихъ узаконеній, нынѣ дѣйствующихъ, и указаніемъ основныхъ положеній, могущихъ служить къ объединенію въ Россіи гражданскаго права.

5) О дополненіи нашихъ гражданскихъ законовъ постановленіями о признаніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и объ узаконеніи ихъ.

6) О необходимости опредѣлить въ нашемъ законодательствѣ гражданскую отвѣтственность за самовольное представленіе драматическаго произведенія.

7) Объ изданіи т. X св. законовъ, дополненнаго въ самомъ текстѣ статей всѣми узаконеніями, вошедшими въ продолженіе законовъ.

8) Слѣдовало бы разрѣшить свободное распоряженіе по духовнымъ завѣщаніямъ родовыми имуществами.

9) О введеніи въ наше законодательство распоряженій имуществомъ посредствомъ договоровъ на случай смерти.

10) Не представляется достаточнаго теоретическаго основанія возводить универсальное и сингулярное преемство къ разнымъ эпохамъ развитія и различнымъ степенямъ сознанія наслѣдства.

11) О предоставленіи наслѣднику права получать наслѣдство по описи и оцѣнкѣ и объ отвѣтственности его за долги наслѣдодателя въ предѣлахъ стоимости полученнаго наслѣдства.

12) Съ какого времени имущество безвѣстно отсутствующаго лица поступаетъ къ наслѣдникамъ его, и какимъ порядкомъ послѣдніе вступаютъ въ право распоряженія онымъ, какъ своею собственностью?

13) Въ какихъ случаяхъ дома и другія постройки, возведенныя на чужой землѣ, считаются недвижимыми имуществами? (ст. 384 т. X ч. 1 и прим. къ 319 ст. т. XII ч. II уст. благ. въ каз сел.).

14) Какъ поступить съ землями, оставшимися отъ упраздненныхъ большихъ дорогъ?

15) О вліяніи запрещеній на вводъ во владѣніе недвижимыми имуществами по актамъ укрѣпленія,

и 16) Гдѣ долженъ быть протестованъ вексель, выданный по предъявленіи, въ томъ-ли мѣстѣ, гдѣ имѣетъ постоянное мѣстожительство векселедатель, или бланконадписатель, или же гдѣ написанъ самый вексель? (ст. 585, 615—617, 620, 623 уст. торг.).

(На подлинной подписано: Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія М. Брадке).

(На основаніи 2-го п. Высочайше утвержденнаго 28-го февраля 1875 года положенія комитета министровъ и по соглашенію съ г. Министромъ Юстиціи утверждаю. Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Дмитрій Толстой. 15-го марта 1875 года).

Въ заключеніе помѣстимъ документъ, который долженъ познакомить публику со средствами, находившимися въ рукахъ съѣзда для изданія его трудовъ: сообщеніе г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 30-го апрѣля 1875 г.:

«Согласно съ ходатайствомъ Московскаго Юридическаго Общества, изъясненномъ въ письмѣ заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, тайнаго совѣтника Баршева, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія относился къ г. Министру Финансовъ съ просьбою объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на отпускъ изъ государственнаго казначейства, на расходы по устройству предпринятаго Юридическимъ Обществомъ перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ, трехъ тысячъ рублей.

Нынѣ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія въ предложеніи, отъ 19 сего апрѣля, за № 4157, согласно отзыву г. Министра Финансовъ, увѣдомилъ меня, что въ исполненіе послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія предложено московской казенной палатѣ открыть къ § 18 смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія 1875 года, особою 15 статьею, подъ наименованіемъ: съѣзду русскихъ юристовъ въ Москвѣ, сверхсмѣтный экстраординарный кредитъ въ 3000 рублей для отпуска сихъ денегъ по требованіямъ моимъ на расходы по устройству означеннаго съѣзда».

ПОЛНЫЙ СПИСОКЪ

членовъ перваго съѣзда русскихъ юристовъ.

1. **Акуловъ** Александръ Филофеевичъ, канд. на суд. долж.
2. **Алексѣевъ** Павелъ Петровичъ, секретарь московскаго военно-окружнаго суда.
3. **Алексѣевъ** Петръ Григорьевичъ, помощ. присяж. повѣр.
4. **Андреевъ** Николай Михайловичъ, присяж. повѣренный.
5. **Андреевъ** Владиміръ Алексѣевичъ, пом. присяж. повѣр.
6. **Анциферовъ** Константинъ Дмитріевичъ, сост. за оберъ-прокурорскимъ столомъ.
7. **Фонъ-Ашебергъ** Алексѣй Яковлевичъ, присяжный повѣр.
8. **Бабушкинъ** Сергѣй Егоровичъ, кандидатъ правъ.
9. **Балашевичъ** Ѳома Фабіановичъ, помощ. присяж. повѣр.
10. **Барковъ** Василій Владиміровичъ, помощ. присяж. повѣр.
11. **Баршевъ** Сергѣй Ивановичъ, заслуж. проф. моск. унив.
12. **Баршевъ** Владиміръ Сергѣевичъ, кандидатъ правъ
13. **Баршевъ** Андрей Леонтьевичъ, уч. мир. суд. г. Москвы.
14. **Безобразовъ** Николай Петровичъ, нотаріусъ.
15. **Бертгольдтъ** Григорій Васильевичъ, присяж. повѣренный.
16. **Блазновъ** Николай Яковлевичъ, кандидатъ правъ.
17. **Богдановъ** Николай Сосипатровичъ, присяж. повѣренный.
18. **Богдановскій** Андрей Михайловичъ, членъ Московскаго Юридическаго Общества.

19. **Боголѣповъ** Николай Павловичъ, препод. москов. унив.
20. **Богоявленскій** Иванъ Васильевичъ, кандидатъ правъ.
21. **Борзовъ** Сергѣй Петровичъ, кандидатъ правъ.
22. **Борхартъ** Николай Львовичъ, помощ. присяж. повѣр.
23. **Бѣлавинъ** Иліодоръ Симфоріоновичъ, пом. прис. повѣр.
24. **Васильевъ** Владиміръ Васильевичъ, помощникъ секретаря московской судебной палаты.
25. **Фонъ-Вендрихъ** Эдуардъ Эдуардовичъ, членъ пензенскаго окружнаго суда.
26. **Волковъ** Сергѣй Сергѣевичъ, чл. Москов. Юрид. Общ.
27. **Волоцкій** Владиміръ Алексѣевичъ, окончившій курсъ училища Правовѣдѣнія.
28. **Волынскій** Алексѣй Ивановичъ, кандидатъ правъ.
29. **Воскресенскій** Николай Константиновичъ, кандидатъ на судебныя должности.
30. **Вульфертъ** Антонъ Карловичъ, присяжный повѣренный.
31. **Гальберштадтъ** Исай Соломоновичъ, присяж. повѣренный.
32. **Гантоверъ** Людвигъ Андреевичъ, присяж. повѣренный.
33. **Гаркави** Владиміръ Осиповичъ, присяжный повѣренный.
34. **Генкинъ** Николай Семеновичъ, присяжный повѣренный.
35. **Геннертъ** Аркадій Ивановичъ, помощ. присяж. повѣр.
36. **Герике** Адольфъ Александровичъ, присяж. повѣренный.
37. **Гиршманъ** Маврикій Осиповичъ, помощ. присяж. повѣр.
38. **Гладковъ** Николай Александровичъ, членъ московской судебной палаты.
39. **Глассонъ** Александръ Александровичъ, членъ московской судебной палаты.
40. **Гольденвейзеръ** Моисей Соломоновичъ, присяж. повѣр.
41. **Городецкій** Митрофанъ Яковлевичъ, присяж. повѣр.
42. **Граве** Александръ Ѳедоровичъ, помощ. присяж. повѣр.
43. **Гулькевичъ** Степанъ Макаровичъ, членъ московской судебной палаты.
44. **Гуревичъ** Абрамъ Григорьевичъ, помощ. присяж. повѣр.
45. **Гурляндъ** Яковъ Ильичъ, нотаріусъ.
46. **Даниловъ** Василій Николаевичъ, присяжный повѣренный.
47. **Демченко** Василій Григорьевичъ, ординарный профессоръ кіевскаго университета.
48. **Джаншіевъ** Григорій Аветовичъ, помощ. присяж. повѣр.

49. **Дмитровскій** Сергѣй Петровичъ, секр. москов. окруж. суда.
50. **Доброхотовъ** Дмитрій Николаевичъ, пом. присяж. повѣр.
51. **Дравертъ** Людвигъ Станиславовичъ, судебный слѣдоват.
52. **Драницынъ** Владиміръ Ивановичъ, товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда.
53. **Дриль** Дмитрій Андреевичъ, кандидатъ правъ.
54. **Дурново** Иванъ Сергѣевичъ, помощ. присяж. повѣр.
55. **Духовской** Михаилъ Васильевичъ, магистръ уголов. права.
56. **Евреиновъ** Владиміръ Михайловичъ, кандидатъ правъ.
57. **Ефремовскій** Афанасій Алексѣевичъ, присяжный повѣр.
58. **Жилинъ-Кохновъ** Виссаріонъ Ивановичъ, присяж. повѣр.
59. **Иваницкій** Алексѣй Васильевичъ, помощ. присяж. повѣр.
60. **Іогихессъ** Викторъ Яковлевичъ, присяжный повѣренный.
61. **Каблуковъ** Николай Алексѣевичъ, кандидатъ правъ.
62. **Калачовъ** Николай Васильевичъ, сенаторъ.
63. **Калиновскій** Балтазаръ Ѳомичъ, присяжный стряпчій.
64. **Каминскій** Николай Алексѣевичъ, кандидатъ правъ.
65. **Капустинъ** Михаилъ Николаевичъ, директоръ ярославскаго юридическаго лицея.
66. **Карасевичъ** Порфирій Леонтьевичъ, ординарный профессоръ московскаго университета.
67. **Кестержецкій** Андрей Леонтьевичъ, кандидатъ правъ.
68. **Кистяковскій** Александръ Ѳедоровичъ, ординарный профессоръ кіевскаго университета.
69. **Клейстъ** Михаилъ Ефимовичъ, чл. смоленск. окр. суда.
70. **Клейстъ** Ѳедоръ Ефимовичъ, помощ. присяж. повѣр.
71. **Кноблохъ** Константинъ Константиновичъ, присяж. повѣр.
72. **Колтыпинъ** Дмитрій Ивановичъ, присяжный повѣренный.
73. **Колтыпинъ** Иванъ Ивановичъ, присяжный повѣренный.
74. **Котельниковъ** Михаилъ Матвѣевичъ, пом. присяж. повѣр.
75. **Котляровъ** Евлампій Сергѣевичъ, помощ. присяж. повѣр.
76. **Кохъ** Николай Алексѣевичъ, товарищъ прокурора московскаго окружнаго суда.
77. **Кошелевъ** Яковъ Васильевичъ, кандидатъ правъ.
78. **Кротковъ** Дмитрій Ивановичъ, нотаріусъ.
79. **Крюковъ** Владиміръ Филипповичъ, кандид. на судеб. долж.
80. **Крыловъ** Никита Ивановичъ, заслуж. проф. моск. унив.
81. **Куликовъ** Александръ Дмитріевичъ, пом. присяж. повѣр.

82. **Куперникъ** Левъ Абрамовичъ, присяжный повѣренный
83. **Курилко** Николай Петровичъ, помощ. присяж. повѣр.
84. **Кутыринъ** Александръ Дмитріевичъ, пом. присяж. повѣр.
85. **Кюри** Альбертъ Петровичъ, помощ. присяж. повѣр.
86. **Лавренко** Дмитрій Алексѣевичъ, кандидатъ правъ.
87. **Лавровъ** Александръ Николаевичъ, присяж. повѣренный.
88. **Лавровъ** Владиміръ Ниловичъ, товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда.
89. **Ланге** Левъ Ивановичъ, членъ москов. судеб. палаты.
90. **Лангъ** Петръ Осиповичъ, кандидатъ правъ.
91. **Латышевъ** Михаилъ Михайловичъ, членъ рязанскаго окружнаго суда.
92. **Левенсонъ** Соломонъ Львовичъ, дѣйствительн. студентъ.
93. **Левенсонъ** Осипъ Яковлевичъ, присяжный повѣренный.
94. **Лешковъ** Василій Николаевичъ, заслуженный профессоръ московскаго университета.
95. **Лешковъ** Александръ Васильевичъ, пом. присяж. повѣр.
96. **Лохвицкій** Александръ Владиміровичъ, докторъ государственнаго права.
97. **Лукинъ** Александръ Петровичъ, кандидатъ правъ.
98. **Лучкинъ** Владиміръ Кузьмичъ, присяжный повѣренный.
99. **Львовичъ** Эладій Виталіевичъ, кандидатъ правъ.
100. **Львовичъ-Кострица** Николай Іуліановичъ, пом. прис. пов.
101. **Ляпидевскій** Николай Павловичъ, магистръ гражд. права.
102. **Макаровъ** Валеріанъ Николаевичъ, пом. присяж. повѣр.
103. **Маковскій** Александръ Павловичъ, кандидатъ правъ.
104. **Малыхинъ** Николай Алексѣевичъ, присяжный повѣренный.
105. **Мандельштамъ** Лазарь Емельяновичъ, пом. присяж. повѣр.
106. **Марковъ** Сергѣй Михайловичъ, кандидатъ правъ.
107. **Марконетъ** Александръ Ѳедоровичъ, присяж. повѣренный.
108. **Масловъ** Христофоръ Яковлевичъ, присяж. повѣренный.
109. **Метловъ** Афанасій Михайловичъ, присяж. повѣренный.
110. **Мигузовъ** Иванъ Ѳедоровичъ, помощ. присяж. повѣр.
111. **Милашевичъ** Сергѣй Осиповичъ, присяжный повѣренный.
112. **Миловзоровъ** Николай Андреевичъ, кандидатъ правъ.
113. **Миловидовъ** Николай Алексѣевичъ, доцентъ ярославскаго юридическаго лицея.
114. **Минскій** Николай Гавриловичъ, кандидатъ правъ.

115. **Міансаровъ** Николай Месроповичъ, кандидатъ правъ.
116. **Морозовъ** Александръ Ивановичъ, преподаватель законовѣдѣнія въ московскомъ коммерческомъ училищѣ.
117. **Муравьевъ** Николай Валерьяновичъ, товарищъ прокурора московскаго окружнаго суда.
118. **Муромцевъ** Сергѣй Андреевичъ, доцентъ москов. унив.
119. **Мясоѣдовъ** Николай Николаевичъ, предсѣдатель пензенскаго окружнаго суда.
120. **Набоковъ** Сергѣй Васильевичъ, кандидатъ правъ.
121. **Невядомскій** Даніилъ Іосафатовичъ, помощ. прис. повѣр.
122. **Нерсесовъ** Нерсесъ Іосифовичъ, кандидатъ правъ.
123. **Нечаевъ** Федоръ Александровичъ, присяж. повѣренный.
124. **Нѣловъ** Павелъ Филипповичъ, прокуроръ московскаго военно-окружнаго суда.
125. **Никольскій** Александръ Андреевичъ, присяж. повѣр.
126. **Никольскій** Дмитрій Михайловичъ, помощ. прис. повѣр.
127. **Нилусъ** Дмитрій Алексѣевичъ, дѣйствительн. студентъ.
128. **Новиковъ** Никаноръ Трофимовичъ, кандидатъ правъ.
129. **Носъ** Андрей Евдокимовичъ, присяжный повѣренный.
130. **Нырненко** Яковъ Яковлевичъ, кандидатъ правъ.
131. **Озерецкій** Алексѣй Петровичъ, помощ. присяж. повѣр.
132. **Оптовцевъ** Петръ Яковлевичъ, присяжный повѣренный.
133. **Ордынскій** Павелъ Алексѣевичъ, присяжный повѣренный
134. **Орловскій** Степанъ Яковлевичъ, товарищъ предсѣдателя московскаго окр. суда.
135. **Островскій** Сергѣй Геннадіевичъ, помощ. присяж. повѣр.
136. **Остроглазовъ** Иванъ Михайловичъ, товарищъ прокурора московской судебной палаты.
137. **Охлябининъ** Дмитрій Сергѣевичъ, членъ моск. суд. пал.
138. **Павловъ** Алексѣй Андреевичъ, членъ рязан. окр. суда.
139. **Пагануцци** Владиміръ Сальваторовичъ, присяж. повѣр.
140. **Панинъ** Василій Алексѣевичъ, присяжный повѣренный.
141. **Паренаго** Михаилъ Николаевичъ, помощ. присяж. повѣр.
142. **Петрашкевичъ** Станиславъ Адамовичъ, пом. прис. повѣр.
143. **Петровскій** Сергѣй Александровичъ, доцентъ моск. унив.
144. **Пиге** Сергѣй Александровичъ, помощ. присяж. повѣр.
145. **Плевако** Ѳедоръ Никифоровичъ, присяжный повѣренный.
146. **Побѣдимовъ** Илья Петровичъ, суд. слѣдов. г. Москвы.

147. **Погодинъ** Михаилъ Петровичъ, членъ академіи наукъ.
148. **Поповъ** Александръ Николаевичъ, товарищъ прокурора московской суд. палаты.
149. **Поповъ** Дмитрій Николаевичъ, кандидатъ правъ.
150. **Поповъ** Дмитрій Тимофѣевичъ, помощ. присяж. повѣр.
151. **Пржевальскій** Владиміръ Михайловичъ, присяж. повѣр.
152. **Протопоповъ** Александръ Семеновичъ, секретарь московской судебной палаты.
153. **Радцигъ** Иванъ Антоновичъ, присяжный повѣренный.
154. **Раевскій** Григорій Феофилактовичъ, кандидатъ правъ.
155. **Рихтеръ** Карлъ Августовичъ, присяжный повѣренный.
156. **Рогалинъ** Осипъ Семеновичъ, присяжный повѣренный.
157. **Розенбергъ** Петръ Львовичъ, помощ. присяж. повѣрен.
158. **Розенблюмъ** Викторъ Ивановичъ, кандидатъ правъ.
159. **Родиславскій** Владиміръ Ивановичъ, кандидатъ правъ.
160. **Романовскій** Сергѣй Васильевичъ, помощ. присяж. повѣр.
161. **Рудаковъ** Павелъ Владиміровичъ, дѣйствит. студентъ.
162. **Саблеръ** Владиміръ Карловичъ, магистръ угол. права.
163. **Савченко** Василій Алексѣевичъ, кандидатъ правъ.
164. **Салтыковъ** Александръ Ивановичъ, помощ. прис. повѣр.
165. **Силуяновъ** Николай Андреевичъ, кандидатъ правъ.
166. **Скорделли** Пантелеймонъ Константиновичъ, профессоръ нѣжинскаго лицея.
167. **Скульскій** Арсеній Антоновичъ, кандидатъ правъ.
168. **Смирновъ** Дмитрій Александровичъ, присяж. повѣрен.
169. **Смирновъ** Михаилъ Михайловичъ, помощ. прис. повѣр.
170. **Смирновъ** Модестъ Николаевичъ, помощ. присяж. повѣр.
171. **Слободчиковъ** Иванъ Дмитріевичъ, кандидатъ правъ.
172. **Снегиревъ** Леонтій Ѳедоровичъ, присяжный повѣренный.
173. **Соболевъ** Александръ Константиновичъ, пом. прис. пов.
174. **Соколовъ** Александръ Васильевичъ, проф. казанск. унив.
175. **Соколовъ** Леонидъ Алексѣевичъ, кандидатъ правъ.
176. **Соколовъ** Василій Семеновичъ, кандидатъ правъ.
177. **Соловьевъ** Михаилъ Петровичъ, присяжный повѣренный.
178. **Спасовичъ** Владиміръ Даниловичъ, докторъ правъ.
179. **Сперанскій** Дмитрій Михайловичъ, канд. на суд. должн.
180. **Срѣтенскій** Петръ Гавриловичъ, кандидатъ правъ.
181. **Сидоровъ** Алексѣй Алексѣевичъ, кандидатъ правъ.

182. **Степура-Сердюковъ** Петръ Григорьевичъ, присяж. повѣр.
183. **Столповскій** Петръ Адамовичъ, помощ. присяж. повѣр.
184. **Сумбулъ** Эсперъ Николаевичъ, товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда.
185. **Суходольскій** Дмитрій Петровичъ, присяжный повѣрен.
186. **Тальбергъ** Николай Германовичъ, членъ вятск. окр. суда.
187. **Тейтель** Яковъ Львовичъ, кандидатъ правъ.
188. **Терновскій** Петръ Николаевичъ, присяжный повѣренный
189. **Тихменевъ** Николай Васильевичъ, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ.
190. **Толмачевъ** Николай Васильевичъ, участковый мировой судья г. Москвы.
191. **Троицкій** Зиновій Васильевичъ, присяжный повѣренный.
192. **Троицкій** Михаилъ Ѳедоровичъ, нотаріусъ.
193. **Тростянскій** Николай Семеновичъ, помощ. прис. повѣр.
194. **Ульяницкій** Владиміръ Антоновичъ, кандидатъ правъ.
195. **Успенскій** Михаилъ Григорьевичъ, кандидатъ правъ.
196. **Фальковскій** Адамъ Михайловичъ, присяжный повѣрен.
197. **Федеръ** Владиміръ Яковлевичъ, помощ. присяж. повѣр.
198. **Федоровъ** Петръ Николаевичъ, кандидатъ правъ.
199. **Федоровъ** Михаилъ Павловичъ, кандидатъ правъ.
200. **Филатовъ** Николай Михайловичъ, предсѣдатель ардатовскаго мироваго съѣзда.
201. **Филоматинскій** Иванъ Ивановичъ, дѣйствит. студентъ.
202. **Флендучковъ** Николай Антоновичъ, кандидатъ правъ.
203. **Фроловъ** Михаилъ Петровичъ, членъ москов. окр. суда.
204. **Фронштейнъ** Германъ Акимовичъ, кандидатъ правъ.
205. **Фронштейнъ** Алексѣй Абрамовичъ, помощ. прис. повѣр.
206. **Фуксъ** Владиміръ Яковлевичъ, товарищъ прокурора московскаго окружнаго суда.
207. **Харитоновъ** Александръ Григорьевичъ, пом. прис. пов.
208. **Харитоновъ** Левъ Григорьевичъ, помощ. присяж. повѣр.
209. **Харламповичъ** Александръ Ивановичъ, присяж. повѣр.
210. **Хоткевичъ** Александръ Михайловичъ, помощ. прис. пов.
211. **Цвѣтаевъ** Николай Михайловичъ, присяж. повѣренный.
212. **Цвѣтковъ** Михаилъ Павловичъ, кандидатъ правъ.
213. **Цитовичъ** Альфонсъ Осиповичъ, кандидатъ на суд. долж.
214. **Черкезовъ** Григорій Осиповичъ, помощ. прис. повѣр

215. **Чконіа** Александръ Маріаловичъ, кандидатъ правъ.
216. **Шайкевичъ** Анатолій Соломоновичъ, помощ. прис. пов.
217. **Шапошниковъ** Константинъ Александровичъ, дѣйствительный студентъ.
218 **Шаховъ** Александръ Николаевичъ, сенаторъ.
219. **Шидловскій** Алексѣй Владиміровичъ, дѣйствит. студентъ.
220. **Шиллингъ** Михаилъ Яковлевичъ, членъ Московскаго Юридическаго Общества.
221. **Шимановскій** Митрофанъ Васильевичъ, членъ казанскаго окружнаго суда.
222. **Шкеневъ** Гавріилъ Гавриловичъ, присяж. повѣренный.
223. **Шкляревскій** Адріанъ Сергѣевичъ, дѣйствит. студентъ.
224. **Шлыковъ** Александръ Александровичъ, кандидатъ правъ.
225. **Щелканъ** Сергѣй Васильевичъ, присяжный повѣренный.
226. **Щепкинъ** Николай Михайловичъ, товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда.
227. **Юрьевъ** Никифоръ Владиміровичъ, присяж. повѣренный.
228. **Яцевичъ** Зенонъ Михайловичъ, кандидатъ правъ.

Открытіе съѣзда русскихъ юристовъ и первое засѣданіе 5 іюня 1875 г.

Прибыли слѣдующіе члены съѣзда: П. Г. Алексѣевъ, А. Ф. Акуловъ, Н. М. Андреевъ, В. А. Андреевъ, А. Я. Фонъ-Ашебергъ, И. В. Богоявленскій, А. М. Богдановскій, С. И. Баршевъ, С. Е. Бабушкинъ, Н. П. Боголѣповъ, Ѳ. Ф. Балашевичъ, В. В. Барковъ, А. Л. Баршевъ, И. С. Бѣлавинъ, Г. В. Бертгольдтъ, В. С. Баршевъ, Я. И. Гурляндъ, Н. А. Гладковъ, А. А. Глассонъ, В. О. Гаркави, А. А. Герике, Н. С. Генкинъ, А. И. Геннертъ, М. О. Гиршманъ, М. С. Гольденвейзеръ, И. С. Гальберштадтъ, М. Я. Городецкій, С. М. Гулькевичъ, Л. С. Дравертъ, В. Г. Демченко, Г. А. Джаншіевъ, И. С. Дурново, Д. А. Дриль, В. Н. Даниловъ, М. В. Духовской, В. М. Евреиновъ, В. И. Жилинъ-Кохновъ, В. Іогихесъ, П. Л. Карасевичъ, Н. В. Калачовъ, М. Н. Капустинъ, Е. С. Котляровъ, Б. Ѳ. Калиновскій, Д. И. Кротковъ, Н. И. Крыловъ, К. К. Кноблохъ, Н. А. Каблуковъ, Л. А. Куперникъ, А. Д. Кутыринъ, А. П. Кюри, Д. И. Колтышинъ, Н. А. Каминскій, М. М. Котельниковъ, Н. А. Кохъ, А. Ѳ. Кистяковскій, В. Ф. Крюковъ, Ѳ. Е. Клейстъ, В. Н. Лешковъ, А. В. Лешковъ, С. Л. Левинсонъ, М. М. Латышевъ, А. Н. Лавровъ, Н. П. Ляпидевскій, А. П. Лукинъ, Э. В. Львовичъ, П. О. Лянгъ, О. Я. Левенсонъ, Н. Н. Мясоѣдовъ, С. О. Милашевичъ, Н. А. Малыхинъ, Н. В. Муравьевъ, Х. Я. Масловъ, А. М. Метловъ, А. Ѳ. Марконетъ, С. А. Муромцевъ, И. Ѳ. Мигузовъ, В. Н. Макаровъ, А. И. Морозовъ, Н. М. Міансаровъ, Я. Я. Нырненко, Д. І. Невядомскій, А. Е. Носъ, Н. І. Нерсесовъ, С. В. Набоковъ, П. Ф. Неѣловъ, Д. А. Нилусъ, И. М. Остроглазовъ, П. Я. Оптовцевъ, А. П. Озерецкій, Д. С. Охлябининъ, П. А. Ордынскій, С. Я. Орловскій, А. Н. Поповъ, Д. Н. Поповъ, Д. Т. Поповъ, А. А. Павловъ, С. А. Пиге, С. А. Петровскій, В. А. Панинъ, М. П. Погодинъ, С. А. Петрашкевичъ, В. С. Пагануцци, Ѳ. Н. Плевако, В М. Пржевальскій, К. А. Рихтеръ, С. В. Романовскій, И. А. Радцигъ, Г. Ѳ. Раевскій, В. И. Розенблюмъ, В. И. Родиславскій, П. П. Рудаковъ, П. К. Скорделли, М. П. Соловьевъ, П. А. Столповскій, В. С. Соколовъ, Д. П. Суходольскій, Л. Ѳ. Снегиревъ, В. Д. Спасовичъ, Д. А. Смирновъ, П. Г. Степура Сердюковъ, А. К.

Соболевъ, И. Д. Слободчиковъ, В. К. Саблеръ, Н. А. Силуяновъ, М. Н. Смирновъ, Л. А. Соколовъ, А. В. Соколовъ, Н. В. Тихменевъ, Н. С. Тростянскій, Я. Л. Тейтель, П. Н. Терновскій, З. В. Троицкій, А. М. Фальковскій, Г. А. Фронштейнъ, Н. А. Флендучковъ, М. П. Фроловъ, Н. М. Филатовъ, М. П. Федоровъ, А. А. Фронштейнъ, В. Я. Фуксъ, П. Н. Федоровъ, А. М. Хоткевичъ, Л. Г. Харитоновъ, Н. М. Цвѣтаевъ, А. М. Чконіа, А. Н. Шаховъ, М. В. Шимановскій, М. Я. Шиллингъ, К. А. Шапошниковъ, А. С. Шайкевичъ, Н. М. Щепкинъ.

Къ 12 часамъ прибыли московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, попечитель московскаго учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій, ректоръ университета С. М. Соловьевъ и многія другія почетныя лица. Ровно въ 12 часовъ совершено было молебствіе преосвященнымъ Леонидомъ. Послѣ молебствія г. попечитель прочиталъ предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 15 марта 1875 года за № 3004, и объявилъ съѣздъ открытымъ. Затѣмъ предсѣдатель Московскаго Юридическаго Общества, почетный членъ его, профессоръ В. Н. Лешковъ произнесъ рѣчь:

„Мм. гг. При видѣ такого торжественнаго собранія, среди этихъ знаменитостей службы и науки, каждый и болѣе даровитый и болѣе способный ораторъ затруднился бы въ своей рѣчи, почувствовалъ бы смущеніе, особенно въ виду такого новаго, небывалаго повода къ рѣчи, если бы онъ сталъ говорить на основаніи своего какого-нибудь личнаго преимущества или своего личнаго права; если бы я позволилъ себѣ взойти сюда и стать передъ вами съ рѣчью на основаніи также какого-нибудь своего личнаго права или своего личнаго преимущества, то понятно, что смущеніе меня одолѣло бы и быть можетъ лишило бы присутствія духа, которое мнѣ въ эту минуту такъ необходимо. Но, мм. гг., я здѣсь не во имя права, я здѣсь во имя обязанности, лежащей на мнѣ, какъ на предсѣдателѣ Юридическаго Общества, того скромнаго Юридическаго Общества, которое, однако, послужило первою завязью мысли о съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ и первымъ средоточіемъ, гдѣ эта мысль выработалась. Во исполненіе этой обязанности мнѣ легче приходится обращаться къ этому сонму мужей науки, знанія и положенія въ свѣтѣ.

„Первою обязанностью считаю я, въ качествѣ того же предсѣдателя Юридическаго Общества, обратиться къ вамъ, милостивые государи, съ живѣйшею благодарностью отъ Общества за то, что вняли нашему скромному голосу, откликнулись на нашъ призывъ и, пренебрегая неудобствами разстоянія, часто даже отрываясь отъ дѣлъ и занятій, вы рѣшились увѣнчать нашу мысль такимъ болѣе или менѣе блестящимъ образомъ по исполненію. Вамъ, пріѣхавшимъ, нашъ сердечный привѣтъ и большое русское спасибо, которое, конечно, отзовется вслѣдствіе вашихъ трудовъ и заслугъ не только здѣсь на съѣздѣ, но и по всей Россіи, и не только въ наше время, но и въ послѣдующія времена. Второю своею обязанностью считаю я хоть вкратцѣ, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, дорожа вообще и дорогимъ временемъ, а для васъ тѣмъ болѣе дорогимъ, почти священнымъ, что оно сочтено,—4 дня—не болѣе и не менѣе, а въ эти 4 дня, вы призваны порѣшить тѣ вопросы, которые угодно было министерству утвердить, стало быть, дорожа этимъ временемъ, я могу только вкратцѣ представить общую внѣшнюю исторію возникновенія и развитія мысли о первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ.

„Начну съ того, какъ свидѣтель этого событія, что Обществу пришлось долго дожидаться осуществленія нашей мысли о съѣздѣ русскихъ юристовъ. Прошли годы съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ, какъ-бы мимоходомъ, какъ-бы случайно, одинъ изъ нашихъ почтенныхъ сочленовъ въ засѣданіи Общества заявилъ, что идея о съѣздѣ даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ не встрѣтитъ препятствія, а скорѣе сочувствіе. Съ того времени, когда эту мысль заявилъ впервые нашъ почтенный сочленъ, а теперь предсѣдатель коммиссіи по устройству съѣзда въ Москвѣ, Сергѣй Ивановичъ Баршевъ,—съ этого времени прошли годы въ разнаго рода хлопотахъ по устройству съѣзда, въ борьбѣ съ препятствіями разнаго рода, со средствами, которыхъ не всегда бываетъ довольно для всякаго добраго дѣла. Не могу при этомъ также не отмѣтить, мм. гг., что Общество съ первыхъ дней мысли о съѣздѣ упорно отрицало всякаго рода вліяніе подражанія, примѣра, увлеченія чужими образ-

цами; не потому наше Общество рѣшилось хлопотать объ устройствѣ съѣзда русскихъ юристовъ, что съѣзды въ Россіи и за границей существовали и существуютъ, постоянно открываются и дѣйствуютъ. Общество чувствовало, что оно въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ такъ же, какъ и другія общества, учреждающія съѣзды; но не вслѣдствіе того, что другія учреждаютъ съѣзды,—Общество въ этомъ случаѣ только подчинилось вліянію общаго духа, въ наше время дѣйствующаго по всѣмъ областямъ знанія и науки. Хотя печать можетъ представлять средства для борьбы, столкновенія мнѣній, которыя, округляясь, являются въ формѣ болѣе или менѣе выработанныхъ началъ, мыслей и истинъ, но въ печати многое можетъ ускользнуть отъ вниманія критики и многое остается признаваемымъ какъ бы за истину только потому, что ему не случилось быть опровергнутымъ. Словесныя сообщенія при личномъ свиданіи гораздо болѣе имѣютъ возможности всякую мысль отмѣтить въ ея зародышѣ, въ ея мотивахъ, въ ея слѣдствіяхъ, и потому думаю, что общій законъ для воздѣлыванія науки въ наше время— это во 1) общества и во 2) съѣзды.

„Мм. гг., можетъ быть, нѣкоторые думаютъ, что намъ во имя скромности, нужно бы назвать этотъ съѣздъ не съѣздомъ русскихъ юристовъ, а юридическимъ съѣздомъ; но въ такомъ случаѣ мы не имѣли бы предѣла для призыва тѣхъ силъ, которыя могли бы быть на съѣздѣ полезными для общаго дѣла. Юридическій съѣздъ могъ бы заключать въ себѣ ту мысль, что можно пригласить юристовъ и нерусскихъ, оттого и удержано выраженіе съѣздъ русскихъ юристовъ. Впрочемъ, принимая въ соображеніе то число и то качество заявившихъ Обществу желаніе принять участіе въ съѣздѣ, равно какъ и то число и то качество явившихся для принятія дѣятельнаго участія въ съѣздѣ, какія мы видимъ здѣсь, думаю, что Общество не погрѣшило даже и противъ скромности. Многіе думали, что самое удобное время, для созванія съѣзда, — это былъ 1874 годъ, потому что въ такомъ случаѣ съѣздъ болѣе или менѣе совпадалъ бы съ весьма знаменательнымъ событіемъ перваго десятилѣтія, прошедшаго отъ изданія судебныхъ уставовъ 1864 года. Но,

мм. гг., для празднованія тѣхъ началъ, которыя положены въ основу судебныхъ уставовъ, — срока быть не можетъ, эти начала такъ общечеловѣчны, до такой степени содѣйствуютъ и будутъ содѣйствовать развитію въ Россіи цивилизаціи, что только со временемъ, мало по малу изучая и обобщая свѣдѣнія, можно будетъ думать, что народъ русскій вполнѣ понялъ значеніе и силу этихъ уставовъ. Вѣка пройдутъ, и все имя нашего Великаго Государя Императора Александра II будетъ въ Россіи считаться именемъ священнымъ и Его личность—тою личностью, которая положила основаніе новой, обновленной Россіи. Не думаю съ другой стороны, чтобы нашъ съѣздъ можно было пріурочить именно къ уставамъ судебнымъ 1864 года. Уставы судебные въ себѣ заключаютъ и ясно выражаютъ принципы гласности, устности, суда праваго, суда милостиваго, такъ что эти начала, безспорно, вполнѣ ясно для насъ выражены. Они требуютъ только подчиненія каждаго факта и событія этимъ началамъ; оттого изданіе судебныхъ уставовъ 1864 г. могло вызвать и вызвало юридическія общества, каковыхъ на первыхъ порахъ было весьма много. Но когда члены этихъ обществъ уяснили себѣ значеніе и смыслъ судебныхъ уставовъ, общества стали закрываться, стушевываться, осталось одно наше Московское Юридическое Общество, потому что оно примкнуло къ тому великому созданію Императрицы Елизаветы, къ тому великому учрежденію, которое наполняетъ любовью сердца всѣхъ учившихся въ немъ и знавшихъ его, и къ которому примыкаютъ массы разныхъ обществъ. Мм. гг., московскій университетъ не есть только соединеніе учащихъ и учащихся, наставниковъ и слушателей; нѣтъ, это есть учрежденіе весьма широкое, прочное, обросшее массою учрежденій, массою ученыхъ обществъ, которыя и составляютъ, такъ сказать, переходъ отъ публики къ университету, отъ жизни къ наукѣ. Общество Юридическое, примкнувшее къ этому учрежденію, несомнѣнно спасло свое бытіе благодаря университету и университетскому начальству; съ другой стороны, оно спасло возможность своего развитія, возможность приносить постоянную пользу разъясненіемъ сомнительныхъ вопросовъ при помощи науки и знанія.

„И такъ я говорю, что съѣздъ русскихъ юристовъ не вытекаетъ собственно изъ судебныхъ уставовъ. Нѣтъ, для него другая почва. Позвольте надѣяться, милостивые государи, что вы не будете противъ той мысли, что съѣздъ русскихъ юристовъ существенно вяжется съ другимъ великимъ законодательнымъ памятникомъ, съ закономъ о печати 1865 г., которому также совершилось 10 лѣтъ. Въ этомъ законѣ именно сказано впервые: *не возбраняется, не считается преступленіемъ, не подвергается наказанію обсужденіе какъ отдѣльнаго закона, такъ и цѣлаго законодательства и обнародованныхъ распоряженій правительства.* Съѣздъ русскихъ юристовъ, какъ мы уже знаемъ, именно вяжется съ этою мыслью свободнаго обсужденія законовъ. Но этотъ законъ 1865 года, съ своей стороны, былъ слѣдствіемъ другихъ законовъ, тѣхъ законовъ, которые дали возможность лицамъ коллективнымъ, земству, городамъ, разнымъ обществамъ право и власть самостоятельно обсуждать, постановлять и приводить въ исполненіе мѣры, необходимыя для интересовъ этихъ коллективныхъ лицъ. Немыслимо обсуждать, неразумно постановлять, неправильно приводить въ исполненіе, если не имѣть права голоса, права слова свободнаго и права свободной печати. Законъ о земскихъ учрежденіяхъ, законоположеніе объ управленіи городовъ несомнѣнно, съ другой стороны, вытекаютъ изъ того кореннаго, основнаго положенія 19-го февраля 1861 г., которымъ милліоны, десятки милліоновъ русскихъ подданныхъ получили свободу. Мм. гг., нужно дѣлать различіе между свободой, которую получили наши крестьяне въ формѣ расторженія, въ формѣ раскрѣпленія тѣхъ связей, которыми одна личность была связана съ другой. Эту свободу можно назвать свободою отрицательною; эта свобода называется независимостью, я независимъ отъ того, другаго, третьяго; но это еще свобода отрицательная, а есть свобода положительная. Мм. гг., изъ всего, что мы знаемъ о распоряженіяхъ настоящаго царствованія, мы не можемъ не видѣть, что въ основѣ его законодательства лежитъ свобода именно въ томъ, что оно не только даетъ свободу отрицательную, но и помогаетъ, научаетъ пользоваться и свободою положительною, живемъ-

ли мы въ деревнѣ, въ городѣ, въ столицѣ, въ земствѣ уѣздномъ и губернскомъ. Если мы до сихъ поръ жили, такъ сказать, по закону заповѣдей, то со вступленіемъ на престолъ Александра II мы живемъ по закону благодатной, разумной свободы. Эта свобода сверхъ того обезпечена судомъ, который, какъ вы знаете, имѣетъ всевозможныя гарантіи для совершенной охраны нашихъ правъ. Судъ не для того только существуетъ, чтобы карать виновныхъ, но судъ дѣйствуетъ и для того, чтобы освѣтить и утвердить наши права, такъ что можно сказать, что на основаніи судебныхъ уставовъ мы имѣемъ всю возможность участвовать въ широкой области судебной власти въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, въ качествѣ избираемыхъ мировыхъ судей, въ качествѣ истцовъ, отвѣтчиковъ, обвиняемыхъ и частныхъ обвинителей.

„Мм. гг., актъ, который сегодня былъ прочтенъ предъ открытіемъ нашего съѣзда, этотъ актъ несомнѣнно имѣетъ тотъ смыслъ, что Его Величеству Государю Императору благоугодно было дозволить намъ коснуться и той высокой области, которая называется областью законодательства. Такова программа утвержденная 15 марта для нашего съѣзда. Тутъ есть вопросъ объ отношеніи обычнаго права къ законодательству, тутъ есть вопросъ о семейныхъ правахъ, тутъ есть вопросъ права поземельнаго и т. д. Но, мм. гг., прикасаясь, въ предѣлахъ закона 1865 г., къ этой высокой сферѣ, къ этому, такъ сказать, священному ковчегу завѣта русскаго, мы не даромъ начали дѣло тѣмъ, что вознесли молитвы Богу, прося у него духа разума; теперь я приглашаю воздать благодарность Государю Императору за то великое довѣріе, которое онъ оказалъ своему народу въ лицѣ насъ, и постановить, что благоговѣйнымъ усердіемъ къ нашему труду, благоговѣйнымъ вниманіемъ къ дѣламъ, подлежащимъ нашему рѣшенію, мы должны доказать, что можемъ оправдать такое къ намъ высокое довѣріе.

„Мм. гг., наше дѣло здѣсь не служба государственная, и вы оставили ваши внѣшніе знаки отличія для того, чтобы на равной почвѣ всѣми силами молодаго рвенія и маститой опытности дѣйствовать для разрѣшенія вопросовъ, подле-

жащихъ нашему обсужденію; но наше дѣло есть — служба государству,—служба отечеству, и кто будетъ такъ счастливъ, что этимъ поможетъ и правительству, и народу, тотъ конечно заслужитъ и оставитъ о себѣ добрую память.

„Мм. гг., чего мы ждемъ отъ нашего съѣзда? Отъ нашихъ съѣздовъ мы ждемъ всего хорошаго. Но чего можемъ мы ожидать отъ перваго съѣзда? Первый съѣздъ какъ первая буква въ азбукѣ; онъ не значительнѣе ея; но первая буква во всѣхъ алфавитахъ, какъ вамъ извѣстно, есть гласная: безъ нея обойтись нельзя. Я думаю, что, при усердіи, которое мы окажемъ дѣлу, и дѣйствуя согласно, можно разсчитывать, что этотъ съѣздъ, будетъ имѣть право оставить по себѣ воспоминаніе въ исторіи.

„Позвольте просить васъ обратиться къ вашимъ занятіямъ, приступивъ къ избранію тѣхъ лицъ, выборъ которыхъ вамъ предоставленъ“.

Послѣ этой рѣчи В. Н. Лешкова, вызвавшей со стороны слушателей знаки глубокаго сочувствія и одобренія, приступлено было къ повѣркѣ наличныхъ членовъ съѣзда, которыхъ оказалось 129, и къ выбору должностныхъ лицъ. На основаніи 6 и 7 §§ Высочайше утвержденныхъ основаній для устройства перваго съѣзда русскихъ юристовъ изъ числа членовъ съѣзда избраны были: предсѣдателемъ докторъ гражданскаго права, почетный членъ Московскаго Юридическаго Общества, сенаторъ Николай Васильевичъ Калачовъ; товарищами предсѣдателя: предсѣдатель и почетный членъ Московскаго Юридическаго Общества, заслуженный профессоръ Василій Николаевичъ Лешковъ и докторъ правъ, присяжный повѣренный окр. с.-петербургской судебной палаты Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ; секретарями: почетный членъ и секретарь Московскаго Юридическаго Общества, присяжный повѣренный Адамъ Михайловичъ Фальковскій и присяжный повѣренный Ѳедоръ Никифоровичъ Плевако.

Предсѣдатель. Мм. гг. Принося вамъ глубокую благодарность за большую честь, которою вы меня удостоили вашимъ избраніемъ, я не могу, однако, не дать себѣ прежде всего отчета въ основаніи оказаннаго мнѣ предпочтенія предъ мно-

гими, болѣе достойными меня юристами, находящимися въ настоящемъ собраніи. Смѣю думать, что оно заключается въ направленіи моихъ юридическихъ занятій, которымъ,— мнѣ пріятно этому вѣрить,—вы оказываете ваше сочувствіе. Дѣйствительно, исторія отечественнаго права, разработка его источниковъ и объясненіе вліянія ихъ на наше новѣйшее законодательство,—вотъ что занимало и продолжаетъ меня занимать съ того времени, какъ я былъ студентомъ въ здѣшнемъ университетѣ. Если я не ошибаюсь, то позвольте мнѣ удержать мое призваніе и въ предстоящихъ засѣданіяхъ нашего съѣзда. Намъ придется, конечно, обсуждать разныя стороны дѣйствующихъ въ настоящее время отдѣловъ и статей свода законовъ, но нелишнимъ будетъ также приводить ихъ въ связь съ нашею народною жизнью вообще, съ отношеніемъ ихъ къ прошедшему времени и значеніемъ въ разныя эпохи нашего развитія. Только при этомъ условіи, имѣя въ виду преимущественно практическую сторону нашихъ докладовъ и совѣщаній, я считаю нужнымъ и полезнымъ теоретическое, научное разъясненіе тѣхъ задачъ и вопросовъ, которые будутъ предложены нашему вниманію.

Приступаю теперь къ установленію тѣхъ формальностей, которыхъ намъ необходимо будетъ держаться при нашихъ докладахъ, преніяхъ и сужденіяхъ.

Первое, что намъ предстоитъ, это—опредѣлить порядокъ и время чтенія рефератовъ. Хотя въ программѣ и обозначены вопросы и порядокъ ихъ обсужденія, но я получилъ отъ нѣкоторыхъ членовъ заявленія, чтобы одни вопросы докладывались прежде, другіе послѣ. Поэтому, я полагаю, намъ придется вновь установить порядокъ нашихъ занятій. Прежде всего представляется вопросъ: какъ разсматривать предложенія:—въ одномъ общемъ собраніи съѣзда, или раздѣлившись на два отдѣленія, въ каждомъ отдѣленіи особо?

Первый вопросъ голосованіемъ разрѣшенъ въ пользу одного общаго собранія; второй привелъ къ составленію слѣдующей программы занятій:

1) въ засѣданіи 6-го іюня: а) о правѣ промышленности, какъ основаніи для отличенія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго (рефератъ проф. Лешкова); б) о необ-

ходимости новой кодификаціи гражд. права матеріальнаго, взамѣнъ I ч. X т. св. законовъ гражд. и бо́льшей части статей торговаго устава, съ указаніемъ, какъ совершить эту работу (рефератъ г. Книрима, оберъ-прокурора кассаціон. департ. сената); в) объ изданіи гражданскаго уложенія Россійской Имперіи, съ изложеніемъ причинъ необходимости отмѣны мѣстныхъ сводовъ гражданскихъ узаконеній, нынѣ дѣйствующихъ, и указаніемъ основныхъ положеній, могущихъ служить къ объединенію въ Россіи гражданскаго права (рефератъ А. М. Фальковскаго и М. П. Соловьева); г) объ изданіи т. X св. зак., дополненнаго въ самомъ текстѣ статей всѣми узаконеніями, вошедшими въ продолженія законовъ (рефератъ сенатора С. И. Зарудnаго); докладъ всѣхъ этихъ кодификаціонныхъ вопросовъ возложить на члена съѣзда А. М. Фальковскаго, и д) о необходимости опредѣлить въ нашемъ законодательствѣ гражданскую отвѣтственность за самовольное представленіе драматическаго произведенія (рефератъ члена съѣзда Родиславскаго).

2) Въ засѣданіи 7-го іюня: а) объ отношеніи обычнаго права къ законодательству (рефератъ сен. Н. В. Калачова); б) слѣдуетъ-ли разрѣшить свободное распоряженіе по духовнымъ завѣщаніямъ родовыми имуществами; в) о введеніи въ наше законодательство распоряженій имуществомъ посредствомъ договоровъ на случай смерти (рефераты В. Д. Спасовича); г) не представляется-ли достаточнаго основанія возводить универсальное и сингулярное преемство къ различнымъ эпохамъ и различнымъ степенямъ сознанія наслѣдства (рефератъ проф. Демченко), и д) съ какого времени имущество безвѣстно отсутствующаго лица поступаетъ къ наслѣдникамъ его, и какимъ порядкомъ послѣдніе вступаютъ въ право распоряженія онымъ какъ своею собственностью (доц. В. А. Умова).

3) Въ засѣданіи 8-го іюня: а) о дополненіи нашихъ гражданскихъ законовъ постановленіями о признаніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и объ узаконеніи ихъ (рефератъ магистра гражд. права Н. П. Ляпидевскаго); б) о предоставленіи наслѣднику права получать наслѣдство по описи и объ отвѣтственности его за долги наслѣдодателя только въ предѣлахъ стоимости полученнаго наслѣдства (рефератъ

А. В. Лохвицкаго); в) гдѣ долженъ быть протестованъ вексель, выданный по предъявленію: въ томъ-ли мѣстѣ, гдѣ имѣетъ постоянное мѣстожительство векселедатель или бланконадписатель, или же гдѣ написанъ самый вексель (ст. 585, 615, 617, 620, 623 уст. торг.,)? (рефератъ Тергукасова); докладъ возложить на присяж. повѣр. Ашеберга; г) о вліяніи запрещеній на вводъ во владѣніе недвижимыми имуществами по актамъ укрѣпленія (рефератъ присяж. повѣр. Р. С. Кохманскаго), и кромѣ того, если дозволитъ время: д) въ какихъ случаяхъ дома и другія постройки, возведенныя на чужой землѣ, считаются недвижимыми имуществами (ст. 384 ч. I. т. X и прим. къ 319 ст. т. XIV ч. 2 уст. благ. въ казенныхъ селеніяхъ,) и е) какъ поступить съ землями, оставшимися отъ упраздненныхъ большихъ дорогъ (рефератъ мироваго судьи А. Н. Обнинскаго).

Предсѣдатель. Теперь на очереди третій вопросъ: гдѣ намъ собираться для слушанія и обсужденія рефератовъ? Намъ разрѣшено собираться только въ одной изъ двухъ залъ: или здѣсь или въ залѣ библіотеки, гдѣ происходятъ чтенія общества любителей россійской словесности. Сколько мнѣ извѣстно, въ акустическомъ отношеніи эта зала неудобна, а та удобна. Но такъ какъ тамъ слишкомъ мало мѣста для постороннихъ лицъ, которыхъ насчитывается до 300, то, быть можетъ, по необходимости намъ придется собираться здѣсь, въ этой актовой залѣ.

Голосъ. Если сегодня, въ день открытія съѣзда, мы видимъ, что въ публикѣ человѣкъ 50, не больше, что же будетъ потомъ? А между тѣмъ въ залѣ библіотеки можетъ помѣститься 400 человѣкъ, членовъ около 200; 200 мѣстъ, значитъ, остается для публики—этого будетъ достаточно.

А. М. Фальковскій. Однако входныхъ билетовъ выдано болѣе 300. Получившіе билеты имѣютъ право требовать мѣста, и мы не знаемъ сколько явится.

Предсѣдатель. Не устроить ли такъ, чтобы члены собрались какъ можно тѣснѣе окола стола, а въ нѣкоторомъ отдаленіи помѣстить публику? Не угодно-ли поручить секретарямъ распорядиться этимъ?

Рѣшено засѣдать въ залѣ библіотеки.

Предсѣдатель. Подърядъ мы будемъ слушать и обсуждать не болѣе одного чтенія и вслѣдъ за тѣмъ дѣлать маленькій роздыхъ. Потомъ второе чтеніе, по обсужденіи котораго засѣданіе должно быть прекращаемо. Если окажется возможнымъ, то будемъ устраивать еще и третье маленькое чтеніе. Собираться будемъ днемъ отъ 12 до 3-хъ, а въ вечернія засѣданія отъ 7 до 9-ти.

Голосъ. Удобнѣе одно засѣданіе.

Предсѣдатель. На археологическомъ съѣздѣ, гдѣ было много пріѣзжихъ изъ другихъ городовъ, нѣкоторые изъ нихъ знакомились съ тѣми предметами, которые, по ихъ занятіямъ, для нихъ интересны. На это посвящалось послѣобѣденное время, и осмотры производились подъ руководствомъ наиболѣе компетентныхъ изъ числа членовъ. Такимъ образомъ, если бы мы рѣшились назначить засѣданія и послѣ обѣда, то этимъ многихъ лишили бы удовольствія осмотрѣть предметы, любопытные для юриста. Я говорю это потому, что въ юридическомъ обществѣ уже возникалъ вопросъ: не полезно ли гг. членамъ съѣздить и осмотрѣть наши архивы. Вы знаете, что въ нашихъ архивахъ, особенно въ архивѣ министерства юстиціи, есть множество документовъ, или вѣрнѣе, всѣ документы такого рода, по которымъ требуются справки для гг. присяжныхъ повѣренныхъ, съ другой стороны, занимающіеся историческими изслѣдованіями могутъ найти въ архивѣ министерства юстиціи чрезвычайно обильный запасъ тѣхъ историческихъ матеріаловъ, которыхъ изъ другихъ источниковъ не добудешь, что и доказано сочиненіемъ г. Петровскаго: въ полномъ собраніи законовъ оказалось такъ мало матеріаловъ, что онъ по преимуществу черпалъ ихъ изъ архива министерства юстиціи. Другой не менѣе замѣчательный архивъ—это архивъ окружнаго суда. Онъ—учрежденіе новое и какъ по содержанію, такъ и по внѣшней обстановкѣ достоинъ особаго вниманія. Наконецъ, я увѣренъ, многіе пожелаютъ видѣть и архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Объ архивахъ говорю потому, что этотъ предметъ мнѣ особенно близокъ, но, безъ сомнѣнія, въ Москвѣ найдется не мало и другихъ интересныхъ для юриста вещей.

Такъ вотъ, господа, по примѣру археологическаго съѣзда,

мы могли бы назначить послѣобѣденное время для осмотра архивовъ. Собственно было бы лучше собраться для этой цѣли въ понедѣльникъ, по окончаніи засѣданій. Но, пожалуй, многіе изъ господъ членовъ къ тому времени уже разъѣдутся.

Голоса. Лучше вечеромъ.

Приступили къ баллотировкѣ вопроса: два-ли засѣданія назначать въ день или одно? Большинствомъ вопросъ рѣшенъ въ пользу одного засѣданія.

Предсѣдатель. Чтобы еще тѣснѣе сблизиться, было бы полезно закончить наши засѣданія общимъ обѣдомъ въ воскресенье.

Предложеніе собраніемъ принято.

Предсѣдатель. Значитъ, мы будемъ собираться на засѣданія каждый день утромъ отъ 12 до 4 часовъ, вѣроятно не долѣе. Послѣ обѣда, завтра, у насъ будетъ отдыхъ; въ субботу мы опять соберемся въ 12 часовъ, а вечеромъ отправимся въ архивъ окружнаго суда; въ воскресенье соберемся въ $12^1/_2$ часовъ и будемъ продолжать занятія, вѣроятно, до 5-ти, послѣ чего отправимся обѣдать. Въ понедѣльникъ будетъ осмотръ архива министерства юстиціи, а относительно архива министерства иностранныхъ дѣлъ надо еще сдѣлать сношеніе. Теперь остается только опредѣлить время, которое мы можемъ посвятить чтенію каждаго реферата и возраженіямъ. Если предоставить это на волю докладчика и возражателей, то, съ одной стороны, чтеніе реферата можетъ затянуться на нѣсколько часовъ, а, съ другой, будетъ, по всей вѣроятности, сказано много лишняго. Если докладчикъ знаетъ, что въ его распоряженіи не болѣе получаса, то старается говорить сжатѣе, изложить только сущность. На другихъ съѣздахъ обыкновенно полагается полчаса на чтеніе.

А. М. Фальковскій. Этого мало по юридическимъ вопросамъ.

Предсѣдатель. Если будетъ два реферата, мы должны непремѣнно дать 10 мин. для отдыха. Вотъ уже 70 мин.

А. М. Фальковскій. Кто въ своемъ докладѣ долженъ разсчитывать, что ему остается всего три минуты, невольно совершенно исказитъ свой рефератъ. Въ такомъ случаѣ для него остается одно—отступиться отъ своихъ предложеній.

Предсѣдатель. Вы вѣдь вправѣ напечатать вашъ рефератъ.

А. М. Фальковскій. Да вообще невозможно провести сколько-нибудь серьезный вопросъ въ такое короткое время.

Предсѣдатель. Мнѣ кажется, напротивъ, что юридическая наука, особенно гражданское право настолько извѣстно всѣмъ юристамъ, что нѣтъ надобности въ слишкомъ подробномъ изложеніи.

А. М. Фальковскій. По крайней мѣрѣ я не признаю возможнымъ изложить въ полчаса три вопроса, соединенные съ моимъ предложеніемъ.

Предсѣдатель. Въ вашемъ распоряженіи полчаса на каждый вопросъ. На возраженія полагается не болѣе $^1/_4$ часа. (Оба предложенія приняты). Еще одно условіе,—чтобы всѣ лица, желающія возражать, заявляли о своемъ желаніи. Тогда они будутъ записаны и въ томъ порядкѣ допущены къ возраженію. Возражать можно два раза. Сверхъ того, не постановитъ-ли собраніе, чтобы возражавшіе представляли секретарямъ свои письменныя возраженія.

Ф. Н. Плевако. Т. е., нельзя-ли дать *право* представлять письменныя замѣчанія, а иначе не будетъ-ли постановлено, что кто не представилъ своего возраженія на бумагѣ, не долженъ быть въ претензіи, если не увидитъ его въ печати?

Предсѣдатель. Такъ какъ у насъ есть стенографъ, который записываетъ, то секретари могли бы собирать отчеты и отсылать ихъ тому, кто читалъ рефератъ или дѣлалъ возраженія. Если мы не сдѣлаемъ этого, то съ нами будетъ то же, что случилось въ археологическомъ съѣздѣ, гдѣ не могутъ найти слѣдовъ многихъ докладовъ и бывшихъ по нимъ сужденій.

А. Я. Ашебергъ. Мнѣ кажется, протоколъ не будетъ закрытъ ни для кого до засѣданія, и если въ протоколѣ все записано вѣрно, то зачѣмъ же затруднять секретарей присылкою отчетовъ.

Предсѣдатель. Нѣтъ, необходимо, чтобы секретари присылали. Вѣроятно министерство народнаго просвѣщенія разрѣшитъ намъ извѣстную сумму на печатаніе трудовъ съѣзда, что было бы крайне полезно...

Голоса. Сумма есть уже.

Предсѣдатель. Въ такомъ случаѣ непремѣнно нужно запастись подробными протоколами, а надѣяться, что сами члены придутъ читать, что записалъ стенографъ, врядъ-ли благоразумно. Я думаю, что публика должна быть поставлена въ извѣстность обо всемъ, что происходило на съѣздѣ. Да и для насъ самихъ интересно оглянуться на результаты своихъ трудовъ. Въ виду этого мнѣ даже кажется, что къ воскресенью не мѣшало бы подготовить небольшой отчетъ обо всемъ, что было сдѣлано въ предшествовавшіе дни. Наконецъ я имѣю подѣлиться съ собраніемъ слѣдующею мыслью: если кто увидитъ, что рефератъ его настолько сложенъ, что требуетъ особаго подробнаго разсмотрѣнія, недоступнаго по краткости времени для нашихъ засѣданій, тотъ можетъ просить о разрѣшеніи учредить коммиссію изъ извѣстныхъ членовъ для подробнаго разсмотрѣнія впродолженіи года, двухъ. Такъ было поступлено по вопросу объ устройствѣ архивовъ. Я просилъ археологическій съѣздъ учредить коммиссію для разсмотрѣнія моего вопроса, который по важности и сложности не могъ быть разрѣшенъ скоро, и мы теперь три года занимаемся вопросомъ объ устройствѣ архивовъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія. Успѣхъ всякаго такого ходатайства, конечно, прежде всего будетъ зависѣть отъ исхода нашихъ переговоровъ съ тѣми, отъ кого зависитъ разрѣшить учрежденіе упомянутыхъ коммиссій. Но мысль свою я высказалъ для того, чтобы указать дорогу тѣмъ, которые не дождутся отъ съѣзда разрѣшенія постановленной ими задачи.

Замѣчаній не послѣдовало, и предсѣдатель закрылъ засѣданіе.

Засѣданіе 6 іюня 1875 года.

Засѣданіе состоялось при участіи слѣдующихъ лицъ: П. Г. Алексѣевъ, А. Ф. Акуловъ, В. А. Андреевъ, А. Я. фонъ-Ашебергъ, Е. Д. Анциферовъ, И. В. Богоявленскій, А. М. Богдановскій, С. И. Баршевъ, С. Е. Бабушкинъ, П. С. Богдановъ, Н. Л. Борхартъ, Н. П. Боголѣповъ, Ѳ. Ф. Балашевичъ, И. С. Бѣлавинъ, В. С. Баршевъ, Н. П. Безобразовъ, А. К. Вульфертъ, В. В. Васильевъ, Э. Э. фонъ-Вендрихъ, Я. И. Гурляндъ, Я. А. Гладковъ, Л. А. Гантоверъ, В. О. Гаркави, А. А. Герике, Н. С. Генкинъ, А. И. Геннертъ, А. Г. Гуревичъ, М. Я. Городецкій, Л. С. Дравертъ, В. Г. Демченко, Г. А. Джаншіевъ, И. С. Дурново, Д. А. Дриль, Д. Н. Доброхотовъ, В. И. Жилинъ-Кохновъ, В. Я. Іогихессъ, А. В. Иваницкій, Н. В. Калачовъ, М. Н. Капустинъ, Е. С. Котляровъ. Б. Ѳ. Калиновскій, Д. И. Кротковъ, Н. И. Крыловъ, К. К. Кноблохъ, Н. А. Каблуковъ, Л. А. Куперникъ, А. Д. Кутыринъ, А. П. Кюри, Д. И. Калтыпинъ, Н. А. Каминскій, М. М. Котельниковъ, Н. А. Кохъ, А. Ѳ. Кистяковскій, В. Ф. Крюковъ, Ѳ. Е. Клейстъ, Н. П. Курилко, И. И. Калтыпинъ, Я. В. Кошелевъ, А. Д. Куликовъ, В. Н. Лешковъ, С. Л. Левинсонъ, М. М. Латышевъ, А. Н. Лавровъ, Н. П. Ляпидевскій, Н. Ю. Львовичъ-Кострица, Н. Н. Мясоѣдовъ, С. О. Милашевичъ, Н. А. Малыхинъ, А. Ѳ. Марконетъ, С. А. Муромцевъ, И. Ѳ. Мигузовъ, А. И. Морозовъ, Н. М. Міансаровъ, Л. Е. Мандельштамъ, С. М. Марковъ, Я. Я. Нырненко, Д. О. Невядомскій, А. Е. Носъ, Н. І. Нерсесовъ, С. В. Набоковъ, Д. А. Нилусъ, Н. Т. Новиковъ, А. А. Никольскій, И. М. Остроглазовъ, П. Я. Оптовцевъ, Д. С. Охлябининъ, П. А. Ордынскій, С. Г. Островскій, А. Н. Поповъ, Д. Т. Поповъ, А. А. Павловъ, С. А. Пиге, С. А. Петровскій, М. Н. Паренаго, И. П. Побѣдимовъ, В. А. Панинъ, С. А. Петрашкевичъ, Ѳ. Н. Плевако, А. С. Протопоповъ, К. А. Рихтеръ, П. Л. Розенбергъ, С. В. Романовскій, И. А. Раддигъ, Г. Ѳ. Раевскій, В. И. Розенблюмъ, В. И. Родиславскій, П. В. Рудаковъ, П. К.

Скорделли, П. М. Соловьевъ, П. А. Столповскій, Л. А. Соколовъ, А. И. Салтыковъ, В. С. Соколовъ, Д. П. Суходольскій, Л. Ѳ. Снегиревъ, В. Д. Спасовичъ, В. К. Саблеръ, Н. А. Силуяновъ, М. Н. Смирновъ, Д. А. Смирновъ, А. В. Соколовъ, П. Г. Срѣтенскій, Н. В Тихменевъ, Н. С. Тростянскій, Я. Л. Тейтель, П. Н. Терновскій, З. В. Троицкій, А. М. Фальковскій, Г. А. Фронштейнъ, М. П. Фроловъ, Н. М. Филатовъ, М. П. Федоровъ, А. А. Фронштейнъ, В. Я. Фуксъ, П. Н. Федоровъ, А. М. Хоткевичъ, Л. Г. Харитоновъ, А. И. Харламповичъ, Н. М. Цвѣтаевъ, М. П. Цвѣтковъ, А. М. Чконіа, Г. О. Черкезовъ, А. Н. Шаховъ, М. В. Шимановскій, М. Я. Шиллингъ, К. А. Шапошниковъ, А. С. Шайкевичъ, А. В. Шидловскій, А. А. Шлыковъ, А. С. Шкляревскій, В. А. Ульяницкій.

I.

По открытіи предсѣдателемъ съѣзда засѣданія, В. Н. Лешковъ заявилъ, что краткость времени, назначеннаго для рефератовъ, не позволяетъ сдѣлать подробный докладъ его вопроса, „*о правѣ промышленности, какъ основаніи для отличенія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго*“; и принуждаетъ его ограничиться изложеніемъ основной своей мысли. По словамъ его, почти нѣтъ въ быту человѣка ни дѣйствія, ни движенія, которыя бы не опредѣлялись правомъ, а стало быть и промышленность, до сихъ поръ разсматриваемая съ точки зрѣнія технической, или политико-экономической, должна войти въ составъ права. Обращаясь затѣмъ къ существу гражданскаго права, объектомъ котораго прежде всего представляется имущество, земля, и движимость, или вещи, отъ нея происходящія и къ ней пріурочиваемыя, референтъ находилъ, что гражданское право въ высшей степени національно, крѣпко тому или другому народу. Совершенно иной характеръ, продолжалъ В. Н. Лешковъ, носитъ право промышленное, имѣющее своимъ объектомъ, по преимуществу, дѣйствіе, добываніе, обработку, формованіе и доставку, мѣну, оборотъ, или торговлю. Здѣсь имущество играетъ второстепенную роль, находится въ вѣчномъ движеніи, постоянно переходитъ изъ рукъ въ руки, находится въ непрерывномъ оборотѣ, носитъ названіе товара и какъ бы не имѣетъ хозяина, въ смыслѣ права гражданскаго, составляя предметъ, опредѣляемый правомъ промышленности, уже не національнымъ, а всеобщимъ на про-

странствѣ всемірной торговли. Вслѣдствіе стремленій человѣка къ частному усвоенію вещей, къ исключительному и вѣчному господству надъ ними, къ установленію *собственности*, почтенный референтъ видитъ въ гражданскомъ правѣ идею исключительности, неравенства, съ которою необходимо мириться, съ которою мирились законодательства всѣхъ временъ во имя принципа свободы. Въ наше время это неравенство прочувствовано болѣе чѣмъ когда-нибудь и вызвало рядъ соціальныхъ и коммунистическихъ ученій, къ которымъ впрочемъ нѣтъ надобности прибѣгать, такъ какъ средствомъ уравненія являются болѣе человѣчные способы — это работа и трудъ, промыслы и промышленность Въ противоположность имущественнымъ отношеніямъ, гдѣ самое важное дѣло—*отношеніе лица къ вещи*, отношенія промышленныя нуждаются въ нормахъ, опредѣляющихъ отношенія лицъ между собою.

Фактически личныя отношенія въ промышленности вытекаютъ изъ составныхъ элементовъ промышленности, каковы: 1) работа, или физическія, механическія движенія и 2) трудъ, человѣческая, цѣльная дѣятельность, гдѣ участвуютъ умъ, воля, характеръ, энергія, идея. Совокупное дѣйствіе ихъ образуетъ во 1-хъ то, что̀ называется *промысломъ*, составляющимъ дѣятельность, направленную преимущественно къ обезпеченію бытія того, кто имъ занимается, и во 2-хъ *промышленность*, конечная цѣль которой богатство, не имѣющее предѣловъ и вызывающее къ дѣятельности общество, весь народъ, всѣ націи; далѣе, по мнѣнію референта, промышленность входитъ въ составъ права съ двухъ сторонъ, сообразно различію ея элементовъ: промысла и промышленности. И такъ какъ въ правѣ промышленности главное отношеніе лицъ, занимающихся промышленностью, къ другимъ лицамъ, то все содержаніе этой области права исчерпывается отношеніями рабочихъ къ хозяевамъ и этихъ послѣднихъ между собою или къ капиталистамъ, т. е. разрѣшеніемъ вопросовъ о наймѣ рабочихъ, по безличному торговому праву, и о займѣ по тому же торговому праву, гдѣ все сводится къ эквиваленту, и гдѣ коммерческій человѣкъ является совмѣстно и кредиторомъ и должникомъ.

Обращаясь къ нашему своду законовъ и въ особенности къ т. XI, референтъ находитъ, что въ массѣ разнообразныхъ распоряженій, уставовъ, учрежденій несомнѣнно можно растеряться. Поэтому онъ поставилъ себѣ задачею пріурочить XI т. къ общей системѣ законодательства, указать на его необходимыя составныя части, раскрыть, въ чемъ онъ составляетъ слѣдствіе и дополненіе общихъ законовъ гражданскихъ, что̀ въ немъ неизмѣнно, какъ разумное и теоретически оправдываемое, должно остаться и что̀ подлежитъ исключенію. Такъ В. Н. Лешковъ полагаетъ, что рядъ узаконеній о правахъ сословныхъ долженъ бы всецѣло быть предметомъ законовъ о состояніяхъ, что узаконенія о гражданскихъ правахъ купечества, особенно о наслѣдствѣ, должны бы войти въ систему общихъ гражданскихъ законовъ въ виду единства началъ, что слѣдовало бы выраженіе „свободная торговля“ замѣнить „*правомъ промысловъ*“, что необходимо внести въ систему торговаго права, не довольствуясь вексельнымъ правомъ, *наемъ торговый*, дополнивъ т. XI постановленіями о личномъ наймѣ по торговому праву; что книга III объ особенныхъ договорахъ и обязательствахъ, какъ не заключающая въ себѣ коммерческаго элемента, кромѣ поводовъ, по которымъ законъ именно въ этомъ мѣстѣ говоритъ объ этихъ договорахъ, должна бы занять мѣсто въ системѣ гражданскаго права, и что судоустройство и судопроизводство должны также быть измѣнены. Далѣе референтъ, указавъ на универсальный характеръ торговаго права, на свободу промышленности и независимость ея отъ правъ состоянія лицъ, на значеніе его общественное, государственное и международное, предложилъ слѣдующую систему его:

Ч. I. Право промышленное частное.

Отд. I. Право промысловое.

Отд. II. Право торговое.

Отд. III. Судоустройство и судопроизводство.

Ч. II. Право промышленности общественное.

Отд. I. Учрежденія для развитія техническихъ, вообще спеціальныхъ свѣдѣній.

Отд. II. Установленія для усиленія оборотовъ и для обра-

зованія капиталовъ въ странѣ, особенно посредствомъ кредитныхъ учрежденій.

Отд. III. Охраненіе нашей промышленности отъ вліянія извнѣ, посредствомъ тарифовъ, консульствъ, трактатовъ.

Въ заключеніе же своего общаго очерка о правѣ промышленности, въ которомъ частное торговое право противополагается гражданскому, подобно тому какъ законы движенія противополагаются законамъ равновѣсія, статики, В. Н. Лешковъ, переходя къ частностямъ, остановилъ особенное вниманіе собранія на отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ, о правѣ рабочихъ и о наймѣ.

Предсѣдатель. Неугодно-ли сдѣлать кому-нибудь возраженія? Потрудитесь заявить кто желаетъ.

С. А. Муромцевъ. Мм. гг. Рефератъ почтеннаго профессора Лешкова заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: отрицательную—указаніе недостатковъ содержанія и системы дѣйствующихъ нынѣ законовъ XI тома, и положительную—предложеніе новой системы взамѣнъ теперь существующей. Что касается отрицательной стороны, то, я полагаю, съѣздъ не будетъ спорить противъ нея: давно уже среди русскихъ юристовъ сложилось крѣпкое убѣжденіе въ коренныхъ недостаткахъ системы и содержанія дѣйствующаго свода законовъ. Другое дѣло,—положительная сторона реферата. Вопросъ о системѣ уложенія не таковъ, чтобы могъ быть разрѣшенъ въ какіе-нибудь полчаса, и притомъ на съѣздѣ. Вопросъ о системѣ есть прежде всего вопросъ теоретическій и научный. Наука и вообще теорія не могутъ имѣть мѣста на съѣздѣ, онѣ имѣютъ свой органъ въ печатномъ словѣ, съѣздъ же долженъ и можетъ заниматься только практическими вопросами.—Поэтому, мм. гг., я предлагаю: соглашаясь вполнѣ съ заключеніемъ г. Лешкова о неудовлетворительности нашихъ законовъ о промышленности,—предлагаемыя имъ положительныя указанія признать внѣ компетентности съѣзда.

Предсѣдатель. Слѣдовательно, мы должны заявить въ нашемъ протоколѣ, что въ такомъ-то отношеніи рефератъ признанъ удовлетворительнымъ и съѣздъ его утверждаетъ, а такая-то часть реферата осталась не обсужденною за такими-то основаніями.

В. Д. Спасовичъ. Я полагаю, что даже въ такомъ видѣ трудно рѣшить вопросъ, потому что даже въ первой части, т. е., въ части критической В. Н. предпослалъ своимъ выводамъ двѣ посылки, которыя могутъ подвергнуться еще сильному спору. Эти двѣ посылки суть слѣдующія: первая, что совмѣстной кодификаціи гражданскаго и торговаго права допустить нельзя и что, напротивъ, безусловно необходима отдѣльная кодификація торговаго права. Я понимаю, что существуютъ установленія, составляющія область исключительно торговаго права: таковы кредитныя и промысловыя учрежденія; таковы законодательныя предписанія, обязательныя для владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ,— относительно больницъ, учебныхъ заведеній и т. д. Но этимъ не исчерпывается все содержаніе торговаго права. Въ его область входитъ также масса постановленій не одного торговаго, но и гражданскаго характера; напр. по вопросу о личномъ наймѣ и торговыхъ компаніяхъ. Куда пріурочить всѣ таковые институты:—къ сферѣ гражданскаго или торговаго права?

Вторая посылка, которую В. Н. считаетъ какъ-бы рѣшенною разъ навсегда, заключается въ томъ, что, по его мнѣнію, непремѣнно должно существовать особое торговое судопроизводство, а это опять-таки представляется спорнымъ. Я думаю поэтому, что до обсужденія этихъ двухъ посылокъ нельзя опредѣлительно высказаться и о первой части реферата.

А. М. Фальковскій. Я считаю нужнымъ, мм. гг., обратить ваше вниманіе на ту часть доклада уважаемаго нашего сочлена, которая касалась обсужденія принципа сословности, будто бы принятаго нашимъ торговымъ законодательствомъ. По этому вопросу нельзя, господа, не замѣтить, что книга I-я о правѣ на торговлю, въ которой такъ строго проводятся различія сословныя, между подданными и иностранцами, между городомъ и деревнею, въ значительной степени, 1 января 1863 года, а потомъ положеніемъ 9 февраля 1865 г. о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, отмѣнена. Съ тѣхъ поръ свидѣтельства, какъ купеческія, такъ и промысловыя могутъ быть одинаково выдаваемы

какъ русскимъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ, и сословныя различія почти вовсе не существуютъ. Перехожу къ вопросу о системѣ. Всѣмъ намъ хорошо извѣстно изъ энциклопедіи, что торговое право, будучи съ одной стороны вѣтвью государственнаго и международнаго права, съ другой представляетъ самостоятельную область права гражданскаго. Эта послѣдняя выдѣлена въ нашемъ законѣ въ особое торговое гражданское право. Чего же больше? Впрочемъ я этимъ еще не хочу сказать, чтобы вопросъ, выдвинутый на очередь В. Н., не могъ быть предметомъ обсужденія на съѣздѣ. Напротивъ, я полагаю, что этотъ вопросъ не исключительно теоретическій, что онъ имѣетъ глубокое практическое значеніе. Если въ наукѣ нужна система, то развѣ она можетъ быть забыта въ законѣ? Развѣ въ законодательствѣ система ничего не значитъ? Развѣ положеніе того или другаго института права совершенно безразлично для юриста-практика? Думаю, что нѣтъ, и что предлагаемая система, какъ и всякая другая, заслуживаетъ вниманія съ точки зрѣнія практической. Поэтому нельзя не пожалѣть, что уважаемый докладчикъ не указалъ для своей системы болѣе опредѣленныхъ основаній и черезъ это затруднилъ возможность стать къ этой части его доклада въ критическое отношеніе. Во всякомъ случаѣ, я предложилъ бы собранію просить В. Н., чтобы онъ подробнѣе и съ бо́льшею опредѣленностью разработалъ свое предложеніе, которое въ этомъ новомъ видѣ могло бы стать однимъ изъ предметовъ обсужденія на будущемъ съѣздѣ, если таковой когда-либо состоится.

К. А. Рихтеръ. Я, мм. гг., позволю себѣ представить замѣчаніе по поводу одного вопроса, затронутаго предложеніемъ почтеннаго В. Н. Если я не ошибаюсь, В. Н. высказалъ такую мысль, что произведеніе промышленности, доколѣ оно не достигло потребителя, а находится въ рукахъ купца, не есть собственность, а товаръ. Понятно, въ связи съ общею мыслью референта, выводъ отсюда тотъ, что товаръ какъ будто изъятъ изъ области гражданскаго права, которое трактуетъ о правѣ собственности. Смѣю думать, что положеніе это нѣсколько произвольно: какъ бы мы ни

назвали вещь—предметомъ или товаромъ, она должна имѣть своего хозяина—собственника, она можетъ перемѣнять хозяина, переходить изъ рукъ въ руки, но и у купца она должна быть собственностью. Поэтому, мнѣ казалось бы, что, насколько товаръ есть собственность, настолько онъ всецѣло относится къ области гражданскаго права, и переносить этотъ признакъ въ другую область не представляется основаній.

А. В. Соколовъ. Въ виду недостатка времени, я ограничусь только нѣкоторыми общими замѣчаніями. Если пуститься въ подробное разсмотрѣніе того, что̀ должно быть исключено изъ устава торговаго и что̀ въ немъ должно содержаться, то это потребуетъ слишкомъ подробнаго анализа дѣйствующаго законодательства и тѣхъ институтовъ, которые, по мнѣнію почтеннаго сочлена, должны войти въ уставъ о правѣ промышленности торговой. Мало того, не надо упускать изъ вида практической стороны, и прежде всего условиться, долженъ-ли существовать особый кодексъ торговый, или постановленія, содержащіяся въ XI томѣ, должны быть размѣщены по принадлежности въ другихъ томахъ свода законовъ. Далѣе, прежде чѣмъ разсуждать о порядкѣ изложенія торговыхъ узаконеній, слѣдуетъ опредѣлить отношеніе торговаго устава къ другимъ частямъ законодательства и планъ, который будетъ положенъ въ основаніе будущей нашей кодификаціи. Отъ характера будущаго нашего свода законовъ гражданскихъ и будетъ зависѣть рѣшеніе вопроса, въ какой мѣрѣ потребуется исключеніе того или другаго изъ устава торговаго, такъ что заранѣе задаваться подробнымъ планомъ относительно способа кодификаціи нѣтъ основанія. Что касается системы, то какъ извѣстно изъ науки торговаго и гражданскаго права, изъ разныхъ сочиненій нашихъ цивилистовъ, системы весьма разнообразны, и каждая система, правильно проведенная, можетъ быть основательною, но задаваться тѣмъ, какой системѣ отдать преимущество, было бы слишкомъ рано. Прежде надо рѣшить, въ какой мѣрѣ понадобится будущій торговый кодексъ? Вотъ тѣ краткія замѣчанія, которыя я счелъ нужнымъ заявить съѣзду. Можно бы было говорить под-

робно относительно тѣхъ или другихъ институтовъ, но я считаю это излишнимъ, такъ какъ вопросъ слишкомъ не разработанъ. Я считаю долгомъ замѣтить только, что нельзя ограничить кодексъ торговыхъ узаконеній лишь тѣми или другими юридическими сдѣлками. По моему мнѣнію, въ каждой юридической сдѣлкѣ, какъ скоро она носитъ на себѣ промышленный характеръ, уже содержится элементъ торговаго права.

М. П. Соловьевъ. Въ докладѣ проф. Лешкова я, съ своей стороны, нахожу положенія, съ которыми согласиться не могу. Почтенный референтъ между прочимъ указываетъ въ разныхъ мѣстахъ своего доклада, что гражданское право преимущественно должно заключаться въ тѣсныхъ рамкахъ имущественнаго права, а подъ имуществомъ онъ въ своемъ предложеніи разумѣетъ только одно недвижимое имущество историческими особенностями котораго у разныхъ націй онъ объясняетъ и всѣ различія ихъ гражданскихъ кодексовъ. Я нахожу, что подобное опредѣленіе гражданскаго права страдаетъ нѣкоторою узкостью. Старинное понятіе, что гражданское право должно заключать въ себѣ первыя коренныя права личности, думается мнѣ, имѣетъ какъ нельзя болѣе жизненное значеніе и въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ, гражданское право, какъ оно изложено во всѣхъ нынѣшнихъ кодексахъ, не есть только одно имущественное право, оно обнимаетъ и тѣ первобытные элементы, безъ которыхъ немыслимо человѣческое существованіе. Первыя коренныя права, вытекающія изъ союза во имя любви, союза во имя промышленныхъ предпріятій, имѣющихъ имущественный интересъ; подобныя права не суть права политическія, они существовали и существуютъ раньше всѣхъ политическихъ правъ. Можно представить себѣ личность безъ всякихъ политическихъ правъ, но невозможно представить личность, которая не могла бы сдѣлаться отцомъ, которая не могла бы имѣть личныхъ, имущественныхъ правъ, и въ этомъ отношеніи кодексъ гражданскій долженъ обнимать и личное право. Развѣ мы не видимъ, что всѣ законодательства Европы понимаютъ гражданское право не иначе какъ въ этомъ видѣ. Я не вижу никакого основанія,

почему нужно бы было такой широкій рядъ правоотношеній, которыя вытекаютъ изъ отношеній по труду, ставить въ какой-то особый отдѣлъ гражданскаго права, извѣстный подъ именемъ права промышленнаго. Какова бы ни была цѣль пріобрѣтенія имущества, все таки эта цѣль достигается человѣческимъ трудомъ; человѣкъ достигаетъ этой цѣли или для себя, или для другаго: для себя—онъ дѣлается собственникомъ, для другаго—онъ дѣйствуетъ по договору; такимъ образомъ, то основаніе, которое почтенный референтъ приводитъ въ своемъ промышленномъ правѣ, оно всецѣло заключается въ правѣ договорномъ. Вообще я сомнѣваюсь въ необходимости дробить гражданское право, выдѣлять изъ него право личное, имущественное. Я даже думаю, что это невозможно, и полагаю, что и то промышленное право, поскольку оно является въ настоящее время актомъ гражданскимъ, не имѣетъ никакого основанія, и при будущихъ кодексахъ было бы гораздо правильнѣе всякое спеціальное коммерческое право сокращать.

В. Н. Лешковъ. Послѣднее слово принадлежитъ обвиняемому. Я не буду огорченъ, если обсужденіе моего реферата на съѣздѣ собраніе найдетъ не вполнѣ умѣстнымъ. Я счастливъ тѣмъ, что подамъ поводъ къ начатію работъ съѣзда, вызвавъ столь многочисленныя и оживленныя возраженія. Признаюсь, я этого не ожидалъ. Я боялся, что мой рефератъ будетъ пройденъ молчаніемъ, но этого не случилось и, стало быть, поставленный мною вопросъ обладаетъ несомнѣннымъ практическимъ интересомъ.

Послѣ этого предсѣдатель предложилъ собранію рѣшить: согласно-ли оно съ мнѣніемъ референта о необходимости пересмотра устава торговаго (т. XI зак.) съ тѣмъ, чтобы В. Н. Лешковъ къ будущему съѣзду представилъ болѣе подробныя указанія какъ совершить эту работу.

Собраніе изъявило на это согласіе. Затѣмъ предсѣдатель предложилъ перейти къ обсужденію рефератовъ, возложенныхъ съѣздомъ на секретаря А. М. Фальковскаго.

А. М. Фальковскій. Мм. гг., собственно на мою долю выпадалъ здѣсь рефератъ одного только предложенія, даннаго мною лично съ моимъ товарищемъ М. П. Соловьевымъ,

т. е. объ изданіи гражд. уложенія Россійской имперіи и т. д., но вслѣдствіе неожиданныхъ событій, именно вслѣдствіе того, что лица, предложившія 3-е и 7-ое предложенія, А. А. Книримъ и сенаторъ С. И. Зарудный не прибыли на съѣздъ, во вчерашнемъ засѣданіи собранію угодно было почтить меня, возложивъ на меня рефераты и по двумъ остальнымъ предложеніямъ, такъ какъ они имѣютъ тѣсную связь съ тѣмъ, которое я принялъ первоначально на себя. Въ серіи этихъ трехъ предложеній на первомъ мѣстѣ я долженъ отмѣтить самое простое, это предложеніе объ изданіи тома X свода законовъ. Предложеніе это мотивировано уважаемымъ сенаторомъ Зарудnымъ, поэтому я считаю своею обязанностью прежде всего познакомить съ мнѣніемъ предложившаго его. Вотъ, что онъ высказалъ въ своемъ мнѣніи:

„Мы постоянно слышимъ, что примѣненіе свода законовъ со всѣми его продолженіями къ дѣлу становится, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе затруднительно. Подобные отзывы неопровержимы, и слѣдовало бы устранить поводы къ тому. Извѣстно, что продолженія къ своду не входятъ въ самый текстъ закона, не сливаются съ нимъ, а являются въ видѣ отдѣльныхъ, повременныхъ, механическихъ указаній на сдѣланныя въ законѣ измѣненія. Указанія эти не всегда разъясняютъ отношеніе новаго закона къ прежнему,—въ особенности по тѣмъ предметамъ, которые подверглись существеннымъ перемѣнамъ. Можно въ видѣ доказательства указать на положеніе о нотаріальной части. Оно вошло въ приложеніе къ 708 ст., т. X, ч. I зак. гр., а въ текстѣ закона внесено примѣчаніе къ этой статьѣ (по прод. 1868 г.), въ коемъ сказано: въ 1866 г. утверждено положеніе о нотар. части, которымъ установлены *новыя правила для совершенія актовъ и засвидѣтельствованій*. . . Сіе дополненіе относится также къ статьямъ: 742—760. 761. 764—768. 795. 800—802. 807—809. 811—813. 815—818. 819. 820—825. 872. 873. 874. 876—882. 884—886. 905—907. 987. 990. 1007. 1343. 1420—1422. 1448. 1464. 1508. 1540—1542. 1562. 1643. 1669. 1673. 1742. 1743. 1896. 2013. 2034. 2036. 2052. 2059. 2061. 2062. 2168. 2308—2313. 2422. 2329.

Подъ всѣми этими статьями сказано: *смотри выше дополн. къ ст. 708.* Но въ чемъ же состоятъ самыя измѣненія прежнихъ правилъ, этого не объяснено, и потому разъясненіе этого вопроса входитъ всегда въ область умозаключеній лица, примѣняющаго къ дѣлу законъ. Этотъ важный недостатокъ слѣдовало бы устранить изданіемъ новаго свода законовъ гражданскихъ (т. X., ч. I), въ коемъ всѣ предложенія и дополненія вошли бы въ систему свода и слились бы съ самымъ текстомъ, причемъ нумерація свода 1857 г. отнюдь не должна быть измѣнена, такъ что новое изданіе было бы не что иное, какъ усовершенствованіе столь извѣстныхъ и въ высшей степени полезныхъ на практикѣ изданій свода законовъ гг. Усова и Анисимова.

Составить такую книгу едва-ли можетъ одинъ человѣкъ; но съѣздъ можетъ раздѣлить трудъ между многими лицами. Въ числѣ членовъ съѣзда могутъ быть и капиталисты, которые не затруднятся затратить на эту работу достаточную сумму денегъ, которая,—если изданіе будетъ сдѣлано добросовѣстно,—конечно вознаградится съ избыткомъ. Обсужденіе программы такого изданія могло бы быть предметомъ, одного изъ первыхъ засѣданій съѣзда".

Мнѣ кажется, прочитанное мною достаточно ясно характеризуетъ сдѣланное намъ предложеніе. Оно, съ одной стороны, какъ бы держится того воззрѣнія, что первый съѣздъ юристовъ въ Россіи не прочь заниматься такимъ дѣломъ, которое, конечно, будетъ исполнено II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи при новомъ изданіи законовъ, а, съ другой, возлагаетъ на насъ порученіе сотрудничества промышленникамъ, торгующимъ книгами, обѣщая даже денежную выгоду. Очевидно, что подобное предложеніе, обращенное къ такому собранію, какое я вижу передъ собою, совершенно неумѣстно. Такого взгляда можно держаться только подъ условіемъ полнаго согласія съ идеями одного петербургскаго публициста, который утверждаетъ, что во всей Россіи только два ученыхъ юриста. Исключите его самого, и вы получите странный выводъ—на всю Россію только одинъ юристъ! Чѣмъ, какъ не подобнымъ только взглядомъ на наши духовныя силы, можно объяснить себѣ

только-что прочитанное мною предложеніе? Правда, авторъ сильно напираетъ на его практичность, но какъ бы ни было оно практично, насколько бы ни вело къ цѣли облегчить занятія того или другаго судьи, адвоката и т. п., я все-таки не нахожу, чтобы подобные предметы могли быть обсуждаемы огромною коллегіею юристовъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи, юристовъ, задача которыхъ — высказать здравыя юридическія воззрѣнія, указать, что̀ можетъ быть сдѣлано лучшаго въ Россіи, что̀ подлежитъ измѣненію, однимъ словомъ, дать толчекъ нашему юридическому мышленію. Поэтому я полагаю, что подобнаго рода предложеніе не можетъ быть признано серьезнымъ ни по цѣли, ни по содержанію, ни по характеру того собранія, къ которому обращено. Впрочемъ я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы предложеніе сенатора Заруднаго роняло его автора. Нисколько. Оно въ моихъ глазахъ не болѣе какъ плодъ нѣкотораго недоразумѣнія, созданіе мимолетнаго увлеченія идеей недостатка нашихъ духовныхъ силъ.

Поэтому нисколько не ставя въ вину автору это предложеніе, тѣмъ болѣе, что оно принято коммиссіею и внесено въ нашу программу, я все-таки полагаю, что подобное предложеніе должно быть въ принципѣ признано неудобоисполнимымъ со стороны съѣзда.

Предсѣдатель. Мысль С. И. Заруднаго, сколько мнѣ извѣстно, заключается въ томъ, чтобы дать всѣмъ юристамъ такую книгу, такой сводъ, который бы могъ быть полезенъ всѣмъ безъ исключенія, и потому онъ предлагаетъ лицамъ компетентнымъ, не такимъ, какими можно считать Анисимова и компанію, вовсе не имѣющихъ юридическихъ свѣдѣній, заняться соединеніемъ продолженій съ текстомъ закона, которыя часто находятся въ противорѣчіи и которыя II-мъ отдѣленіемъ не согласованы.

М. П. Соловьевъ. Заявленіе сенатора Заруднаго было разсмотрѣно въ подготовительной коммиссіи и принято въ виду слѣдующаго соображенія. Предложеніе сенатора Заруднаго было первымъ оффиціальнымъ заявленіемъ, выражавшимъ одну общую мысль, проходящую чрезъ всѣ вопросы гражданскаго отдѣленія съѣзда, именно о неудовле-

творительности нашего существующаго свода законовъ гражданскихъ. Въ этомъ отношеніи мы весьма дорожили первымъ заявленіемъ отъ лица столь компетентнаго, а, принявъ его, мы думали, что устранили вопросъ объ умѣстности заявленія, тѣмъ болѣе, что оно утверждено правительствомъ. Переходя къ оцѣнкѣ заявленія по существу, я и здѣсь не вижу причины нападать на него. Дѣйствительно, мы очень нуждаемся въ сводѣ законовъ съ продолженіями, внесенными въ самый текстъ, а что до предложенія подобной работы съѣзду, то это вещь весьма понятная. С. И. Зарудный имѣлъ очевидно въ виду свое собственное изданіе итальянскаго гражданскаго уложенія, вторая часть котораго заключаетъ въ себѣ ученый комментарій. Собственно говоря, я, лично, въ принципѣ противъ этого изданія, но я счелъ своею обязанностью, какъ бывшій членъ коммиссіи, сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно причинъ, по которымъ заявленіе это попало на обсужденіе съѣзда.

В. Д. Спасовичъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ этомъ предложеніи выражено, во 1-хъ, недовѣріе къ тому, чтобы новое изданіе свода законовъ, если бы оно было предпринято II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, могло удовлетворять требованіямъ, выставленнымъ г. Зарудным. Недовѣріе это кажется мнѣ весьма основательнымъ, потому что всѣ подобнаго рода редакціонныя работы въ послѣднее время оказывались очень и очень плохими. Во всѣхъ продолженіяхъ иногда весьма существенныя постановленія изчезали, не бывъ отмѣнены законнымъ порядкомъ, а равнымъ образомъ являлись новыя постановленія, неизвѣстно откуда взятыя. Это общая черта оффиціальныхъ работъ послѣдняго времени, почему и желательно, чтобы новое изданіе свода было предпринято частнымъ лицомъ, чтобы оно было такимъ образомъ неоффиціальное. Обращеніе къ съѣзду, правда, не слишкомъ удачно, но не имѣетъ ли оно того смысла, что, быть можетъ, найдутся на съѣздѣ цивилисты — два, три человѣка, которые согласившись и распредѣлятъ эту работу между собою.

И такъ, если и не совсѣмъ-то удобно дѣлать рефератъ г. Заруднаго предметомъ обсужденія нашего съѣзда, однако

нельзя не признать, что предложеніе это имѣетъ несомнѣнныя практическія достоинства.

К. А. Рихтеръ. Предложеніе сенатора Заруднаго распадается на двѣ части: въ первой выражена мысль о необходимости изданія новаго полнаго свода законовъ гражданскихъ, во второй г. Зарудный обращается къ съѣзду съ предложеніемъ, не найдутся-ли люди, которые примутъ на себя этотъ трудъ; я не раздѣляю мнѣнія А. М. Фальковскаго, чтобы и въ томъ и въ другомъ случаѣ г. Зарудный сдѣлалъ какое-либо неумѣстное предложеніе. Что касается до основной идеи, что желательно было бы изданіе подобнаго свода, то она достаточно ясно мотивирована. Подобная необходимость чувствуется всѣми нами, и мы по-неволѣ обращаемся къ разнымъ частнымъ изданіямъ, чтобы не рыться во всѣхъ продолженіяхъ. И, съ другой стороны, не нахожу ничего оскорбительнаго въ предложеніи намъ такого почтеннаго труда, полезнаго для всей Россіи. Капиталисты могутъ вездѣ найтись, какъ справедливо замѣчаетъ Зарудный, но не всѣ капиталисты—юристы, и здѣсь всего скорѣе можно найти охотниковъ на такой почтенный трудъ. Поэтому я нахожу предложеніе совершенно умѣстнымъ. Быть можетъ не найдется людей, которые приняли бы на себя этотъ трудъ, которые пожелали бы пожертвовать капиталомъ,—это другой вопросъ, но чтобы они нашлись, это очень и очень желательно.

М. В. Шимановскій. Я не стану защищать сенатора Заруднаго и прямо приступлю къ содержанію того предложенія, которое было доложено. Цѣль его заключается въ изданіи новаго свода, чтобы облегчить трудъ изученія 1-ой ч. X т. вмѣстѣ съ его продолженіями. Но спрашивается, даетъ-ли намъ г. Зарудный какія-нибудь указанія, какъ выполнить эту задачу? Два раза авторъ повторялъ свой тезисъ: „слить сводъ законовъ съ продолженіями“. Сказать это, конечно, легко. Но что, если текстъ продолженій очень часто находится съ текстомъ свода въ явномъ противорѣчіи? А оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Если у насъ существуетъ рядъ продолженій, которыя юристъ-практикъ—судья, адвокатъ—затрудняется отыскать, такъ именно потому, что то

учрежденіе, которое завѣдуетъ редакціей свода законовъ, II-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, само не находитъ возможнымъ сказать, что такая-то статья отмѣнена тѣмъ или другимъ продолженіемъ. Однако допустимъ, что невозможное для II-го отдѣленія возможно для юриста-ученаго. Онъ въ состояніи проникнуть въ духъ закона и примирить противорѣчія. Но вотъ вопросъ: какое практическое значеніе можетъ имѣть такая работа? Комментарій юриста—не законодательный актъ и не можетъ быть авторитетомъ въ глазахъ судьи или адвоката. Комментарій этотъ годится развѣ для законодательныхъ работъ. Какъ извѣстный логическій выводъ онъ въ высшей степени полезенъ для будущихъ соображеній законодателя. Только въ этомъ смыслѣ я и понимаю значеніе предлагаемаго труда. Самъ г. Зарудный говоритъ, что разъясненіе вопроса, въ чемъ состоятъ самыя измѣненія прежнихъ правилъ, всецѣло дѣло умозаключенія, а каждый умозаключаетъ посвоему. Слѣдовательно предлагаемая къ изданію книга будетъ носить на себѣ чисто субъективный характеръ. Обязательной силы она имѣть не можетъ; пользоваться ею, какъ сводомъ законодательныхъ предписаній, никому не придется. Разумѣется, дайте мнѣ подобную книгу,— я скажу спасибо за цѣлый рядъ логическихъ соображеній, за тѣ или другія толкованія статей закона. Но разъ эти толкованія необязательны,— они почти вовсе лишены практическаго значенія. И врядъ-ли отыщутся люди, которые положили бы столько труда для достиженія столь ничтожнаго въ практическомъ отношеніи результата.

А. В. Соколовъ. Съ полнымъ уваженіемъ отношусь я къ предложенію г. Заруднаго. Какъ палліативъ, суррогатъ будущаго уложенія, предлагаемое изданіе вещь несомнѣнно полезная. Его теоретическое значеніе признается всѣми. Особенный интересъ получитъ оно для студентовъ, какъ хорошее руководство въ дѣлѣ изученія отечественнаго законодательства. Но и въ практическомъ отношеніи предполагаемое изданіе вещь далеко не вовсе безполезная. Хотя у насъ и существуетъ II-е отдѣленіе, на которое возложена обязанность слѣдить за отмѣною, измѣненіями и дополне-

ніями законовъ, однако трудъ этотъ организованъ такъ, что рѣшительно не достигаетъ цѣли. Отдѣльные члены разобрали все законодательство по отраслямъ, и каждый самъ по себѣ заботится лишь о чисто механическомъ пополненіи своей части свода, путемъ изданія продолженій къ статьямъ такимъ то. При этомъ врядъ ли кто безпокоится о соглашеніи возникающихъ противорѣчій. Въ виду всего этого было бы вовсе нелишнимъ, если бы съѣздъ образовалъ изъ своей среды коммиссію, которая занялась бы изслѣдованіемъ противорѣчій и недомолвокъ, возникшихъ вслѣдствіе того, что статьи свода не согласованы съ дополненіями. Не говоря уже о томъ, что такая работа могла бы лечь въ основаніе работъ нашей будущей законодательной коммиссіи, я думаю, что она не останется безъ вліянія и на дѣятельность II-го отдѣленія. II-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи имѣетъ своимъ призваніемъ не только изданіе продолженій, но и согласованіе ихъ со сводомъ законовъ. Мы знаемъ, что это вызвало измѣненіе нѣкоторыхъ статей закона путемъ простаго изданія продолженій. Скажу больше,—этимъ путемъ въ нашъ сводъ проникли даже совершенно новыя законоположенія и отмѣнены старыя. Примѣръ—законъ о ношеніи бородъ: когда же вопросъ объ его отмѣнѣ разсматривался государственнымъ совѣтомъ? Онъ просто прошелъ путемъ редакціоннымъ. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предложеніи, что II-е отдѣленіе воспользуется трудами нашей коммиссіи и чисто редакціоннымъ порядкомъ придастъ имъ законодательную санкцію. Тогда ихъ практическое значеніе окажется вполнѣ несомнѣннымъ. Само собой разумѣется, что для съѣзда въ его полномъ составѣ задача, поставленная г. Зарудnымъ, невыполнима. Но съѣздъ могъ бы обратиться къ своимъ уважаемымъ сочленамъ, ко всему почтенному сословію, чтобы каждый доводилъ до свѣдѣнія, положимъ, Юр. Общ., всѣ тѣ недомолвки и противорѣчія, которыя имъ усмотрѣны въ сводѣ законовъ гражданскихъ съ его продолженіями. Масса въ высшей степени полезныхъ указаній, которая составится этимъ путемъ, могла бы быть представлена черезъ Московское Юрид. Общество для сообра-

женія II-му отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи. Я полагаю, что II-е отдѣленіе осталось бы вполнѣ признательнымъ, такъ какъ силы одного лица недостаточны, чтобы произвести подобный пересмотръ. Вотъ мое мнѣніе по этому вопросу.

Ѳ. Ф. Балашевичъ. Я согласенъ, что было бы полезно издать X томъ со всѣми продолженіями въ текстѣ согласно съ предложеніемъ сенатора Заруднаго. Но было бы еще полезнѣе издать X т. съ болѣе подробными цитатами изъ полнаго собранія законовъ. Мы знаемъ, что приводимыя цитаты вовсе не удовлетворяютъ юриста-практика; онѣ указываютъ часто на одно позднѣйшее узаконеніе, въ отмѣну котораго изданъ новый законъ, а не на всѣ важнѣйшія узаконенія, изъ которыхъ исторически слагалась данная статья. Кромѣ того я полагаю, что сверхъ цитатъ было бы не лишнее помѣщать въ новомъ изданіи выноски изъ самыхъ узаконеній. Конечно, это трудъ громадный; онъ предполагаетъ сличеніе общаго собранія законовъ, которое представляетъ цѣлую массу томовъ, изъ которыхъ въ каждомъ болѣе тысячи листовъ. Но за то какая же и польза для тѣхъ юристовъ-практиковъ, которые не могутъ изучать X-ый т. по источникамъ. Наконецъ, если бы было такое изданіе, то многіе вопросы на практикѣ не были бы возбуждаемы. Такъ, напр., 1037 и 1040 ст. вызвали много противорѣчій на практикѣ и много преній въ литературѣ, такъ что потребовался цѣлый рядъ кассаціонныхъ рѣшеній, чтобы возстановить истинный смыслъ этихъ статей. Но если бы статьи эти были изданы съ выписками изъ узаконеній, тогда каждый уяснилъ бы себѣ точный смыслъ ихъ и сказалъ бы, что ларчикъ просто открывался.

А. М. Фальковскій. Мнѣ кажется, мм. гг., что мои слова нѣкоторыми изъ оппонентовъ были не вполнѣ поняты. Я не имѣлъ намѣренія въ моей первой рѣчи по поводу предложенія сенатора Заруднаго высказать что-либо, касающееся лично предложившаго его; я только хотѣлъ указать то отношеніе, въ которомъ вопросъ находится къ настоящему собранію. Я хотѣлъ высказать ту мысль, что собраніе юристовъ со всѣхъ концовъ Россіи не можетъ задаваться

выполненіемъ такихъ задачъ, для которыхъ требуется громадный трудъ, а результатъ предвидится весьма незначительный, что въ виду тѣхъ вопросовъ, которые будутъ обсуждаться съѣздомъ, этотъ первый вопросъ очевидно отодвигается на задній планъ. Я ничего не могу возразить противъ тѣхъ, которые говорили, что признаютъ полезнымъ, чтобы кто-нибудь взялъ на себя этотъ трудъ, но я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ одного изъ членовъ, что это не можетъ быть предметомъ занятій цѣлаго состава съѣзда. Далѣе, мнѣ кажется, что, въ виду предстоящаго съѣзду разрѣшенія другихъ кодификаціонныхъ вопросовъ, резолюцію по занимающему насъ вопросу можно было бы и отложить. И такъ, не найдетъ-ли съѣздъ возможнымъ постановить свою резолюцію одновременно по всѣмъ предложеніямъ, требующимъ пересмотра гражданскаго законодательства и устава торговаго?

А. И. Морозовъ. Не признаетъ-ли съѣздъ необходимость болѣе частаго, нежели теперь, оффиціальнаго изданія свода законовъ гражданскихъ и торговыхъ? Коммиссіею, которая составляла нынѣ дѣйствующій сводъ законовъ, было постановлено исправлять изданіе черезъ 10 лѣтъ. Въ настоящее время послѣднее изданіе дѣйствуетъ 18 лѣтъ. Это чрезвычайно затрудняетъ изученіе законовъ...

Предсѣдатель. Это новое предложеніе, которое не можетъ быть предметомъ обсужденія съѣзда, такъ какъ вы не внесли его заблаговременно, и оно поэтому не включено въ программу. Предложеніе С. И. Зарудnаго иное, и мы заняты его обсужденіемъ.

А. И. Морозовъ. Въ такомъ случаѣ я не имѣю ничего сказать противъ и полагаю, что отрицать важность сліянія статей свода законовъ съ продолженіями, значитъ отрицать пользу вообще всякаго опредѣленнаго, хорошо составленнаго свода.

Предсѣдатель. Прежде, чѣмъ перейти къ слѣдующему вопросу, надо постановить заключеніе относительно разсмотрѣннаго нами. Послѣ всего, что было говорено членами, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что предложеніе г. Зарудnаго весьма основательно, но что съѣздъ не можетъ принять на себя его исполненія.

В. Д. Спасовичъ. Нельзя-ли въ редакцію вопроса включить одно слово, для устраненія всякихъ недоразумѣній, а именно, что изданіе должно быть частное, а не оффиціальное.

Предсѣдатель. Разумѣется, частное; это само собою понятно.

Большинство членовъ съѣзда относительно выслушаннаго предложенія сенатора Заруднаго согласилось съ заключеніемъ предсѣдателя.

А. М. Фальковскій. Второе предложеніе, на которомъ я долженъ остановить ваше вниманіе, это предложеніе А. А. Книрима: „О необходимости новой кодификаціи гражданскаго права матеріальнаго взамѣнъ 1 ч. X т. св. зак. гражд. и бо̀льшей части торговаго устава, съ указаніемъ, какъ совершить эту работу.“ Предложеніе это, подобно предшествовавшему, исходитъ также отъ лица вполнѣ положительнаго и занимающаго высокій постъ въ магистратурѣ, отъ человѣка науки и опыта. Поэтому съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаю ту черту реферата, что онъ признаетъ необходимость пересмотра всей системы нашего гражданскаго права. Впослѣдствіи я буду имѣть честь изложить всѣ тѣ мотивы, которые побуждаютъ насъ желать составленія гражданскаго уложенія, но въ настоящее время я ограничусь лишь немногими замѣчаніями на предложеніе А. А. Книрима. Мнѣ кажется, нѣтъ надобности въ собраніи юристовъ распространяться о характерѣ и значеніи нашего торговаго права, получившаго свое начало въ такое время, когда въ Россіи бытовыя условія коммерціи далеко были не тѣ, какъ нынѣ, когда многія формы торговаго кредита игнорировались, въ особенности банковыя, акціонерныя, биржевыя. Все это, безъ сомнѣнія, неизбѣжно ведетъ къ пересмотру торговаго устава для согласованія его съ настоящими потребностями общества и государства. Переходя къ указанію нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ нашего торгова-го законодательства, я прежде всего долженъ обратить ваше вниманіе на одинъ замѣчательный въ немъ пробѣлъ: опредѣленія о договорѣ купли-продажи, перевозки гужевой и по желѣзнымъ дорогамъ отсутствуютъ вовсе. Сверхъ того нельзя не замѣтить, что разграниченіе между повѣреннымъ и комиссіонеромъ крайне недостаточно, что узаконенія, относя-

щіяся до несостоятельности, неудовлетворительны, и что, наконецъ, рядомъ съ судебными уставами попрежнему существуетъ порядокъ судопроизводства, во многомъ противуположный съ основными началами нашей судебной реформы. Я могъ бы, господа, значительно пополнить этотъ перечень и пуститься въ подробную оцѣнку нашего торговаго устава. Но мнѣ кажется это излишнимъ въ виду того, что исторія его составленія, его система и конструкція запечатлѣны тѣмъ же историческимъ моментомъ и тѣми же недостатками, на которые я укажу въ своемъ предложеніи объ изданіи единаго гражданскаго уложенія для Россіи. И такъ, милостивые государи, вы видите, что русскіе юристы, откликнувшіеся на зовъ нашъ, дали цѣлыхъ три предложенія, касающіяся собственно кодификаціи. Уже это одно показываетъ жизненное значеніе для нашего времени полнаго и общаго пересмотра нашихъ гражданскихъ законовъ. Но для того, чтобы вполнѣ понять, что̀ мы можемъ предпринять, что̀ мы можемъ сдѣлать съ нашей стороны, для того, чтобы ускорить дѣло составленія гражданскаго уложенія, для этого необходимо возобновить въ вашей памяти хотя бы кратко судьбы нашей кодификаціи.

(Слѣдуетъ чтеніе реферата).

Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича завершилось развитіе началъ древнерусскаго права. Составители его вполнѣ сознавали незаконченность своего труда, постановивъ: дополнять уложеніе по мѣрѣ возникающихъ случаевъ. Современемъ изъ дополнительныхъ узаконеній образовалось довольно обширное законодательство, отсутствіе въ которомъ правильной системы и единства въ основныхъ его положеніяхъ обратили на себя вниманія Великаго Преобразователя Россіи. Учрежденною Петромъ I палатою объ уложеніи начинается и продолжается до 1826 года рядъ коммиссій, имѣвшихъ предметомъ приведеніе законовъ въ одинъ стройный составъ. Труды этихъ многочисленныхъ коммиссій, вслѣдствіе колебанія россійскихъ законодателей между составленіемъ *сводовъ* и *новаго уложенія*, отсутствія полнаго собранія законовъ и другихъ причинъ, не могли увѣнчаться успѣхомъ. Коммиссія 1754 г., раздѣленная на общую и част-

ную, составила уложенія: *о судѣ, о дѣлахъ уголовныхъ и о правѣ состояній;*—1767 года представила проэкты: *о деревенскихъ и городскихъ училищахъ, объ устройствѣ почтъ, о правосудіи, объ устройствѣ полиціи, о правахъ семейственныхъ и состоянія,* не удостоившіеся Высочайшаго утвержденія.

Императоръ Александръ I въ своихъ предначертаніяхъ о новомъ органическомъ переустройствѣ государства первоначально поручилъ сенатору графу Завадовскому обозрѣніе прежнихъ кодификаціонныхъ трудовъ, но вскорѣ затѣмъ дѣло это передалъ въ Министерство Юстиціи.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ послѣдняго, отъ 28 февраля 1804 г., Министръ Юстиціи князь Лопухинъ и его товарищъ Новосильцевъ, обращая особенное вниманіе Государя на отсутствіе единства цѣли учрежденія прежнихъ коммиссій, на невозможность ограничиться простымъ собраніемъ законовъ, сочиненіемъ новыхъ, или введеніемъ чуждыхъ, на необходимыя черты, опредѣляющія вообще достоинство законовъ, и на планъ работъ по составленію общихъ государственныхъ законовъ, высказали по отношенію составленія *частныхъ* законоположеній для городовъ, провинцій и губерній, пользующихся особыми правами, слѣдующее мнѣніе:

1) извлечь изъ существующихъ частныхъ законовъ основныя ихъ начала и привести ихъ къ единству съ основаніями общаго государственнаго законоположенія

и 2) собрать и исчислить главнѣйшія *мѣстныя* обстоятельства городовъ, провинцій и губерній, и принявъ въ уваженіе климатъ, религію ихъ жителей, обычаи и политическія перемѣны, съ ними бывшія, найти разности, какія произошли отъ того въ законахъ и формахъ судебныхъ; также изслѣдовать, въ чемъ сіи мѣстныя обстоятельства дѣлаютъ препятствія въ единообразіи формъ и законовъ; и препятствія сіи существенны-ли и не преодолимы-ли; касаются ли они правъ собственности или одного обряда? Слѣдствіемъ сихъ изысканій будетъ, что губерніи или города физическими и моральными отношеніями различные получатъ, основанные на *общихъ началахъ* права и соотвѣтственные мѣстному положенію, законы; *прочіе же частные законы*

и исключенія, не сообразные съ оными и слѣдственно безполезные, сами собою отпьнятся, а дѣйствіе общаго законоположенія распространится.

На основаніи приведенныхъ соображеній, коммиссія составленія законовъ предполагала, раздѣливъ уложеніе на шесть частей, изложить: въ 1-й—органическіе, основные законы; во 2-ой—общія начала права; въ 3-й—общіе гражданскіе законы; въ 4-ой—уголовные, благочинія и полицейскіе; въ 5-ой—судопроизводства, и въ 6-ой—*частные* законы, подраздѣливъ послѣднюю часть на отдѣленія по числу губерній, городовъ, или обществъ, для которыхъ, по уваженію мѣстныхъ обстоятельствъ, утверждены будутъ *особыя права*. Эти предположенія удостоились Высочайшаго утвержденія. Но назначеніе въ 1808 году Сперанскаго присутствующимъ въ совѣтѣ коммиссіи, состоявшаго до того времени изъ Министра Юстиціи и его товарища, имѣло своимъ послѣдствіемъ другое направленіе кодификаціонныхъ работъ. Съ учрежденіемъ въ 1810 году Государственнаго Совѣта коммиссія обращена была въ установленіе, при немъ состоящее. Труды ея должны уже были вноситься на разсмотрѣніе департамента законовъ.

Составленный затѣмъ проэктъ гражданскаго уложенія Россійской Имперіи служитъ прямымъ подтвержденіемъ мысли законодательства объединить и *частное* право.

Составители проэкта, подъ вліяніемъ Наполеонова кодекса, стремились отрѣшиться отъ казуистики и обнять въ своемъ изложеніи *начала* права. Само собою разумѣется, что при условіяхъ тогдашняго общественнаго строя Россіи имъ невозможно было поставить въ основу ихъ труда плодотворное начало *независимости гражданскихъ правъ отъ политическихъ, вѣроисповѣданія и проч.*, служащее разграничительною чертою между публичнымъ и частнымъ правомъ, между областями нравственною и юридическою.

Въ проэктѣ акты гражданскаго состоянія: рожденія, брака и кончины отнесены, съ одной стороны, къ установленіямъ церкви, а съ другой стороны, введены правила объ обязательномъ внесеніи ихъ въ гражданскія метрическія книги. Положенія о брачномъ союзѣ построены на теологическомъ

воззрѣніи на бракъ, первою принадлежностью котораго поставлено совершеніе его съ обрученіемъ публично, по установленіямъ церкви. Воспрещено вдовѣ вступать во второй бракъ прежде полугода по кончинѣ мужа, а овдовѣвшему мужу не прежде какъ по истеченіи шести недѣль со дня смерти жены. Не смотря однако на избранную основу ученія о бракѣ, проэктъ гражданскаго уложенія допускаетъ *брачный договоръ* для опредѣленія имущественныхъ отношеній супруговъ; установляетъ нѣкоторыя ограниченія, воспрещающія женѣ вступать въ обязательства, могущія подвергнуть ее личному взысканію и аресту; расширяетъ *право развода*, распространяя его на случаи покушенія одного супруга на жизнь другаго, ложнаго доноса, ложнаго обвиненія въ прелюбодѣяніи и побѣга жены отъ мужа, и относитъ этого рода дѣла къ вѣдомству общихъ судебныхъ установленій. Исходя изъ начала взаимности, составители проэкта требуютъ, чтобы жена удѣляла по возможности изъ своего имѣнія на общія потребности хозяйства и доставляла въ случаѣ недостатка мужу способы содержанія. Дарованіе родителямъ права по совершеніи брака послѣдующаго просить совокупно о причисленіи ихъ незаконныхъ дѣтей къ дѣтямъ законнымъ; установленіе семейнаго совѣта по дѣламъ опекъ, новаго порядка наслѣдованія, ограничивая это право шестою степенью восходящихъ и шестою линіею побочныхъ; ограниченіе завѣщательныхъ распоряженій установленіемъ изъ движимаго и недвижимаго имущества *обязательной доли* въ пользу дѣтей; когда послѣднихъ нѣтъ, въ пользу родителей, а когда и ихъ нѣтъ въ живыхъ, въ пользу братьевъ и сестеръ и затѣмъ племянниковъ и племянницъ; установленіе *наслѣдства по договорамъ*, права *выкупа* въ продолженіи двухъ лѣтъ, *когда продажа имущества обусловлена выкупомъ*, постановленія о безвѣстно-отсутствующихъ, о прекращеніи запрещеній, между прочимъ, *давностью*, и проч., служатъ драгоцѣннымъ указаніемъ на признанныя въ то время необходимыя дополненія нашихъ гражданскихъ законовъ. Государственный Совѣтъ, въ который первая и вторая часть проэкта въ 1810 году, а третья въ декабрѣ 1813 года, были вносимы, какъ и слѣдовало

ожидать, нашелъ невозможнымъ его разсмотрѣніе *безъ полнаго свода законовъ*.

Краткость времени, употребленнаго на составленіе уложенія, отсутствіе участія въ этомъ депутатовъ отъ дворянства и другихъ сословій, вопреки преданіямъ 1754 и 1767 годовъ, самая краткость проэкта и опасеніе подчинить русскій народъ чуждымъ ему началамъ права были причиною самыхъ рѣзкихъ объ немъ отзывовъ со стороны многихъ лицъ, пользовавшихся авторитетомъ, какъ въ ученомъ мірѣ, такъ и въ правительственной сферѣ.

Императору Николаю I-му, принявшему дѣло кодификаціи въ особенное свое вѣдѣніе и преобразовавшему коммиссію составленія законовъ во II отдѣленіе собственной Императорскаго Величества канцеляріи, Россія обязана живымъ воспроизведеніемъ прошедшаго, начиная съ уложенія 1849 года.

Составленный затѣмъ систематическій сводъ законовъ, по мысли графа Сперанскаго, не долженъ былъ устранить собою *уложеніе*, дѣло котораго *дополнить недостающее, довершить не доконченное и дать каждому предмету законодательства надлежащую его полноту и пространство*.

По изданіи свода законовъ оставалось привести въ извѣстность и *мѣстные* законы. Обзоръ дѣятельности нашего правительства по этому предмету не лишенъ интереса по тѣсной связи его съ занимающимъ насъ вопросомъ.

Еще при Петрѣ Великомъ, при присоединеніи Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи (1710 г.), жители этого края обращались съ ходатайствомъ о приведеніи въ систематическій порядокъ мѣстныхъ законовъ. Съ этою цѣлью при Петрѣ II образована была коммиссія, которую въ 1754 году положено было соединить съ кодификаціонною для всей имперіи. Въ 1767 году въ числѣ депутатовъ, призванныхъ для составленія общаго уложенія для Россіи, были депутаты и Остзейскихъ провинцій. Затѣмъ когда и Курляндія (1795 г.) съ Пильтенскимъ округомъ вошла въ составъ Россіи, коммиссіи 1803 и 1819 года, имѣвшія предметомъ законы Остзейскаго края, не достигли своей цѣли вслѣдствіе обилія и разнообразія источниковъ мѣстнаго законодательства. Съ 1826 года дѣло собранія мѣстныхъ законовъ получило пра-

вильное движеніе. II-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи передало собранные матеріалы ученому ландрату Самсону, который въ 1831 году представилъ и проектъ свода гражданскихъ законовъ, источниками которыхъ служили: римское, каноническое, германское, польское, шведское, датское право и мѣстныя узаконенія. Пройдя чрезъ ревизіонные Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій комитеты, вторично по порученію II-го отдѣленія исправленный Самсономъ проектъ, дополненный затѣмъ историческою запискою, подъ главнымъ наблюденіемъ, статсъ-секретаря Балугьянскаго, окончательно исправленный въ особомъ комитетѣ изъ сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ, подвергнутый пересмотру комитета при II-мъ отдѣленіи, повелѣніемъ Государя Императора составленный сводъ гражданскихъ узаконеній губерній Остзейскихъ изданъ былъ на русскомъ языкѣ въ 1864 году.

Начиная съ Петра II, правительство наше относительно мѣстныхъ законовъ Малороссіи, присоединенной еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и пользовавшейся Литовскимъ статутомъ и Магдебургскимъ правомъ, въ 1842 году, при второмъ изданіи свода законовъ, сохранило, въ видѣ изъятія изъ общихъ законовъ, нѣкоторыя постановленія статута.

Бессарабія съ половины XVII вѣка, руководствовавшаяся своимъ обычнымъ правомъ, собраннымъ кн. Лупуломъ, въ 1785 г. въ грамотѣ кн. Маврокордата пріобрѣла собраніе своихъ гражданскихъ законовъ. Кромѣ этихъ сборниковъ, въ судебной практикѣ немалымъ уваженіемъ пользовалась книга одного изъ позднѣйшихъ византійскихъ юристовъ Константина Арменопуло, извѣстнаго своими трудами по римскому и каноническому праву. Послѣ присоединенія Бессарабіи, по Бухарестскому миру, къ Россіи, издано было, въ 1814 году, Доничемъ собраніе греческихъ законовъ, а въ 1816 году уложеніе воеводы Каллимахи. Въ 1831 году переводы сборниковъ Маврокордата и Донича, вмѣстѣ съ вспомогательными постановленіями русскаго законодательства, препровождены, по распоряженію Правительствующаго Сената, въ Бессарабскія присутственныя мѣста *къ руководству*.

Источниками мѣстныхъ узаконеній Кавказа и Закавказья, въ составѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ Грузія, присоединившаяся къ Россіи въ 1801 году, а за нею и другія области, служатъ: уложеніе грузинскаго царя Вахтанга и русскіе законы; уложеніе, переведенное на русскій языкъ, повелѣно примѣнять лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, изъятыхъ отъ дѣйствія общихъ россійскихъ законовъ.

Великое княжество Финляндское и царство Польское пользуются своими гражданскими законами. Кодексъ Наполеона, введенный въ герцогствѣ Варшавскомъ въ 1808 году, уже въ 1818 году подвергся важнымъ измѣненіямъ; затѣмъ въ 1825 г. гражданское уложеніе внесло уже въ него принципіальныя перемѣны, а, начиная съ 1833 года, правительство русское задумало дать царству гражданское законодательство, построенное на одинаковыхъ началахъ съ имперскихъ.

Кодификаціонная коммиссія, на которую возложены были эти работы, трудилась почти тридцать лѣтъ, но изъ ея проектовъ получило силу закона лишь извѣстное положеніе о союзѣ брачномъ, 1836 года. Въ 1865 году составленіе новаго гражданскаго уложенія было возложено на юридическую коммиссію въ Варшавѣ, но когда была окончена работа по судебной реформѣ, вполнѣ выяснилось убѣжденіе необходимости не двухъ одинаковыхъ, но единаго обще государственнаго гражданскаго закона, для составленія котораго мѣстная юридическая коммиссія уже не была учрежденіемъ компетентнымъ.

Туркестанскій край и инородцы своими мѣстными законами и обычаями завершаютъ перечень неисчерпаемаго разнообразія нормъ частнаго права въ Россіи.

Такое *обособленіе* юридическаго быта окраинъ Россіи, оправдываемое временными условіями государственнаго и общественнаго строя Россіи и грамотами нашихъ Государей, начиная съ Петра I, подтверждавшими *особыя ихъ политическія права*, при дальнѣйшемъ на окраины воздѣйствіи русскаго законодательства и счастливыхъ преобразованій нашего времени, не можетъ имѣть притязаніе на вѣчное его продолженіе, тѣмъ болѣе, что судебными уставами 20 ноября 1864 года и положеніемъ о нотаріальной части, *пред-*

назначенными для всей Россіи, и имѣющими ближайшую связь съ гражданскимъ правомъ, сила мѣстныхъ законовъ, *въ принципѣ*, отмѣнена.

Начавшееся общею судебною реформою объединеніе права само собою приводитъ къ вопросу и объ отмѣнѣ *мѣстныхъ* гражданскихъ узаконеній, основанныхъ на самыхъ разнообразныхъ началахъ, нерѣдко совершенно чуждыхъ народамъ, въ составъ Россіи входящимъ. Но поднимая этотъ вопросъ, мы не имѣемъ однако въ виду *абсолютное* объединеніе частнаго права, которое есть дѣло *фактическихъ* отношеній, слагавшихся въ продолженіи многихъ вѣковъ, результатъ творчества самыхъ разнообразныхъ элементовъ человѣческаго общежитія, и стремимся только *къ высшему единству началъ*, могущему распространить благотворное вліяніе на взаимныя отношенія между подданными единаго Монарха и укрѣпить союзъ между народами, одно политическое тѣло составляющими.

Русское гражданское право, благодаря тому, что Россіи чужды были феодальные порядки, замкнутыя сословія, борьба церкви съ государствомъ, что народъ издревле усвоилъ общинную форму землевладѣнія, призналъ гражданскую равноправность женщины и доказалъ вполнѣ свою способность къ самому смѣлому обновленію всего своего внутренняго строя, представляетъ множество благопріятныхъ условій для его высшаго развитія и распространенія на всѣ окраины имперіи. Въ своемъ историческомъ ходѣ вслѣдствіе общенія съ западомъ, обмѣна цивилизаціи, воспріятія и ассимиляціи извнѣ, практической разработки его новыми судебными установленіями, оно нынѣ достигло до того уровня, при которомъ можетъ и должно стать центромъ тяготѣнія и для окраинъ. Съ каждымъ днемъ новыя частныя измѣненія, дополненія и разъясненія нашихъ гражданскихъ законовъ, обогащая наше частное право нормами, болѣе соотвѣтствующими современной жизни Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ, что почва для этихъ нововведеній уже подготовлена была прежнимъ законодательствомъ, что русское юридическое мышленіе не было скудно и что въ нашемъ сводѣ, представляющемъ *законодательство случаевъ*, при

болѣе глубокомъ изученіи ихъ, уже раскрыты многія начала *частнаго* права, по своему внутреннему достоинству, не уступающія началамъ, принятымъ другими цивилизованными народами.

Тѣмъ не менѣе неоднократно и Государственнымъ Совѣтомъ и русскими юристами высказано было, что законодательная дѣятельность, сосредоточиваясь на отдѣльныхъ институтахъ гражданскаго права, безъ полнаго и совокупнаго пересмотра гражданскихъ законовъ, не можетъ быть плодотворною. Мысль о гражданскомъ уложеніи пользуется у насъ давно популярностью. Почему же не соединить ее съ болѣе грандіозною мыслею о гражданскомъ уложеніи Россійской Имперіи, проектъ котораго уже однажды былъ составленъ и что̀ нынѣ можетъ препятствовать осуществленію завѣтныхъ желаній, высказанныхъ Россійскими законодателями въ 1730, 1754 и 1766 г. и остановленныхъ въ исполненіи только потому, что въ тѣ времена еще не были собраны законы какъ общіе, такъ и мѣстные? Такой общій пересмотръ гражданскихъ законовъ, дѣйствующихъ въ имперіи, и составленіе общаго уложенія, при чемъ не должно быть игнорируемо обычное право, вполнѣ устраняютъ мысль о *внѣшнемъ* объединеніи гражданскаго права, какъ это было, напр. при отмѣнѣ дѣйствія Литовскаго статута. Общее уложеніе не мыслимо безъ дружнаго содѣйствія всѣхъ нашихъ духовныхъ силъ. Оно можетъ успѣшно совершиться только при условіяхъ, предусмотрѣнныхъ еще въ 1766 году. Какъ дѣло общей пользы и основанное не на политическихъ соображеніяхъ, но имѣющее цѣлью *гражданскую равноправность*, уложеніе не можетъ вызвать противоборствующихъ силъ. Самая неполнота нашего свода зак., не обнимающаго многихъ отношеній, ежедневно создаваемыхъ быстрымъ развитіемъ нашихъ жизненныхъ силъ, не можетъ служить препятствіемъ для объединенія въ Россіи гражданскаго права, а напротивъ того открываетъ возможность къ живому воспріятію многихъ нормъ, выработанныхъ сравнительно совершеннѣйшими кодексами Наполеона и гражданскими узаконеніями Остзейскихъ губерній. Нѣтъ никакого основанія дѣло усовершенствованія свода зак. гражд., которое мо-

жетъ быть достигнуто только *уложеніемъ*, предпосылать *общему* для имперіи гражданскому уложенію. Это послѣднее потребуетъ почти одинаковой затраты нашихъ силъ, какъ первое.

Прямымъ послѣдствіемъ общаго гражданскаго уложенія, сверхъ гражданской равноправности, было бы: а) приведеніе гражданскихъ законовъ въ одну систему и сокращеніе ихъ, столь необходимое для того, чтобы народъ могъ ими и руководствоваться; б) единство науки отечественнаго частнаго права и ея преподаванія; в) значительное облегченіе судебныхъ мѣстъ, прокуроровъ и адвокатовъ въ исполненіи ихъ обязанностей и е) единство толкованія и примѣненія законовъ, обезпечивающее непоколебимость правъ, на нихъ основанныхъ.

Съ укрѣпленіемъ государственнаго единства Россіи и равенства общественныхъ классовъ, законодательная власть нынѣ не нуждается въ чрезмѣрномъ овладѣніи всѣми сторонами *частнаго* юридическаго быта народа, почему и болѣе опредѣленное разграниченіе между государственнымъ и частнымъ правомъ открываетъ возможность устранить изъ послѣдняго элементы, чуждые ему, какъ, напр. зависимость гражданскихъ правъ отъ правъ состоянія, отъ вѣроисповѣданія и проч., неравноправность частныхъ лицъ, казны и учрежденій публичнаго права, *какъ субъектовъ гражданскаго права*, древній взглядъ на пошлину и излишнюю правительственную опеку въ *частныхъ* отношеніяхъ людей. Обновленная во всѣхъ учрежденіяхъ Россія видимо стремится къ начатому еще Петромъ I разграниченію вѣдомствъ духовнаго и свѣтскаго, къ полной секуляризаціи актовъ гражданскаго состоянія, къ усвоенію вообще результатовъ общечеловѣческой культуры. При такомъ направленіи государственной жизни Россіи, было бы крайне нераціонально думать о надѣленіи нѣкоторыхъ изъ окраинъ ея законами, стоящими ниже уровня тѣхъ, которыми онѣ нынѣ пользуются. Но общее уложеніе, какъ результатъ совокупнаго пересмотра законовъ, спасаетъ отъ принудительнаго внѣшняго объединенія, такъ какъ при этомъ одновременно и уровень русскаго гражданскаго права долженъ подняться до той вы-

соты, при которой станетъ возможнымъ и распространеніе его на всѣ части государства.

Уложеніе, какъ актъ законодательной дѣятельности, обнимающей собою всю совокупность гражданскихъ законовъ имперіи, по существу ихъ возведенныхъ къ высшему единству началъ, дѣйствительно будетъ и дѣло вполнѣ національное. Отъ кодекса Наполеона, отъ гражданскихъ законовъ Остзейскихъ губерній и др., которые не могутъ же считаться выраженіемъ *національнаго* творчества права окраинъ, должно уцѣлѣть лишь то, что въ общечеловѣческомъ развитіи можетъ имѣть значеніе и для Россіи.

Наибольшая часть институтовъ гражданскаго права, основанныхъ на общихъ всѣмъ цивилизованнымъ народамъ формахъ, можетъ быть возведена до полнаго ихъ обобщенія, универсальности. Только немногія поземельныя отношенія и семейное право, которое у насъ вносится въ область *гражданскаго права*, какъ имѣющія болѣе глубокія историческія основы, тѣсно связанныя съ нравственнымъ бытомъ каждаго народа, можетъ быть, потребуютъ и у насъ, по уваженію мѣстныхъ обстоятельствъ, оставленія въ силѣ нѣкоторыхъ частныхъ законовъ, въ видѣ изъятія изъ общихъ.

Опытъ другихъ народовъ въ дѣлѣ объединенія частнаго права служитъ доказательствомъ, что оно возможно и безъ радикальнаго потрясенія его историческихъ основъ. Такъ кодексъ Наполеона служитъ выраженіемъ обычнаго права Франціи, возведеннаго къ единству подъ вліяніемъ, разумѣется, системы и общечеловѣческихъ принциповъ, унаслѣдованныхъ отъ римской юриспруденціи, и прогрессивныхъ идей 1789 г.

Но прежде, нежели законодательство наше рѣшится исполнить свои давнишнія предначертанія, не могутъ ли русскіе юристы своими частными усиліями подготовить почву для объединенія гражданскаго права въ Россіи?

Не разъ уже въ средѣ нашихъ юристовъ возникала мысль о разработкѣ началъ русскаго гражданскаго права, съ цѣлью подготовить матеріалы для *уложенія*. Такъ въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 20 февраля 1868 г., Н. В. Калачовъ предложилъ по этому предмету программу,

къ сожалѣнію не осуществившуюся, за исключеніемъ изданныхъ В. Н. Лешковымъ замѣчаній о семейномъ и частномъ поземельномъ правахъ и нѣсколькихъ указаній на систему гражданскаго уложенія.

Программа Н. В. Калачова вполнѣ примѣнима и къ дѣлу всероссійскаго уложенія. Составленіе систематическихъ обозрѣній отдѣловъ гражданскихъ законовъ, сравнивая ихъ съ *мѣстными*, распредѣленіе этихъ работъ по каждому отдѣлу между русскими юристами, которые пожелаютъ принять въ нихъ участіе, и сообщеніе результатовъ ихъ собраніямъ юристовъ на ихъ съѣздахъ, все это не выходитъ изъ предѣловъ частной дѣятельности и можетъ привести даже къ начертанію проекта, который, при удовлетворительности его, могъ бы послужить важнымъ пособіемъ для законодательства и, прежде всего оказалъ бы немалое вліяніе на объединеніе духовныхъ нашихъ силъ, нашего юридическаго мышленія.

Но сообразно усвоенному нами взгляду на уложеніе, какъ на дѣло развитія общества и права, и имѣя въ виду установленіе посредствомъ его, преимущественно, общихъ руководящихъ началъ, задача соединенія дѣйствующаго права въ одно цѣлое можетъ быть исполнена и другимъ путемъ, указаннымъ въ одномъ изъ прошлогоднихъ засѣданій Московскаго Юридическаго Общества, а именно, учрежденіемъ особой для этого, съ Высочайшаго соизволенія, Коммиссіи изъ юристовъ для подготовительныхъ работъ по составленію уложенія.

Подобная Коммиссія, принявъ въ соображеніе: крайне увеличившійся объемъ нашего свода, смѣшеніе въ немъ законовъ и распоряженій, недостаточное соглашеніе новыхъ положеній, со всею системою законодательства, замѣченное еще въ манифестѣ (14 декабря 1766 г.), Екатерины II, излишество ихъ въ однихъ и недостатокъ въ другихъ случаяхъ, внутреннія противорѣчія въ основныхъ ихъ положеніяхъ, сходства и различія общихъ и мѣстныхъ законовъ, могла бы привести въ извѣстность нынѣ дѣйствующіе гражданскіе законы имперіи, устранить въ нихъ указанные недостатки и изыскать мѣры къ приведенію ихъ къ единству началъ. Единство теоріи не замедлило бы перейти и въ область практики.

Собраніе, къ которому мы имѣемъ честь обращаться, конечно не имѣетъ значенія законосовѣщательнаго учрежденія. Однако же, какъ огранизованный союзъ людей науки и опыта, несомнѣнно вправѣ, если согласится съ нами, выразить свое мнѣніе о признаніи полезнымъ для блага Россіи соединеніе дѣйствующаго частнаго права въ одно цѣлое, можетъ дать нравственную опору дѣлу *уложенія*, положить первое основаніе тому, чего не можетъ не желать русскій юристъ, т. е. чтобы, всѣ русскіе люди, будучи подданными однаго Государя были вмѣстѣ съ тѣмъ и равноправными гражданами его великой державы!

Перерывъ засѣданія на 10 минутъ.

А. М. Фальковскій. Приступая къ продолженію моего доклада, мм. гг., конечно, я долженъ васъ просить великодушно простить меня за тѣ подробности, въ которыя я вдался въ исторической части предмета; но это вызывается самымъ существомъ вопроса. Безъ подробнаго ознакомленія съ исторіею кодификаціи рѣшительно нельзя составить никакихъ плановъ на будущее время. Но, во всякомъ случаѣ, я сокращу послѣднюю часть моего доклада, укажу лишь на нѣкоторые факты, которые послужатъ опорою для высказанныхъ мною соображеній (читаетъ). Очевидно неполнота нашихъ гражданскихъ законовъ можетъ быть исправлена только отдѣльнымъ пересмотромъ ихъ, и, конечно, такая задача не можетъ быть выполнена настоящимъ собраніемъ. Оно можетъ только начертить планъ своихъ дѣйствій въ одномъ изъ двухъ направленій: или слѣдуя тому плану, который былъ предложенъ однажды въ Юридическомъ Обществѣ нашимъ почтеннымъ сочленомъ Н. В. Калачовымъ, т. е. работать въ одномъ направленіи, съ одною цѣлью, достигнуть прежде всего единства въ наукѣ права, которое не замедлитъ перейти и въ практику, или же другой путь, на который было указано въ прошломъ году въ засѣданіи нашего общества, а именно, что, еслибы съѣздъ призналъ для блага Россіи полезнымъ, то онъ можетъ найти законный способъ провести свою мысль о томъ, что бы рано или поздно учредить Высочайшую Коммиссію для приведенія въ исполненіе принятаго плана. Вотъ только два возможные пути.

Мы, конечно, не законодатели, мы не имѣемъ никакихъ правъ, мы люди науки, опыта и можемъ выразить только наши желанія, чтобы всѣ русскіе люди, будучи подданными одного Государя, были вмѣстѣ съ тѣмъ и равноправными гражданами его великой державы.

М. П. Соловьевъ. По вопросу, предложенному на обсужденіе съѣзда, я не смѣю утруждать собраніе подробнымъ изложеніемъ мотивовъ, и ограничусь весьма краткими дополненіями къ тому, что было сказано. Изъ доклада г. Фальковскаго вы изволили усмотрѣть, насколько необходимо вообще объединеніе у насъ гражданскаго права. Я считаю съ своей стороны необходимымъ добавить нѣсколько словъ о государственномъ значеніи этого дѣла. Возражая В. Н. Лешкову, я имѣлъ честь обратить вниманіе собранія на то, что подъ именемъ гражданскаго права нельзя разумѣть одно имущественное право, что въ сводъ гражданскихъ законовъ, какъ признаютъ всѣ теоретики, должны войти всѣ тѣ нормы, которыя опредѣляютъ извѣстное гражданское, а не политическое значеніе личности, положеніе семейное и истекающія изъ семейныхъ отношеній права.

Если, съ одной стороны, мм. гг., гражданское право есть продуктъ, въ которомъ высказывается народный характеръ, то съ другой— нельзя не допустить, что это гражданское право воздѣйствуетъ въ свою очередь на народный характеръ. Если пестрая система англійскихъ законовъ создала такія странныя различія въ имущественномъ и индивидуальномъ развитіи англичанъ, благодаря особенностямъ ихъ національнаго характера, то, напротивъ, наполеоновскій кодексъ своей тенденціей возвести личность на высшую ступень самостоятельности, значительно повліялъ на характеръ французскаго народа. Отсюда возможно придти къ тому общему положенію, что та или другая система гражданскаго законодательства имѣетъ культурное значеніе въ жизни народа, воздѣйствуетъ на него извѣстнымъ образомъ, особенно же постановленіями семейнаго права, создающими первую общественную связь, среду, отъ свойства которой зависитъ и развитіе каждой отдѣльной человѣческой личности, и образованіе новыхъ союзовъ. Формируя обще-

ство, законы налагаютъ и на него, и на личность особую, свойственную ихъ духу, единообразную печать. Внѣшнее политическое объединеніе всегда должно сопровождаться внутреннимъ, сглаживающимъ безполезныя и вредныя внутреннія различія, установляющимъ возможность одинаковаго будущаго внутренняго развитія и сліянія. Изъ этого слѣдуетъ, что объединеніе гражданскаго законодательства въ видахъ нравственнаго объединенія русскаго народа, подразумѣвая народъ въ государственномъ значеніи, а не въ племенномъ, имѣетъ значеніе государственной важности. Особенно въ настоящее время, когда подъемъ сознанія единства русскаго государства достигаетъ такой степени, какой онъ не достигалъ, быть можетъ, никогда, объединеніе гражданскаго законодательства является дѣломъ неотложной необходимости. Но объединеніе это, мм. гг., можетъ быть произведено различными путями. Ближайшій изъ нихъ, который въ тридцатыхъ годахъ правительство имѣло мысль избрать, и состоявшій въ распространеніи нашего т. X зак. гражд. на другія части государства и, между прочимъ, на царство Польское въ отмѣну дѣйствующаго тамъ Наполеонова кодекса, едва ли можетъ нынѣ заслуживать серьезнаго вниманія. Опытъ распространенія нашего свода гражданскихъ законовъ на царство Польское не удался именно потому, что дѣйствующіе тамъ французскіе законы были неизмѣримо выше русскихъ. Наше положительное право не имѣетъ той ясной юридической основы, которая положена въ кодексѣ Наполеона, но представляетъ собою неполный, вѣрнѣе несложенный сводъ институтовъ, выработанныхъ или заимствованныхъ во время исторической жизни великорусскаго племеннаго государства; въ нашемъ правѣ мы видимъ чрезмѣрное, неоправдываемое болѣе дѣйствительной жизнью преобладаніе каноническихъ началъ въ институтахъ семейнаго права и притомъ весьма одностороннее, ибо устранены, напр. каноническія правила объ усыновленіи, воспріятіе которыхъ и теперь было бы весьма желательно; съ другой стороны подъ видомъ общерусскихъ институтовъ постановленія наслѣдственнаго и поземельнаго права въ сущности являются ничѣмъ инымъ, какъ правомъ сослов-

нымъ, продуктомъ дружинныхъ и помѣстныхъ отношеній, сложившихся въ московскій періодъ русской исторіи, которыя привлекали на себя весьма понятное особое вниманіе государственной власти, которыя оставили потому слѣды въ большомъ количествѣ письменныхъ законодательныхъ актовъ и, благодаря этому обстоятельству, въ эпоху кодификаціи получили ошибочное значеніе общерусскихъ правовыхъ институтовъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ юридическая жизнь великорусскаго народа никогда не исчерпывалась этими нормами. Вслѣдствіе такого бумажнаго отношенія къ системѣ гражданскихъ законовъ, просмотрѣны были институты величайшей важности, искони существовавшіе въ Россіи и у всего славянства, напр. общинное землевладѣніе. Далѣе въ нашъ сводъ, кромѣ каноническихъ и дворянскихъ постановленій, были приняты впослѣдствіи немногія положенія римско-французскаго договорнаго права. Эти элементы стоятъ безъ внутренней связи другъ съ другомъ. Нормы гражданской дѣятельности, выражающія, по мнѣнію составителей свода, продуктъ юридическаго развитія русскаго народа, ставшія тѣсными и неудобными и для русскаго народа, очевидно не могли безъ государственнаго вреда вытѣснить болѣе совершенное законодательство провинцій русской имперіи, имѣвшихъ свои мѣстные законы. Потому мысль о распространеніи нашего свода гражд. зак. на эти провинціи должна быть оставлена. Затѣмъ другой путь, который можно бы избрать, есть составленіе единаго уложенія изъ нашего X т. ч. I и мѣстныхъ узаконеній, но этотъ путь долженъ быть отвергнутъ, какъ неудобоисполнимый по различію источниковъ права, такъ и потому, что онъ и не можетъ привести къ единству и цѣльности гражд. законовъ.

Кстати, существуетъ мнѣніе, что Остзейскій край пользуется весьма подробнымъ, хорошимъ законодательствомъ, между тѣмъ остзейское законодательство отличается необыкновенной пестротой, и многія положенія являются до крайности сомнительными, особенно всѣ тѣ, которыя Самсонъ вносилъ самъ изъ обычнаго права, не дѣлая ссылки на письменные документы. Наконецъ, Остзейское право состоитъ изъ обрывковъ правъ Германскихъ, Римскаго права и

Моисеева закона, и всѣ эти элементы смѣшаны весьма неравномѣрно. Если мы сообразимъ всѣ тѣ мѣстныя законодательства, которыя у насъ есть, то увидимъ, что созданіе изъ нихъ свода законовъ было бы равносильно перестройкѣ гражданскаго закона на неизвѣстныхъ юридическихъ основаніяхъ. Основанія эти дѣйствително имъ не чужды, но нѣтъ надобности искать ихъ въ мѣстныхъ законахъ, когда они даны намъ въ наукѣ права. Такимъ образомъ я прихожу къ заключенію, что объединеніе нашихъ законовъ можетъ быть совершено въ формѣ кодекса гражданскихъ законовъ, являющагося не сводомъ ихъ, но продуктомъ совершенно самостоятельнымъ юридической дѣятельности русскаго народа въ лицѣ его представителей юристовъ. Посему я и обращаюсь къ съѣзду съ покорнѣйшей просьбой, не признаетъ-ли онъ возможнымъ постановить: во первыхъ, что объединеніе русскаго гражданскаго права составляетъ дѣло первой необходимости; вовторыхъ, что это объединеніе можетъ быть совершено только полною кодификаціею гражданскаго права, и въ третьихъ, что поручить эту работу слѣдуетъ особой коммиссіи, избранной изъ лицъ съѣзда, которая можетъ продолжать свои занятія и по закрытіи съѣзда.

В. Д. Спасовичъ. Съѣзду придется выбирать одно изъ двухъ предложеній: или то, которое выражено въ 3-хъ пунктахъ программы и предлагаетъ просто на просто совершенствовать наши гражданскіе законы, не задаваясь пока никакими идеями объ ихъ объединеніи, или то, которое, внося въ задачу политическій элементъ, предлагаетъ двѣ цѣли: и совершенствовать, и объединять. Чѣмъ больше цѣлей, тѣмъ сложнѣе задача, и тѣмъ большаго времени требуетъ ея разрѣшеніе. Какъ въ законодательствѣ, такъ и въ механикѣ всякая движущая сила опредѣляется произведеніемъ двигаемой массы на скорость движенія: что выигрывается на массѣ, то теряется на скорости, и наоборотъ. Создать всероссійское гражданское уложеніе — задача несравненно болѣе обширная, чѣмъ усовершенствовать національное великорусское гражданское право, а такъ-какъ то патріотическое чувство, которымъ внушена идея объединенія, не мо-

жетъ помириться съ безконечно долгимъ временемъ, потребнымъ на это дѣло, то скорости будетъ пренесено въ жертву совершенство работы, и въ результатѣ получится передѣланная кое-какъ, наскоро, I-я часть X тома, и введенная потомъ обязательно во всѣ области обширной имперіи. Я сомнѣваюсь, будетъ-ли отъ этого въ выигрышѣ какая-либо страна, та ли, гдѣ господствуетъ книга Донича, или та, которая произвела законъ Вахтага, или далѣе Туркестанъ, потому-что вмѣсто своихъ законовъ, хотя и дурныхъ, которые они отлично знаютъ, имъ будетъ навязанъ законъ чужой, котораго они вовсе не знаютъ и котораго достоинства имъ трудно оцѣнить. — Еще печальнѣе участь областей, которыхъ законы гражданскіе въ культурномъ отношеніи выше нашей I ч. X т. Наша I ч. X т. принадлежитъ по своей техникѣ къ семьѣ законодательствъ средневѣковыхъ, онъ весь состоитъ изъ казусовъ необходимыхъ, онъ не переработанъ наукою, онъ не построенъ дедуктивно, онъ поражаетъ рѣзкою, противоположностью началъ не согласованныхъ, непримиримыхъ, безъ всякихъ оттѣнковъ и градацій. При одной мысли о распространеніи этого закона на области, въ которыхъ онъ не господствовалъ, меня коробитъ, потому что невольно вспоминается впечатлѣніе юности, то, чему я самъ былъ свидѣтелемъ въ сороковыхъ годахъ. — Меня, конечно, никто не заподозритъ въ намѣреніи воскрешать Литовскій статутъ. Онъ похороненъ, и никакого усовершенствованія для моей родины въ ея гражданскихъ отношеніяхъ я не ожидаю внѣ новой кодификаціи I ч. X т. св. зак., малые остатки статута уцѣлѣли въ сводѣ въ видѣ добавочныхъ статей для губерній Черниговской и Полтавской, но они оторваны отъ почвы, заглушены и прикрыты системою свода, а практика ихъ не понимаетъ и калѣчитъ. Между тѣмъ отмѣну статута и введеніе свода нельзя никакъ назвать событіемъ благопріятнымъ для страны, гдѣ господствовалъ статутъ, потому-что оно много хорошихъ вещей разрушило и заставило сдѣлать шагъ назадъ въ развитіи. Статуту было присуще гласное состязательное судопроизводство, которое и теперь еще въ тѣ губерніи не введено, такъ что страна была лишена этого судопроизводства въ теченіе 35 лѣтъ.

Статутъ имѣлъ ипотечную систему, у насъ и теперь нѣтъ ипотеки. Статутъ опредѣлялъ семейныя отношенія и право наслѣдованія гораздо лучше и тоньше, чѣмъ I ч. X т. св. зак. Защитники объединенія напираютъ на то, что вводимы были законы гражданскіе, законы одного народа, въ жизнь другихъ народовъ, и послѣ краткаго періода времени прививались, бывали усваиваемы. Гг. Объединители забывали, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ удачнаго введенія чужаго права (напр. французскаго кодекса въ Вестфаліи и царствѣ Польскомъ) удача обусловливалось тѣмъ, что вводимый новый законъ въ культурномъ отношеніи былъ гораздо выше того закона, который онъ вытѣснилъ.— Защитники объединенія изъ того ими недоказаннаго предположенія выводятъ, что однообразіе гражданскихъ нормъ возможно, а слѣдовательно оно и желательно.—Я полагаю что только единство политическихъ нормъ можетъ-быть отстаиваемо какъ необходимое условіе, а единство гражданскихъ нормъ, хотя и возможно, но вовсе не желательно.— Я полагаю, что обязательное введеніе одинаковыхъ нормъ гражданскихъ не только не ведетъ къ укрѣпленію государственнаго единства, но вселяетъ большею частью чувства, совсѣмъ противныя тѣмъ, какихъ желали бы господа объединители, чувства, враждебныя въ отношеніи къ навязываемымъ насильно учрежденіямъ.—Посему всею силою души отвергая, какъ несвоевременную, всякую мысль объ объединеніи гражданскаго права русской имперіи съ отмѣною мѣстныхъ законовъ, я стою за болѣе скромную задачу новой кофидикаціи великорусскаго гражданскаго права, и если это совершится удачно, то очень можетъ быть, что новый кодексъ пожелаютъ себѣ усвоить тѣ страны, которыя нынѣ управляются своими мѣстными законами.

А. М. Фальковскій. Возражая В. Д. Спасовичу, замѣчу, что, кажется, уважаемый опонентъ не удостоилъ достаточнымъ вниманіемъ докладъ, изъ котораго видно, что въ немъ не идетъ рѣчи объ абсолютномъ объединеніи частнаго права, не навязываются окраинамъ Россіи законы, въ культурномъ отношеніи стоящіе ниже мѣстныхъ, а предлагается совокупный пересмотръ гражданскихъ законовъ, какъ об-

щихъ, такъ и мѣстныхъ при дружномъ дѣйствіи всѣхъ нашихъ духовныхъ силъ и не съ политическою цѣлью, но съ цѣлью гражданской равноправности. Такое дѣло не можетъ вызвать ни тѣхъ чувствъ въ жителяхъ страны, пользующихся особыми гражданскими законами, ни тѣхъ затрудненій, ни тѣхъ послѣдствій, на которыя угодно было указать оратору. Предложеніе соединенія дѣйствующаго права въ одно цѣлое имѣетъ исходною основною мыслью не внѣшнее, насильственное объединеніе, а цѣльный жизненный процессъ народной дѣятельности, взаимные обмѣнъ и ассимиляцію правовыхъ нормъ, возможность обобщенія наибольшей части институтовъ гражданскаго права, приведенія ихъ къ единству началъ и цѣльности системы. Далѣе, при глубоко сознаваемой необходимости усовершенствованія нашей I ч. X т., что̀ можетъ быть достигнуто только уложеніемъ, естественно возникаетъ мысль объ общемъ гражданскомъ уложеніи, которое не можетъ нанести ущербъ достоинству странъ, изъ которыхъ многія надѣлены чуждыми ихъ національной жизни кодексами. Не о силѣ, стало быть, дѣло тутъ идетъ, но объ общей творческой дѣятельности для изданія единаго для Россіи гражданскаго кодекса, наиболѣе соотвѣтствующаго настоящимъ бытовымъ условіямъ народностей, въ составъ имперіи входящихъ. Въ трудѣ, который придется для этого совершить, составители предложенія, конечно, видятъ и средство одновременно поднять великорусское право на возможно высшій уровень его развитія и въ этомъ его видѣ уже распространить на остальныя части государства, оставя, быть можетъ, въ силѣ лишь немногія мѣстныя узаконенія, тѣсно связанныя съ существенными особенностями каждаго края. Когда правительство отмѣнило дѣйствіе Литовскаго статута, оно же оставило въ силѣ нѣкоторыя изъ его постановленій. Этотъ пріемъ здѣсь порицается; но уложеніе и не можетъ повторить его. Во всякомъ случаѣ, соображенія, высказанныя г. Спасовичемъ, какъ направленныя противъ положеній, или невысказанныхъ въ докладѣ, или же выраженныхъ совершенно въ иномъ смыслѣ, какой имъ придаетъ энергичный опонентъ, не могутъ считаться опроверженіемъ.

М. П. Соловьевъ. Намъ возражали: оставьте мѣстныя законодательства, коль скоро они удовлетворяютъ мѣстнымъ условіямъ, совершенствуйте ваши оригинальныя, крѣпкія народныя узаконенія. Мы говорили, что совершенствовать наше народное великорусское гражданское законодательство возможно нынѣ лишь при условіи государственнаго значенія великорусскаго племени, т. е. въ формѣ кодекса, обязательнаго для всѣхъ частей государства. При этомъ, конечно, нельзя не допустить нѣкоторыхъ исключеній. Навязывать гражданскія нормы цивилизованнаго общества какимъ-нибудь чукчамъ или самоѣдамъ, само-собою, невозможно, какъ невозможно требовать, чтобы рыба летала, или птица ползала на четверенькахъ. Но врядъ-ли эти исключенія въ состояніи подорвать основное положеніе нашего реферата: даже во Франціи, гдѣ строго проведено единство закона, допускаются такія изъятія относительно низшихъ расъ (мѣстное арабское право въ Алжирѣ). Мы прекрасно понимаемъ, что русское государство вовсе не однородный колоссальный комокъ, раскинувшійся на громадномъ пространствѣ отъ Берингова пролива до Балтійскаго моря; но съ другой стороны, несомнѣнно и то, что у насъ много областей, много чародностей, которыя стоятъ приблизительно на одномъ уровнѣ цивилизаціи, какъ и русское племя; одни, правда, повыше, другія пониже, но разница все-таки не велика. А разъ это такъ, то одинаковыя гражданскія нормы не могутъ помѣшать ихъ развитію и, стало быть, нельзя отрицать, что на нихъ вполнѣ возможно распространять дѣйствіе единаго гражданскаго уложенія. Но если это возможно, то по нашему и желательно. Далѣе, говорятъ, что введеніе новаго закона есть прежде всего введеніе закона теоретическаго. Въ такомъ случаѣ неправильно были поняты мои слова. Что̀ такое теоретическое законодательство? Собственно говоря, его нѣтъ; прежде всего во всякомъ законодательствѣ есть въ большемъ или меньшемъ числѣ тѣ основанія, которыя признаются наукою за основанія права; если развитіе этихъ основаній можно признать теоретическимъ законодательствомъ, то пусть оно будетъ такимъ. Но я не вижу, почему

такое теоретическое законодательство могло бы затормозить народную жизнь.

Въ наше время невозможна замкнутая, характерная племенная жизнь. Жизненныя условія складываются однообразно во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Личныя права почти повсюду одинаковы. Различіе въ нормахъ имущественныхъ отношеній, какъ препятствіе свободному экономическому обороту цѣнностей, повсюду постепенно исчезаетъ, сливаясь въ одну общую систему, всѣмъ одинаково извѣстную, для всѣхъ одинаково удобную. Право слѣдуетъ за жизнью на этомъ пути объединенія и цивилистическаго нивеллированія. Въ этомъ отношеніи заимствованіе хотя и чуждыхъ, но болѣе совершенныхъ, а потому болѣе соотвѣтствующихъ потребностямъ жизни и болѣе удобныхъ юридическихъ нормъ, находитъ себѣ полное оправданіе и постоянно практикуется во всѣхъ новыхъ западныхъ законодательствахъ. Даже наши судебные уставы представляютъ сплошное заимствованіе. Поэтому опасенія, что введеніе новаго закона не можетъ не сопровождаться сильнымъ потрясеніемъ историческихъ основъ юридическаго быта народа, радикальнымъ переворотомъ въ освященныхъ временемъ частныхъ отношеніяхъ людей,—далеко преувеличены и не находятъ оправданія въ исторіи. Напротивъ того, можно указать на примѣры, подтверждающіе полное усвоеніе народами чуждыхъ имъ кодексовъ и въ такой мѣрѣ, что попытки реставраціи національнаго стараго права впослѣдствіи встрѣчали сильнѣйшій отпоръ со стороны населенія. Такъ, въ провинціяхъ, вошедшихъ въ составъ Рейнскаго союза, созданнаго Наполеономъ I, которымъ, взамѣнъ ихъ національнаго матеріальнаго права, силою навязаны были французскіе кодексы матеріальнаго права и судопроизводства, по сверженіи чужеземнаго ига и уничтоженіи союза, когда онѣ отошли частью къ Баваріи, частью къ Пруссіи, эта послѣдняя не рѣшилась отмѣнить кодексъ Наполеона, сохранившій дѣйствіе свое и до настоящаго времени: до такой степени провинціи Рейнскаго союза въ немногіе годы успѣли ассимилировать себѣ французское право и привыкнуть къ чуждому имъ кодексу, вытѣснившему, въ силу своего

внутренняго совершенства, прежній нѣмецкій законъ; интересы жизни, какъ всегда, взяли верхъ надъ интересами археологической привязанности къ старинѣ.

То же почти повторилось и у насъ въ царствѣ Польскомъ, гдѣ, въ началѣ текущаго столѣтія, Наполеонъ предписалъ ввести чуждый странѣ во всѣхъ отношеніяхъ кодексъ Наполеона. Не прошло и десяти лѣтъ, когда въ 1817 году зашла рѣчь о томъ, чтобы внести въ кодексъ измѣненія; но, за исключеніемъ духовенства и нѣкоторыхъ представителей аристократіи, все остальное населеніе царства высказалось за сохраненіе заимствованнаго отъ Франціи антикатолическаго закона.

Можно бы привести и много другихъ примѣровъ, но я считаю это излишнимъ. Для меня достаточно было возобновить въ памяти собранія эти доказательства, служащія опроверженіемъ мнѣнія почтеннаго товарища предсѣдателя, что потрясеніе народной жизни вслѣдствіе введенія новаго законодательства могло бы служить какимъ-нибудь серьезнымъ препятствіемъ къ введенію у насъ новаго гражданскаго кодекса. Затѣмъ я повторяю свое предложеніе: постановить, что въ настоящее время объединеніе нашего гражданскаго права необходимо какъ съ научной, такъ и съ практической стороны, что это объединеніе должно коснуться всей великороссійской равнины и всѣхъ народностей, стоящихъ на одной степени циливизаціи.

В. Д. Спасовичъ. Я нисколько не убѣдился приведенными доводами и остаюсь при моемъ прежнемъ мнѣніи, т. е. противникомъ объединенія и сторонникомъ изданія хорошаго кодекса. На возраженіе моего почтеннаго товарища, А. М. Фальковскаго, я долженъ замѣтить, что оно не вѣрно въ фактическомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что Литовскій статутъ вовсе не сохранился и никогда не входилъ въ составъ свода законовъ. Я бы попросилъ вспомнить рядъ хорошихъ статей, напечатанныхъ въ Журналѣ гражданскаго и торговаго Права, достаточно разоблачившихъ, въ какой степени начала статута, оторванныя отъ своей почвы, разбросанныя и, такъ сказать, искалеченныя, перемѣшанныя съ положеніями свода (т. X ч. I), примѣняются вкривь и вкось

и вовсе не достигаютъ цѣли. Это—фактъ; теперь, что касается до другаго моего противника, утверждающаго, что если общія почти для всѣхъ частей государства нормы возможны, то онѣ и вполнѣ желательны, я долженъ сказать, что нормы эти, конечно, возможны, потому что онѣ могутъ быть введены, но желательны-ли,—это еще вопросъ. Я этой желательности не признаю: общія нормы государственныя я понимаю, но для правъ семейственныхъ, договорныхъ, наслѣдственныхъ такія общія нормы вовсе не желательны. Да и что за бѣда, если въ одномъ мѣстѣ будутъ однѣ нормы, въ другомъ другія. Мнѣ возражаютъ, что вводились же законодательства чужестранныя, и къ нимъ привыкали, примѣромъ чему служатъ Вестфалія и царство Польское. Да, гг., они вводились, но непремѣннымъ условіемъ такого введенія было то, что культура вносимаго закона стояла выше культуры населенія: такъ, кодексъ Наполеона былъ выше и нѣмецкихъ законовъ и законовъ царства Польскаго, вотъ почему онъ былъ усвоенъ, вотъ почему имъ такъ дорожатъ. Намъ надо придти къ какому-нибудь результату, надо рѣшить, желательно-ли объединеніе или нежелательно. Я утверждаю, что хорошія стороны такого объединенія не доказаны, а до тѣхъ поръ пока онѣ не доказаны, я полагаю лучше, благоразумнѣе—съузить задачу. Смѣлыя объединенія едва-ли по силамъ съѣзду. Не лучше-ли намъ воспользоваться нашимъ временемъ для того, чтобы исполнить работу, предлагаемую въ пунктѣ 3-мъ, т. е. усовершенствовать тотъ историческій матеріалъ, который въ настоящее время имѣемъ передъ собою.

С. А. Муромцевъ. Присоединяясь вполнѣ къ сказанному сейчасъ почтеннымъ сочленомъ нашимъ, докторомъ Спасовичемъ, я нахожу, мм. гг., сдѣлать два замѣчанія, имѣющія цѣлью устранить недоразумѣнія, лежащія въ основаніи мнѣнія лицъ, стоящихъ за объединеніе русскаго гражданскаго кодекса.—Вопервыхъ,—вопросъ объединенія во всякомъ случаѣ долженъ быть послѣднимъ вопросомъ въ процессѣ кодификаціи. Только тогда можно поднять рѣчь о распространеніи русскаго кодекса на всѣ окраины Россіи, когда мы будемъ имѣть предъ глазами этотъ кодексъ готовымъ, хотя

въ главныхъ его основаніяхъ, и когда, слѣдовательно, можемъ сравнить заключающіяся въ немъ положенія съ положеніями, содержащимися въ мѣстныхъ сводахъ. Но теперь этого еще нѣтъ. Теперь для насъ ясно лишь одно, что гражданскіе законы наши должны подвергнуться существенному пересмотру, къ какимъ результатамъ онъ приведетъ мы не знаемъ,—а поэтому говорить о замѣнѣ существующихъ мѣстныхъ законовъ неизвѣстнымъ намъ будущимъ закономъ во всякомъ случаѣ преждевременно.

Второе мое замѣчаніе относится къ недоразумѣнію, чисто теоретическому. Въ нашемъ обществѣ, какъ среди неюристовъ, такъ и у юристовъ, живетъ довольно крѣпкая вѣра въ то, что гдѣ то на западѣ существуетъ готовая общая теорія гражданскаго права, теорія, содержащая принципы, одинаково примѣнимыя ко всѣмъ народамъ и странамъ міра. Такая вѣра заключаетъ въ себѣ сильное заблужденіе. Она обязана своимъ происхожденіемъ отчасти еще не вполнѣ вымершимъ представленіямъ объ естественномъ правѣ, отчасти же неясному пониманію того историческаго факта, который въ наукѣ извѣстенъ подъ именемъ рецепціи римскаго права. Было время, когда Римское право было принято Германіей, и обстоятельство, что чуждое право легло въ основаніе юридической жизни новаго народа, не мало содѣйствуетъ образованію убѣжденія о всеобщей и вѣчной пригодности этого чуждаго права. Теорія, принимаемая обыкновенно за всеобщую, есть не иное что, какъ формулированное нѣмцами, такъ наз. современное римское право, которое стоитъ вполнѣ на римской почвѣ, и абсолютная пригодность котораго и для нѣмецкой жизни давно уже заподозрѣна лучшими умами Германіи. Я подразумѣваю здѣсь не одинъ грамотныхъ, дѣйствовавшихъ съ извѣстной долей пристрастія. Въ послѣднее время положеніе дѣла на столько выяснилось, что одинъ изъ главныхъ ученыхъ изслѣдователей римскаго права въ Германіи, не запинаясь, объявилъ, что въ Римскомъ правѣ трудно найти хотя бы одинъ принципъ, который могъ бы быть приложенъ къ современной германской жизни безъ измѣненія.

Тѣмъ болѣе въ Россіи. Римское право можетъ служить

при нашей кодификаціи рядомъ съ другими правами лишь для соображенія,—но критеріумъ мы должны искать у насъ самихъ. Изученіе обычнаго права, изученіе народной жизни вообще должно лечь въ основаніе законодательства. Это изученіе лучше всего покажетъ несостоятельность сторонниковъ объединенія. Не говоря уже о мѣстныхъ различіяхъ, не существуетъ ли въ бытѣ различныхъ классовъ населенія одной даже мѣстности такихъ рѣзкихъ различій, которыя совершенно устраняютъ мысль объ единомъ гражданскомъ законѣ? Потребности нашего крестьянства иныя, чѣмъ потребности образованнаго класса. Изученіе всѣхъ подобныхъ различій составляетъ теперь насущный интересъ. Я полагаю, мм. гг., что если съѣздъ ограничится однимъ общимъ указаніемъ на неудовлетворительность нашихъ законовъ, то онъ сдѣлаетъ очень мало: онъ повторитъ лишь давно всѣмъ извѣстное. Слѣдовало бы подумать о путяхъ къ выходу изъ неудовлетворительнаго положенія. Конечно, забота объ этомъ въ цѣломъ своемъ составѣ выходитъ далеко за средства съѣзда, но не можетъ ли съѣздъ, наприм., назначить для разработки поднятаго вопроса особую коммиссію, которая могла бы подготовить дѣло къ будущему съѣзду.

К. А. Рихтеръ. Въ дополненіе къ сказанному нашимъ почтеннымъ сочленомъ В. Д. Спасовичемъ и за нимъ г. Муромцевымъ я позволю себѣ представить нѣсколько соображеній, которыя освѣщаютъ дѣло еще съ новой точки зрѣнія. Намъ небходимо еще коснуться того вопроса, которымъ задается вообще законодатель: должно изслѣдовать, какого метода держаться при созданіи того или другаго закона. Есть, какъ извѣстно, два метода—дедуктивный и индуктивный: индуктивный методъ примѣняется тогда, когда законодательство терпѣливо изучаетъ нравы народа, отдѣльныя явленія его юридической жизни, и, формируя ихъ въ правовыя положенія, строитъ на нихъ общіе принципы права. Методъ же дедуктивный примѣняется тогда, когда законодатель преслѣдуетъ уже извѣстныя признанныя начала, принципы, которые при извѣстныхъ условіяхъ надо осуществить. Въ примѣръ приведу положеніе о крестьянахъ: въ

силу принциповъ гуманныхъ, общечеловѣческихъ было признано необходимымъ уничтожить крѣпостное право; понятное дѣло, законъ не нашелъ почвы „готовою“ и пошелъ отъ общаго начала. Онъ поставилъ себѣ задачей—освобожденіе крестьянъ на началахъ равноправности, справедливости и уже на этомъ общемъ основаніи построилъ частности. Подобный же методъ апріористическій, дедуктивный примѣняется тогда, кога дѣло идетъ объ уставѣ какого-нибудь общества, однимъ словомъ, каждый разъ, когда нужно только осуществить уже сознанный принципъ. Но, мм. гг., когда рѣчь идетъ о созданіи самыхъ принциповъ, тогда этотъ методъ никуда не годится, тогда только одна индукція имѣетъ право на существованіе. Въ этомъ случаѣ необходимо изученіе быта народа, частныхъ правовыхъ воззрѣній массы гражданъ, и только этимъ путемъ, восходя все далѣе и далѣе, можно дойти до общихъ принциповъ права. Этотъ методъ преслѣдовали всѣ законодательства, и если мы обратимся къ тому знаменитому римскому праву, на которое смотримъ, какъ на прототипъ научнаго гражданскаго права, то и оно окажется созданіемъ индукціи, возведенія до общихъ началъ коренныхъ правовыхъ воззрѣній римлянъ, разсѣянныхъ въ частностяхъ. Что же предлагаютъ намъ сторонники объединенія частнаго права въ Россіи? Привитіе къ нашей русской почвѣ, и притомъ дедуктивно, началъ, добытыхъ другими народами индуктивнымъ, опытнымъ путемъ, не замѣчая, что мы живемъ при совершенно другихъ условіяхъ, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ. Итакъ, мое мнѣніе заключается въ томъ, что задача законодательства, когда дѣло идетъ о принципѣ самаго законодательства, прежде всего сводится къ изученію быта народа, его дѣйствительныхъ бытовыхъ воззрѣній. Но если эти воззрѣнія у разныхъ народовъ не одинаковы, если они въ Финляндіи одни, а въ Польшѣ другія, то не можетъ быть и рѣчи объ объединеніи въ смыслѣ гражданско-правоваго объединенія. Можно говорить о политическомъ объединеніи, объ общегосударственныхъ учрежденіяхъ, но немыслимо говорить объ объединеніи гражданскаго права. Всякій народъ имѣетъ право на свое, національное гражданское законодательство. Націо-

нальность въ данномъ случаѣ есть гарантія жизненности; ибо жизненно только такое право, которое составляетъ непосредственный продуктъ народной жизни.

Л. А. Куперникъ. Авторы предложенія, обозначеннаго въ 4-мъ пунктѣ программы, впродолженіи дебатовъ, которые возникли по поводу ихъ предложенія, мало-по-малу сходили съ того высокаго пьедестала, на который сначала взошли и мало-по-малу сдѣлали такія уступки, которыя, по моему, равносильны отрицанію собственныхъ положеній. Мы требуемъ, говорили вначалѣ авторы, изданія единаго свода законовъ, общаго для всѣхъ безъ изъятія (а стало быть и для тунгусовъ). Рядомъ съ этимъ мы требуемъ безусловной отмѣны всѣхъ мѣстныхъ гражданскихъ узаконеній. Что же, однако, услышали мы, когда дѣло дошло до отвѣтовъ на сдѣланныя возраженія? Въ этихъ отвѣтахъ говорится уже объ одной только великорусской равнинѣ и о томъ, что не худо бы сохранить нѣкоторые мѣстные законы. Спрашивается, гдѣ же, что же мы будемъ объединять, гдѣ та ограничительная черта, которою кончается объединеніе? Этого авторы намъ не выяснили и, я полагаю, выяснить не могутъ. Не останавливаясь на подробномъ обзорѣ того, на сколько авторы предложенія разработали и убѣдили съѣздъ въ практичности своихъ положеній, я считаю необходимымъ поставить на видъ одно обстоятельство, до сихъ поръ не указанное, а именно, насколько не только желательно, но и возможно объединеніе гражданскихъ законовъ въ государствѣ, отличающемся такимъ громаднымъ пространствомъ, какъ Россія? Вспомните Римъ. Тамъ не было одного общаго для всѣхъ закона. Вспомните Сѣверную Америку. Быть можетъ, тамъ на всемъ протяженіи Соединенныхъ Штатовъ господствуетъ единый гражданскій законъ. Нѣтъ и нѣтъ, каждый штатъ имѣетъ свое собственное уложеніе. Вотъ почему я полагаю, вмѣсто резолюціи, предлагаемой авторами 4-го пункта, признать, что объединеніе не только не желательно, но и невозможно, при тѣхъ условіяхъ, которыми отличается Россія по своему пространству и политическому положенію.

А. М. Фальковскій. Я приглашаю своихъ оппонентовъ

обратиться къ историческимъ фактамъ и вспомнить, что отечественное законодательство въ 1730, 1754 и 1766 г. стремилось къ начертанію общаго уложенія, и что затѣмъ въ царствованіе Александра I составленъ былъ проектъ такого уложенія, и что вопросъ объ отношеніи общихъ законовъ къ мѣстнымъ былъ предметомъ весьма основательнаго обсужденія. Точно также я считаю долгомъ напомнить, что ни я, ни мой товарищъ по составленію предложенія никакихъ уступокъ не сдѣлали, ибо и въ первоначальныхъ своихъ соображеніяхъ мы не выступали и не могли выступать защитниками *абсолютнаго объединенія*. Въ своемъ предложеніи мы говоримъ только объ указаніи основныхъ положеній, „могущихъ служить къ объединенію“, но не къ совершенному уничтоженію мѣстныхъ законовъ. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія, и они въ извѣстныхъ отдѣлахъ гражданскаго права должны найти себѣ мѣсто, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой могутъ быть вызваны существенными особенностями каждой изъ окраинъ Россіи. Изъятія, наконецъ, неизбѣжны даже при совершенной однородности населенія въ государствѣ. И такъ, зачѣмъ намъ навязываютъ такую мысль, которой мы первоначально не имѣли, и опровергаютъ насъ въ томъ, чего мы не доказывали? Вотъ почему я долженъ заявить, что по прежнему остаюсь при своемъ старомъ мнѣніи. Въ дополненіе же скажу слѣдующее: только на почвѣ историческихъ фактовъ мы можемъ сказать наше послѣднее слово. Всѣ остальныя соображенія, какъ бы краснорѣчиво они ни были высказаны, врядъ ли могутъ быть убѣдительны.

П. К. Скорделли. Я позволю себѣ сдѣлать одинъ вопросъ гг. референтамъ, Фальковскому и Соловьеву. Въ 4-омъ пунктѣ программы сказано: (читаетъ) и оба референта заявили, что имъ совмѣстно принадлежитъ мысль и предложеніе; между тѣмъ, что же мы видимъ теперь? Г. Фальковскій требуетъ одновременнаго пересмотра гражданскихъ законовъ, какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ, а г. Соловьевъ ограничиваетъ этотъ пересмотръ мѣстностями, стоящими на приблизительно одинаковой ступени культурнаго развитія. Вслѣдствіе этого измѣненія первоначальнаго предложенія и

происходитъ то кажущееся для г. Фальковскаго явленіе что мы какъ будто возстаемъ противъ какихъ-то призраковъ, что мы возражаемъ противъ вещей, которыя не были сказаны. Нѣтъ, не съ призраками борются противники объединенія, а съ положеніями, высказанными въ докладѣ, ибо тема, какъ она занесена въ программу занятій съѣзда, ясно выражаетъ и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что авторы ея имѣли первоначально въ виду, съ одной стороны, изданіе общаго гражданскаго закона, а съ другой, отмѣну мѣстныхъ гражданскихъ кодексовъ. И такъ, если я не ошибаюсь въ точномъ содержаніи выслушаннаго предложенія, то дальнѣйшія возраженія противъ него кажутся мнѣ излишними послѣ рѣчей предшествовавшихъ оппонентовъ. Неосновательность распространенія еще неизвѣстнаго будущаго какого то кодекса на всѣ мѣстности русскаго государства, мнѣ кажется, доказана ими вполнѣ, причемъ В. Д. Спасовичъ замѣтилъ совершенно справедливо, что распространить этотъ сводъ затруднительно даже на ташкенцевъ, даже на мѣстности, гдѣ дѣйствуетъ законъ Вахтанга, или книга Донича. Поэтому гораздо лучше было бы ограничиться первымъ положеніемъ, выраженнымъ въ 3-емъ §, т. е. позаботиться объ улучшеніи свода гражданскихъ законовъ и торговаго устава, а потомъ, по указанію опыта, подумать и о дальнѣйшемъ его распространеніи.

Ф. Н. Плевако. Я думаю, что послѣ рѣчей, сказанныхъ нѣкоторыми изъ нашихъ товарищей, ясно, что предложеніе въ такомъ видѣ врядъ-ли можетъ быть принято съѣздомъ. Съ своей стороны я попытаюсь обратить ваше вниманіе на слѣдующее. Защитники объединенія законодательства въ Россіи смотрятъ на гражданское право, какъ на привходящее нравственное начало, которое полезно въ видѣ подвига или добродѣтели. Но законъ не есть привходящее нравственное правило. Это нравственное правило исходитъ изъ среды самого народа; источникъ его лежитъ въ народномъ сознаніи о томъ, какъ лучше достигнуть хорошаго. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ нашъ народъ теперь поставленъ, желать объединенія гражданскаго законодательства для всей націи все равно, что пожелать, чтобы во всей

Россіи былъ одинаковый климатъ, одинаковая почва и чтобы всѣ люди были въ одинаковыхъ между собою отношеніяхъ. Какъ вы хотите, чтобы не вліяли на право такія явленія, какъ, напр., недостатокъ рабочихъ въ одной малонаселенной мѣстности или излишекъ въ другой — многолюдной. Теперь посмотримъ, въ состояніи ли русскій сводъ національнаго законодательства осуществить мысль гражданскаго, правоваго объединенія? Я думаю, отвѣтъ отрицательный совершенно готовъ и здѣсь достаточно разъясненъ. Ни одинъ изъ оппонентовъ не представилъ возраженій противъ того, что X томъ лишенъ національнаго характера и не соотвѣтствуетъ нашей современной циливизаціи.

И дѣйствительно, условія жизни постоянно подрываютъ законы X тома; намъ постоянно приходится вычеркивать тѣ мѣста, гдѣ говорится о человѣкѣ, какъ о рабѣ, о крѣпостномъ. Переработать сразу такое отсталое законодательство согласно съ требованіями современной культуры немыслимо, а потому немыслимо и создать немедленно критерій для объединенія всѣхъ составныхъ частей имперіи на почвѣ гражданскаго права. Въ самомъ дѣлѣ, право нашихъ западныхъ окраинъ много выше нашего, и замѣна его русскимъ законодательствомъ, хотя бы и нѣсколько улучшеннымъ, не можетъ не показаться тираніей. Скажу больше, самые недостатки прежнихъ гражданскихъ кодексовъ обратятся въ святыню для этихъ окраинъ, такъ какъ у нихъ будетъ отнято все, что было для нихъ дорогаго. И такъ, я думаю, что вопросъ объединенія гражданскаго права долженъ быть отвергнутъ. Мы должны прежде усовершенствовать свое право, чтобы сначала сравняться съ нашими окраинами, а потомъ уже думать о дальнѣйшемъ.

А. М. Фальковскій. Мм. гг., опять вы слышали гг. ораторовъ, которые очень много говорили о томъ, что мы не должны отталкивать мѣстные законы и навязывать свой сводъ гражданскихъ узаконеній. Вѣроятно, мои оппоненты забыли, что я говорилъ, потому-что мною было сказано: при такомъ направленіи государственой жизни Россіи было бы крайне нераціонально думать о надѣленіи нѣкоторыхъ изъ окраинъ ея законами, стоящими ниже уровня тѣхъ, кото-

рыми онѣ пользуются. Но общее уложеніе... „и затѣмъ быть можетъ потребуется и у насъ по уваженію мѣстныхъ обстоятельствъ, оставленіе въ силѣ нѣкоторыхъ частныхъ законовъ, въ видѣ изъятія изъ общихъ“. Далѣе я просилъ бы вспомнить своихъ возражателей, что составители предложенія въ исторической части предложенія прямо указали, что желанія Россійскихъ законодателей 1730, 1754 и 1766 годовъ не осуществились, потому что тогда еще не были собраны законы, какъ общіе, такъ и мѣстные, что нынѣ все это мы имѣемъ, и дѣло идетъ о пересмотрѣ существующаго и приведеннаго уже въ систематическій порядокъ законодательства, а не о небываломъ кодексѣ, и что предложеніе смотритъ на уложеніе, какъ на дѣло развитія общества и права, что составителямъ его не могло и придти на мысль радикальное уничтоженіе всякаго различія въ нормахъ частнаго права.

Ф. Н. Плевако. Когда говорилось о возможности объединенія русскаго гражданскаго права, между прочимъ были указаны года 1730, 1767 и 1804, когда государи Россіи, сошедшіе со сцены дѣятельности, считали возможнымъ такое объединеніе. Но государи, сошедшіе со сцены, суть достояніе исторіи, въ исторіи же мы не обязаны руководствоваться ничѣмъ кромѣ историческаго опыта, и мы вправѣ сказать: не всякая скрижаль, исходящая отъ дѣятельности государей, должна заставлять насъ нѣмѣть передъ нею, напротивъ, многія скрижали представляютъ въ то же время самыя печальныя страницы дѣятельности народа.

В. Н. Лешковъ. Вопросъ, поднятый въ настоящемъ засѣданіи нашими почтенными сочленами, всегда и вездѣ вызывалъ оживленныя пренія. Вопросъ касается національности. Намъ дорога наша національность, и мы съ нашей равнины хотѣли бы эту національность распространить на все пространство, которое причисляется къ географической картѣ Россіи. Но если мы уважаемъ свою національность, то, думаю, нельзя отказать въ томъ же правѣ и тому, кто любитъ свою, какъ бы она ни была политически незрѣла, какъ бы она ни была ничтожна. Поэтому, разъ вопросъ нашъ поставленъ на такую точку зрѣнія, онъ не

можетъ не привести къ нескончаемымъ страстнымъ спорамъ. И наше положеніе было бы критическимъ, еслибы, къ счастію, не существовало для обсужденія поднятаго вопроса другой, болѣе спокойной почвы — науки, отвлеченія. Гражданское право, какъ тѣсно связанное со всѣми явленіями гражданской жизни, какъ результатъ безконечно разнообразныхъ условій и требованій ея, составляетъ право въ высшей степени національное и служитъ живымъ выраженіемъ юридическаго творчества каждаго народа. Мало того, частное право есть единственное право, которое вполнѣ заслуживаетъ этого названія. Возьмемъ право уголовное. Собственно говоря, оно не заключаетъ въ себѣ никакого права—меня подвернутъ слѣдствію, запрутъ, сошлютъ,— я сомнѣваюсь, чтобъ это можно было назвать правомъ, но право на мое платье, на мой домъ, на мое имущество, есть дѣйствительное право. Его основаніемъ служитъ наша воля; оно всецѣло запечатлѣно характеромъ субъективности, и его знамя—свобода! Принципы частнаго права прежде всего могутъ быть извлечены изъ частныхъ правовыхъ положеній, въ свою очередь имѣющихъ реальную, фактическую подкладку, которая указываетъ грань, за которую не можетъ переступить законодательство съ своими отвлеченными началами, если сходство въ началахъ права у разныхъ народовъ и можно подмѣтить, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эти начала могли быть переносимы отъ одного народа въ правовую жизнь другаго. Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Римъ, гдѣ стойкость и крѣпость юридическаго порядка были непоколебимы до тѣхъ поръ, пока право было національно, пока въ него не вошли элементы, разложившіе и ослабившіе его. Я допускаю общность многихъ правъ государственныхъ и, пожалуй, уголовныхъ, но не допускаю общности и объединенія гражданскаго права; тѣмъ болѣе немыслимо, чтобы объединеніе это состоялось силою. Такое объединеніе уже не будетъ правомъ.

В. Я. Фуксъ. Мнѣ кажется, что коренные недостатки положенія, предложеннаго г. Фальковскимъ, въ его первоначальной формѣ, выяснены совершенно достаточно. Съ своей

стороны я считаю необходимымъ высказать свои соображенія относительно видоизмѣненія самаго предложенія. Авторъ его утверждаетъ, что возможно, если не общее, то, по крайней мѣрѣ, частное объединеніе гражданскихъ законовъ. Это, разумѣется, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что возможно объединить общее право всѣхъ народностей, живущихъ въ Имперіи, но что нѣкоторыя особенности, касающіяся другихъ системъ права, можно оставить. Съ своей стороны я полагаю, что подобный взглядъ противорѣчитъ самымъ понятіямъ о происхожденіи права. Здѣсь было доказано, что правовыя убѣжденія суть убѣжденія народныя, слѣдовательно, они отражаются во всѣхъ сферахъ народной жизни, какъ въ общемъ правѣ, такъ въ наслѣдственномъ и семейномъ. Слѣдовательно, предполагая, что можно измѣнить одну систему права, а другія оставить неизмѣненными, представляется совершенно невозможнымъ, развитіе одной системы права зависитъ безусловно отъ развитія другой, такъ наприм., наше наслѣдственное право развивалось собственно подъ вліяніемъ вотчиннаго помѣстнаго права. Слѣдовательно, если объединить имущественное право, то спрашивается, какимъ образомъ наслѣдственное право, оставшись какъ-бы безъ основъ, могло бы сохраниться во всей неприкосновенности? Поэтому, я полагаю, что не только общее объединеніе гражданскаго закона для всей Россіи не возможно, какъ это было совершенно достаточно доказано, но также и частичное объединеніе не возможно, потому-что оно разрываетъ связь между отдѣльными системами права и приноситъ скорѣе вредъ, а никакъ не пользу.

А. В. Соколовъ. Необходимо обратить вниманіе на рѣшеніе кореннаго вопроса относительно 1-ой части этого предложенія: что должно быть лучше, изданіе ли уложенія или изданіе улучшеннаго свода. Этотъ вопросъ не разработанъ до сихъ поръ; нужно сказать опредѣленно, создавать ли уложеніе на основаніи началъ русскаго законодательства или ограничиться только улучшеніемъ тѣхъ законовъ, которые существуютъ въ настоящее время. По этому поводу я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ: приступать къ уложенію слишкомъ рано на томъ основаніи, что для

этого нѣтъ никакой подготовки; у насъ до сихъ поръ не собраны права громадной массы населенія, именно обычныя права сельскаго населенія. До сихъ поръ у насъ нѣтъ не только оффиціальныхъ сборниковъ, но даже и частныхъ, мы еще только вступили на этотъ путь. Во-вторыхъ, мы до сихъ поръ не можемъ сказать, чтобы у насъ были выработаны основныя положенія, основные принципы отечественнаго законодательства, такъ какъ подобныя положенія создаются только путемъ сравненія съ другими законодательствами. У насъ существуетъ оффиціальная каѳедра для изученія иностранныхъ законодательствъ, но еще очень мало работъ, которыя излагали бы гражданское право, сравнительно съ другими законодательствами. Почтенный предсѣдатель нашего съѣзда въ своей статьѣ указывалъ на этотъ весьма полезный практическій трудъ, но это пока дѣло будущаго, а стало-быть, разъ никакихъ предварительныхъ работъ не имѣется, нечего и разсуждать объ изданіи уложенія, потому что мы не будемъ знать, какія начала положить въ основаніе нашихъ законоположеній, какія изъ нихъ не выдерживаютъ критики, не соотвѣтствуютъ современному экономическому положенію народа. Мы даже не можемъ рѣшить, какія начала лучше, какія хуже. Наконецъ, у насъ не провѣренъ историческій матеріалъ, который находится въ Полномъ Собраніи Законовъ. Какимъ образомъ мы создадимъ такое уложеніе, которое станемъ навязывать другимъ національностямъ, когда у насъ самихъ нѣтъ этого уложенія, и мы составить его не въ состояніи. Я убѣжденъ, что никакія апріорическія работы не помогутъ; надо держаться плана, указаннаго почтеннымъ предсѣдателемъ. Ни сравнительныхъ, ни теоретическихъ, ни историческихъ работъ у насъ не было и нѣтъ; есть матеріалъ, есть хорошія данныя, но провѣрки историческаго матеріала въ связи съ основными началами до сихъ поръ не существуетъ. Поэтому, прежде чѣмъ разсуждать объ объединеніи, надо условиться относительно того плана, котораго мы должны держаться. Я укажу на тотъ планъ, который давно существуетъ, но до сихъ поръ не исполняется; если мы соберемъ матеріалъ, если мы сличимъ наше законодательство съ другими ино-

странными и мѣстными кодексами и такимъ образомъ выведемъ основныя начала нашего права, то лишь тогда получимъ возможность говорить о томъ, въ какой мѣрѣ наше Уложеніе соотвѣтствуетъ современному уровню образованія, въ какой мѣрѣ оно можетъ быть распространено на другія національности. Притомъ, конечно, даже улучшенное законодательство нельзя навязывать силой на томъ основаніи, что мѣстныя права составляютъ дѣйствительно коренной продуктъ національной жизни. Такимъ образомъ остановимся прежде всего на изысканіи способа, какимъ можетъ быть произведено усовершенствованіе нашего гражданскаго уложенія, и выразимъ категорически тѣ требованія, тотъ планъ, которыми долженъ руководствоваться русскій юристъ для созданія этого улучшеннаго законодательства.

В. Д. Спасовичъ. Предложеніе гг. Фальковскаго и Соловьева было слишкомъ широко: оно вело къ объединенію гражданскаго законодательства у всѣхъ народностей Россіи. Съ другой стороны, предложеніе, только что выслушенное нами, слишкомъ консервативно. Оно разсчитано на слишкомъ продолжительный промежутокъ времени. Наша жизнь коротка, всего 20, 30 лѣтъ; этихъ лѣтъ мало для исполненія такой программы, мало для нея и 50, 100 лѣтъ. Если бы такъ разсуждали, когда брались за составленіе полнаго свода законовъ, то мы никогда не дождались бы его. Я полагаю, на этой почвѣ должны столкнуться два противорѣчивыхъ взгляда. На одной сторонѣ мы видимъ теоретика. Онъ занимается наукою солидно, въ тиши кабинета, и потому его мнѣніе — ждать годъ, другой, третій. На другой стоитъ человѣкъ дѣла, практикъ. Онъ видитъ на каждомъ шагу, что отъ недостатковъ законодательства страдаютъ гражданскія отношенія; что отношенія запутались такъ, что и выхода нѣтъ; онъ видитъ, какъ кассаціонная практика безпрестанно заноситъ на свои столбцы лихія болѣсти нашего юридическаго организма: здѣсь ракъ, тамъ язва, а между тѣмъ вылѣчить ихъ онъ не можетъ, не въ состояніи. Не удивительно, что онъ не согласенъ съ теоретикомъ и жаждетъ возможно скорѣйшаго устраненія зла. При всемъ моемъ сочувствіи къ солидному выжиданію, я все таки воз-

стаю самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ такой мысли. Время приспѣло составить гражданское уложеніе, которое есть одно изъ самыхъ необходимыхъ потребностей настоящаго времени.

А. В. Соколовъ. По мнѣнію достопочтеннаго сочлена, моего оппонента, работа, предлагаемая мною, должна занять по крайней мѣрѣ 50 лѣтъ. Но, во первыхъ, это преувеличеніе (редакціонная коммиссія собрала свои матеріалы въ несравненно болѣе короткій срокъ), а во вторыхъ, нельзя же создать сразу новое уложеніе. Намъ указываютъ на другія уложенія, которыя измѣнялись, передѣлывались, пополнялись. Положимъ. Но безъ матеріала все таки обойтись нельзя. Собрать его необходимо и притомъ—по возможности скорѣе. Я думаю, что при дружномъ содѣйствіи науки, литературы, правительства и судебной практики для этого потребуется не 50 лѣтъ, а гораздо менѣе. Въ самомъ дѣлѣ, представьте, что за дѣло примутся не одно, не два, а цѣлая масса лицъ: одни займутся собираніемъ мѣстныхъ обычаевъ, другія станутъ сообщать о результатахъ своей практики, третьи — люди науки—примутся за разработку историческаго матеріала и, наконецъ, четвертыя — за пересмотръ дѣйствующаго свода. При такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, потребуется для составленія уложенія не болѣе 3 или 4 лѣтъ.

Поэтому позвольте оправдаться въ консерватизмѣ; профессоръ не можетъ быть строгимъ консерваторомъ; ему нельзя остановиться на томъ, что лучше нашего ничего не можетъ быть. Пересмотръ свода не предполагаетъ только пересмотра того, что есть; при этомъ многое выкидывается, многое вносится вновь. Какимъ же образомъ отвергать, что при изданіи новаго уложенія явится улучшенный сводъ? Но, признавая это, я все таки по прежнему настаиваю на томъ, что сѣсть и написать новое уложеніе безъ производства предварительныхъ работъ немыслимо. Итакъ, въ чемъ же заключается задача съѣзда? На мой взглядъ, задача эта состоитъ въ томъ, чтобы намѣтить организацію и порядокъ предварительныхъ работъ и самаго составленія уложенія. Въ настоящее время правительство занято пересмотромъ вексельнаго устава и приглашаетъ къ участію въ этомъ

дѣлѣ людей науки, литературы, купечество. Не даетъ ли это намъ нѣкотораго права надѣяться на созданіе новаго уложенія тѣмъ путемъ, какимъ было создано Уложеніе царя Алексѣя Михайловича? Что же касается порядка предварительныхъ работъ, то дѣло съѣзда обратиться ко всѣмъ образованнымъ людямъ (не только юристамъ) съ приглашеніемъ собирать матеріалы, при чемъ, конечно, должно быть указано, какіе именно требуются матеріалы.

Предсѣдатель. Мм. гг.! Тутъ было такъ много говорено и такъ много поучительнаго. Дѣло, мнѣ кажется, выяснено на столько, что я въ состояніи поставить слѣдующій вопросъ: находитъ ли собраніе нужнымъ принять предложеніе гг. Фальковскаго и Соловьева (№ 4)? Сколько я понимаю, оно отвергнуто (Всѣ: отвергнуто). Что же касается до того, какія мѣры должны быть приняты къ составленію новаго кодекса гражданскаго права или къ составленію уложенія, то эти мѣры у насъ только намѣчены, но не были разсмотрѣны, и, кажется, даже нѣтъ повода приступить къ ихъ разсмотрѣнію, потому собственно, что вопроса объ этомъ не предлагалось. Въ связи съ этимъ вопросомъ стоитъ и другой, разрѣшить который для насъ весьма важно: имѣетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, право нашъ съѣздъ выбрать коммиссію, которая бы продолжала работы послѣ закрытія съѣзда. Сколько мнѣ извѣстно, вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ законодательнымъ порядкомъ. Говорю такъ потому, что бесѣдовалъ объ этомъ съ лицами компетентными. Ихъ мнѣніе таково, что съѣздъ въ правѣ высказать только желаніе объ учрежденіи такой постоянной коммиссіи, но онъ не имѣетъ права выбирать ее.

М. П. Соловьевъ. Съѣздъ можетъ передать эти работы въ Московское Юридическое Общество, которымъ и былъ созванъ съѣздъ.

Предсѣдатель. Нѣтъ.

А. М. Фальковскій. Я долженъ заявить, что кромѣ предложенія, сдѣланнаго мною и моимъ товарищемъ, у насъ есть и другое—о необходимости кодификаціи гражданскаго права матеріальнаго и торговаго права. Вопросъ этотъ

разсматривался вмѣстѣ съ поставленными нами. Думаю, что онъ не будетъ отвергнутъ собраніемъ.

А. В. Соколовъ. Я обращаю вниманіе на редакцію 3-го пункта, гдѣ сказано: „съ указаніемъ, какъ совершить эту работу". Слѣдовательно — обсужденіе этого вопроса допущено правительствомъ. Въ дополненіи къ тому, что мною уже сказано, предлагаю слѣдующее: работу можно бы распредѣлить между всѣми юридическими обществами; у насъ есть Московское, новое Казанское. При содѣйствіи образованной публики они могли бы принять въ дѣлѣ самое плодотворное участіе и безъ оффиціальнаго приглашенія.

Предсѣдатель. Я уже говорилъ, что сами мы не имѣемъ права назначать коммиссіи. Относительно 3-го вопроса, предложеннаго А. А. Книримомъ, я долженъ сказать, что вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ его автора, но предложеніе это недостаточно мотивировано и потому можетъ составить только драгоцѣнный матеріалъ для нашихъ протоколовъ. Я предлагаю съѣзду слѣдующую резолюцію: осуществить предложеніе А. А. Книрима желательно, предложеніе за № 4, напротивъ, признается неудобнымъ, преждевременнымъ (резолюція принята).

Ѳ. Ф. Балашевичъ. Въ началѣ нашего засѣданія г. Соколовъ заявилъ, что полезно было бы издать особый сборникъ гражданскихъ узаконеній; но было бы еще полезнѣе, если-бы всѣ сочлены занялись этимъ и указали всѣ противорѣчія, которыя представляютъ статьи X т., съ тѣмъ, чтобы представить ихъ будущему съѣзду; это могло бы служить указаніемъ правительству. По этому мнѣнію г. Соколова до сихъ поръ не сдѣлано никакого постановленія, а между тѣмъ, въ виду заявленія г. Спасовича, мнѣ кажется, что такое постановленіе необходимо.

Предсѣдатель. Заключенія по этому вопросу постановить нельзя; можно предложить членамъ заниматься тѣмъ-то и тѣмъ-то; постановленія же по предмету, не внесенному въ программу нашихъ занятій состояться не можетъ. Впрочемъ, происходившія здѣсь пренія могутъ быть записаны въ протоколъ.

А. В. Соколовъ. Я имѣлъ такую цѣль: пригласить юрид.

общества, всѣхъ сочленовъ съѣзда, всѣхъ юристовъ къ участію въ этихъ работахъ; прямо же вопроса о коммиссіи я не ставилъ; я желаю, чтобъ всѣ юрид. общества сочувствовали составленію улучшеннаго свода, и чтобы вопросъ считался открытымъ до будущаго съѣзда юристовъ, чтобы наконецъ, въ виду будущаго съѣзда, указаны были тѣ пути, по которымъ должно слѣдовать, чтобы матеріалы были уже собраны.

Предсѣдатель. Я говорилъ, что ваши слова должны быть записаны; но дальнѣйшаго мы не можемъ взять на себя; мы не можемъ обращаться къ обществу, къ правительству; мы можемъ только выразить желаніе, чтобы производились такія работы.

А. В. Соколовъ. Я желаю, чтобы это было однимъ изъ текущихъ, животрепещущихъ вопросовъ и будущаго съѣзда.

Предсѣдатель. Слѣдовательно, мы приходимъ по 3-му пункту къ рѣшенію положительному, а по 4-му пункту къ рѣшенію отрицательному, признавая его преждевременнымъ. Теперь позвольте перейти къ послѣднему вопросу, предложенному г. Родиславскимъ, означенному въ программѣ подъ № 6: „о необходимости опредѣлить въ нашемъ законодательствѣ размѣръ гражданской отвѣтственности за самовольное представленіе драматическаго произведенія“.

IV.

Вслѣдъ за симъ В. И. Родиславскій прочелъ слѣдующее:

„О необходимости опредѣлить въ нашемъ законодательствѣ гражданскую отвѣтственность за самовольное представленіе драматическаго произведенія“.

„Въ статьѣ 1684 улож. о наказ. (изд. 1866 г.), между прочимъ, сказано: кто, не выдавая себя за автора чужаго сочиненія или перевода, но зная, что оно есть литературная или художественная собственность другаго, будетъ, безъ надлежащаго уполномочія, находящимся у него по какому-либо случаю произведеніемъ сего рода располагать, какъ бы принадлежащимъ ему, дозволивъ представить драматическое сочиненіе въ публичномъ собраніи, тотъ за сіе,

сверхъ слѣдующаго за причиненные имъ чрезъ то убытки вознагражденія, приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ."

Такимъ образомъ, въ статьѣ этой ясно и вполнѣ точно опредѣлена уголовная отвѣтственность за нарушеніе авторской собственности представленіемъ піесы безъ уполномочія или согласія ея автора или переводчика, но, опредѣляя эту уголовную отвѣтственность, та же самая статья закона говоритъ и о гражданской отвѣтственности въ этомъ случаѣ. Въ статьѣ этой сказано, что виновный въ самовольномъ представленіи драматическаго произведенія приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ, *сверхъ слѣдующаго за причиненные имъ чрезъ то убытки вознагражденія.* Итакъ, законъ прямо говоритъ, что съ виновнаго слѣдуетъ вознагражденіе за причиненные убытки, но какимъ образомъ искать эти убытки лицу потерпѣвшему? Какъ исчислить, какъ опредѣлить ихъ? Когда потерпѣвшій авторъ или переводчикъ піесы обратится къ суду съ просьбою о взысканіи слѣдующаго ему вознагражденія за убытки, то какъ и оцѣнить ему эти убытки, чѣмъ потерпѣвшему лицу доказать, что оно отъ самовольнаго представленія его піесы понесло убытку столько-то, а не столько. Несомнѣненъ самый убытокъ, но невозможно опредѣлить его размѣръ и потому право взысканія убытковъ, причиненныхъ самовольнымъ представленіемъ драматическаго произведенія, предоставленное статьею 1684 улож. о наказ., превращается въ nudum jus, въ право, неприложимое въ дѣйствительности. Законодательство наше, издавая положеніе о правѣ музыкальной собственности русскихъ и пребывающихъ въ Россіи сочинителей, уже обратило на это вниманіе и въ 351 ст. устава цензурнаго опредѣлило, какое должно быть это вознагражденіе за убытки, причиненные самовольнымъ представленіемъ музыкальныхъ произведеній.

Въ этой статьѣ говорится, что „за самовольное предъ публикою исполненіе чужаго музыкальнаго произведенія (какъ, напр., оперы, ораторіи) виновный, сверхъ отвѣтственности на основаніи ст. 1684 улож. о наказ., подвер-

гается въ пользу того, чье право нарушено, двойному взысканію сбора, полученнаго за представленіе, въ которомъ таковая піеса была играна. Сумма этого сбора исчисляется безъ исключенія употребленныхъ при означенномъ представленіи расходовъ".

Вотъ статья, которая опредѣляетъ размѣръ вознагражденія, размѣръ гражданской отвѣтственности за самовольное представленіе оперы, произведенія совершенно однороднаго съ драматическими произведеніями, или лучше сказать, составляющаго только одинъ изъ видовъ драматическихъ произведеній. Эта статья закона можетъ быть была бы болѣе всего примѣнима къ опредѣленію размѣра вознагражденія, слѣдующаго за убытки, причиненные такимъ представленіемъ автору или переводчику драматическаго произведенія, еслибъ только и оно въ свою очередь не было бы тоже jus nudum, право, неосуществимое въ дѣйствительности; чтобы требовать двойной сборъ самовольнаго представленія, надобно знать, какъ великъ былъ сборъ съ этого представленія, а какъ это узнать? Въ Россіи всѣ театры суть или Императорскіе, или частные. Допустимъ, что самовольное представленіе піесы совершилось на театрѣ Императорскомъ. Для того, чтобы потребовать себѣ двойной сборъ лицу потерпѣвшему, нужно доставить справку, какъ великъ былъ этотъ сборъ, но министерство Императорскагаго Двора, въ вѣдѣніи котораго состоятъ Императорскіе театры, основываясь на статьѣ 1950 т. I. св. зак. учреж. мин., можетъ не выдать ему для этого потребныхъ свѣдѣній, какъ оно не дало въ 1874 г. свѣдѣній по требованію г. министра внутреннихъ дѣлъ о доходахъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ, каковыя свѣдѣнія нужны были по дѣлу о сложеніи съ обязанности г. Москвы расхода въ 57,000 р. въ годъ, произведеннаго на пособіе здѣшнимъ театрамъ, о сложеніи каковаго расхода ходатайствовала Московская Городская Дума.

Если же самовольное представленіе было сдѣлано на частномъ театрѣ, то сборъ таковаго представленія извѣстенъ только содержателю этого театра, а онъ же и есть то лицо, съ котораго долженъ быть взысканъ двойной сборъ, то кто

же можетъ заставить его сказать, каковъ былъ сборъ съ этого представленія? Онъ—или отзовется незнаніемъ, запамятованіемъ, или уменьшитъ его до безконечно-малой величины и едва ли возможно будетъ чѣмъ нибудь опровергнуть такое показаніе. Поэтому отсутствіе въ законѣ указанія, какъ опредѣлить слѣдующее вознагражденіе за причиненные автору или переводчику убытки самовольнымъ представленіемъ драматическаго произведенія и невозможность опредѣлить количество сбора при самовольномъ исполненіи произведенія музыкальнаго дѣлаютъ гражданскую отвѣтственность за самовольное исполненіе драматическаго или музыкальнаго произведенія невозможною de facto и заставляютъ автора, вмѣсто просьбы о вознагражденіи его за убытки, причиненные ему самовольнымъ исполненіемъ его произведенія, просить, можетъ быть, даже скрѣпя сердце, только въ порядкѣ уголовномъ наказанія виновнаго въ этомъ поступкѣ, дабы хоть страхомъ наказанія оградить право собственности на свое произведеніе, охранить ту именно собственность, которую законъ (ст. 420 1 ч. X т. св. зак.) называетъ *собственностью литературною и художественною.* Какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы сверхъ означенной отвѣтственности была возможна и отвѣтственность гражданская за самовольное исполненіе піесы? Мнѣ кажется, было бы въ духѣ закона и цѣлесообразно, еслибы въ законѣ было опредѣлено, чтобы виновные въ самовольномъ представленіи піесы безъ согласія автора или переводчика, сверхъ отвѣтственности уголовной на основаніи 1684 ст. улож. о наказ., какъ за проступокъ противъ чужой собственности, подвергались въ пользу того, чье право нарушено, взысканію полнаго сбора, который даетъ тотъ залъ, или тотъ театръ, гдѣ было исполнено то представленіе, въ тѣ дни, когда всѣ мѣста безъ исключенія въ немъ заняты, разсчитывая по цѣнѣ, по которой продавались мѣста на то представленіе. Это будетъ согласно и съ ст. 304 цензурн. устава, по которой убытокъ за самовольное изданіе (контрафакцію) исчисляется за все изготовленіе экземпляровъ самовольнаго изданія, хотя можетъ быть многіе изъ экземпляровъ того изданія вовсе и не продались бы. Но какъ это

сдѣлать, какъ достичь того, чего желаютъ драматическіе писатели, соединившіеся въ общество, отчасти именно для этой цѣли, достичь именно того, чтобы законъ опредѣлилъ размѣръ гражданской отвѣтственности за самовольное исполненіе піесы? Какъ членъ Общества русскихъ драмати ческихъ писателей, на обязанности котораго лежитъ дѣло производство Общества, я имѣю честь обратиться съ просьбою къ почтеннымъ членамъ съѣзда юристовъ помочь намъ въ этомъ дѣлѣ своимъ совѣтомъ.

А. В. Соколовъ. При глубокомъ моемъ уваженіи къ драматической собственности, при всемъ желаніи поощрить развитіе драматической литературы, я долженъ замѣтить, что не всѣ драматическія произведенія представляютъ одинаковыя достоинства, не всѣ они имѣютъ одинаковую цѣнность для литературы и для публики. Мнѣ кажется, что законъ весьма цѣлесообразенъ; онъ опредѣляетъ взыскивать убытки, потому что убытки должны быть вознаграждаемы. Но убытки, по общему правилу нашего гражданскаго законодательства, должны быть доказаны и опредѣлены. Здѣсь въ этомъ правилѣ, я полагаю, совершенно достаточно опредѣленъ размѣръ подлежащаго взысканію авторскаго убытка. Въ самомъ дѣлѣ, было бы несправедливо присуждать составителю плохой пьесы, которую публика мало посѣщаетъ, такое же вознагражденіе, какъ и автору пьесы, имѣющей блестящій успѣхъ. Всякій драматургъ и безъ того пользуется правомъ литературной собственности, въ силу котораго получаетъ часть должнаго сбора за представленіе. Штрафъ не долженъ простираться за предѣлы всего денежнаго сбора. Далѣе, мнѣ кажется, оба случая, указанные авторомъ предложенія, разрѣшаются очень просто. Если имѣешь дѣло съ Императорскимъ театромъ, то слѣдуетъ обратиться за справкой о размѣрахъ сбора въ министерство двора. Отказа бояться нечего. Если это министерство отказало въ справкѣ министру внутреннихъ дѣлъ, то оно не можетъ, не вправѣ сдѣлать это по отношенію къ суду, куда потерпѣвшій въ случаѣ неудачи всегда можетъ обратиться. Отказать суду, значитъ создать для потерпѣвшаго полную возможность на законномъ основа-

ніи добиться самой точной справки. Другой случай касается частнаго предпринимателя.

Но, вѣдь, всякій антрепренеръ въ тоже время торговый человѣкъ и обязанъ вести торговыя книги. Въ случаѣ неправильнаго ихъ веденія или непредставленія суду онъ отвѣчаетъ по закону. Цѣль закона можетъ быть такимъ образомъ достигнута вполнѣ, а это въ свою очередь служитъ совершенно достаточнымъ обезпеченіемъ драматической собственности. Что же касается двойнаго сбора, то согласитесь, что такая оцѣнка убытковъ—слишкомъ высокая оцѣнка.

В. И. Родиславскій. Я говорилъ въ своемъ рефератѣ не о двойномъ сборѣ, я привелъ только примѣръ, что въ законѣ двойной сборъ установленъ, какъ вознагражденіе за нарушеніе музыкальной собственности. Предложеніе же мое заключается въ томъ, чтобы за драматическія пьесы выдавался не двойной, а просто полный сборъ, обычный, именно по аналогіи съ ст. 304 уст. цензурнаго устава, гдѣ въ пользу автора исчисляется вознагражденіе по всему числу изданныхъ экземпляровъ, все равно были-ли они проданы или нѣтъ. Далѣе я совершенно согласенъ съ вами, что для вознагражденія за самовольное представленіе пьесы слѣдовало бы отдавать весь сборъ. Но такого закона не существуетъ. Законъ опредѣляетъ размѣръ взысканія только по вопросу о музыкальныхъ произведеніяхъ и исчисляетъ его двойнымъ дѣйствительнымъ сборомъ. Такимъ образомъ законъ ставитъ двѣ разновидности одного и того же сценическаго искусства, драму и оперу, въ условія совершенно различныя: за самовольное представленіе оперы—двойной сборъ; за самовольное представленіе драмы — никакого. Кромѣ того, вы полагаете, что министерство не станетъ отказывать суду въ дачѣ свѣдѣній, а мнѣ извѣстно, что контролеръ петербургской театральной конторы лишился мѣста лишь за то, что по дѣлу Стелловскаго о самовольномъ представленіи Аскольдовой могилы далъ суду требуемыя имъ свѣдѣнія.

Вникните въ 1950 статью и вы увидите, что министерство Двора никому не обязано давать свѣдѣній, даже суду. Вы указали и на то, что частные предприниматели ведутъ

книги. Они обязаны ихъ вести, это правда, но моя пятилѣтняя практика въ обществѣ драматическихъ писателей указываетъ, что не болѣе, какъ одинъ изъ десяти ведутъ эти книги. Наконецъ, вы упомянули о разницѣ пьесъ по достоинству, совершенно справедливо, но если антрепренеръ даетъ пьесу, онъ значитъ почему-либо считаетъ это для себя выгоднымъ; быть можетъ, дурную пьесу онъ предпочитаетъ хорошей. Подобно тому, какъ законъ 309 ст. цензурнаго уст. не говоритъ, что за контрафакцію хорошей книги взыскивается дороже, а—дурной дешевле, такъ точно и вознагражденіе какъ за хорошую, такъ и за дурную пьесу должно быть одинаково.

В. Д. Спасовичъ. Законъ даетъ автору право разрѣшать или не разрѣшать представленіе своей пьесы. Положимъ, что этотъ законъ раціоналенъ, въ такомъ случаѣ обязывать автора къ доказательству своихъ убытковъ передъ судомъ, значитъ дать ему нуль, потому что нашъ судъ никогда ничего не присудитъ. Я полагаю, что въ этомъ отношеніи слѣдуетъ воспользоваться примѣромъ нѣмецкаго законодательства: нѣмецкій законъ 11 іюля 1870 г., предоставляющій автору право безусловно запрещать или разрѣшать представленіе своей пьесы, постановляетъ, что въ подобныхъ случаяхъ судъ рѣшаетъ искъ по совѣсти (читаетъ ст. закона 11 іюля 1870 г.). Я полагаю, что и у насъ слѣдовало бы предоставить дискреціонной власти по своему усмотрѣнію, согласно съ обстоятельствами даннаго случая, опредѣлять величину того, что должно идти на вознагражденіе автора. Но затѣмъ для меня остается открытымъ вопросъ, слѣдуетъ ли безусловно запрещать представленіе тѣхъ драматическихъ представленій, которыя опубликованы? Мнѣ кажется, что до тѣхъ поръ, пока авторъ держитъ свое сочиненіе, какъ манускриптъ, пока онъ не пуститъ его въ публику, не распространитъ, ему безусловно принадлежитъ право всякаго запрещенія, но коль скоро онъ распубликовалъ его, коль скоро оно сдѣлалось достояніемъ публики, то его право состоитъ лишь въ полученіи извѣстной доли сбора за всякое представленіе съ наложеніемъ извѣстнаго штрафа, если представленіе дается само-

вольно. Вотъ по какому принципу я не согласенъ съ безусловнымъ запретомъ представленія того, что напечатано.

В. И. Родиславскій. Въ моемъ рефератѣ нѣтъ ни слова о безусловномъ запрещеніи, хотя законъ въ ст. 1684 не дѣлаетъ различія между произведеніями напечатанными и ненапечатанными, онъ подводитъ ихъ подъ одну рубрику. Вы говорите, что за представленіе піесы должно быть какое-нибудь вознагражденіе; оно разумѣется должно быть добровольное, обоюдное по договору...

В. Д. Спасовичъ. Нѣтъ, нѣтъ.

В. И. Родиславскій. Даже, пожалуй, опредѣленное, но все таки вознагражденіе должно быть, а теперь его нѣтъ; теперь существуетъ только уголовная отвѣтственность; а въ результатѣ между тѣмъ всюду играютъ драматическія піесы безъ согласія авторовъ и не платятъ ничего. Что касается до опредѣленія убытковъ по совѣсти, то вѣдь въ нашемъ законодательствѣ не предоставлено суду такого права, да и предоставленіе его будетъ прямымъ противорѣчіемъ со ст. 351, гдѣ за представленіе оперы назначается двойной сборъ. Возьмите, напр., „Грозу“ Островскаго. Теперь, пока это драма, судъ, если принять ваше предложеніе, долженъ опредѣлять убытки отъ самовольнаго представленія по совѣсти. А передѣлайте эту драму въ оперу и придется по ст. 1684 взыскивать двойной сборъ. Такое противорѣчіе слишкомъ велико.

А. В. Соколовъ. Вполнѣ сочувствуя мысли г. Спасовича о предоставленіи суду опредѣлять размѣръ вознагражденія, не могу однако не замѣтить, что и судъ при этомъ долженъ руководиться извѣстными правилами.

В. Д. Спасовичъ. Его право оцѣнки безусловно.

А. В. Соколовъ. Нѣтъ, безусловнымъ оно не можетъ быть. Какимъ образомъ почерпнетъ судъ истинное убѣжденіе, когда не будетъ никакихъ данныхъ? Въ этомъ случаѣ правила о вознагражденіи за убытки будутъ только давать матеріалъ, изъ котораго по личному усмотрѣнію можно опредѣлить вознагражденіе. Это право есть у суда и въ настоящее время. Далѣе, что касается того примѣра, что Министръ Двора смѣнилъ кассира за доставленіе свѣдѣній суду, то,

быть можетъ, свѣдѣнія были даны безъ разрѣшенія начальства; это вопросъ дисциплинарный. Я повторяю свое мнѣніе, что всѣ эти недоразумѣнія разрѣшаются очень просто общими положеніями.

Л. А. Куперникъ. Всѣ тѣ желанія, которыя выражены г. Родиславскимъ, могутъ быть сведены къ тому, чтобы съѣздъ юристовъ высказался въ пользу изданія новаго закона, который бы обезпечивалъ то гражданское взысканіе за самовольное представленіе драматическихъ представленій, которое въ зачаточномъ видѣ, но не ясно установлено уже нашимъ законодательствомъ.

Я позволю себѣ высказать мнѣніе совершенно противоположное: я полагаю, что по отношенію къ драматическимъ произведеніямъ того права драматической собственности, которое давало бы авторамъ возможность разрѣшать или запрещать представленіе своихъ піесъ или требовать вознагражденія за самовольное представленіе, въ нашемъ законѣ нѣтъ.

Всѣ законоположенія, изъ которыхъ можно бы было выводить существованіе подобнаго права драматической собственности, заключаются въ 1684 ст. улож., а потомъ въ законахъ 1813, 1814, и 1827 гг., въ которыхъ трактуется о вознагражденіи писателей со стороны антрпренеровъ. Изъ статьи 1684, если взять ее въ полномъ объемѣ, если сообразить ея связь съ послѣдующими статьями, если принять вообще во вниманіе духъ законодательства, можно придти только къ тому заключенію, что налагаемое ею уголовное наказаніе и гражданская отвѣтственность примѣнимы только къ такимъ пьесамъ, которыя еще не были обнародованы. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что законъ приравниваетъ подобное представленіе напечатанію рукописи, которою кто нибудь завладѣлъ помимо желанія автора. Новое подтвержденіе моего толкованія 1684 ст. даетъ мнѣ цензурный уставъ. Ст. 1684 говоритъ о самовольномъ представленіи драматическихъ или музыкальныхъ произведеній. Какъ понимать это выраженіе? Въ цензурномъ уставѣ есть статья, въ которой сказано, что музыкальная піеса, разъ обнародованная, можетъ быть исполняема кѣмъ

и когда угодно; исключеніе сдѣлано лишь для оперъ и ораторій. Далѣе, законы 1813, 1814 и 13 ноября 1827 г. не могутъ имѣть въ настоящее время никакого примѣненія, потому что были вызваны уже отошедшимъ въ исторію меценатствомъ Императорскаго Двора и стремленіемъ пріурочить драматическихъ писателей къ Императорскимъ театрамъ. Наконецъ законъ, предлагаемый г. Родиславскимъ, я считаю стѣснительнымъ для развитія театральнаго дѣла въ Россіи. Что касается Имп. театровъ, то они не нуждаются ни въ какомъ покровительствѣ, а для частныхъ, весьма немногочисленныхъ, весьма бѣдныхъ, установленіе подобнаго закона было бы новымъ стѣсненіемъ, въ видѣ прибавки къ тѣмъ безконечнымъ затрудненіямъ, которыя частный театръ встрѣчаетъ повсюду и особенно въ провинціи. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что между понятіемъ объ убыткахъ и требованіемъ референта, чтобы убытки опредѣлялись цифрой полнаго сбора, нѣтъ никакого соотвѣтствія. Подъ словомъ „убытокъ“ надо понимать то, что лицо могло бы получить и вслѣдствіе злоупотребленія не получило. Еслибъ существовалъ какой-нибудь законъ, который бы опредѣлялъ вознагражденія, то неужели законъ этотъ назначилъ бы въ вознагражденіе весь сборъ? разумѣется была бы представлена только незначительная часть, именно извѣстная тантьема. Вотъ почему я просилъ бы съѣздъ, принявъ во вниманіе существующія стѣсненія театральнаго дѣла, признать, что новое стѣсненіе совершенно излишне.

В. И. Родиславскій. Уважаемый сочленъ нашъ Куперникъ указалъ на законъ, который дозволяетъ безданно, безпошлинно исполнять музыкальныя пьесы; но самъ же онъ дѣлаетъ, на нашъ взглядъ весьма важную и знаменательную оговорку, а именно, что такая свобода исполненія возможна лишь подъ условіемъ молчаливаго согласія на то автора. Что же касается оперъ и ораторій, то по отношенію къ нимъ запрещеніе автора прямо предполагается. Г. Куперникъ говоритъ, что 1684 ст. относится только къ произведеніямъ драм. не обнародованнымъ. Но ст. 62-я 1-го тома свода законовъ буквально предписываетъ понимать законъ, а между тѣмъ въ законѣ нѣтъ оговорки относительно про-

изведеній не напечатанныхъ. Разумѣется, требовать всего сбора въ пользу драматическаго писателя нельзя, но г. Куперникъ не прибавилъ, что я говорю только о полномъ сборѣ съ виновнаго, съ контрфактора. Что касается до стѣсненія антрпренеровъ, то наши провинціальные театры, быть можетъ, не такъ жалки, какъ наши драматическіе писатели. Еще Гете въ своемъ сочиненіи „Земная жизнь“ и „Апоѳеозъ художника“ заставляетъ художника молиться, чтобы онъ ничѣмъ не былъ озабоченъ и чтобы обѣдъ его былъ заплаченъ. Обѣды нашихъ художниковъ часто бываютъ не заплачены, обѣдъ же антрпренеровъ заплаченъ всегда. Дѣло въ томъ, что уже въ теченіи 5 лѣтъ мы никому не позволяемъ безвозмездно играть своихъ произведеній и еще ни одинъ провинціальный театръ отъ этого не закрылся, а между тѣмъ на эти деньги похороненъ былъ одинъ писатель. Конечно, законъ не знаетъ филантропіи; имъ должна руководить справедливость и самое святое уваженіе къ собственности.

К. А. Рихтеръ. Мм. гг., предложенный вопросъ о необходимости опредѣленія гражданской отвѣтственности за самовольное представленіе драматическихъ произведеній есть въ сущности требованіе новаго закона, который еще болѣе закрѣпилъ бы плоды умственнаго труда за ихъ авторами. Вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли существуетъ необходимость, чтобы законодательство шло по этому пути и наоборотъ, не слѣдуетъ ли признать, что законодательство должно именно идти по пути совершенно противоположному? Я прежде всего позволю себѣ сослаться на то, что въ новѣйшее время политическая экономія—укажу на сочиненіе д-ра Мауруса, изданное недавно въ Кіевѣ — признаетъ другіе принципы; она находитъ, что плоды умственнаго труда должны быть признаны достояніемъ всѣхъ и каждаго въ государствѣ и авторъ только имѣетъ право на извѣстное вознагражденіе со стороны государства. Справедливость этого принципа политической экономіи мнѣ кажется, доказать не трудно; но такъ какъ мы юристы, то я прежде всего поставлю вопросъ на юридическую почву: я ставлю вопросъ, вправѣ ли было бы государство признать

свободу для произведеній умственнаго труда съ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ авторовъ? Конечно, разрѣшеніе этого вопроса не трудно. Мы можемъ указать на примѣръ освобожденія крестьянъ, на то, что право собственности помѣщиковъ было нарушено во имя болѣе высокихъ принциповъ и имъ былъ данъ взамѣнъ обязательный выкупъ. Достаточно указать на то, что для какой-нибудь государственной потребности, для постройки, напр., желѣзной дороги, нарушается мое право собственности, желаю я или нѣтъ, мнѣ даютъ денежное вознагражденіе. Слѣдовательно, тутъ вопросъ собственно въ томъ: въ интересахъ ли государства, въ согласіи ли съ принципомъ справедливости подобное признаніе плодовъ умственнаго труда достояніемъ всего общества. Разрѣшая этотъ вопросъ, необходимо сравнить блага, добытыя умственнымъ трудомъ, съ благами, добытыми трудомъ физическимъ. Прежде всего замѣтимъ слѣдующее: если я добылъ пудъ хлѣба, то, куда бы онъ ни попалъ, онъ все-таки останется пудомъ хлѣба, будучи въ состояніи удовлетворять извѣстной потребности только въ извѣстномъ ограниченномъ количествѣ. Если же я обладаю какимъ-нибудь результатомъ умственнаго труда, то трудъ этотъ можетъ удовлетворять потребностямъ безконечнаго множества людей безконечное время. Все достоинство умственнаго труда состоитъ въ томъ, что онъ можетъ сдѣлаться достояніемъ массы людей. Поэтому интересъ государства и заключается именно въ изъятіи продуктовъ умственнаго труда изъ сферы частной собственности. Это первое ихъ отличіе отъ результатовъ физическаго труда. Другое отличіе слѣдующее: то положеніе, будто бы настоящій законъ обезпечиваетъ право собственности на результаты умственнаго труда, мнѣ кажется, есть самообольщеніе; въ сущности обезпечивается только монополія капиталистовъ. Если мы разберемъ вознагражденіе, которое получаетъ авторъ, то мы согласимся съ тою мыслью, которую отчасти противъ себя высказалъ референтъ, что авторъ остается безъ обѣда, а предприниматель обѣдаетъ на его деньги. Если вообще капиталъ эксплуатируетъ трудъ, то въ особенности это вѣрно въ отношеніи умственнаго труда; обык-

новенно труженикъ—авторъ получаетъ вознагражденіе, какъ рабочую плату построчно или за страницу. Иногда оно принимаетъ форму уплаты за уступку права литературной собственности. Но какъ бы то ни было, а этимъ кончаются всѣ экономическія связи автора съ продуктомъ его труда и наступаетъ чередъ капиталиста—издателя, книгопродавца. Эксплуатація ведется имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; онъ пожинаетъ барыши, а труженикъ въ большинствѣ случаевъ чуть не умираетъ съ голоду, авторство и издательство очень рѣдко соединяются въ одномъ и томъ же лицѣ. Далѣе, справедливо ли въ интересахъ государства, чтобы извѣстный экономическій законъ спроса и предложенія регулировалъ результаты умственнаго труда? Очень рѣдко спросъ бываетъ обращенъ на болѣе серьезныя и полезныя произведенія. Къ сожалѣнію, гораздо больше спроса на жалкія сочиненія Понсонъ-дю-Терайля, на Георга Самарова, чѣмъ на произведенія геніальныхъ мыслителей. Глинки умираютъ съ голоду, а сочинители каскадныхъ куплетовъ набиваютъ карманы. Если бы захотѣли всегда регулировать предложеніе спросомъ, то гимназистъ, на предложеніе изучать математику, отвѣтилъ бы спросомъ на скабрезный романъ. Ученикъ консерваторіи на предложеніе изучать контрапункты отвѣчалъ бы спросомъ на вальсъ Штрауса. Если государство ко всему народу стоитъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ учитель къ ученику, то я не думаю, чтобы государство могло допустить въ сферѣ умственной дѣятельности регулированіе предложенія спросомъ; государство должно стоять впереди и предлагать то, что хорошо, что развиваетъ народъ умственно. Я не пойду дальше: довольно и трехъ, приведеныхъ мною основаній, которыя прямо указываютъ, что интересъ государства въ области умственнаго труда безусловно враждебенъ тѣмъ положеніямъ, которыя выработаны примѣнительно къ условіямъ физическаго труда. Теперь спрашивается, что лучше: принять ли предложеніе Мауруса или, оставаясь на старомъ пути, заняться изданіемъ новыхъ законовъ для вящаго огражденія правъ литературной собственности? Отвѣтъ даетъ намъ краткое изслѣдованіе того, что произошло бы, если бы дѣй-

ствовалъ проектированный Маурусомъ законъ. Итакъ, допустимъ, что продукты умственнаго труда будутъ признаны достояніемъ всѣхъ и каждаго. Первое послѣдствіе— книги, за которыя мы платимъ теперь громадныя деньги, станутъ очевидно дешевле въ силу естественнаго закона конкурренціи, такъ какъ можно смѣло сказать, что теперь только $^1/_3$ цѣны составляетъ скудное вознагражденіе труженика, а остальныя $^2/_3$ идутъ эксплуататору. При такихъ условіяхъ можно будетъ значительно возвысить вознагражденіе авторовъ. Назначить его свыше того, что получаетъ теперь капиталистъ, и публика все-таки останется въ барышахъ. Съ другой стороны, такъ какъ труженикъ будетъ получать больше, то это послужитъ стимуломъ къ дальнѣйшему умственному труду. Но вотъ мы наталкиваемся на экономическій вопросъ: какъ опредѣлить раціональное вознагражденіе? очевидно, оно явится новымъ прямымъ налогомъ взамѣнъ болѣе тяжелаго, но косвеннаго налога. Какъ извѣстно, налогъ прямой отличается именно тѣмъ, что падаетъ на все общество, тогда какъ косвенный падаетъ только на потребителей. Думается мнѣ, что такой прямой налогъ оправдать будетъ не трудно. На чьи средства утверждаются университеты? Очевидно, не на одни средства учащихся; нѣтъ, государство беретъ ихъ со всего народа, и оно право, потому что тѣ, которые получаютъ образованіе въ стѣнахъ университета, получаютъ его не даромъ, а взамѣнъ будущей дѣятельности на благо всего народа, когда ихъ знанія, какъ продуктъ умственнаго труда, должны будутъ сдѣлаться достояніемъ общества. Какимъ образомъ осуществить на практикѣ идею нормальнаго вознагражденія авторовъ, въ формѣ ли премій за лучшія сочиненія, или какъ-нибудь иначе, это другой вопросъ; но одно я, кажется, выяснилъ достаточно, а именно, что изданіе новыхъ законовъ въ цѣляхъ огражденія монополіи на продукты умственнаго труда въ принципѣ совершенно не желательно. Затронутый мною вопросъ слишкомъ обширенъ, чтобы охватить его со всѣхъ сторонъ въ какой-нибудь полчаса, но, сославшись съ одной стороны на почтенный авторитетъ, съ другой, высказавъ нѣсколько основаній, я, думается мнѣ, все-таки навелъ

васъ на ту мысль, что мы должны идти въ другомъ направленіи, должны освободить умственный трудъ отъ монополіи капитала. Дѣло это было бы вполнѣ достойно нашего правительства. Оно освободило крестьянъ, и я увѣренъ, что оно освободитъ, въ концѣ концевъ, изъ подъ гнета капитала и русскую мысль, и русскій умъ.

В. И. Родиславскій. Вы изволите полагать, что вознагражденіе должно быть назначено отъ государства. Отъ кого бы оно ни получалось, въ видѣ ли прямаго или въ видѣ косвеннаго налога, для автора безразлично. Но теперь, пока никакого вознагражденія отъ государства нѣтъ; его никто не опредѣлялъ, а между тѣмъ, сравнительно съ другими, драматурги терпятъ явную несправедливость. Почему, спрашивается, если романисты, лирики, композиторы, художники прекрасно ограждены въ своихъ интересахъ, почему лишены этого драматическіе писатели? Что же касается до того, какой способъ вознагражденія лучше обезпечиваетъ свободную мысль, то не объ этомъ рѣчь. Вопросъ поставленъ несравненно проще: что лучше — предоставить ли драматическому писателю требовать извѣстнаго денежнаго вознагражденія за самовольное исполненіе его пьесы, или сажать за такое своеволіе въ смирительный домъ и дожидаться пока не измѣнятся въ самомъ принципѣ взгляды общества?

А. Я. Ашебергъ. Въ настоящее время, мм. гг., предложенъ вопросъ относительно того—имѣетъ ли право авторъ драматическаго произведенія получать всегда гонораръ за свой трудъ при публичныхъ исполненіяхъ его произведеній, и откуда онъ долженъ получить этотъ гонораръ? Я полагаю, что о правѣ автора на полученіе платы за свой трудъ не можетъ быть и рѣчи; только теперь г. Родиславскій, въ качествѣ представителя общества драматическихъ писателей, спрашиваетъ, каковъ долженъ быть размѣръ вознагражденія за убытки отъ самовольнаго представленія драматическаго произведенія? Вопросъ этотъ, по моему мнѣнію, можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи нѣкоторой особенности, которая отличаетъ драматическую собственность отъ обыкновенной литературной. Дѣло въ томъ, что всякое

драматическое произведеніе должно проходить двѣ цензуры—цензуру при печатаніи, если я только пускаю его въ публику, и цензуру драматическую, въ которую я отдаю свое сочиненіе, если желаю, чтобы оно дозволено было къ представленію на театрахъ Императорскихъ и провинціальныхъ. Отдавая свое сочиненіе въ драматическую цензуру, я этимъ самымъ заявляю, что не желаю ограничиться одною только литературною собственностью, а добиваюсь еще и другой, драматической, т. е. хочу получить извѣстный гонораръ за всякое представленіе моей пьесы на театрѣ, какъ Императорскомъ, такъ и провинціальномъ. Что касается перваго, т. е. театра Императорскаго, то здѣсь установлена такса. На основаніи Высочайшаго повелѣнія дирекція платитъ извѣстную сумму согласно тому, переводная пьеса, или оригинальная и сколько въ ней актовъ—одинъ, два или болѣе. Если пьеса моя разрѣшена къ представленію драматическою цензурою, значитъ выгоды, связанныя съ обладаніемъ драматической обязанностью для меня доступны, и я получаю вмѣстѣ съ тѣмъ и право на вознагражденіе за самовольное исполненіе моей пьесы. Чтобы опредѣлить тотъ убытокъ, который можетъ требовать драматическій питатель, надо прежде всего остановиться на вопросѣ: желалъ ли самъ авторъ, чтобы его произведеніе было даваемо на театрахъ, проводилъ ли онъ его лично чрезъ драматическую цензуру, или оно было проведено безъ вѣдома? Когда существуетъ стремленіе автора достигнуть того, чтобы произведеніе его игралось на театрахъ, когда пьеса чрезъ драматическою цензуру проведена лично, тогда вознагражденіе за самовольное представленіе можетъ быть пріурочено только къ поспектакльной платѣ, смотря по числу актовъ, въ размѣрѣ, который можетъ быть установленъ особо, напр. отъ 5 до 50 руб. Способъ исчисленія, предлагаемый мною, кромѣ справедливости, обладаетъ еще и всѣми преимуществами простоты: имъ устраняются хлопоты по опредѣленію размѣровъ полнаго сбора, хлопоты, иногда до крайности затруднительныя. Представьте въ самомъ дѣлѣ, что самовольное представленіе имѣло мѣсто въ Тьмутаракани. Ну, какъ тутъ быть? Измѣрять залу, считать

стулья, которые давно вынесены.... Далѣе, въ подтвержденіе своего взгляда г. Родиславскій ссылается на законъ о контрафакціи книгъ, но тамъ совершенно другія условія. Тамъ извѣстно количество отпечатанныхъ экземпляровъ, тамъ возможно опредѣленіе убытка, — а здѣсь исчисленіе убытковъ по стульямъ очень затруднительно, невозможно, а въ случаѣ домашняго спектакля—даже неумѣстно. Перехожу къ возраженію, котораго не могу не предвидѣть со стороны нѣкоторыхъ изъ почтенныхъ сочленовъ. Мнѣ могутъ сказать, что мой способъ мало гарантируетъ интересы хорошаго, но почему-либо нелюбимаго публикою писателя, и установляетъ премію въ пользу бездарности, если только она умѣетъ льстить толпѣ, или что все зависитъ отъ вкуса антрпренера, который угощаетъ публику представленіями пьесъ, въ родѣ „Непокорный сынъ, оплакивающій могилу отца.“ Что же дѣлать? Счастье того автора, который написалъ такую пьесу. Рѣшать за публику опасно. Изъ двухъ золъ нужно выбрать меньшее. Здѣсь только долженъ быть поставленъ одинъ вопросъ о платѣ за оригинальное произведеніе и за произведеніе переводное. Что касается музыкальныхъ произведеній, то я полагаю, что г. Родиславскій, говоря о передѣлкѣ „Грозы“ А. Н. Островскаго въ оперу, забылъ, что получаетъ двойной сборъ тотъ, кто писалъ музыку, а не авторъ либретто, и что такая опера была бы произведеніемъ двухъ авторовъ. За представленіе на сценѣ произведеній, проведенныхъ черезъ драматическую цензуру, не лично авторомъ, должно быть, конечно, установлено особое преслѣдованіе или миролюбивое соглашеніе. Въ заключеніе скажу, что развитый мною положительный взглядъ опредѣляетъ и мое отношеніе къ предложенію г. Родиславскаго. — Я нахожу, что между двойнымъ сборомъ, или даже просто полнымъ сборомъ, и убытками автора отъ самовольнаго исполненія его пьесы, нѣтъ ровно никакого соотвѣтствія. Это являлось бы даже карою антрепренера, который не могъ спросить разрѣшенія у автора, котораго онъ не знаетъ—существуетъ ли онъ, или умеръ, или можетъ быть даже это псевдонимъ. Поэтому я полагалъ-бы установить норму, которой оцѣнивались бы пьесы,

какъ переводныя, такъ и оригинальныя, и установить преслѣдованіе за самовольное распоряженіе собственностью драматическою, не предназначенною авторомъ для представленія.

В. И. Родиславскій. Вы сослались на Высочайшее повелѣніе, въ которомъ дѣйствительно сказано, что за представленіе пьесы назначается $^1/_{30}$ часть и т. д. сбора, но тутъ все таки рѣчь идетъ о количествѣ сбора, а это то количество и невозможно опредѣлить. Къ тому же, размѣръ вознагражденія существуетъ для Императорскихъ театровъ, а до частныхъ не касается. Поэтому, если бы адвокатъ на судѣ потребовалъ примѣненія той тантьемы, которая назначена по положенію 27-го года, то судъ сказалъ бы, что это опредѣлено только для Императорскихъ театровъ.

А. М. Фальковскій. Я желалъ бы обратить вниманіе общества на то, что право собственности на литературныя произведенія, на нашъ умственный трудъ, есть то право, которое у всѣхъ народовъ составляетъ вѣнецъ гражданственности. Въ Россіи оно явилось не очень давно; соображенія экономическія не могли исключительно регулировать институты гражданскаго права и въ особенности права собственности. Расширяя же безконечно предѣлы власти государства, мы создали бы самое опасное орудіе противъ свободы мысли и пришли бы къ отрицанію того, что и по законамъ естественнымъ составляетъ неотъемлемый аттрибутъ личности человѣка. Вотъ почему авторское право должно быть строго охраняемо закономъ. Что же касается размѣра вознагражденія, то я думаю, что a priori его вычислить нельзя, а надо предоставить суду рѣшить этотъ вопросъ для каждаго случая отдѣльно.

В. И. Родиславскій. Дѣло идетъ не о размѣрѣ вознагражденія, а о размѣрѣ штрафа въ случаѣ нарушенія права собственности.

А. М. Фальковскій. Мы имѣемъ двѣ отвѣтственности: изъ уголовной вытекаетъ гражданская.

В. И. Родиславскій. Именно гражданская, размѣръ гражданской отвѣтственности.

Предсѣдатель. Предлагаю опредѣлить по голосамъ, къ какому результату мы можемъ придти.

В. И. Родиславскій. Мой вопросъ—о необходимости опредѣлить въ нашемъ законодательствѣ размѣръ гражданской отвѣтственности. Гражданская отвѣтственность опредѣлена, но размѣръ ея не опредѣленъ.

Приступлено къ баллотировкѣ вопроса и большинствомъ голосовъ рѣшено постановить, что необходимо опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ размѣръ вознагражденія автора за самовольное представленіе его драматическаго произведенія.

Засѣданіе 7 іюня 1875 года.

Въ засѣданіе прибыли: П. П. Алексѣевъ, П. Г. Алексѣевъ, А. Ф. Акуловъ, Н. М. Андреевъ, В. А. Андреевъ, А. Я. фонъ-Ашебергъ, К. Д. Анциферовъ, Ѳ. Ф. Балашевичъ. И. В. Богоявленскій, А. М. Богдановскій, С. И. Баршевъ, С. Е. Бабушкинъ, Н. Л. Борхартъ, Н. П. Боголѣповъ, В. В. Барковъ, А. Л. Баршевъ, И. С. Вѣлавинъ, В. С. Баршевъ, Н. П. Безобразовъ, Н. Я. Блазновъ, С. П. Борзовъ, А. И. Волынскій, В. А. Волоцкій, Э. Э. фонъ-Вендрихъ, Я. И. Гурляндъ, Я. А. Гладковъ, Л. А. Гантоверъ, В. О. Гаркави, А. А. Герике, Н. С. Генкинъ, А. И. Геннертъ, И. С. Гальберштадтъ, А. Г. Гуревичъ, А. Ѳ. Граве, М. Я. Городецкій, Л. С. Дравертъ, В. Г. Демченко, Г. А. Джаншіевъ, И. С. Дурново, Д. А. Дриль, Д. Н. Доброхотовъ, В. И. Жилинъ-Кохновъ, В. Я. Іогихессъ, А. В. Иваницкій, Н. В. Калачовъ, Е. С. Котляровъ, Б. Ѳ. Калиновскій, Д. И. Кротковъ, К. К. Кноблохъ, Л. А. Куперникъ, Д. Д. Кутыринъ, А. П. Кюри, Д. И. Калтыпинъ, Н. А. Каминскій, М. М. Котельниковъ, Н. А. Кохъ, А. Ѳ. Кистяковскій, В. Ф. Крюковъ, Ѳ. Е. Клейстъ, М. Е. Клейстъ, А. Л. Кестеръ-жецкій, Н. П. Курилко, И. И. Калтыпинъ, Я. В. Кошелевъ, А. Д. Куликовъ, В. Н. Лешковъ, А. В. Лешковъ, С. Л. Левинсонъ, М. М. Латышевъ, А. Н. Лавровъ, Н. П. Ляпидевскій, П. О. Лянгъ, О. Я. Левинсонъ, Н. Ю. Львовичъ-Кострица, Д. А. Ловренко, В. К. Лучкинъ, А. В. Лохвицкій, Н. Н. Мясоѣдовъ, С. О. Милашевичъ, Н. А. Малыхинъ, Х. Я. Масловъ, А. Ѳ. Марконетъ, С. А. Муромцевъ, И. Ѳ. Мигузовъ, В. Н. Макаровъ, А. И. Морозовъ, Н. М. Міансаровъ, Л. Е. Мандельштамъ, С. М. Марковъ, Н. Г. Минскій, Н. А. Миловидовъ, О. О. Миловзоровъ, Я. Я. Нырненко, Д. О. Невядомскій, А. Е. Носъ, Н. І. Нерсесовъ, С. В. Набоковъ, Н. Т. Новиковъ, А. А. Никольскій, Ѳ. А. Нечаевъ, Д. М. Никольскіи, И. М. Остроглазовъ, П. Я. Оптовцевъ, Д. С. Охлебининъ, П. А. Ордынскій, С. Г. Островскій, А. Н. Поповъ, Д. Т. Поповъ, А. А. Павловъ, С. А. Пиге, С. А. Петровскій, М. Н. Паренаго, В. А. Панинъ, С. А. Петрешкевичъ, В. С. Пагануцци, Ѳ. Н. Плевако, В. М. Пржевальскій, К. А. Рихтеръ, П. Л. Ро-

зенбергъ, С. В. Романовскій, И. А. Раддигъ, Г. Ф. Раевскій, В. И. Розенблюмъ, О. С. Рогалинъ, Э. Н. Сумбулъ, П. К. Скорделли, М. П. Соловьевъ, П. А. Столповскій, Л. А. Соколовъ, А. А. Скульскій, М. М. Смирновъ, А. И. Салтыковъ, В. С. Соколовъ, Д. П. Суходольскій, Л. Ѳ. Снегиревъ, В. Д. Спасовичъ, П. Г. Степура-Сердюковъ, А. К. Соболевъ, И. Д. Слободчиковъ, Л. А. Соколовъ, В. К. Саблеръ, Н. А. Силуяновъ, М. Н. Смирновъ, А. В. Соколовъ, Д. М. Сперанскій, А. А. Сидоровъ, Н. В. Тихменевъ, Н. С. Тростянскій, Я. Л. Тейтель, П. Н. Тереповскій, З. В. Троицкій, Н. Г. Тальбергъ, М. Ѳ. Троицкій, А. М. Фальковскій, Г. А. Фронштейнъ, М. П. Фроловъ, Н. М. Филатовъ, М. П. Федоровъ, А. А. Фронштейнъ, В. Я. Фуксъ, В. Я. Федеръ, И. И. Филоматинскій, А. М. Хоткевичъ, А. Г. Харитоновъ, А. И. Харламповичъ, Н. М. Цвѣтаевъ, А. О. Цитовичъ, А. М. Чконіа, Г. О. Черкезовъ, А. Н. Шаховъ, М. В. Шимановскій, М. Я. Шиллингъ, К. А. Шапошниковъ, А. С. Шайкевичъ, А. В. Шидловскій, А. А. Шлыковъ, А. С. Шкляревскій, Г. Г. Шкеневъ, С. В. Щелканъ. Н. В. Юрьевъ, З. М. Яцевичъ, М. Г. Успенскій.

I.

Предсѣдатель. Мм. гг., позвольте мнѣ открыть нынѣшнее засѣданіе чтеніемъ моего доклада, имѣющаго своимъ предметомъ обратить ваше вниманіе на необходимость самаго тщательнаго и строгаго собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ нашей народной жизни, и опредѣлить отношеніе ихъ къ законодательству.

Послѣ этого краткаго замѣчанія Н. В. Калачовъ прочелъ слѣдующее:

Обычаи нашей народной жизни, на сколько они намъ до сихъ поръ извѣстны, примѣнительно къ отношеніямъ и сдѣлкамъ, существующимъ, какъ между отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми группами лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ *общинъ* и *артелей* и потому долженствующимъ носить названіе отношеній и сдѣлокъ *юридическихъ*, не могутъ быть чужды нашему законодательству. Скажу болѣе: законодательство не только уже признало, но утвердило силу такихъ обычаевъ, какъ нормъ юридическихъ отношеній, въ разныхъ слояхъ и въ разныхъ сдѣлкахъ нашего общества. Въ дѣлахъ торговыхъ обычаямъ вовсѣхъ законодательствахъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ, уже присвоено значеніе началъ, опредѣляющихъ и установляющихъ разнообразные пріемы и дѣйствія коммерсантовъ. Въ положеніяхъ о крестьян-

янахъ во многихъ статьяхъ не только вполнѣ утверждена, но и освящена сила обычаевъ примѣнительно къ разнымъ отношеніямъ въ быту семейномъ, гражданскомъ и общественномъ. Можно сказать, что и волостные суды, установленные этими положеніями, отдѣлены въ особую группу судовъ не только потому, что они близки къ крестьянамъ по мѣсту ихъ жительства, но и потому, что они разбираютъ ихъ дѣла по обычаямъ, установившимся не въ силу положеній законодательныхъ, а по всеобщему признанію ихъ твердыми правилами разнообразныхъ отношеній и сдѣлокъ въ крестьянскомъ быту съ *незапамятныхъ* временъ, какъ *пошло изъ старины*, по словамъ нашихъ древнихъ памятниковъ. Но на признаніи юридической силы обычаевъ въ волостныхъ судахъ и остановилось наше законодательство, не признавая возможнымъ распространить ихъ обязательность на отношенія въ другихъ слояхъ общества, кромѣ крестьянъ. Правда, была попытка выдвинуть вопросъ о значеніи и силѣ обычаевъ и въ новыхъ судахъ въ то время, какъ составлялись уставы, которыми они должны руководствоваться. Вопросъ этотъ возникъ при составленіи правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Онъ былъ возбужденъ мною въ коммиссіи, на которую было возложено начертаніе судебныхъ уставовъ, на томъ основаніи, что мировые судьи, такъ близко стоящіе къ сельскому населенію, не могутъ, какъ мнѣ казалось, быть чуждыми тѣмъ обычаямъ, которые управляютъ дѣйствіями крестьянъ не только въ отношеніяхъ между ними одними, но и въ сдѣлкахъ съ помѣщиками и лицами другихъ сословій. Я долженъ сознаться, что мое тогдашнее предложеніе какъ въ отдѣленіи юридическомъ, такъ и въ общемъ собраніи коммиссіи было выслушано съ большимъ вниманіемъ и даже сочувствіемъ; но въ то время, какъ и теперь, обычаи, управляющіе крестьянскимъ бытомъ, были такъ мало извѣстны, или, лучше сказать, вовсе неизвѣстны, что нельзя было признать юридическую силу обычаевъ уже *вообще*, а не только въ отношеніяхъ между крестьянами, иначе, какъ съ самою большою осторожностью. Вотъ почему и была постановлена ст. 130 устава

гражданскаго судопроизводства въ такой редакціи: „При постановленіи рѣшенія мировой судья можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно неразрѣшаемыхъ законами". Силою этой статьи обычаи признаны источникомъ права, признана даже ихъ обязательность, но чтобъ убѣдиться въ томъ, что извѣстный обычай существуетъ на мѣстѣ, мировому судьѣ приходится, при несогласіи спорящихъ сторонъ въ существованіи обычая, собирать о немъ свѣдѣнія въ своемъ округѣ и лишь въ томъ случаѣ, если показаніе о немъ подтвердится, принимать его въ уваженіе, да и то лишь тогда, если спорный случай не разрѣщается положительно закономъ. Понятно, что къ такимъ розысканіямъ на счетъ обычнаго права мировые судьи не приступаютъ за неимѣніемъ времени, и потому обычаями не руководствуются. Еще менѣе можетъ быть рѣчь о признаніи силы обычаевъ въ какихъ-либо судахъ общихъ, начиная съ судовъ окружныхъ до кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Отсюда прямой выводъ, что, говоря строго, обычаи признаются у насъ имѣющими юридическую силу только въ крестьянскомъ быту и въ отношеніяхъ между одними крестьянами. Притомъ они допускаются по причинѣ неграмотности крестьянъ, и слѣдовательно, по невозможности имъ руководствоваться законами писанными. На вопросъ же о томъ: въ какомъ отношеніи находится законъ къ обычаю, когда существуетъ и тотъ, и другой,—до сихъ поръ не представлялось надобности останавливаться. Въ мировыхъ судахъ, какъ мы видѣли, обычаи допускаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ тогда лишь, когда они именно указаны, то-есть, опредѣлены въ точности закономъ, или когда нѣтъ вовсе закона, который могъ бы разсматриваемый случай рѣшать иначе, чѣмъ рѣшаетъ его обычай. Въ судахъ волостныхъ, напротивъ того, крестьяне не обязаны руководствоваться непремѣнно закономъ, хотя бъ онъ былъ и несогласенъ съ обычаемъ. Отсюда явилось въ волостныхъ судахъ то зло,

на которое такъ основательно нападаютъ противники обычнаго права: рѣшенія совершенно произвольныя и даже часто не мотивированныя никакими обычаями; рѣшенія, противныя не только законамъ существующимъ, но и принципамъ нравственности, благоустройства и т. п. Не слѣдуетъ ли—продолжаютъ изъ-за этого враги обычнаго права — не только воспретить крестьянамъ руководствоваться обычаями, но и самые волостные суды ихъ уничтожить?

Вамъ извѣстно, мм. гг., что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по этому вопросу учреждена при министерствѣ юстиціи коммиссія, которая должна была на мѣстахъ ознакомиться съ дѣятельностью волостныхъ судовъ и по возможности собрать рѣшенія этихъ судовъ. Коммиссія объѣхала много губерній и издала въ свѣтъ семь томовъ, которые представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для изученія нашего народнаго быта, хотя нельзя при этомъ не замѣтить, что матеріалы составлялись и собирались для коммиссіи весьма часто такъ, что нельзя пользоваться ими иначе, какъ съ самою осторожною критикой. Какъ бы то ни было, теперь намъ представляется самый животрепещущій вопросъ: быть или не быть волостнымъ судамъ въ ихъ настоящемъ значеніи, продолжать существовать крестьянскимъ обычаямъ или кануть имъ въ вѣчность, то есть, быть признанными однажды на всегда отмѣненными, утратившими всякую практическую силу? Странно, что этотъ вопросъ возбуждается въ то самое время, какъ наша литература съ такою любовью и жаромъ устремилась какъ на изученіе народнаго быта вообще, такъ и въ особенности юридическихъ обычаевъ. Въ отношеніи послѣднихъ то и дѣло выходятъ цѣлыя изслѣдованія, сборники и статьи. Еще недавно мы читали прекрасные труды гг. Богишича и Карасевича, правда, не относящіеся прямо къ русскому обычному праву, но заключающіе въ себѣ драгоцѣнныя и для насъ указанія и мысли. Но и сборники нашего туземнаго обычнаго права дѣятельно составляются въ разныхъ мѣстахъ, разными обществами и лицами. Кромѣ относящихся сюда матеріаловъ въ разныхъ журналахъ, мы слышали объ одномъ такомъ сборникѣ, находящемся въ рукахъ г. Якушкина (въ Яро-

славлѣ) *). Но особенно считаю нужнымъ остановиться при этомъ на трудахъ С.-Петербургскаго Географическаго Общества. Оно уже давно, почти съ самаго его основанія, собираетъ матеріалы, относящіеся къ народному быту. Въ 1860-хъ годахъ составлена была имъ программа для собиранія народныхъ обычаевъ, которая уже вся разошлась, и въ настоящее время Общество приступило къ составленію новой программы, въ основу которой будутъ положены программа, составленная для собиранія юридическихъ обычаевъ г. Богишичемъ и составляемая нарочно для Общества программа г. Ефименко. Правда, что труды Общества до сихъ поръ еще мало увѣнчались успѣхомъ: отвѣтовъ на программу его, разосланную въ разные концы Россіи, получено весьма немного; но надо замѣтить, что были при этомъ и недостатки со стороны Общества въ способѣ разсылки программы и сношеній съ тѣми, отъ кого можно бы надѣяться получить на нее желательные отвѣты. Безъ сомнѣнія, теперь дѣло пойдетъ успѣшнѣе, особенно съ помощью нѣкоторыхъ лицъ, взявшихъ на себя въ разныхъ мѣстахъ собираніе народныхъ обычаевъ, и вотъ еще недавно получена Обществомъ превосходная статья въ этомъ родѣ, составленная женщиной среди ея другихъ сельскихъ занятій. Все это я говорю къ тому, чтобы выяснить необходимость, прежде чѣмъ правительство рѣшится закрывать настоящіе волостные суды, а съ ними предавать забвенію и народные обычаи,—какъ можно тщательнѣе вникнуть въ самый бытъ нашихъ крестьянъ и изучить обычаи, которыми они руководствуются. Имѣю полное основаніе думать, что трудовъ коммиссіи, работающей подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, для этой цѣли еще недостаточно. Лучшимъ подтвержденіемъ моему мнѣнію можетъ служить вышедшая недавно брошюра одного изъ членовъ этой коммиссіи, М. И. Заруднаго, подъ заглавіемъ: „Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ“. Вотъ къ какому результату приходитъ авторъ послѣ разсмотрѣ-

*) Первый томъ этого сборника уже вышелъ въ концѣ 1875 г.

нія волостныхъ судовъ и ихъ обычаевъ въ разныхъ мѣстностяхъ:

„По истинѣ можно выразить ту мысль, что легче было бы составить проектъ преобразованія даже кассаціоннаго сената, чѣмъ мѣстнаго суда, затрогивающаго всѣ струны народной жизни. Тамъ есть указаніе науки, опытъ другихъ странъ, образцовые кодексы, наконецъ ученые судьи; здѣсь же одна ширь да гладь, въ которой никого и ничего не видно. Притомъ трудность установленія у насъ одного общаго суда для мелкихъ дѣлъ обусловливается еще и своеобразнымъ складомъ именно крестьянскаго быта. Здѣсь непремѣнно слѣдуетъ имѣть въ виду, что признанный закономъ 1861 года крестьянскій обычай выражается въ возможности къ каждому отдѣльному случаю примѣнять не строгія и постоянныя требованія права, но видоизмѣняемыя требованія жизни; что волостной судъ можетъ обусловливать свои рѣшенія не только буквальнымъ смысломъ закона, но и требованіями справедливости, нерѣдко своеобразной по примѣненію къ крестьянскому быту; что рѣшенія волостнаго суда (напримѣръ, въ дѣлахъ о наслѣдствахъ, раздѣлахъ, выдѣлахъ, убыткахъ и проч.) весьма часто объясняются не столько юридическими, сколько хозяйственными соображеніями относительно исправности въ платежѣ податей, трезвой или пьяной жизни и т. п. условіями жизни громадной неграмотной массы, разсѣянной по безпредѣльнымъ пространствамъ и связанной между собою не существующими на западной почвѣ условіями (круговая порука и общинное землевладѣніе); что договоры между крестьянами обусловливаются не писанными контрактами, а напримѣръ, битьемъ по рукамъ, когда торгуются, обращеніемъ къ Богу (молитвою), когда торгъ состоялся; что въ семейной сферѣ порядокъ сватовства, право жены и мужа на приданое, власть отца и мужа, власть хозяина по отношенію къ работникамъ и сочленамъ семьи,—всѣ эти отношенія обусловливаются исключительно обычаями, иногда совпадающими даже съ началами римскаго права (гдѣ отецъ имѣлъ почти неограниченное право надъ дѣтьми); что трудность розысканія и опредѣленія обычаевъ большею частью объясняется

не столько неразвитостью крестьянской среды и непривычкою ея къ теоретическимъ разсужденіямъ (какъ многіе думаютъ), сколько недостаточною подготовкою, неопытностію, непривычкою говорить безхитростнымъ русскимъ языкомъ и бѣдностью средствъ самого изслѣдователя,— и наконецъ, что улучшенію волостныхъ судовъ, поднятію ихъ нравственнаго и юридическаго уровня можетъ содѣйствовать преимущественно развитіе грамотности" (188—190).

Считаю долгомъ заявить, что во всемъ сказанномъ М. И. Заруднымъ я ему вполнѣ сочувствую; но съ другой стороны, не могу отвергать и тѣ возраженія, которыя дѣлаются противниками волостныхъ судовъ и крестьянскихъ обычаевъ. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что эти суды постановляютъ свои рѣшенія на какихъ-либо основательныхъ соображеніяхъ, необходимо имѣть въ виду эти соображенія и тѣ обычаи, которыми они вызываются. Между тѣмъ, что̀ видимъ мы въ самой значительной массѣ судебныхъ рѣшеній? Одни приговоры или доводы личные волостныхъ судей, или наконецъ, основанія религіозныя, нравственныя (да и то по понятіямъ крестьянъ). Самая суть дѣла—обычай—не выдвинутъ въ такихъ рѣшеніяхъ, какъ бы это слѣдовало, а умолченъ, какъ слишкомъ извѣстный, безспорный. Какъ же судить о такихъ рѣшеніяхъ лицамъ, не знающимъ ни обычаевъ, ни быта крестьянъ? Съ точки зрѣнія человѣка образованнаго, то-есть, не знающаго крестьянскаго быта, и юриста, то-есть, лица, знакомаго съ одними законами, такія рѣшенія должны казаться весьма часто не только несправедливыми, но даже и абсурдными. И каждую минуту такой критикъ можетъ подтвердить свои слова самыми, повидимому, убѣдительными доказательствами. Вотъ, напримѣръ, рѣшеніе, постановленное, очевидно, послѣ обильной попойки: волостные судьи, какъ извѣстно, большею частію вслѣдъ за произнесеніемъ своихъ рѣшеній угощаются стороной оправданною или даже обѣими, но иногда та или другая сторона ухитряется и до суда задобрить виномъ, кого нужно. Вотъ другое рѣшеніе, записанное такъ коротко, что даже неясно: приговоренъ ли подсудимый къ наказанію за извѣстное дѣйствіе, или только потому,

что на него принесена извѣстная жалоба; а есть и такія рѣшенія, изъ коихъ даже очевидно, что никакого розысканія или хотя бы допроса по жалобѣ произведено не было.

Чтобъ устранить подобныя возраженія, необходимо представить критикамъ волостныхъ судовъ и обычнаго права: 1) самые обычаи, которыми вызвано то или другое рѣшеніе; 2) основаніе, почему тотъ или другой обычай примѣняется къ извѣстному случаю, съ доказательствомъ, что онъ вполнѣ или въ значительной мѣрѣ подходитъ къ этому случаю и оправдывается мѣстными условіями; другими словами: необходимо собрать всѣ обычаи, которые могутъ быть названы *юридическими*, записать ихъ и комментировать, то-есть, обставить тѣми соображеніями, которыя оправдываютъ ихъ и разъясняютъ. Дѣло это, конечно, весьма нелегкое и не могло быть исполнено коммиссіей, которая объѣзжала волости оффиціально и просматривала рѣшенія, записанныя въ волостныхъ судахъ лицами, часто совершенно чуждыми мѣстному населенію и хвастающимися умѣньемъ подводить рѣшеніе подъ ту или другую статью Свода Законовъ, какъ справедливо отзывается М. И. Зарудный о писаряхъ волостныхъ судовъ. Здѣсь, напротивъ того, нуженъ пріемъ совершенно другаго рода. Необходимо, чтобы рѣшенія и обычаи, на коихъ они основаны, были взяты, такъ сказать, прямо изъ народной жизни и притомъ лицомъ, близко знающимъ эту жизнь и именно желающимъ выставить и уяснить намъ крестьянскій бытъ, а не выказывать свою мнимую ученость и знаніе Свода Законовъ. Лицо это должно потому не мелькомъ проѣхать по волости, а пожить въ ней болѣе продолжительное время. Всего же лучше такое собираніе юридическихъ обычаевъ и обстановка ихъ нужными соображеніями могла бы быть исполнена мѣстными обывателями, интересующимися этимъ дѣломъ и понимающими, что исполненіемъ его они окажутъ истинную услугу наукѣ и обществу. Но для направленія дѣятельности такихъ мѣстныхъ собирателей обычаевъ должна бы быть учреждена особая коммиссія въ Петербургѣ или Москвѣ, которая съ одной стороны пріискала бы и вызвала такихъ дѣятелей къ предлежащему имъ труду, а съ другой стороны

подготовила бы изъ этихъ трудовъ *Сборникъ юридическихъ обычаевъ* по разнымъ мѣстностямъ, съ основаніями, которыми эти обычаи установились въ практикѣ. Такой сборникъ могъ бы служить правительству или даже коммиссіи г. Любощинскаго лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ юридическими обычаями и для составленія, подъ вліяніемъ ихъ, *Сельскаго Судебнаго Устава*, о необходимости коего заявлялось уже не разъ разными вѣдомствами, управляющими крестьянами, и между прочимъ бывшими редакціонными коммиссіями по крестьянскому дѣлу. Такой уставъ, разсмотрѣнный въ законодательномъ порядкѣ, могъ бы быть примѣненъ, если бы то было признано полезнымъ, ко всѣмъ однообразнымъ отношеніямъ не только между крестьянами, но и лицами другихъ сословій. Такимъ образомъ обычаи перешли бы въ законъ, и притомъ въ такой законъ, который согласовался бы вполнѣ съ народными потребностями и условіями жизни поселянъ, коихъ отношенія опредѣляются не только общими основаніями сдѣлокъ, но и разнообразятся мѣстными требованіями и особенностями земли, воды и климата. Въ пользѣ внесенія такого, практикою осмысленнаго, элемента права въ законодательство не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо если обычаи удержаны до сихъ поръ самимъ правительствомъ между крестьянами, то нѣтъ основанія думать, чтобъ они вскорѣ оказались для крестьянъ же совершенно ненужными и безполезными. Напротивъ, возведеніе ихъ въ законъ и распространеніе ихъ на лица другихъ сословій, находящіяся въ томъ же положеніи, какое вызвало эти обычаи въ сословіи крестьянъ, придастъ имъ не только извѣстность и большую обязательность, но во многихъ случаяхъ принесетъ практическую пользу, какъ испытанный уже регуляторъ взаимныхъ отношеній и сдѣлокъ между лицами, живущими въ средѣ, которою было издревле обусловлено ихъ возникновеніе и развитіе. Нельзя поэтому сомнѣваться, что такой способъ восполненія законодательства слѣдуетъ признать самымъ надежнымъ для пригодности и твердости новыхъ законовъ. Наконецъ, такого рода пріемъ былъ много разъ и съ полнымъ успѣхомъ испытанъ во всѣхъ законодательствахъ, начиная съ рим-

скаго права. Какъ много обычаевъ, возникшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи, вошло въ послѣдующее французское законодательство, можно видѣть въ упомянутомъ выше сочиненіи профессора Карасевича. Но и русское законодательство въ основу даже дѣйствующаго нынѣ Свода положило обычное право, такъ какъ краеугольный камень Свода — Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, составлено, помимо иноземныхъ источниковъ—византійскихъ и Литовскаго Статута и туземныхъ казуистическихъ рѣшеній—изъ статей, внесенныхъ въ предшествующіе памятники законодательства, какъ положенія обычнаго права.

Вотъ, мм. гг., моя мысль о значеніи нашихъ юридическихъ обычаевъ и о томъ примѣненіи, которое они должны бы получить въ дальнѣйшей судьбѣ нашего юридическаго быта. По спорности однако этого моего воззрѣнія, по тѣмъ возраженіямъ, которыя, какъ намъ всѣмъ извѣстно, въ ходу противъ юридическихъ обычаевъ, я считаю долгомъ просить вашего мнѣнія по настоящему вопросу.

В. Н. Лешковъ. Мм. гг.! Вопросъ, возбужденный нашимъ почтеннымъ предсѣдателемъ, напомнилъ вамъ, конечно, тѣ пренія, которыя мы вчера имѣли по вопросу, повидимому существенно отличному отъ настоящаго вопроса, именно объ объединеніи права русскаго на все пространство русской земли. Но я нахожу сходство между этими вопросами, потому что, если мы отрицали пользу и даже самую возможность объединенія русскаго кореннаго права гражданскаго на все пространство русской земли, обращая вниманіе, какъ юристы, на права тѣхъ мѣстностей, разнообразныя законоположенія которыхъ были бы въ негармоническомъ отношеніи къ этому общему русскому гражданскому праву, то именно изъ этого уваженія къ русскому праву вытекаетъ необходимое уваженіе къ народнымъ обычаямъ. Мѣстные юридическіе обычаи для народа, который другаго закона часто не знаетъ и даже не предполагаетъ, составляютъ своего рода законъ. Стало быть, общій законъ долженъ находиться въ коллизіи съ этимъ мѣстнымъ закономъ точно также, какъ предполагаемое общее русское право было бы въ коллизіи съ тѣми мѣстными правами, которыя до сихъ

поръ существуютъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Вотъ точка соприкосновенія вопроса, рѣшеннаго нами въ прошломъ засѣданіи, съ вопросомъ, который поднятъ теперь нашимъ почтеннымъ предсѣдателемъ. Вопросъ объ обычномъ правѣ не у насъ однихъ, а повсюду игралъ весьма важную роль. Народный обычай есть несомнѣнно первоначальный источникъ всѣхъ тѣхъ правъ гражданскихъ, которыя впослѣдствіи явились въ формѣ письменнаго опредѣленнаго законодательства. Не только во времена древнѣйшія, когда мы писать еще не умѣли, обычай служилъ основаніемъ права, но и въ современной жизни, какъ замѣтилъ референтъ, есть цѣлые отдѣлы права, которые постоянно восполняются и измѣняются дѣйствіемъ обычая. Если для торговаго права, для комерсантовъ, законъ даетъ возможность подчиняться обычаямъ и эти обычаи получаютъ силу закона, то почему же въ быту крестьянъ, которые другаго закона не знаютъ и читать не могутъ—до сихъ поръ мы только начинаемъ заводить школы — почему же тамъ не сдѣлать той уступки, которая сдѣлана для торговли, для промышленности. Мм. гг., вопросъ дѣлается болѣе сложнымъ, когда мы взглянемъ на ту широкую почву, на то необъятное пространство, о которомъ говоримъ. Если нѣтъ законовъ гражданскихъ, общихъ для всей Россіи, то можно ли ожидать найти обычаи, которые можно было бы назвать общими, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ были бы годны явиться въ формѣ закона. Такихъ обычаевъ нѣтъ: обычаи губерній Архангельской, Вологодской существенно разнятся отъ обычаевъ Херсонской и другихъ южныхъ губерній. Стало быть, мы не можемъ прямо утверждать, что обычаи народа русскаго не входятъ въ составъ законовъ, потому что обычаи эти различны въ разныхъ мѣстностяхъ и часто такъ дробятся, что даже сложилась поговорка: „что городъ то норовъ, что деревня то обычай“. Въ виду этого объобщить народныя юридическія воззрѣнія и возвести ихъ въ форму закона представитъ, безъ сомнѣнія, большія затрудненія. Г. предсѣдатель сказалъ, что въ настоящее время еще начинаютъ только собирать обычаи, да и то послѣ собранія они требуютъ весьма строгой критики для того, чтобы отмѣ-

тить то, что въ нихъ есть народнаго, отъ того что въ нихъ можетъ быть внесено случайно изслѣдователемъ, не понявшимъ ихъ значеніе въ народной жизни. Вопросъ весьма трудный, такъ какъ, во 1-хъ, обычай самъ по себѣ имѣетъ свойство разнообразиться въ различныхъ мѣстностяхъ; во 2-хъ, обычаи не собраны для всѣхъ мѣстностей и даже, будучи собраны, не представляютъ матеріала болѣе или менѣе общаго, имѣющаго форму общаго правила, что одно дало бы возможность обычаямъ войти въ составъ письменнаго закона. Поэтому я думаю, что предложеніе, сдѣланное нашимъ предсѣдателямъ, обращенное къ съѣзду рускихъ юристовъ, имѣетъ несомнѣнно въ виду возбужденіе интереса къ этому вопросу, но оказавши сочувствіе вопросу, надо подумать о томъ, какими средствами располагаетъ съѣздъ для того, чтобы дать этому вопросу какое-нибудь рѣшеніе. Я являюсь здѣсь не какъ оппонентъ, а въ качествѣ лица, вполнѣ раздѣляющаго убѣжденія Николая Васильевича; но именно въ качествѣ лица, сочувствующаго дѣлу, я имѣю честь заявить, что съѣзду въ одно его засѣданіе, въ одномъ докладѣ, продолжающемся только 30 минутъ, трудно будетъ сдѣлать что-нибудь по этому вопросу. Поэтому, присоединяясь къ предложенію Николая Васильевича, выражая свое глубокое, сердечное сочувствіе къ вопросу, я долженъ выразить свое сознаніе нашего безсилія въ этомъ дѣлѣ.

М. П. Соловьевъ.—Мм. гг.! Почтенный предсѣдатель нашего съѣзда, представивъ прекрасное изслѣдованіе объ отношеніи обычнаго права законодательству, собственно желалъ знать мнѣнія съѣзда юристовъ по этому вопросу, т. е. о томъ, въ какомъ отношеніи обычай долженъ стоять къ закону, гдѣ обычай долженъ быть терпимъ, какова сфера его дѣйствій. Мнѣ кажется, что разъясненіе этой коллизіи, выраженіе того или другаго мнѣнія по этому вопросу совершенно умѣстно въ настоящемъ съѣздѣ, такъ какъ каждый юристъ можетъ высказать свое мнѣніе о томъ, въ какомъ отношеніи находится обычай къ закону. Мы слышали, что существовала коммиссія, которая, изслѣдуя волостные суды въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ, собрала богатый матеріалъ въ видѣ чрезвычайно объемис-

таго сборника, въ 6 томовъ, около 1000 страницъ каждый. Цѣль сборника — изученіе народныхъ обычаевъ, которые должны быть положены въ основаніе сельскаго устава. Мнѣ кажется, что въ самомъ предпріятіи создать какой-то особый сельскій гражданскій кодексъ—лежитъ какая-то недосказанность, какая-то туманость. Что народные обычаи существуютъ повсемѣстно—это фактъ, но они существуютъ не у насъ только, а также въ Германіи, во Франціи и т. д., однако нигдѣ не приходитъ въ голову издать особый крестьянскій законъ, основанный на этихъ обычаяхъ. Что такое законъ, мм. гг.? Законъ есть обобщеніе тѣхъ нравственныхъ, или экономическихъ отношеній, которыя создаются народной жизнью. Чѣмъ совершеннѣе законъ, тѣмъ онъ пригоднѣе для жизни. Собственно говоря, народныхъ законовъ нѣтъ; есть лишь народныя экономическія отношенія, народныя нравственныя воззрѣнія, но народныхъ законовъ нѣтъ. Законъ есть ничто иное, какъ форма, въ которую выливаются тѣ или другія отношенія, и, чѣмъ совершеннѣе эта форма, тѣмъ законъ болѣе достигаетъ своей цѣли. Ясное дѣло, что если по закону купля и продажа совершается въ наиболѣе удобной формѣ, если законъ обезпечиваетъ исполненіе словесныхъ или какихъ бы то ни было договоровъ надлежащимъ образомъ, если законъ указываетъ порядокъ наслѣдованія на основаніи идеи справедливости, то, конечно, состязаться съ этимъ закономъ обычаю, который нерѣдко уступаетъ ему въ справедливости, нѣтъ никакой возможности. Въ такомъ-то опредѣленіи закона и лежитъ разрѣшеніе этого вопроса. Мнѣ кажется что введенія народнаго крестьянскаго обычая, какъ законодательнаго руководства для отношеній, возникающихъ въ средѣ крестьянскаго сословія, собственно и желать не слѣдуетъ. Что обычное право существуетъ, что оно никогда не искоренится закономъ, на это есть несомнѣнныя доказательства. Я укажу лишь на нѣкоторыя: напр., у насъ, въ Московской губ, и въ другихъ мѣстахъ Россіи, по преимуществу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ обычай отхожихъ промысловъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Царства Польскаго существуетъ обычай минората, который заключается въ томъ,

что усадьба переходитъ не старшему сыну, а младшему. Точно такой же обычай существуетъ въ Англіи, въ Іоркширѣ, между тѣмъ англійскій законъ минората не знаетъ: стало-быть, обычай можетъ существовать независимо отъ того, что онъ противорѣчитъ закону и такихъ указаній можно найти очень много. Возьмемъ, напр., Архангельскую губ., мѣстные обычаи, касающіеся преимущественно артельнаго права. Дѣйствительно, артельная компанія, выработанная архангельскими обычаями, чрезвычайно хороша; такихъ полныхъ опредѣленій участія каждаго рабочаго въ прибыли законъ нигдѣ не устанавливаетъ. Этотъ артельный обычай превосходитъ своею полнотою всѣ законодательныя опредѣленія; онъ существуетъ независимо отъ закона и будетъ существовать, потому что въ данной мѣстности онъ необходимъ. Но есть-ли необходимость заносить его въ законъ? Нѣтъ, потому что законъ есть выраженіе общихъ юридическихъ нормъ, но не частныхъ проявленій, которыя свойственны лишь одной мѣстности. Этотъ обычай можетъ существовать незавивимо отъ общаго закона, но вносить его въ особый законодательный сборникъ, давать значеніе закона, въ настоящее время нѣтъ никакого основанія. Всѣ юридическіе обычаи, мм. гг., мнѣ кажется, осуждены въ настоящемъ періодѣ нашего юридическаго развитія на постоянное вымираніе; никакими искусственными средствами, никакою квалификаціею они поддержаны быть не могутъ. Давно прошло то время, когда обычай былъ единственнымъ источникомъ права. Даже въ доисторическія эпохи, обычай не былъ единственнымъ, или главнѣйшимъ основаніемъ права. Любопытныя подробности объ этомъ предметѣ находимъ въ сочиненіи Мэна; мы видимъ, что въ древнѣйшія эпохи народной жизни дедукція уже играла огромную роль въ развитіи права. Въ наше время мы далеко шагнули за всѣ эти первобытные источники положительныхъ знаній и поддерживать ихъ теперь искусственно, усиливать изсякнувшій источникъ права, удержанный лишь въ немногихъ мѣстностяхъ въ средѣ крестьянъ, въ настоящее время не возможно и не нужно. Наша цѣль—стремиться къ созданію хорошаго законодательства обязательнаго, для всѣхъ, кото-

рое, какъ мы видимъ изъ примѣра, какъ нашего современнаго законодательства, такъ и иностраннаго, отнюдь не исключаетъ возможности существованія обычаевъ, но не придаетъ имъ никакой обязательности, потому что законъ одинъ есть общенародная обязательная форма.

Предсѣдатель.—Я считаю долгомъ на всѣ ваши соображенія замѣтить, что по крайней мѣрѣ мое мнѣніе, а также нѣкоторыхъ другихъ лицъ совершенно противны вашему сужденію. Вы мечтаете о какомъ-то сводѣ законовъ, о какомъ-то уставѣ, которой былъ бы обязателенъ для всѣхъ народовъ. Но, безъ сомнѣнія, съ одной стороны, этого чрезвычайно трудно достигнуть, а съ другой—едва ли можно желать, чтобъ всѣ народы руководствовались однимъ и тѣмъ-же кодексомъ. Всякій народъ не только по своей исторіи, по тѣмъ общимъ условіямъ, среди которыхъ онъ возникъ, но даже вслѣдствіе мѣстныхъ условій, которыя ставятъ его въ извѣстную рамку, вслѣдствіе мѣстныхъ потребностей, образованія и т. п. не можетъ сравняться и имѣть одинаковое законодательство съ другими народами. Отсюда возникаетъ необходимость народнаго права, такого, которое основывается на источникахъ народной жизни и его историческихъ началахъ. Вотъ именно такое право мы имѣемъ даже въ сводѣ законовъ. Я говорю объ обычномъ правѣ именно съ этою цѣлью, а не съ тою, чтобы всѣ обычаи крестьянъ записать и ими пользоваться. Я желаю, чтобы всѣ юридическіе обычаи крестьянъ были приведены въ извѣстность, чтобъ они были обсуждены, разсмотрѣны сообразно съ мѣстными условіями жизни русскаго народа и, наконецъ, былъ бы рѣшенъ правительствомъ вопросъ о томъ, насколько эти обычаи пригодны для русской жизни. Мы говоримъ преимущественно о крестьянскомъ, сельскомъ бытѣ. Правительство хорошо знаетъ и можетъ рѣшить, хорошъ-ли обычай въ извѣстной мѣстности, пригоденъ-ли онъ, или нѣтъ. Безъ правительственной санкціи чрезвычайно трудно рѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно. Разумѣется, всякій крестьянинъ каждой волости будетъ за свой обычай, юристъ будетъ за или противъ, но не въ томъ дѣло. Наша задача въ томъ, чтобы

былъ такой законъ, который бы ближе всего подходилъ къ даннымъ условіямъ. Если, какъ говорятъ многіе, составлять законы помимо мѣстныхъ условій—опасно, то съ другой стороны, очевидно, полезно познакомиться съ тѣми требованіями, которыя возникаютъ въ сельскомъ быту, вслѣдствіе существующаго обычая. Вы изволили сказать, что обычаи весьма разнообразны по мѣстностямъ; это отчасти справедливо, но у насъ есть уже примѣры, которыя доказываютъ, что можно обобщить эти обычаи, что можно дать имъ форму, которая подходила бы къ разнымъ мѣстностямъ. Примѣры такого свода обычнаго правъ были сдѣланы г. Барыковымъ. Вы, вѣроятно, читали его превосходную статью „Объ обычномъ правѣ государственныхъ крестьянъ". Выходитъ, что сходство между обычаями чрезвычайное. Слѣдовательно, измѣнить какую-нибудь случайность, не слишкомъ важную, законодатель всегда вправѣ и даже обязанъ это сдѣлать, и потому мнѣ кажется, было бы весьма желательно разсмотрѣть, насколько эти обычаи соотвѣтствуютъ условіямъ сельскаго быта. Теперь же, не зная обычаевъ, мы ничего не можемъ сказать положительно. Можно только желать, чтобъ обычаи эти сдѣлались извѣстны, а за то, что будетъ дальше, ручаться трудно.

Θ. Н. Плевако. Мм. гг.! юристу-практику взять на себя обязанность сказать, какова должно быть послѣднее слово о силѣ и значеніи обычая, было бы нѣсколько не подъ силу. Послѣднее слово науки объ обычаяхъ такъ или иначе извѣстно большинству; безъ сомнѣнія, оно извѣстно тѣмъ изъ насъ, кто посвящаетъ себя дѣлу науки. Но юристъ-практикъ можетъ внести въ обсужденіе настоящаго вопроса еще одинъ новой элементъ. Надо сказать, что подъ часъ намъ, практикамъ, приходится крайне-неловко, что нерѣдко мы не можемъ свободно дѣйствовать, удовлетворяя правовымъ потребностямъ общества, потому что мы не знаемъ обычаевъ и, слѣдовательно, не имѣемъ возможности руководствоваться ими. Къ намъ приходятъ люди, заявляющіе извѣстныя требованія и, конечно, по инстинкту указывающіе что они считаютъ правымъ. Даешь ему совѣтъ, основанный на письменномъ законѣ, къ которому онъ относится съ ува-

женіемъ, но съ какимъ уваженіемъ? Съ уваженіемъ сред. невѣковаго крестьянина къ колдуну, который указывалъ ему, какъ заговариваться отъ бѣса и т. п. Онъ чувствуетъ, что въ его правовомъ сознаніи лежитъ какая-то непримиримая дисгармонія, какое-то отсутствіе пониманія внутреннихъ началъ, которыя вложены въ законъ; а между тѣмъ, это не такой человѣкъ, у котораго нѣтъ нравственнаго чувства, который къ правдѣ относился-бы съ скептицизмомъ. Нѣтъ, это человѣкъ, которой ищетъ правды и не хочетъ взять чужаго. Происходитъ это,—я думаю, отъ того, что нашъ кодексъ во многомъ расходится съ правовыми народными воззрѣніями. Мы очень хорошо знаемъ, что Россія была вдвинута въ семью цивилизованныхъ народовъ нѣкоторыми принудительными мѣропріятіями, благодаря которымъ народная масса осталась при своей домашней жизни, а верхніе слои общества оторвались отъ почвы; познакомились съ лучшими условіями жизни западно-европейскихъ народовъ и какъ послы Владиміра, отвѣдавши сладкаго, не захотѣли горькаго, отказавшись жить при прежнихъ дурныхъ условіяхъ. Отсюда и правовыя воззрѣнія ихъ существенно разошлись съ народными воззрѣніями. Наше законодательство и не могло отражать правовыхъ воззрѣній народной массы, такъ какъ къ составленію законовъ признано было служилое сословіе, правовыя воззрѣнія котораго, какъ я уже замѣтилъ, вполнѣ расходятся съ народными.

Между этими сословіями существуетъ постоянная рознь. Но эта сословная рознь, эта историческая причина, которая отдѣлила массу народа отъ высшихъ слоевъ, даетъ уже основаніе думать, что обычное право въ Россіи свой вѣкъ не отжило, хотя и не вошло въ законодательство и лежитъ предъ нами, какъ почва еще не изслѣдованная, ждущая своей разработки. Игнорировать это обычное право и предполагать, что формальный законъ можетъ замѣнить обычное право,—врядъ-ли справедливо. Я думаю, что какъ-бы хороша, поучительна ни-была проповѣдь, но она между народомъ не распространится и не приметься, если народъ не имѣетъ уже склонности воспріять то, что ему проповѣ-

дуютъ. Если мы передъ группою людей, незнакомыхъ съ извѣстною спеціальностью, съ извѣстною наукою, станемъ самымъ популярнымъ языкомъ говорить о новѣйшихъ открытіяхъ, то они врядъ ли поймутъ что-нибудь, но если мы примѣнимъ свое изложеніе къ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ живутъ эти люди, то они поймутъ насъ. Вотъ, господа, я полагаю, что если бы не смотрѣли на законъ, какъ на сочиненіе лучшихъ людей, которымъ мы должны слѣпо подчиняться, а видѣли бы въ законѣ высшее выраженіе народнаго представленія о правѣ, то народъ, живущій до сихъ поръ обычаемъ, еще не грамотный для того, чтобы читать законъ, увидѣлъ бы, что законодательство не есть измышленіе людей, не знакомыхъ съ народными воззрѣніями, а есть только выраженіе тѣхъ самыхъ правовыхъ инстинктовъ, сознаніе которыхъ онъ давно носитъ въ душѣ, только высказать не умѣетъ; онъ увидѣлъ бы, что такой письменный законъ по отношенію къ правовому инстинкту есть то же, что онъ любитъ въ адвокатѣ. „Я чувствую то же самое, что ты говоришь, да только сказать не умѣю“. Если эта связь дѣйствительно существуетъ, то понятно, что игнорировать обычай нельзя. Только при уваженіи къ народномъ обычаямъ, мы сохранимъ уваженіе къ письменнымъ законамъ, такъ-какъ народъ увидитъ тогда, что тутъ написана его правда, гарантированы его права. Вчера возбуждался вопросъ, не настало ли время составить уложенія, не пережилъ-ли сводъ свое время?... Если мы высказались въ пользу уложенія, то не слѣдуетъ-ли признать, что время собиранія обычаевъ прошло, такъ какъ учебники говорятъ намъ, что обычай уступаетъ мѣсто закону, взамѣнъ котораго является право юристовъ. Я нѣсколько расхожусь съ этимъ. Быть можетъ, мы вчера не совсѣмъ ясно выразили нашу мысль, когда признали, что составленіе уложенія несвоевременно. Я именно присоединяюсь къ этому мнѣнію, которое по отношенію къ вопросу, насъ занимающему, имѣетъ величайшую важность. По моему мнѣнію, время сводовъ въ исторіи права и въ наукѣ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда на право смотрятъ, какъ на изрѣченіе извѣстной личной власти.

Это то время, когда высшая власть въ государствѣ считается источникомъ права, по каждому вопросу говоритъ: поступай такъ, поступай иначе. Время личнаго авторитета проходитъ, наступаетъ время разума, который не хочетъ подчиняться произволу отдѣльныхъ лицъ. Это время философскаго періода, когда человѣкъ думаетъ, что дедуктивнымъ способомъ можно предвидѣть и разрѣшить всѣ столкновенія. Этотъ періодъ не есть только особенность юридической науки: всѣ науки проходили чрезъ этотъ періодъ. Мы отъ него въ настоящее время отвернулись, потому что наука ушла совершенно въ другую сторону, чѣмъ жизнь. Мы увидѣли, что разумъ созданъ не для того, чтобы творить, а для того, чтобы изучать и анализировать.

Мнѣ кажется, настало время отказатся отъ вѣры въ то, что человѣческій разумъ можетъ предвидѣть юридическія нормы и разрѣшать всѣ сомнѣнія. Мнѣ кажется, настала пора обратиться къ юридическимъ инстинктамъ, живущимъ въ народѣ. Эти инстинкты, разумно понятые и собранные, дадутъ основаніе для разумнаго пониманія юридическихъ потребностей народа. Я думаю, что настала пора вернуться къ изученію путемъ индукціи фактическихъ явленій и въ нихъ искать истинный матеріалъ для пониманія національнаго права. Только при этомъ изученіи обычнаго права, какъ фактовъ, мы придемъ къ полезнымъ результатамъ. По моему мнѣнію, юридическій институтъ и даже попытки примѣнить его у себя дома также точно свойственны всякому человѣку, какъ его физическія потребности, и точно также, какъ не химики создали законы химическіе, точно также не юристы должны придумывать правовые институты. Правовые институты, какъ потребность натуры человѣка, живутъ въ немъ самомъ; а для того, чтобы понять ихъ, надо подойти лицомъ къ лицу къ той сферѣ, для которой мы пишемъ законы. Нельзя сочинить ни одного физическаго, или химическаго закона,—сколько ни сочиняйте, природа опровергаетъ ихъ: Если бы химики отвергли всѣ законы химическіе, то они все-таки будутъ дѣйствовать и тяжело отзываться на людяхъ, которые съ ними знаться не хотятъ. Мнѣ думается, что въ этой розни пись

менная законодательства съ обычаемъ и лежитъ корень многихъ неприглядныхъ картинъ нашего юридическаго быта. Человѣкъ не можетъ купить готовую истину,—онъ можетъ ее постичь; еще не было примѣра, чтобы отецъ пришелъ въ училище и просилъ, чтобъ его сынъ, за деньги, не учась, пріобрѣлъ знаніе; не было случая, чтобы человѣкъ хотѣлъ измѣнить таблицу умноженія, законы физики и т. п. Но когда дѣло идетъ о примѣненіи закона, то чѣмъ неразвитѣе народъ, тѣмъ распространеннѣе въ немъ убѣжденіе, что правду можно купить за деньги. Если бы законъ былъ выраженіемъ народнаго сознанія, то для него было-бы очевидно, что правду купить нельзя. Но письменный законъ пріучилъ народъ смотрѣть на то, что это какія-то особыя повелѣнія, не имѣющія никакой органической связи съ его жизнью, а потому вполнѣ подлежащія произволу того, кому дана власть примѣнять ихъ. Такимъ образомъ, я глубоко убѣжденъ въ томъ, что наше время и методъ науки, господствующій въ настоящій періодъ, обязываютъ насъ кореннымъ образомъ заняться изученіемъ обычнаго права. Изъ обычаевъ должны выработаться юридическія положенія, недостатокъ которыхъ въ нашемъ X т. не можетъ не сознаваться каждымъ юристомъ. Итакъ, тѣ работы, на которыя указалъ г. Предсѣдатель, могутъ быть положены въ основаніе той работы, которую русское право ожидаетъ отъ лицъ, посвятившихъ себя его изученію.

М. П. Соловьевъ. Мы сейчасъ выслушали множество подробностей о томъ, что невозможно выдумывать законы физики и химіи, затѣмъ мы слышали, что нашъ кодексъ разошелся съ народными правовыми воззрѣніями. Но всѣ эти разсужденія мало выяснили дѣло. Я долженъ заявить прежде всего, что въ моей дѣятельности въ качествѣ мироваго посредника и присяжнаго повѣреннаго мнѣ не рѣдко приходилось сталкиваться съ народными обычаями. Я прежде всего возражаю противъ того, что будто-бы нашъ кодексъ разошелся съ народнымъ правомъ и что по этому самому онъ неизвѣстенъ народу; что для возстановленія народного права необходимо изученіе народныхъ обычаевъ. Мнѣ кажется, мм. гг., мнѣніе это не выдерживаетъ критики.

Если наше гражданское право, X томъ, страдаетъ недостатками, то они заключаются именно въ его чрезмѣрной національности, потому что, собственно говоря, это національное начало выразило только понятіе дружиннаго, помѣстнаго нрава. Если у насъ и есть пробѣлъ народныхъ началъ въ письменномъ законодательствѣ, то онъ заключается въ нѣкоторыхъ крупныхъ проявленіяхъ нашей народной жизни, какъ напр., въ нашемъ крестьянскомъ землевладѣніи, пробѣлъ, который, не смотря на положеніе 19 февраля, все-таки существуетъ. Обычное право землевладѣнія, конечно, такое крупное явленіе, что и при будущей кодификаціи нашихъ гражданскихъ законовъ оно необходимо должно войти въ составъ законодательста. До сихъ поръ мы не знаемъ, юридическое-ли лицо община, какъ собственникъ земли. Допустимъ, что община есть юридическое лицо, но община свободно отчуждаетъ свое имущество безъ всякаго разрѣшенія высшей власти, отъ которой получаютъ, собственно говоря, свое начало всѣ юридическія лица, но съ другой стороны мы видимъ, что община можетъ продать часть своей земли и распоряжается уже не какъ юридическое лицо, а какъ компанія совладѣльцевъ. Вотъ такого рода крупныя явленія въ обычномъ правѣ требуютъ точнаго опредѣленія въ законѣ и, вѣроятно, займутъ надлежащее мѣсто въ будущемъ кодексѣ. Затѣмъ, говорили намъ также, что время обычая не прошло, что обычаи только что начинаютъ изучаться, что будто-бы въ настоящее время въ наукѣ существуетъ индуктивный методъ. Въ наукѣ, какъ вамъ очень хорошо извѣстно, никогда не господствовалъ исключительно тотъ или другой методъ. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ безъ того и другаго обойтись совершенно невозможно. Я обращаю вниманіе на то, что было сказано о національности права. Я говорю, что форма, въ которой законъ выражаетъ и узаконяетъ извѣстное существующее положеніе,—форма, составляющая продуктъ законодательнаго творчества, никогда не національна. Въ созданіи этой формы народъ не участвуетъ, народъ даетъ только матеріалъ и, понятная вещь, всякій законъ для мало свѣдущихъ людей дѣлается обсолютно обязательнымъ.

Собственно говоря, въ тѣсномъ смыслѣ слова, юридическія правовыя отношенія никогда не бываютъ народными; законодательство есть всегда продуктъ умственной дѣятельности немногихъ людей.

Предсѣдатель. Въ такомъ случаѣ я долженъ замѣтить, что вы предполагаете два кодекса; вы сами говорите, что есть такія явленія народной жизни, которыя необходимо требуютъ узаконенія, а съ другой стороны находите, что законы должны составляться немногими свѣдущими людьми. Такимъ образомъ, вы признаете необходимость существованія двухъ кодексовъ.

М. П. Соловьевъ. Я указалъ, что въ въ числѣ народныхъ обычаевъ есть явленія, которыя законодательство оставило безъ разсмотрѣнія, что наше общинное землевладѣніе стоитъ на степени обычнаго права. Мнѣ возражаютъ, что въ этомъ усматривается особый кодексъ. Общинное землевладѣніе есть одинъ изъ видовъ землевладѣнія вообще; никому не воспрещается пріобрѣтать и устраивать свое землевладѣніе по тому или другому типу, который существуетъ въ законодательствѣ. Такимъ образомъ, различные типы договорнаго владѣнія недвижимымъ и движимымъ имуществомъ отнюдь не исключаютъ обычая и полнаго кодекса. Я только говорю, что необходимо ввести въ наше гражданское уложеніе такое важное явленіе, какъ способъ владѣнія землею, который находится въ употребленіи по крайней мѣрѣ у сорока—милліоннаго населенія. Затѣмъ я говорю, что юридическій обычай будетъ существовать помимо того, признаетъ-ли его законъ, или не признаетъ. Опять повторяю, что вся юридическая дѣятельность должна быть направлена на улучшеніе законоположеній; народный обычай долженъ быть предоставленъ самъ себѣ: не слѣдуетъ ни стѣснять его, ни придавать ему той силы, которой онъ по своему историческому характеру не имѣетъ.

Продсѣдатель. Я согласенъ съ вами, по скольку вы предоставляете верховной власти дѣлать то, что она считаетъ нужнымъ, и позволяете юристамъ, которые призваны составить кодексъ, собирать необходимые для того матеріалы.

Ѳ. Н. Плевако. Мы собственно и заявляемъ о необходимости собиранія матеріаловъ для юристовъ.

П. К. Скордели. Вопросъ, теперь дебатируемый, мнѣ кажется, измѣненъ сравнительно съ тѣмъ первымъ положеніемъ, которое выражено въ нашей программѣ. Въ программѣ говорится „объ отношеніи обычнаго права къ законодательству“, между тѣмъ въ дебатахъ начали говорить только объ отношеніи обычнаго права собственно простаго народа, сельскаго населенія къ законодательству. Придерживаясь все-таки положенія, выставленнаго въ программѣ, будемъ разсматривать вопросъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, принимая обычное право вообще, а не одного прастонародія.

Начну съ того, что вопросъ вызвалъ споры о томъ, почему у насъ простой народъ не понимаетъ свода законовъ, при чемъ было указано, что это произошло вслѣдствіе насильственнаго введенія русскаго народа въ семью цивилизованныхъ народовъ. Этотъ взглядъ не вѣренъ, потому что у насъ вмѣстѣ съ закрѣпощеніемъ крестьянскаго населенія одинъ только служилый классъ имѣлъ право распоряжаться своимъ имуществомъ. Поэтому, всѣ сдѣлки, которыя существовали до освобожденія крестьянъ, суть главнымъ образомъ сдѣлки высшаго сословія. Нашъ сводъ законовъ есть сводъ законовъ служилаго класса и этимъ можно объяснить, почему нѣтъ никакого упоминанія объ общинномъ землевладѣніи и т. п.

Нашъ простой народъ не имѣлъ правоспособности, онъ жилъ совершенно отдѣльно отъ закона. Въ виду этого теперь наступило, мнѣ кажется, время, когда при составленіи кодекса необходимо обратить вниманіе на обычаи и служилаго сословія, и простаго народа.

Что касается тѣхъ замѣчаній, что кодексъ, построенный a priori, можетъ совершенно устранить необходимость изученія народныхъ обычаевъ, то эти замѣчанія повторялись еще въ прошломъ столѣтіи, повторялись сторонниками такъ называемой школы естественнаго права, которые думали, на основаніи началъ естественнаго права, создать кодексъ, пригодный не только для однаго народа, но даже для цѣлаго міра. Но, конечно, эти ожиданія остались одними ожи-

даніями. Историческая школа, смотрѣвшая на дѣло иначе, чѣмъ школа естественнаго права, сочла нужнымъ обратить вниманіе на историческую жизнь и этимъ путемъ доказала несостоятельность естественнаго права, такъ что, мнѣ кажется, повторять въ настоящее время тѣ ошибки, которыя были дѣлаемы въ XVIII-мъ вѣкѣ, было бы непростительно.

И такъ я указалъ, почему на исторической даже почвѣ, съ точки зрѣнія правовой, населеніе крестьянское, которое не было выслушано при составленіи свода законовъ, имѣетъ также право на вниманіе нашихъ юристовъ. Обращаюсь къ вопросу, оставленному въ программѣ съѣзда, именно къ вопросу „объ отношеніи обычнаго права къ законодательству".

Выслушавъ съ большимъ интересомъ рефератъ, доложенный съѣзду нашимъ почтеннымъ предсѣдателемъ, я однако, насколько успѣлъ выяснить себѣ господствующую тенденцію, вижу, что изъ него вытекаетъ слѣдующее положеніе: желательно, чтобъ былъ изданъ повый сельскій уставъ обычнаго права не только гражданскаго, но и уголовнаго, на подобіе сельскаго устава, существующаго въ нашемъ сводѣ законовъ.

Я не знаю, насколько входятъ въ нашу программу вопросы уголовнаго права, — такъ какъ предметомъ занятій съѣзда программа выставила вопросы гражданскаго и торговаго права, — я ограничусь только вопросомъ о томъ, насколько обычное право намъ необходимо въ отношеніи гражданскаго права, хотя, собственно говоря, всѣ практики, возражающіе противъ обычнаго права народа, возражаютъ противъ обычаевъ уголовныхъ, какъ напр. противъ розогъ и нѣкоторыхъ способовъ отыскиванія, наказанія и т. п. Обращаюсь къ обычному праву; было замѣчено, что въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, именно въ ст. 130-й (о приговорѣ мировыхъ судей) признается право гражданства обычнаго права, которое совершенно устранено изъ нашего законодательства со времени Петра Великаго. Мнѣ кажется, что неразвитіе нашего обычнаго права въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ происходитъ отъ того, что тамъ нѣтъ той статьи, которая дѣйствуетъ въ мировыхъ судахъ. Еслибы окружному суду было пре-

доставлено въ нѣкоторыхъ случаяхъ право рѣшать вопросы по обычаю, такъ какъ обычай почти всегда пополняетъ пробѣлы въ законодательствѣ, то въ такомъ случаѣ обычай дѣйствительно сыгралъ бы свою роль. На этомъ основаніи я предлагаю признать обычай вторымъ вспомогательнымъ источникомъ русскаго права. Независимо отъ этого нужно, конечно, желать составленія сборника общаго обычнаго права. Что касается возраженія, что обычаевъ черезъ чуръ много, что ихъ трудно обобщить, то противъ этого я могу указать, что при введеніи положенія о крестьянахъ у насъ находились въ затрудненіи, чему отдать преимущество—землевладѣнію общинному, или частному? При этомъ было выражено мнѣніе о необходимости предоставить такіе случаи на рѣшеніе самихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, мы достигаемъ большаго единства и большей полноты. Вотъ собственно въ чемъ состоитъ мое предложеніе: слѣдуетъ пойти далѣе, чѣмъ было высказано въ рефератѣ, т. е. обычное право должно быть допущено даже и въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, потому что у насъ существуютъ большіе пробѣлы, которые постоянно даютъ себя знать.

Предсѣдатель. Я считаю долгомъ замѣтить, что собственно объ обычномъ правѣ уголовномъ я не говорилъ. Мнѣ кажется, что уголовный обычай никакъ не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы ввести его въ законодательство. Но, что касается до введенія обычая не только въ мировые, но и въ окружные суды, и палаты, и въ кассаціонные департаменты Сената, то я нахожу это рѣшительно невозможнымъ. Я уже замѣтилъ, что въ мировыхъ учрежденіяхъ, хотя законъ дозволяетъ руководствоваться обычаемъ, мировые судьи почти никогда не руководствуются имъ за невозможностью узнать всѣ обычаи; но, если мировой судья, стоящій болѣе или менѣе близко къ обычаямъ, затрудняется примѣнить ихъ, то какимъ образомъ окружный судъ, или палата могутъ руководствоваться ими? Вы скажете, что они могутъ положиться на то, что представляется сторонами; но это самое плохое средство и потому необходимо прежде всего собрать обычаи и потомъ кодифицировать ихъ

и опредѣлить, что̀ дѣйствительно можетъ быть признано важнымъ, и послѣ того обычай можетъ быть примѣнимъ во всѣхъ случаяхъ, но онъ тогда будетъ не обычай, а законъ.

П. К. Скордели. Я указалъ на этотъ вопросъ потому, что онъ не былъ достаточно выясненъ въ рефератѣ; что касается возможности распространенія обычая въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ, то я могу сослаться на существующее въ нашемъ законодательствѣ допущеніе торговыхъ обычаевъ; а если въ мировыхъ установленіяхъ дѣйствительно до сихъ поръ мало разработанъ этотъ вопросъ, то это происходитъ отъ недостатка времени.

А. Ѳ. Кистяковскій. Я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по этому столь важному вопросу, замѣчаній, которыя, смѣю думать, разъяснятъ нѣсколько вопросъ, хотя замѣчанія эти нисколько не претендуютъ на то, чтобы вполнѣ рѣшить вопросъ столь капитальной важности. Замѣчанія мои будутъ служить нѣкоторымъ исправленіемъ, быть можетъ, добавленіемъ уже высказанныхъ мыслей. Почтенный референтъ указалъ, между прочимъ, на важное практическое значеніе обычая для законодательства. Въ такомъ же смыслѣ поставленъ этотъ вопросъ и въ программѣ. Я позволю себѣ указать еще и на другое, научное значеніе обычая. Это значеніе столь же важно и такъ связано съ практическимъ значеніемъ, что выясненіе послѣдняго независимо отъ перваго невозможно, или лучше сказать, наука сама по себѣ не въ силахъ ничего сдѣлать, если только на помощь къ ней не придетъ практика, собственно правительственная помощь. До сихъ поръ, пока не была наряжена коммиссія, пока не изданы были 6 монументальныхъ томовъ трудовъ коммиссіи для изслѣдованія волостныхъ судовъ, мы собственно ничего капитальнаго не имѣли, тогда какъ съ напечатаніемъ этого сборника мы получили богатый родникъ для разработки обычнаго права. Я хочу доказать ту мысль, что обычай имѣетъ значеніе не только законодательно-практическое и судебно-практическое, но имѣетъ и научное значеніе. Въ обычаяхъ до сихъ поръ кроются остатки того древняго права, которое мы имѣемъ въ весьма скудномъ памятникѣ, надъ которымъ

мы работаемъ, трудимся и никакъ не можемъ опредѣлить его значеніе, именно въ „Русской Правдѣ“. Я обращу ваше вниманіе на трудъ нашего почтеннѣйшаго изслѣдователя г. Ефименко „о приданомъ по обычному праву въ Архангельской губ.“ Въ этомъ изслѣдованіи, между прочимъ, я нашелъ, что въ Архангельской губ. въ началѣ XIX столѣтія существовали виры. Кто занимался этимъ вопросомъ, знаетъ, какой это спорный вопросъ; между тѣмъ мы получаемъ здѣсь нѣкоторыя данныя, чтобы опредѣлить, что такое „виры“. Я думаю, всѣмъ юристамъ извѣстно, что у насъ по „Русской Правдѣ“ кунами выкупались за вину, между тѣмъ въ южной Россіи въ одной церкви сохранились куны, какъ особое устройство, куда вкладывали руки женщины, виновной въ рожденіи незаконнаго ребенка. Идя дальше, я, конечно, нашелъ бы больше фактовъ и сказалъ-бы, что не только надо изслѣдовать обычное право русскаго народа, но необходимо изслѣдовать обычное право окраинъ восточныхъ, гдѣ народъ стоитъ на гораздо низшей ступени культуры, чѣмъ нашъ русскій и другіе славянскіе народы. У меня, между прочимъ, есть рукопись народныхъ обычаевъ, присланная мнѣ изъ Иркутской губ. однимъ священникомъ, изслѣдовавшимъ народные обычаи у Бурятъ. Меня поразило необыкновенное сходство присяги Бурятъ съ тою, которая совершается нашими князьями Игоремъ и Олегомъ,—съ присягою на оружіи. Я могъ бы указать на многіе другіе примѣры, но по недостатку времени я этотъ пунктъ сокращу. Между прочимъ было здѣсь говорено, что наши обычаи чрезвычайно пестры и разнообразны. Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ справедливо: въ 6 томахъ трудовъ коммиссіи мы можемъ найти нѣкоторыя такія юридическія положенія, которыя проходятъ отъ Архангельска до Херсона, отъ Бѣлаго моря до Чернаго. Я укажу на одинъ обычай, который свидѣтельствуетъ о глубокой мудрости русскаго народа, у котораго мы должны учиться. Укажу на формулу: „грѣхъ пополамъ“—обычай, существующій во всей Россіи. Что такое „грѣхъ пополамъ“?... Это есть рѣшеніе вопроса, когда нельзя опредѣлить, кто болѣе виноватъ. Я вамъ представлю одинъ при-

мѣръ: крестьянинъ крестьянину продаетъ лошадь; ударили по рукамъ (это символическій знакъ заключенія договора). Заключивши такой договоръ, взявши малую часть денегъ — задатокъ, торговецъ вмѣстѣ съ покупателемъ идутъ пить могарычъ. Въ это время украли лошадь. Кто долженъ отвѣчать? долженъ ли продавецъ лишиться платы, или долженъ покупатель заплатить все? Народъ рѣшаетъ: „грѣхъ пополамъ“! Въ подобныхъ спорахъ формула эта примѣняется въ самыхъ различныхъ видахъ и поражаетъ своею справедливостью. Говорятъ, между прочимъ, о несправедливости нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ, но я спрошу: развѣ наши суды всегда бываютъ безгрѣшны?—суды, которые состоятъ изъ юристовъ, людей опытныхъ, образованныхъ. Развѣ наши суды всегда произносятъ такіе приговоры, о которыхъ можно сказать, что это—рѣшенія правды? Я ограничусь этимъ, чтобы не бросать тѣни недовѣрія къ народнымъ обычаямъ. Обычаи заключаютъ въ себѣ необыкновенно практическій, глубокій, справедливый народный умъ, которому мы должны поучиться. Народныя обычаи тѣсно связаны съ собственно народною юстиціею; если мы уничтожаемъ обычай, мы должны уничтожить и волостную юстицію, а я, при всемъ сознаніи недостатковъ этой юстиціи, отстаиваю ее всѣми силами моего ума, считая, что собственно волостная юстиція крайне необходима. Она дешева и близко подходитъ къ тому идеалу, который нарисовалъ Бентамъ для подсудности, сказавъ, что та подсудность самая лучшая, гдѣ гражданинъ можетъ сегодня, вставши, пойти въ судъ и, получивши разрѣшеніе дѣла, возвратиться домой. Это именно самая подходящая подсудность: она дешева, обходится безъ посредниковъ, т. е. повѣренныхъ и адвокатовъ, слѣд. не влечетъ за собою никакихъ издержекъ. Правда, она исполнена нѣкоторыхъ недостатковъ: такъ напр., народъ любитъ прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но тутъ вы вините не народъ, а высшіе классы, которые не умѣли дать направленіе этой юстиціи и противодѣйствовать примѣненію розогъ. Отмѣна тѣлеснаго наказанія совершенно не сознается народомъ, такъ какъ она помѣщается въ другомъ

законѣ, а юридическая логика народа не такъ велика, чтобы положенія одного закона переносить въ другой. Между прочимъ здѣсь было говорено о значеніи обычаевъ для общихъ судовъ, и я совершенно согласенъ съ высказаннымъ возраженіемъ, что этому дѣлу дается слишкомъ широкое разрѣшеніе. Намъ нужно ограничиться тѣмъ, что представляетъ практика, а не задаваться тѣмъ, что можетъ быть признано теоретически.

Я обращаю вниманіе на тѣ страны, гдѣ обычай существуетъ для высшихъ судовъ, это—Англія и отчасти Германія. Обычаи Англіи, не болѣе, не менѣе, какъ рѣшенія судовъ, это то же печатное право, только не статутированное. Въ Германіи, правда, обычай признается пособіемъ закона, но Германія, какъ и Англія, есть по преимуществу страна обычнаго права; тамъ еще недавно каждое село имѣло свои обычаи.

Я полагаю, что мы, какъ общество практическихъ людей, въ настоящее время должны только заботиться о томъ, чтобы собрать и изучить обычаи, не задаваясь вопросомъ объ отмѣнѣ или удержаніи ихъ, т. е. то предложеніе, которое было сдѣлано г. предсѣдателемъ, есть самое основательное, самое позитивное и практическое.

Предсѣдатель. При всемъ глубокомъ уваженіи и благодарности къ тѣмъ лицамъ, которыя возражаютъ мнѣ, я считаю необходимымъ, въ интересѣ другихъ вопросовъ, просить гг. возражающихъ какъ можно умѣреннѣе предъявлять свои мысли. Г. Рихтеръ! Не угодно-ли вамъ сдѣлать свое замѣчаніе?

К. А. Рихтеръ. Я хотѣлъ говорить въ пользу предложенія, но послѣднее возраженіе дѣлаетъ излишнимъ мое слово.

А. В. Соколовъ. Вопросъ достаточно разъясненъ и потому мои замѣчанія будутъ весьма кратки. Г. предсѣдатель обратилъ вниманіе на то, что обычаи, собранные и провѣренные, должны быть внесены въ сельскій судебный уставъ и что даже весьма желательно, чтобы обычное право сдѣлалось обязательною нормою и для высшихъ классовъ. Мысль эта, сама по себѣ вѣрная, представляетъ нѣкоторыя опасности. Саксонское уложеніе, изданное на новыхъ, со-

временныхъ началахъ, выключило обычное право и запретило даже имъ руководствоваться, но, сколько мнѣ извѣстно, изъ послѣднихъ рефератовъ въ журналахъ видно, что Саксонское уложеніе не достигаетъ своей цѣли, что общество, народъ во многихъ случаяхъ недовольны этимъ запрещеніемъ. Принимая во вниманіе, что у насъ обычное право весьма разнообразно: нѣкоторые обычаи составляютъ дополненіе, новый вкладъ въ законодательство, другіе идутъ въ разрѣзъ съ нимъ; что обычаи видоизмѣняются съ измѣненіемъ условій крестьянскаго быта, что даже самъ народъ нерѣдко отъ волостныхъ судовъ идетъ къ общимъ мировымъ учрежденіямъ,—мнѣ кажется, задача современнаго общества собрать всѣ существующіе обычаи и, если угодно, включить ихъ въ письменные памятники и положить ихъ въ основаніе законодательныхъ работъ, но составлять уставы на основаніи такого первоначальнаго матеріала я считаю не цѣлесообразнымъ, потому что многія положенія обычнаго права, хотя и провѣренныя, едва-ли народъ приметъ; во многихъ мѣстностяхъ народъ будетъ держаться своихъ старыхъ обычаевъ, если не будутъ приняты энергическія мѣры къ преслѣдованію подобныхъ нарушеній. Другое препятствіе—торможеніе видоизмѣненія обычнаго права соотвѣтственно новымъ условіямъ жизни. Далѣе, включеніе обычныхъ нормъ въ законъ даетъ имъ такой характеръ, какъ будто онѣ имѣютъ то же значеніе и силу, какъ и законъ. Надо согласовать это обычное право, мнѣ кажется, не только съ интересами крестьянскаго сословія, такъ какъ въ деревнѣ живутъ и духовенство, и дворяне. Поэтому слишкомъ рано, да и едва ли умѣстно составлять особый уставъ обычнаго права. Собрать, провѣрить и очистить обычаи—это другое дѣло.

А. М. Фальковскій. Мм. Гг.! Я не сталъ бы принимать участія въ разъясненіи настоящаго вопроса, послѣ многосторонняго его разсмотрѣнія, если бы онъ не былъ сопоставленъ съ тѣмъ предложеніемъ, которое обсуждалось вчера. Я полагаю, что такое сопоставленіе не совсѣмъ правильно, такъ какъ та мысль, которую я проводилъ здѣсь вчера, клонилась къ объединенію русскаго права, основан-

ному на всѣхъ его источникахъ, а слѣдовательно и на обычномъ правѣ. Обращаю вниманіе на двѣ теоріи, господствующія въ наукѣ, изъ которыхъ по одной главною творческою силою считается законодательная власть, а по другой право разсматривается, какъ продуктъ жизни народа, какъ нѣчто, возникающее собственной силой. Относясь съ уваженіемъ къ исторической школѣ, я не могу не признать силы обычая и придаю обычному праву значеніе самостоятельной формы права. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать въ возраженіе В. Н. Лешкову.

А. В. Лохвицкій. Мм. Гг.! позвольте сказать нѣсколько словъ по поводу возбужденнаго вопроса. Между развитіемъ языка и развитіемъ права существуетъ великое сходство. Въ языкѣ жизненная образовательная сила съ теченіемъ времени проходитъ только въ образованномъ классѣ, и литература и языкъ каждаго народа есть языкъ и литература класса образованнаго; но очень часто литература обращается къ народу для того, чтобы включить въ литературный языкъ нѣкоторыя мѣткія выраженія, которыя были упущены при развитіи литературнаго языка. То же самое повторяется и въ правѣ: каждое право сначала существуетъ какъ обычай, потомъ является какъ законодательство и уже это законодательство развивается подъ вліяніемъ науки права и жизненнаго юридическаго смысла народа и, подъ вліяніемъ политическихъ потребностей народа, переходитъ въ тотъ высшій классъ, который составляетъ законодательство. Напрасно послѣ этого черезъ нѣсколько вѣковъ обращаться къ народу для того, чтобы въ обычаяхъ простонародья, указывающихъ намъ совершенно другой міръ, который уже пережитъ націею въ смыслѣ высшаго культурнаго класса, чтобы оттуда черпать, какъ изъ источника бытоваго права. Особенно это имѣетъ значеніе у насъ, потому что нигдѣ не былъ такъ быстро оторванъ образованный классъ отъ остальной массы народа. Поэтому говорить о составленіи кодекса обычнаго права—значило бы положить вѣковѣчную рознь между низшимъ сословіемъ и культурнымъ, образовать двѣ Россіи: одну — второй половины XIX вѣка, а другую—временъ до царя Ивана Васильевича.

евича Грознаго и сопоставить ихъ рядомъ, чтобы онѣ жили такимъ образомъ. Напротивъ, всѣ наши старанія должны идти къ тому, чтобы и низшій классъ поднялся на ту ступень культуры, которая существуетъ у высшаго сословія. Даже желательно, чтобы и волость была учрежденіе не крестьянское, а всесословное, потому что, пока она будетъ крестьянскою, она всегда останется учрежденіемъ невѣжественнымъ и не представитъ никакого задатка для развитія народа. Поэтому я полагаю, что собраніе народныхъ обычаевъ весьма полезно въ смыслѣ историческаго изученія права; но оно имѣетъ и другое значеніе а именно то, что мировые судьи, которые должны въ извѣстныхъ случаяхъ руководствоваться обычаемъ и не знаютъ его, могутъ воспользоваться существующимъ сборникомъ. Я обращаю вниманіе еще на одинъ вопросъ: часто обычай, т.-е. юридическое воззрѣніе связывается съ политическимъ воззрѣніемъ народа; но неужели вы желали бы, чтобъ политическія воззрѣнія простаго народа кодифицировались, получили санкцію и, такъ сказать, тяготѣли надъ нами? По моему мнѣнію, такой сборникъ обычаевъ очень полезенъ, но онъ долженъ оставаться въ этихъ скромныхъ предѣлахъ.

Предсѣдатель. Намъ нужно теперь придти къ какому-нибудь заключенію. Всѣ почти говорившіе считаютъ необходимымъ, чтобы былъ сборникъ обычаевъ. Какія это будетъ имѣть послѣдствія — это другой вопросъ. Теперь я предлагаю вопросъ о томъ, кому поручить составленіе такого сборника, кто можетъ за это взяться? Я думаю, что не только одно частное лицо, но и общество безъ содѣйствія правительства не можетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать съ успѣхомъ; поэтому я указываю, что было бы желательно учредить особую коммиссію въ Петербургѣ, или Москвѣ, которая, съ одной стороны, вызвала бы дѣятелей къ собиранію обычаевъ, а съ другой—къ разработкѣ ихъ. Изволите-ли признать полезнымъ и желательнымъ, чтобы учреждена была такая коммиссія?

Съѣздъ положилъ, что очень желательно учрежденіе такой коммиссіи.

II.

В. Д. Спасовичъ. Вопросъ, который я предлагаю на разсмотрѣніе съѣзда: „Слѣдовало-ли бы разрѣшить свободное распоряженіе по духовнымъ завѣщаніямъ родовыми имуществами“ *) обнаруживается изъ дѣйствій въ порядкѣ наслѣдованія, при выкупѣ, выдѣлѣ, дареніи и при духовныхъ завѣщаніяхъ. Ст. 1068 гласитъ, что родовыя имущества завѣщанію не подлежатъ. Если нельзя завѣщать, то нѣтъ причины оставлять запрещеніе для даренія, нѣтъ причины стѣснять владѣльца родоваго имущества при выдѣлѣ этого имущества своимъ дѣтямъ, наконецъ даже и выкупъ падаетъ самъ собой, потому что и выкупомъ нельзя распоряжаться, такъ какъ имущество, которое подарено, не подлежитъ выкупу. Странно въ настоящее время отстаивать старинныя формы: онѣ слишкомъ неопредѣленны и существуютъ только, пока не истекаетъ срокъ выкупа. Вотъ почему я полагаю, относительно положенія о родовыхъ имуществахъ, что главный корень для разрѣшенія, быть-ли этимъ понятіямъ совершенно устраненнымъ, согласуется съ 1068 ст. Если сдѣлать вопросъ, встрѣчавшійся еще въ старинной практикѣ о томъ, слѣдуетъ ли оставить въ силѣ запрещеніе завѣщать родовыя имущества, то я полагаю, отвѣтъ будетъ отрицательный, потому что понятіе о родовыхъ имуществахъ считается стѣсненіемъ свободы воли; владѣлецъ недвижимаго имущества, если онъ имѣетъ дѣтей, не можетъ быть стѣсненъ въ своемъ правѣ устроить ихъ судьбу. Если у него есть родовое имѣніе, онъ не знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлать; онъ желаетъ увеличить свое состояніе, но при этомъ предвидитъ возможность споровъ. Если онъ не имѣетъ дѣтей, то свойство родоваго имѣнія вліяетъ на его отношенія къ боковымъ родственникамъ, предполагаемымъ наслѣдникамъ: они смотрятъ заранѣе на это имѣніе, какъ на принадлежащее себѣ; отсюда источникъ раздоровъ; потомъ умираетъ онъ, и это имѣніе

*) Предложеніе это было доложено устно и составило, какъ увидитъ читатель, содержаніе этой вступительной рѣчи В. Д. Спасовича.

вляется для нихъ незавиднымъ наслѣдствомъ. Они берутъ его, и вдругъ оказывается масса обязательствъ, заемныхъ писемъ: такихъ примѣровъ можно насчитать множество. Они остаются тогда въ самомъ невыгодномъ положеніи. Въ большей части случаевъ, эти заемныя письма, эти обязательства ведутъ прямо къ тому, что имущество его продается съ аукціона,—и цѣль достигается совершенно противоположная той, которую имѣлъ въ виду законодатель: имѣніе попадаетъ въ чужія руки. И такъ, мнѣ кажется, что вопросъ этотъ разрѣшается отрицательно въ томъ смыслѣ, что вслѣдствіе этихъ соображеній означенное запрещеніе слѣдуетъ устранить. Но историческая судьба всякаго учрежденія не можетъ быть рѣшена по первому представленному плану. Непремѣнно надо брать это учрежденіе въ его основныхъ причинахъ, разсматривая его, какъ съ той стороны, какой юридической потребности отвѣчаетъ оно, такъ и съ той, примѣнимы-ли тѣ причины къ жизни. Если мы посмотримъ на него съ этой стороны, то увидимъ, что оно находится въ связи съ правомъ семейнымъ. Корни его дѣйствительно глубоки. Это учрежденіе родоваго имущества есть послѣдній остатокъ могучаго прошлаго, которое было несравненно сильнѣе современныхъ постановленій. Къ этому остатку постоянно прибиваетъ волна, которая разбиваетъ, подмываетъ, можетъ быть уноситъ его съ собой. Но какъ велико было это прошлое, можно судить только по сравненію. Я напомню только, мм. гг., что лѣтъ 80 тому назадъ, когда существовало Польское право, которое пало вмѣстѣ съ существованіемъ Польскаго государства, практика, исторія, обычаи и законы такъ крѣпко установили невозможность свободно, самовольно распоряжаться всякой вотчиной, что никакая недвижимая собственность не могла быть отказана по духовному завѣщанію,—по одной изъ статей указа Сигизмунда III 1710 и 1711 г.; эти постановленія распространились и на Литовскій статутъ (хотя въ послѣднемъ, въ раздѣлахъ 2, 5, 7, 33 и существуетъ право свободно распоряжаться имѣніями, но при этомъ есть и то правило, что даже движимыми имуществами, перешедшими по наслѣдству, нельзя распоряжаться, и что только благопріобрѣ-

тенными движимыми имуществами можно распоряжаться свободно). Никогда не было такого сильнаго стѣсненія свободы въ русскихъ законахъ, такихъ значительныхъ преградъ для этой свободы, какъ тамъ.

Уничтоженіе всѣхъ запрещеній полной свободы распоряжаться своимъ имуществомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ. Это есть начало личнаго права, полной свободы, начало господства лица надъ вещью, капитала надъ землею. Но я нахожу, что этого мало; это значитъ дать управленіе высшимъ классамъ, а тамъ, внизу, находится народъ съ его полнымъ невѣжествомъ. Очевидно, что та форма, въ которую сложилось понятіе о родовыхъ имуществахъ, объясняется тѣмъ, что законы составлялись служилыми сословіями, именно изъ дворянскихъ родовъ. Но учрежденія принимаются не по происхожденію, а по той идеѣ, которая служитъ имъ подкладкою. Въ настоящее время идея, которая выражена въ учрежденіи родовыхъ имуществъ, та, что лицо, имѣющее полный произволъ власти, однако же ограничено въ распоряженіи вещью; весьма важно здѣсь то, что поземельный собственникъ ограничивается своими обязанностями, какъ семьянинъ, — то, что пріобрѣлъ онъ самъ, тѣмъ онъ можетъ распоряжаться по произволу, то онъ можетъ продать и даже отказать по духовному завѣщанію; но то, что ему досталось по наслѣдству отъ предковъ, то въ извѣстной степени можетъ быть разсматриваемо, какъ общее достояніе его и его семейства, или какъ гарантія, обезпечивающая бытъ его семьи. Слѣдовательно, онъ все-таки можетъ распоряжаться этимъ имуществомъ, можетъ продать его, можетъ прожить, такъ какъ всякое состояніе подвержено риску. Если онъ продастъ его, то не теряется возможность на полученныя деньги содержать себя и семейство. Если же онъ не прожилъ своего имѣнія, не растратилъ его, то онъ не можетъ предпочесть чужеземца своимъ дѣтямъ, которыя ему ближе всего на свѣтѣ. Вотъ та идея, на которой, въ настоящее время, держится понятіе родоваго имущества. Идея эта вѣрна. Но нѣтъ возможности ограничиться одною областью родоваго имущества. Она въ

такой же степени относится къ имуществу благопріобрѣтенному и ко всему вообще состоянію, и къ капиталу, особенно въ наше время, когда капиталъ имѣетъ такое громадное преимущество надъ поземельной собственностью, когда всякое родовое имущество можетъ быть весьма легко переведено въ капиталъ. Вотъ почему я думаю, что въ нашемъ законодательствѣ этотъ интересъ семейства не достаточно огражденъ, что та идея, которая поддерживаетъ существованіе родоваго имущества, требуетъ удовлетворенія, которое можно будетъ найдти только при введеніи въ наше законодательство стариннаго постановленія, которое было извѣстно въ римскомъ правѣ, и которое вошло въ законодательства французское и нѣмецкое. Это постановленіе вполнѣ разумно. И вотъ почему, я полагаю, что встрѣчается серьезный вопросъ: можно-ли уничтожить главное коренное понятіе родоваго имущества и предоставить владѣльцу полное право распоряжаться своимъ родовымъ имуществомъ?—Относительно того, что понятіе родоваго имущества, какъ оно теперь существуетъ, не выдерживаетъ критики, это совершенно ясно. Но можно-ли считать рѣшеннымъ вопросъ о томъ, нужно-ли упразднить понятіе родоваго имущества и предоставить владѣльцу полную свободу распоряжаться, или слѣдуетъ выразить желаніе передѣлать наше наслѣдственное законодательство и ввести тѣ учрежденія и понятія, которыхъ ему недостаетъ? Вотъ вопросъ, который весьма желательно подвергнуть разсмотрѣнію съѣзда юристовъ. Если бы была разрѣшена полная свобода распоряжаться родовымъ имуществомъ по духовному завѣщанію, то этимъ уничтожился бы послѣдній знакъ, напоминающій о необходимости обезпеченія семьи.

А. М. Фальковскій. Мм. гг.! Вопросъ, поднятый уважаемымъ В. Д. Спасовичемъ, не новъ въ нашемъ законодательствѣ: это вопросъ, имѣющій цѣлую исторію; исторія его развитія ведетъ къ тому заключенію, къ которому пришелъ В. Д. Мы постоянно видимъ въ исторіи русскаго народа постепенное ослабленіе родоваго начала. Мы видимъ, что институтъ родоваго имущества въ древности былъ построенъ совершенно на иныхъ началахъ, что наше законо

дательство ограничило это учрежденіе до такой степени, что законъ о родовыхъ имуществахъ есть одна только мёртвая буква въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ. Мысль объ упраздненіи его неоднократно появлялась въ нашей литературѣ и была даже разработана весьма подробно. Вопросъ, поставленный почтеннымъ докладчикомъ, о томъ, можно-ли въ настоящее время уничтожить послѣднія остатки этого института — вопросъ первой важности. Что касается до меня, то я позволю себѣ высказаться въ томъ смыслѣ, что отмѣнить 1068 ст. въ настоящее время невозможно, пока мы не установимъ въ законѣ другихъ мѣръ къ огражденію правъ семейныхъ. Я имѣлъ честь доложить вчера, что составители нашего гражданскаго уложенія дѣйствительно вводили, между прочимъ, въ русское право ученіе объ обязательной наслѣдственной долѣ. До тѣхъ же поръ, пока это ученіе не привьется къ нашему законодательству, было бы преждевременно думать объ отмѣнѣ дѣйствующаго закона, изображеннаго въ ст. 1068.

Θ. Н. Плевако. Мм. гг.! Будущій читатель трудовъ нашего съѣзда, узнавъ, что здѣсь было сдѣлано предложеніе о признаніи неумѣстнымъ и несвоевременнымъ того положенія, которое установляется закономъ о родовыхъ имуществахъ, и о введеніи взамѣнъ его обязательности наслѣдства,—въ случаѣ еслибы мы приняли его,—можетъ задаться вопросомъ: не впалъ-ли съѣздъ въ непримиримое противорѣчіе самъ съ собой: то мы указываемъ на народные обычаи, ставимъ ихъ въ основаніе нашего законодательства, то мы предлагаемъ ввести западныя учрежденія о наслѣдствѣ. Я думаю, что такое недоразумѣніе можетъ быть только минутное. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы хотимъ изучать народные обычаи и сдѣлать ихъ источниками права, то это не значитъ, что и методъ, и технику права мы хотимъ взять у народа. Если народъ движется въ извѣстномъ направленіи посредствомъ извѣстной техники, то это не значитъ, что наука не должна дать что-нибудь лучшее для достиженія той цѣли, которая предположена. Здѣсь справедливо было замѣчено, что въ массѣ народа врядъ-ли живетъ сознаніе о законности завѣщанія. Я затрудняюсь привести

такой примѣръ, гдѣ бы крестьянское населеніе сочло возможнымъ, чтобы умирающій отецъ свою усадьбу, свой скотъ могъ завѣщать какому-нибудь чужеземцу и оставить своихъ дѣтей безо всего. Имущество это крестьянинъ считаетъ какъ бы необходимымъ дополненіемъ своей личности, чѣмъ-то неотдѣлимымъ, что не можетъ по произволу принадлежать другому. Если таковое воззрѣніе есть въ народѣ, то не будетъ не національно законодательство, которое усвоитъ такое воззрѣніе. Въ то же время чувствуется, что извѣстное, сохранившееся въ законѣ, правило до тѣхъ поръ, пока оно не приметъ болѣе совершенную форму, не достигнетъ той идеи, той цѣли, которая лежитъ въ основаніи его.

Смыслъ закона о родовыхъ имуществахъ—сохранить имущество за семьею, имущество принадлежитъ не одному лицу, а семьѣ, въ которой личность одного человѣка уничтожается до извѣстной степени. Если въ законѣ о родовыхъ имуществахъ лежитъ такая идея, то нельзя не признать, что идея эта не осуществима, что есть полнѣйшая возможность обойти это запрещеніе. Между тѣмъ, благодаря тому, что отстаивается учрежденіе недодѣланное, законъ позволяетъ домашнимъ завѣщаніемъ завѣщать цѣлые милліоны и запрещаетъ завѣщать клочекъ земли; затѣмъ, если родовое имѣніе завѣщано правильно, законъ останавливается на самыхъ несущественныхъ формальностяхъ: на томъ, самъ-ли завѣщатель лично, или черезъ кого-либо другаго отправилъ завѣщаніе въ опекунскій совѣтъ, и если не самъ, то завѣщаніе уничтожается. Такимъ образомъ, когда защищаютъ какое-нибудь неправильное, недодѣланное постановленіе, то прибѣгаютъ къ такимъ же недодѣланнымъ дополненіямъ. Постановленіе о родовыхъ имуществахъ должно быть уничтожено, взамѣнъ же его съѣздъ, не рискуя погрѣшить противъ интересовъ народнаго права, можетъ признать необходимымъ одновременное введеніе обязательной наслѣдственной доли. Но я не совсѣмъ согласенъ съ г. референтомъ въ томъ, что до времени слѣдуетъ сохранить законъ при признаніи его несовершенства. Г. референтъ сказалъ, что необходимо оставить что-нибудь. Я думаю, что сводъ законовъ не есть памятная книга, не есть Notabene, а если и

есть, то только такихъ явленій, которыя должны быть сохранены.

В. Н. Лешковъ. Въ сущности я не найду ничего, что могъ бы сказать противъ гг. сочленовъ, говорившихъ здѣсь въ пользу уничтоженія закона о родовыхъ имуществахъ, но я обращаю вниманіе съѣзда на тѣ положенія, которыя уже предложилъ мой почтенный сочленъ, заявивъ, что весьма прискорбно будетъ впечатлѣніе, произведенное на читателей будущаго нашего изданія, если рѣшенія наши будутъ носить характеръ противорѣчій; а несомнѣнно, будетъ явное противорѣчіе, когда мы выразимъ, съ одной стороны, „полное уваженіе къ обычаямъ народа“ по поводу изданія сборника, а съ другой стороны, уничтожимъ такой обычай, какъ поддержаніе закона о родовыхъ имуществахъ. Намъ говорятъ, что сознаніе русской жизни бьетъ волною подъ это окаменѣлое учрежденіе и рано или поздно унесетъ его. Быть можетъ: пускай волна идетъ и бьетъ устарѣлыя учрежденія, не станемъ подавать руки и поддерживать ихъ. Но, мм. гг., еще вопросъ, есть-ли это сознаніе—сознаніе самого народа? Было замѣчено, что врядъ-ли даже есть въ простомъ народѣ обычай дѣлать завѣщаніе, что, стало быть, все переходитъ путемъ наслѣдства по закону. Я полагалъ бы въ этомъ случаѣ предоставить народу свободу—пользоваться, или не пользоваться такимъ закономъ.

В. Д. Спасовичъ. Позвольте мнѣ замѣтить, что, сколько я понимаю, завѣщанія никто не дѣлаетъ насильно: составляетъ его только тотъ, кто хочетъ. Я говорю, что понятіе о родовомъ имуществѣ остается въ своей силѣ, но что должно уничтожить пять словъ въ ст. 1068, т.-е. предоставить право завѣщать кому угодно то имущество, которымъ владѣетъ завѣщатель.

А. М. Фальковскій. Мнѣ кажется, мм. гг., что послѣднее соображеніе невозможно: коль скоро законъ предоставитъ неограниченное право распоряжаться родовымъ имѣніемъ, *родовыхъ* имуществъ болѣе не существуетъ. По поводу замѣчанія В. Н. Лешкова я считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее: думаю, что всѣмъ юристамъ извѣстно, что завѣщательное право въ Россіи есть право весьма древнее, что

въ народѣ существуютъ только другія формы, предпочитается устная форма, которая также уважается и исполняется, какъ и письменная. Законъ требуетъ письменной формы и въ этомъ состоитъ отличіе его отъ обычая. Русскій народъ всегда признавалъ завѣщательное право и самое малое знакомство съ исторіею не позволяетъ въ этомъ сомнѣваться.

К. А. Рихтеръ. Мм. гг.! Гербертъ Спенсеръ въ извѣстномъ сочиненіи объ „изученіи соціологіи“ выражается весьма правильно, что законъ имѣетъ, во 1-хъ, прямыя слѣдствія, которыя всѣмъ болѣе или менѣе видны; во 2-хъ, массу косвенныхъ послѣдствій, о которыхъ никто не заботится. Съ теченіемъ времени эти косвенные результаты становятся такими могучими факторами, что приводятъ общественный строй совершенно къ иному виду, чѣмъ тотъ, котораго ожидали издавшіе законъ. Вамъ извѣстно, что глубокіе умы, хотя ошибочно глядѣвшіе на дѣло, умы, создавшіе такъ называемую меркантильную систему, были глубоко убѣждены, что они своею системою обезпечатъ благосостояніе народа. Но они видѣли только прямыя послѣдствія своей теоріи и уже затѣмъ опытъ показалъ, какъ она была ошибочна. Это потому, что сфера соціальная весьма плохо поддается изученію; нужно глубокое, основательное изученіе, нужно примѣненіе всѣхъ научныхъ методовъ, чтобы съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ только предъугадать явленія, могущія произойти отъ какого-нибудь имущественнаго закона. Если мы такъ взглянемъ на дѣло, то мы спросимъ прежде всего, какія же мы имѣемъ данныя для разрѣшенія возбужденнаго закона. Намъ предлагаютъ вопросъ, который затрогиваетъ имущественный бытъ, законъ такъ-сказать государственный, отъ отмѣны котораго могутъ произойти громадныя практическія послѣдствія, можетъ произойти измѣненіе всего соціальнаго строя народа. Спрашивается: употребили ли мы всѣ тѣ методы, которые указываетъ намъ наука, хотя и зачаточная, наука соціологія. Для разрѣшенія этого вопроса, думается мнѣ, нельзя найти точныхъ данныхъ, есть только отрывочныя свѣдѣнія. Мы только-что признали необходимымъ обратиться къ источнику права,

къ народнымъ обычаямъ, а намъ даютъ уже вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ только уже послѣ изученія источниковъ. Съ другой стороны, даны ли намъ какіе-нибудь опыты въ другихъ государствахъ, указаны ли намъ, какія послѣдствія бываютъ отъ отмѣны закона, подобнаго настоящему? Нѣтъ, не указаны. Предоставлены ли намъ соображенія на основаніи такихъ наукъ, которыя болѣе или менѣе входятъ въ область соціологіи? Нѣтъ, намъ только указано, что жизнь уже уноситъ этотъ послѣдній элементъ, напоминающій намъ старое; съ другой стороны, намъ говорятъ весьма основательно, что законъ этотъ обходится, порождаетъ процессы и т. д., и т. д. Но данныхъ положительныхъ, на основаніи которыхъ мы, положа руку на сердце, могли бы сказать, что желаемъ отмѣны или измѣненія закона въ томъ или другомъ направленіи, — такихъ данныхъ, повторяю, мы не имѣемъ. Поэтому въ настоящемъ случаѣ мы можемъ ограничиться только однимъ пожеланіемъ, чтобъ этотъ весьма важный вопросъ сдѣлался предметомъ тщательнаго обсужденія на основаніи данныхъ, которыя имѣютъ быть добыты. Богъ дастъ, если состоится другой съѣздъ юристовъ, мы придемъ съ большимъ запасомъ свѣдѣній и тогда будемъ говорить объ этомъ вопросѣ.

В. Д. Спасовичъ. Я не вижу тѣхъ громадныхъ практическихъ послѣдствій, которыхъ такъ опасаются. Практическія послѣдствія отъ уничтоженія закона о родовыхъ имуществахъ будутъ заключаться въ томъ, что нѣсколькими сотнями тяжбъ будетъ менѣе въ судахъ и менѣе будетъ расходоваться бумаги на векселя, заемныя письма и т. п. Другихъ послѣдствій я не вижу, потому что ни по качеству, ни по значенію родовыя имѣнія не играютъ теперь той роли, которую они могли играть когда-нибудь. Что касается до противорѣчія съ высказаннымъ съѣздомъ желаніемъ изучать народные обычаи, я его не вижу: предполагается изучать обычаи крестьянъ, а понятіе о родовомъ имуществѣ не примѣнимо къ крестьянамъ, слѣдовательно, если бы сто томовъ было уже собрано, то они не дали бы намъ ровно ничего. Что касается до сопоставленія этого вопроса съ исторіею, то, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не было учреж-

денія, подобнаго нашимъ родовымъ имуществамъ, такъ что нельзя было искать примѣровъ. Затѣмъ является вопросъ, какъ собирать данныя? Г. Рихтеръ самъ сказалъ, что данныхъ быть не можетъ: умретъ кто-нибудь, сейчасъ же имущество дѣлается родовымъ изъ пріобрѣтеннаго, такъ что статистически нельзя опредѣлить, какое въ данную минуту имѣніе родовое, какое нѣтъ. Слѣдовательно, я не вижу надобности въ разработкѣ, собираніи данныхъ, я считаю, что это вопросъ достаточно зрѣлый для обсужденія его въ настоящее время.

К. А. Рихтеръ. Мнѣ кажется, что меня не совсѣмъ поняли. Я не утверждаю, чтобы не было данныхъ для разрѣшенія подобнаго вопроса, я говорю только, что нашъ почтенный референтъ не представилъ этихъ данныхъ. Далѣе: я не думаю, чтобы единственнымъ послѣдствіемъ отмѣны закона было уменьшеніе нѣсколькихъ сотенъ тяжбъ; напротивъ, я вижу два послѣдствія: одно—это уничтоженіе выкуповъ, другое—стѣсненіе личной свободы. Тутъ рѣчь идетъ не о нѣсколькихъ стахъ тяжбъ. Я приведу примѣръ, какъ иногда люди скорымъ рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ впадаютъ въ ошибку: тѣ, которые знакомы съ уголовною статистикою, вѣроятно, знаютъ тотъ фактъ, что большинство преступленій падаетъ на долю людей неженатыхъ, или незамужнихъ; отсюда пришли къ убѣжденію, что брачная жизнь есть лучшее средство для отвращенія отъ преступленій и, стало быть, надо издать законъ, въ силу котораго возможно болѣе поощрялся бы бракъ. Между тѣмъ при ближайшемъ изслѣдованіи вопроса оказалось совершенно другое; оказалось, что болѣе коренныя причины, извѣстнаго рода болѣзни, въ особенности нервныхъ центровъ, съ одной стороны, приводятъ къ преступленіямъ, съ другой не располагаютъ къ брачной жизни. Такимъ образомъ, небрачная жизнь оказалась результатомъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ вліяютъ и на большинство преступленій. Вотъ въ виду этого, я не высказываю своего убѣжденія, а указываю на человѣка, извѣстнаго своимъ авторитетомъ, на Герберта Спенсера, который именно возстаетъ противъ такого поспѣшнаго разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ.

А. В. Лохвицкій. Я совершенно согласенъ съ заключеніемъ, сдѣланнымъ г. Спасовичемъ. Я говорю „съ заключеніемъ“, потому что оно не совсѣмъ гармонировало съ самою темою, такъ какъ тема гласила о предоставленіи полной свободы распоряжаться родовымъ имуществомъ и вообще аргументація почтеннаго докладчика, говоря его собственными словами, напоминала мнѣ морскую волну. То эта волна устремлялась на родовыя имущества, затѣмъ дѣлала отливъ, то она накидывалась на ту силу, которая ихъ пустила и въ результатѣ себя опровергла; въ возраженіи г. Рихтеру волна эта опять кинулась на родовыя имущества. Я надѣюсь, что послѣ моихъ словъ она опять кинется въ противную сторону. Я полагаю, что намъ надо остановиться нѣсколько болѣе на понятіи обезпеченія семейства, которое вошло давно въ другія законодательства, главнымъ образомъ въ Code Napoléon, который удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ нравственности. Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ эгоизма, государство не можетъ смотрѣть равнодушно на человѣка зажиточнаго, который, пріучивши дѣтей къ извѣстнаго рода жизни, однимъ почеркомъ пера лишаетъ ихъ средствъ существованія, не давши имъ возможности докончить образованіе, дѣлаетъ ихъ или нищими или, еще хуже, людьми вредными для общества. Поэтому въ смыслѣ предупрежденія преступленій, государство вправѣ внести законъ объ обезпеченіи семейства. Это не есть пустой законъ, не есть только напоминаніе, а напротивъ законъ, имѣющій практическое, хотя далеко неполное приложеніе, это подкопъ подъ эгоизмъ, именно воспрещеніе свободно распоряжаться родовымъ имуществомъ по завѣщанію приближается къ разумному идеалу обезпеченія семейства. У насъ законъ этотъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что женщины обыкновенно получаютъ $^1/_{14}$ часть, т.-е. братъ получаетъ въ 13 разъ болѣе, а потому можно бы было дозволить, чтобы владѣлецъ родоваго имущества доли дочерей доводилъ до равенства съ долями сыновей. Вотъ то измѣненіе, которое, по моему мнѣнію, можно бы было предложить въ отношеніи закона о родовыхъ имуществахъ.

М. П. Соловьевъ. Законъ о родовыхъ имуществахъ защищается въ настоящее время подъ тѣмъ предлогомъ, что

онъ сдерживаетъ произволъ и эгоизмъ личности и охраняетъ такимъ образомъ интересъ семейный. Я полагаю, что всякая постановка понятій, которыя по существу своему чужды тому предмету, который разбирается, едва ли можетъ быть признана цѣлесообразною. Что такое родовое имущество? Оно явилось опять-таки вслѣдствіе тѣхъ же дружинныхъ помѣстныхъ отношеній; оно явилось для того, чтобы дать людямъ средства нести государственную службу. Это было, собственно говоря, требованіе государственнаго интереса; въ настоящее время государственная служба не носитъ такого характера, и эти ограниченія въ интересахъ службы не существуютъ и не могутъ служить препятствіемъ къ измѣненію этого института. Тѣмъ не менѣе все таки семейство нуждается въ огражденіи своихъ имущественныхъ интересовъ и въ обезпеченіи своей свободы отъ произвола владѣльца. Но, мм. гг., это весьма легко достигается установленіемъ единообразія наслѣдства по закону равенствомъ частей мужскаго пола и женскаго, установленіемъ извѣстной свободы завѣщанія и ограниченіемъ въ извѣстной части.

А. В. Лохвицкій. Предшествовавшій ораторъ для подкрѣпленія своего мнѣнія сослался на исторію; онъ сказалъ, что родовыя имѣнія выросли изъ древняго порядка службы, когда дворяне получали помѣстья, какъ жалованье. Это аргументъ совершенно ошибочный; я категорически заявляю, что родовыя имущества совершенно другаго происхожденія: за свою службу дворяне получали помѣстья, которыя никогда не были родовыми, а дѣти верстались вновь, земля была царская и на ней могли поселиться другіе, но по обычаю она версталась между дѣтьми. Право родоваго наслѣдства идетъ отъ вотчинъ, прототипомъ которыхъ были княжескія вотчины.

Я считалъ нужнымъ сказать это потому, что въ нашемъ собраніи народные обычаи пользуются особенною симпатіею, и аргументъ, почерпнутый изъ родовыхъ обычаевъ могъ показаться довольно сильнымъ, между тѣмъ онъ совершенно не вѣренъ исторически.

Ѳ. Ф. Валашевичъ. Сохраненіе закона о родовыхъ иму-

ществахъ имѣетъ два неудобства: если отецъ захочетъ распредѣлить равномѣрно состояніе между своими дѣтьми, не дѣлая разницы между наслѣдниками женскаго и мужскаго пола, то онъ долженъ будетъ обойти законъ, на что не всегда рѣшаются такія лица, руководствуясь большею частью нравственными началами. Съ другой стороны, отецъ или мать, не имѣя даже законныхъ наслѣдниковъ, не могутъ завѣщать свое имущество дѣтямъ незаконно-рожденнымъ. Такимъ образомъ, родовое право, не оберегая ничего, лишаетъ именно того нравственнаго движенія впередъ, которое возможно при отмѣнѣ его.

Д. П. Суходольскій. Соглашаясь съ мнѣніями тѣхъ ораторовъ, которые высказывались за необходимость семейнаго обезпеченія, я полагаю, что обезпеченіе это должно выразиться именно въ сохраненіи закона о родовыхъ имуществахъ, такъ какъ установленіе наслѣдственной доли нѣсколько уменьшаетъ это обезпеченіе. Что касается до обхода закона, то обходъ этотъ возможенъ и при установленіи наслѣдственной доли, и потому я просилъ бы признать, что обезпеченіе семьи есть дѣло необходимости, но что вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствующій въ настоящее время порядокъ несовершененъ и желательно установить другой, который бы дѣлалъ обезпеченіе это болѣе прочнымъ и вѣрнымъ.

А. В. Соколовъ. Я обращу вниманіе на одну сторону вопроса, которая не была затронута. Извѣстный спеціалистъ по гражданскому праву г. Побѣдоносцевъ пришелъ къ тому убѣжденію, что родовое имущество существуетъ не только въ силу одного обезпеченія семейства, но имѣетъ за собою и привычку народа. Для того, чтобы дѣйствительно гарантировать автономію собственника, чтобы избавить его отъ необходимости прибѣгать къ обходамъ закона, нужно ввести еще другое учрежденіе, а именно, возвратиться къ древнему римскому праву; тамъ при существованіи законной доли былъ введенъ институтъ весьма существенный, экскередація, т.-е. лишеніе наслѣдства на законномъ основаніи. Вотъ институтъ, который у насъ не существуетъ и который во многихъ отношеніяхъ былъ бы

желателенъ, по примѣру того, какъ у насъ есть законъ объ уничтоженіи дарственныхъ записей. Всѣ неудобства, существующія въ настоящее время, могутъ быть обойдены во 1-хъ расширеніемъ права завѣщателя распоряжаться имуществомъ въ пользу ближнихъ ему лицъ; во 2-хъ установленіемъ законной доли наслѣдства въ родовыхъ имуществахъ и въ 3-хъ установленіемъ права экгередаціи на законныхъ основаніяхъ.

В. Д. Спасовичъ. Я вполнѣ сочувствую только что высказанной идеѣ; я только старался съузить задачу, теперь она расширяется и вмѣсто предложенія одной обязательной доли является еще нѣсколько предложеній. Я нисколько не противъ того, чтобы было высказано желаніе принятія мѣръ къ болѣе существенному огражденію семьи, чѣмъ то, которое представляется закономъ.

А. М. Фальковскій. Намъ предлагаютъ еще новый суррогатъ, установленіе въ русскомъ правѣ экгередаціи. Да развѣ этотъ суррогатъ поведетъ къ обезпеченію семейныхъ правъ, развѣ это не будетъ расширеніемъ произвола собственника? По моему мнѣнію, было бы совершенно цѣлесообразно и согласно съ внутреннимъ смысломъ гражданскаго права сохранить классификацію на имѣнія родовыя и благопріобрѣтенныя, но тѣмъ не менѣе введеніе въ русское право обязательной доли было бы самымъ лучшимъ, равномѣрнымъ, справедливымъ огражденіемъ семейнаго права.

Предсѣдатель. Мнѣ кажется, вопросъ достаточно разъясненъ.

В. Д. Спасовичъ. Я полагаю формулировать вопросъ такимъ образомъ, что съѣздъ высказывается въ пользу отмѣны запрещенія распоряжаться по завѣщанію родоваго имущества; но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы были приняты мѣры болѣе дѣйствительныя для огражденія интересовъ семьи, которые не ограждены настоящимъ закономъ о родовыхъ имуществахъ.

Съѣздъ высказался большинствомъ голосовъ въ пользу послѣдняго предложенія.

III.

В. Д. Спасовичъ *). Мм. гг. Распоряженія имуществомъ посредствомъ договоровъ на случай смерти абсолютно не допускаются нашимъ законодательствомъ и нашей практикой. Это отрицательное отношеніе нашего законодательства отчасти можетъ вызываться слѣдующими причинами: оно есть суррогатъ того недостаточнаго огражденія правъ семейства, о которомъ я уже имѣлъ честь говорить, т. е. родовыми имуществами нельзя распоряжаться ни посредствомъ даренія, ни посредствомъ завѣщанія. Если можно завѣщать благопріобрѣтенныя имущества, то нельзя распоряжаться родовыми имуществами на случай смерти.

Семья при этомъ болѣе обезпечена, потому что дарить при жизни съ тѣмъ, чтобы при жизни же имущество переходило въ собственность другаго лица, не всякій рѣшится. Если же предложеніе мое будетъ осуществлено, если будутъ ограждены законодательствомъ интересы семьи другимъ болѣе существеннымъ способомъ, то я полагаю, что не будетъ никакого основанія стѣснять волю человѣка въ его распоряженіи имуществомъ на случай смерти. Мнѣ кажется, что это распоряженіе можетъ быть на столько же хорошо и правильно, какъ и дареніе при жизни. Но наша практика и законодательство отрицаетъ это; это элементъ чуждый Великорусскому законодательству, которое такъ далеко простирается въ этомъ отношеніи, что не допускаетъ ни малѣйшаго распоряженія имуществомъ. По римскому праву, если я умираю, то не могу оставить себѣ ничего даже на похороны иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы другое лицо сказало, что я ему подарилъ это, не могу заключить условія объ арендѣ дома, дачи, уничтожить договоръ на случай смерти; я долженъ отказать другому

*) Третьимъ вопросомъ, подлежавшимъ обсужденію съѣзда въ засѣданіи 7 іюня, былъ вопросъ „о введеніи въ наше законодательство распоряженій имуществомъ посредствомъ договоровъ на случай смерти». Этотъ вопросъ получилъ точно также лишь устную мотивировку.

лицу по духовному завѣщанію и поручить ему исполнить мои распоряженія. Отъ неизвѣстности, которой подвергаются духовныя завѣщанія, выходитъ много затрудненій: срокъ можетъ быть пропущенъ, и наконецъ можетъ быть отказано въ полученіи наслѣдства. Вотъ всѣ стѣсненія при полученіи наслѣдства. Какая же причина этому? Причина есть и притомъ причина логическая. Во французскомъ законодательствѣ нѣтъ договора на случай смерти; но противъ этого все нѣмецкое законодательство, въ которомъ въ большинствѣ случаевъ признается наслѣдство по договору; но намъ нѣтъ надобности обращаться ни къ римскому, ни къ нѣмецкому, ни къ шведскому, ни къ датскому законодательствомъ; у насъ есть статутъ Литовскій. Тамъ (см. 522 ст. I части т. X) установленъ договоръ на случай смерти. Я думаю, что это постановленіе вполнѣ правильное, оно есть чисто русское; оно заносится въ нашъ сводъ вмѣстѣ съ цѣлой серіей постановленій, какъ, напр., эксгередація. Только не слѣдуетъ такъ рѣзко ставить вопросъ какъ онъ стоитъ въ нашемъ законодательствѣ: либо принять, либо совсѣмъ отказать, либо то, либо другое, либо по завѣщанію, либо по закону; а нужна градація, которой нѣтъ въ русскомъ законодательствѣ. Вотъ почему я полагалъ бы нужнымъ, нисколько не подрывая запрещенія, существующаго пока для родовыхъ имуществъ, относительно благопріобрѣтеннаго желать болѣе свободы въ распоряженіи имъ на случай смерти.

А. М. Фальковскій. Кромѣ указаннаго источника, гдѣ мы можемъ ознакомиться съ договорами на случай смерти, я позволю обратить ваше вниманіе на гражданскіе законы Остзейскаго края. Тамъ этотъ институтъ развитъ чрезвычайно опредѣленно, во всѣхъ подробностяхъ и главнымъ основаніемъ его служитъ то, что можно вступать въ договоры о наслѣдствѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы общественный порядокъ о наслѣдствѣ этимъ договоромъ не нарушался, т.-е. чтобы договоры эти не нарушали дѣйствующаго закона и не были противны нравственности. Такимъ образомъ мы этотъ институтъ можемъ найти готовымъ, окончательно разработаннымъ и гораздо подробнѣе, чѣмъ въ

Литовскомъ статутѣ. Состояніе нашего русскаго права мѣшало ему возвыситься до того общаго принципа, что предметомъ договора могутъ быть и будущія права, т. е. такія, которыхъ мы еще не имѣемъ, но ожидаемъ. Вотъ основанія договора о наслѣдствѣ и я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію уважаемаго референта.

В. Д. Спасовичъ. Я долженъ сказать, что я не иду такъ далеко; мое предложеніе заключалось въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

А. В. Лохвицкій. Я совершенно согласенъ съ предложеніемъ; упущено было только одно: заключеніе договора для людей холостыхъ, бездѣтныхъ.

Такого рода договоры употребляются очень часто во Франціи, а именно лица, которымъ некому завѣщать, которыя, пріобрѣтя капиталъ, могутъ ошибиться въ днѣ смерти и остаться ни съ чѣмъ или должны жить скудно, чтобы имѣніе не досталось дальнимъ родственникамъ, отъ которыхъ они не видѣли ни ласки, ни привѣта, лица эти передаютъ свой домъ, или участокъ земли за извѣстную сумму или пожизненное право пользованія. У насъ мы видимъ нѣчто подобное въ договорахъ, на случай смерти, съ монастырями.

Предложеніе г. Спасовича принято.

IV.

В. Г. Демченко прочелъ нижеслѣдующій рефератъ (№ 10 программы):

„*Не представляется достаточнаго теоретическаго основанія возводить универсальное и партикулярное преемство къ разнымъ эпохамъ развитія и различнымъ степенямъ сознанія наслѣдства*“, напротивъ — *универсальность и партикулярность наслѣдованія* должно разсматривать *какъ слѣдствія различной наслѣдственной принадлежности имуществъ, а не различнаго пониманія существа наслѣдства разными народами и въ разныя времена.*

Мм. гг.

Позвольте мнѣ остановить ваше благосклонное вниманіе на одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ наслѣдственнаго

права — на вопросѣ о такъ называемомъ *универсальномъ и сингулярномъ наслѣдованіи*, другими словами: *о различіяхъ наслѣдованія по его объему.*

I. Мнѣ кажется, что вопросъ этотъ не пользуется, особенно у насъ, тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ по своей теоретической и практической важности. При опредѣленіи понятія наслѣдства на нашъ вопросъ просто не обращается вниманія. Наслѣдство опредѣляется только, какъ переходъ имуществъ лица, по случаю его смерти, къ другимъ лицамъ. Какъ будто для понятія наслѣдства все равно, къ какимъ бы лицамъ и въ какомъ бы объемѣ ни совершался этотъ переходъ! А между тѣмъ всѣмъ извѣстно, и защитникамъ и противникамъ наслѣдства, что это есть переходъ оставшихся имуществъ именно къ извѣстнымъ только лицамъ и въ извѣстномъ объемѣ;—всѣмъ извѣстно, что опредѣленіе этихъ лицъ и опредѣленіе этого объема составляютъ, можно сказать, все содержаніе наслѣдственнаго права; наконецъ, всѣ согласятся, что какъ безъ той, такъ и безъ другой изъ этихъ принадлежностей наслѣдство превратилось бы въ переходъ, раздающій оставшіяся имущества, кому угодно и какъ угодно, т.-е. въ переходъ, съ которымъ могли бы примириться и самые рѣшительные противники наслѣдства. Я думаю поэтому, что уже въ самомъ опредѣленіи наслѣдства должно заключаться указаніе, какъ на лица, къ которымъ совершается этотъ переходъ, такъ и на объемъ его.

Впрочемъ, если въ опредѣленіи наслѣдства обыкновенно и не указывается ни на то, ни на другое, то, при дальнѣйшемъ изложеніи и развитіи предмета, дѣло не обходится безъ опредѣленія не только лицъ, но и объема наслѣдованія. Иначе не могло бы быть рѣчи и о самомъ наслѣдствѣ. Какъ же именно опредѣляется объемъ наслѣдованія? Чаще всего опредѣленіе его дѣлается учеными относительно того или другаго положительнаго законодательства, хотя имѣются попытки и *общаго* опредѣленія его.

Такимъ образомъ, по *Римскому праву*, наслѣдственный переходъ характеризуется *со стороны его объема*, какъ переходъ *необходимо универсальный*, т.-е. обнимающій *всѣ* остав-

шіяся имущества (activa и passiva) непремѣнно *вмѣстѣ*, какъ одно цѣлое, и обращающій ихъ *въ томъ же объемѣ* къ каждому изъ наслѣдниковъ, сколько бы ихъ ни было. Конечно, Римское право допускаетъ и противуположный этому переходъ имуществъ на случай смерти, такъ называемый—переходъ *сингулярный*, ограниченный тѣми или другими имуществами въ *отдѣльности;* но этотъ послѣдній переходъ нисколько не исключаетъ перехода универсальнаго, а напротивъ, непремѣнно предполагаетъ его и является только какъ его *возможный* спутникъ.— Откуда же, спрашивается, универсальность, и при томъ *необходимая*, Римскаго наслѣдованія? Объясненіе этому находятъ въ *особомъ предметѣ* наслѣдованія по понятію Римскаго права. Правда, предметъ этотъ составляютъ, какъ и вездѣ, оставшіяся имущества. Но оставшіяся имущества можно разсматривать съ двухъ сторонъ: 1) просто какъ рядъ имущественныхъ предметовъ, самихъ по себѣ, безъ отношенія ихъ къ оставившему владѣльцу и безъ связи ихъ между собою черезъ него, и 2) какъ совокупность имуществъ, связанныхъ въ одно имущество своею принадлежностью лицу владѣльца, своею зависимостью отъ его воли. Наслѣдованіе по Римскому понятію беретъ оставшіяся имущества не въ первомъ смыслѣ, но имѣетъ своею задачею обнять ихъ именно въ ихъ *связи, единствѣ, цѣлости.* И такъ какъ это единство, цѣлость существуетъ чрезъ лицо владѣльца, чрезъ его юридическую власть надъ всѣми имуществами, то поэтому универсальность Римскаго наслѣдованія обыкновенно и сводится къ единству личности наслѣдодателя. При чемъ одни видятъ въ такомъ наслѣдованіи перенесеніе на наслѣдника самой этой личности—вообще, или только личности имущественной, или же, наконецъ, одной лишь воли его; другіе же, указывая на ненужность и даже немыслимость подобнаго переселенія личности и воли, довольствуются простой замѣной лица прежняго владѣльца новымъ,—замѣной, *влекущей за собой* и переходъ къ послѣднему всѣхъ оставшихся имуществъ въ одной совокупности.

Въ этомъ объясненіи универсальности наслѣдованія по Римскому праву нельзя не признать той заслуги, что она

ставитъ универсальность въ связь съ *единствомъ* оставшихся имуществъ. Но какъ единство это усматривается здѣсь просто въ единствѣ лица наслѣдодателя, лицо же это всегда и вездѣ представляется единымъ, то понятно, что единство лица само по себѣ ничего не доказываетъ въ пользу универсальности. Потому то къ этому основанію универсальности присоединяется еще другое, именно—*постулятъ*, *требованіе универсальности*, будто бы заключающееся въ самомъ понятіи, въ самой идеѣ наслѣдованія по Римскому праву. Въ результатѣ, значитъ, все это объясненіе сводится къ постуляту, къ требованію универсальности. Самый этотъ постулятъ признается не какою-либо метафизическою необходимостью, но требованіемъ чисто положительнымъ и при томъ — свойственнымъ одному Римскому праву и вызваннымъ чисто практическими соображеніями, именно долгами. Съ этой точки зрѣнія на универсальность наслѣдованія совершенно естественъ приговоръ о ней, какъ о вещи непримѣнимой къ современному праву. Только немногіе находятъ, что универсальность наслѣдованія представляетъ высшую идею, высшую степень сознанія о наслѣдствѣ, почему этой идеѣ въ концѣ концовъ должно принадлежать господство. И дѣйствительно, вопреки только, что указанному отрицательному приговору, универсальное наслѣдованіе далеко не отвергается какъ *современными законодательствами*, такъ даже и наукой, вооружившейся противъ римскаго универсальнаго наслѣдованія. Такое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что въ новомъ наслѣдованіи предполагаютъ найти универсальность *иного рода*, нежели Римская. Предположеніе, основывающееся, какъ увидимъ, на одномъ недоразумѣніи!

Въ противуположность Римскому праву, въ *правѣ Германскомъ* наслѣдованіе, по его объему, характеризуется какъ переходъ *сингулярный*, переходъ оставшихся имуществъ не всѣхъ вмѣстѣ, не въ цѣлости, но *раздѣльно, по частямъ*. На вопросъ, откуда же здѣсь такой характеръ наслѣдованія, довольствуются однимъ отрицательнымъ объясненіемъ, именно—что тутъ не выработалось такого понятія, такой идеи о наслѣдованіи, какъ у Римлянъ. Только у нѣкоторыхъ

авторовъ къ этому объясненію прибавляется еще замѣчаніе, что по различію разныхъ родовъ имуществъ тутъ не представлялось и условій къ сліянію ихъ въ одну цѣлость, къ развитію идеи объ универсальности. И въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи нѣкоторыхъ авторовъ содержится, какъ мнѣ кажется, указаніе на дѣйствительную причину сингулярности наслѣдованія у новыхъ народовъ; но вліяніе этой причины на наслѣдованіе не раскрыто, а только намѣчено.

Наконецъ, что касается объема наслѣдованія по *новѣйшимъ законодательствамъ*, то наслѣдованіе характеризуется по нимъ какъ переходъ, который *можетъ быть и универсальнымъ, и чисто сингулярнымъ*. Такимъ образомъ универсальное наслѣдованіе *признается и здѣсь*, но признается, какъ предполагаютъ, въ смыслѣ отличномъ отъ римской универсальности, и именно — отличномъ въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, новое универсальное наслѣдованіе считается *не необходимымъ*, какъ римское, но, такъ сказать, *факультативнымъ*, могущимъ быть и не быть, могущимъ совершенно свободно уступить свое мѣсто *противуположному*, *сингулярному* наслѣдованію; а съ другой стороны принимаютъ, что это универсальное наслѣдованіе, не переставая быть универсальнымъ, можетъ обнимать не только всю совокупность оставшихся имуществъ, но и ограничиваться только *долями* этой совокупности (не иначе, впрочемъ, какъ *долями дробными:* это conditio sine qua non).—Появленіе такой новой универсальности объясняется, съ одной стороны, вліяніемъ Римскаго права на новыя законодательства, а съ другой стороны, отпаденіемъ обязательной универсальности Римскаго завѣщанія и допущеніемъ, вмѣсто того, завѣщательнаго распоряженія наслѣдствомъ не только въ цѣлости, но и по частямъ. Но если дѣйствительно таковъ характеръ наслѣдованія по новымъ законодательствамъ, если оно дѣйствительно можетъ быть и такимъ, и другимъ — *факультативно*, то, понятно, что о внутреннемъ объясненіи этого новаго рода наслѣдованія не можетъ быть и рѣчи.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, положеніе въ нашей наукѣ вопроса объ объемѣ наслѣдованія,—о томъ, какимъ именно образомъ наслѣдованіе обнимаетъ оставшіяся иму-

щества и почему?—Мнѣ кажется, что ни предложенныя рѣшенія по этому вопросу, ни оправданія ихъ не могутъ быть признаны удовлетворительными. Мнѣ кажется также, что причина неуспѣха здѣсь кроется въ томъ, что вопросъ этотъ разрѣшался самъ по себѣ, *безъ связи съ общимъ вопросомъ объ основаніи наслѣдованія*,—тогда какъ совершенно естественно, что та же причина, которая вызываетъ наслѣдованіе къ бытію, опредѣляетъ какъ направленіе его къ извѣстнымъ лицамъ, такъ и самый объемъ его. Между тѣмъ мы видимъ, что основаніе самого наслѣдованія выводится изъ одного источника, направленіе его къ извѣстнымъ лицамъ—изъ другаго, а объемъ его—изъ третьяго источника.

II. Познакомившись съ общимъ положеніемъ нашего вопроса въ наукѣ, обратимся къ разрѣшенію его въ связи съ общимъ основаніемъ наслѣдства.

Относительно основанія наслѣдства извѣстно, что въ наше время предпочитается выводить наслѣдство не изъ права собственности, какъ это дѣлалось прежде—вслѣдъ за Гуго-Гроціемъ, и не изъ отношеній семейныхъ, по примѣру Гегеля и Шталя, а изъ того и другаго принципа вмѣстѣ. Именно—изъ права собственности выводится завѣщательное наслѣдство, а изъ семейныхъ отношеній законное наслѣдство. Такая двойственность основанія, очевидно, не можетъ быть признана удовлетворительною, потому что она, вмѣсто объединенія, раздвояетъ институтъ наслѣдства. Впрочемъ двойственность эта легко сводится къ одному основанію—просто къ собственности, или точнѣе—къ *частному усвоенію*, *частной принадлежности* имуществъ, такъ какъ семейныя отношенія оказываютъ вліяніе на наслѣдство не прямо, а только давая тотъ или другой видъ собственности.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что *прямое* основаніе наслѣдства, въ обоихъ его видахъ, т.-е. по закону и по волѣ, одно и заключается *въ силѣ частнаго усвоенія*, *частной принадлежности* имуществъ, и притомъ—въ той высшей степени этой принадлежности, на которой она не ограничивается предѣлами жизни настоящихъ владѣльцевъ, но продолжается и дѣйствуетъ и за этими предѣлами, другими словами—на которой она является *принадлежностію наслѣдственною*, *при-*

надлежностію вѣчною и потомственною—по выраженію нашего закона. Такое *наслѣдственное усвоеніе* имуществъ, какъ извѣстно, развивается въ исторіи только мало по малу. Въ однихъ имуществахъ оно появляется ранѣе, въ другихъ позднѣе, въ однихъ въ меньшемъ объемѣ, въ другихъ въ бо́льшемъ, и переходитъ постепенно отъ начальной ограниченности къ большой полнотѣ и свободѣ, отъ начальнаго разнообразія по различію лицъ и имуществъ къ большему однообразію.

Это-то наслѣдственное усвоеніе, эта-то наслѣдственная принадлежность имуществъ, въ разныхъ ея видахъ на разныхъ степеняхъ развитія, и составляетъ основаніе наслѣдства.

Она не допускаетъ ликвидаціи и прекращенія имущественныхъ отношеній лица съ его смертію, но требуетъ *сохраненія ихъ*, и притомъ—сохраненія *въ самой ихъ принадлежности*, посредствомъ особаго перехода къ другимъ лицамъ, каковымъ именно и служитъ наслѣдство.

Она опредѣляетъ направленіе этого перехода къ тѣмъ только лицамъ, на которыхъ она сама распространяется—по закону или по волѣ (наслѣдованіе по закону и по волѣ).

Она опредѣляетъ предметъ этого перехода, заключающійся *въ тѣхъ только имуществахъ*, какія составляютъ *принадлежность наслѣдственную*, и притомъ—*во всѣхъ этихъ имуществахъ*, каковы бы они ни были, активныя или пассивныя, все равно, лишь бы только они принадлежали наслѣдственно.

Она, наконецъ, *опредѣляетъ и объемъ*, въ какомъ совершается переходъ этихъ имуществъ къ указаннымъ лицамъ.

Посмотримъ же, какой именно объемъ получается наслѣдованіемъ въ силу этого основанія, *въ силу данной наслѣдственной принадлежности* оставшихся имуществъ?

Оставшіяся имущества могутъ въ данномъ случаѣ составлять: или *одинаковую* наслѣдственную принадлежность владѣльца во всѣхъ своихъ частяхъ, или же *различную* наслѣдственную принадлежность въ разныхъ своихъ частяхъ.

Въ первомъ случаѣ наслѣдственная принадлежность соединяетъ всѣ оставшіяся имущества *въ однородную наслѣд-*

ственную массу и влечетъ ее съ необходимостью всю въ цѣлости къ однимъ и тѣмъ же наслѣдникамъ.

Во второмъ случаѣ она соединяетъ эти имущества въ большее или меньшее число *отдѣльныхъ частей*, отличающихся различною наслѣдственною принадлежностію, и съ такою же необходимостью обращаетъ ихъ порознь къ разнымъ наслѣдникамъ. Отсюда, въ 1-мъ случаѣ получается наслѣдственный переходъ *общій*, *всѣхъ оставшихся имуществъ вмѣстѣ*, *универсальный*, а во 2-мъ случаѣ получается наслѣдственный переходъ, хотя тоже всѣхъ оставшихся имуществъ, но *по частямъ*, *разрозненно*,—переходъ *частный*, *партикулярный*, *раздробленный на нѣсколько отдѣльныхъ переходовъ* (такъ называемый—*сингулярный*) *).

Каждый изъ этихъ видовъ наслѣдственнаго перехода разсмотримъ отдѣльно.

III. *Наслѣдство, какъ преемство общее, универсальное.*

Наслѣдство, *какъ преемство общее, универсальное*, имѣетъ мѣсто тогда, когда *всѣ* оставшіяся имущества составляютъ *одинаковую* наслѣдственную принадлежность владѣльца, которая связываетъ ихъ въ одно цѣлое и *требуетъ обращенія ихъ всѣхъ вмѣстѣ къ однимъ и тѣмъ же наслѣдникамъ*. Это потому, что при одинаковой наслѣдственной принадлежности всѣхъ оставшихся имуществъ, къ кому обращается силою этой принадлежности то или другое изъ оставшихся имуществъ, къ тому же обращаются силою *той же* принадлежности и всѣ остальныя; кто пріобрѣтаетъ на этомъ основаніи то или другое изъ нихъ, тотъ пріобрѣтаетъ по тому же основанію и всѣ остальныя.

Такимъ образомъ здѣсь, какъ призваніе кого-либо къ наслѣдованію, такъ и пріобрѣтеніе имъ наслѣдства *необходимо* обнимаетъ *все оставшееся имущество вмѣстѣ*, *все наслѣдство въ цѣлости*. Этотъ объемъ универсальнаго наслѣдованія оче-

---

*) Мы предпочитаемъ называть этотъ видъ наслѣдованія *партикулярнымъ*—въ отличіе отъ такъ называемаго *сингулярнаго* наслѣдованія, въ которомъ привыкли безразлично сливать этотъ *собственно наслѣдственный* переходъ, *исчерпывающій* все наслѣдство, хотя и по частямъ, съ противуположнымъ ему, именно—*ограниченнымъ* переходомъ отдѣльныхъ выдачъ изъ наслѣдства, какъ увидимъ ниже.

виденъ, когда оставшіяся имущества обращаются къ одному только наслѣднику. Но онъ остается и тогда, когда наслѣдниковъ будетъ нѣсколько. Ибо и въ этомъ послѣднемъ случаѣ таже сила наслѣдственной принадлежности, которая обращаетъ одно, другое, третье изъ оставшихся имуществъ, однимъ словомъ—все наслѣдство, къ одному изъ наслѣдниковъ, таже самая сила обращаетъ тѣ же самыя имущества, т.-е. все наслѣдство, и ко всѣмъ другимъ наслѣдникамъ. И здѣсь, слѣдовательно, *къ каждому* изъ наслѣдниковъ, сколько бы ихъ ни было, обращается *все наслѣдство въ цѣлости*; только здѣсь все наслѣдство въ цѣлости обращается къ каждому изъ наслѣдниковъ, конечно, *не самому по себѣ, а вмѣстѣ съ другими, т.-е. съ обязанностію раздѣла съ ними, коль скоро права ихъ на одно и тоже наслѣдство придутъ въ дѣйствительное столкновеніе.* По такому раздѣлу каждому изъ многихъ наслѣдниковъ достанется, конечно, не все наслѣдство въ цѣлости, но только большая или меньшая часть его. Но происходящее при этомъ ограниченіе сонаслѣдниковъ частями цѣлаго наслѣдства вовсе не есть слѣдствіе *ограниченія самаго призванія ихъ къ наслѣдованію однѣми этими частями*, а является *единственно вслѣдствіе столкновенія одинаковыхъ правъ многихъ наслѣдниковъ на одно и тоже наслѣдство*—по призванію каждаго изъ нихъ ко всему наслѣдству въ цѣлости: **tota hereditas** *singulis dota, partes autem* **concursu funt.**

Происхожденіе здѣсь раздѣла единственно изъ конкурса между многими универсальными наслѣдниками сообщаетъ этому раздѣлу многія *замѣчательныя особенности.* Остановимся на нихъ, такъ какъ это дастъ намъ возможность болѣе вникнуть въ характеръ универсальности наслѣдованія.

Во 1-хъ, этотъ раздѣлъ *настаетъ только съ наступленіемъ конкурса*, т.-е. въ моментъ пріобрѣтенія наслѣдства и притомъ не однимъ только, но нѣсколькими изъ призываемыхъ наслѣдниковъ. До тѣхъ поръ, пока изъ числа призываемыхъ наслѣдниковъ приступаетъ къ наслѣдству не болѣе одного, въ дѣйствительности, нѣтъ конкурса между ними, нѣтъ столкновенія правъ ихъ на одно и то же наслѣдство; а потому нѣтъ надобности и въ раздѣлѣ наслѣдства—и все оно пріобрѣтается однимъ въ силу универсальнаго призванія его

ко всему наслѣдству въ цѣлости, не смотря на такое же призваніе и другихъ.

Во 2-хъ, какъ бы ни сокращалось число наслѣдниковъ, дѣйствительно приступающихъ къ наслѣдству, все-таки этотъ раздѣлъ *обнимаетъ все наслѣдство*, такъ какъ призваніе каждаго изъ конкуррирующихъ наслѣдниковъ уже обнимаетъ все наслѣдство и не допускаетъ дѣлаться вакантными, остающимися безъ наслѣдниковъ, тѣ части наслѣдства, которыя достались бы другимъ наслѣдникамъ, если бы и они приступили къ наслѣдству. Части эти *какъ бы присоединяются, приростаютъ* къ частямъ тѣхъ наслѣдниковъ, которые вступаютъ въ конкурсъ; отчего сами эти наслѣдники представляются *какъ бы имѣющими особое право* на такое присоединеніе, или приращеніе къ первоначальнымъ ихъ частямъ частей наслѣдниковъ, не вступающихъ въ конкурсъ, такъ называемое *право приращенія* (*jus accrescendi*) *). Вытекая изъ универсальности призванія, это право составляетъ *необходимую* принадлежность каждаго универсальнаго наслѣдника и всегда *простирается до объема цѣлаго наслѣдства*.

Въ 3-хъ, части, образующіяся отъ дѣленія между универсальными наслѣдниками, *не суть части, напередъ неизмѣнно опредѣленныя*, но опредѣленныя только въ моментъ самаго дѣленія, смотря по кункурсу наслѣдниковъ. Это не исключаетъ, однакожъ, возможности и здѣсь *назначать* наслѣдникамъ *извѣстную мѣру участія въ наслѣдствѣ—равную* или *неравную*. Такое опредѣленіе мѣры участія *при универсальномъ* призваніи къ наслѣдованію можетъ имѣть только *значеніе мѣры участія въ конкурсѣ, въ раздѣлѣ, но не значеніе ограниченія* универсальныхъ наслѣдниковъ однѣми назначенными долями. Если между наслѣдниками конкурсъ осуществится и дѣло дойдетъ до раздѣла, то назначенная имъ мѣра участія въ наслѣдствѣ дѣйствительно послужитъ къ опредѣленію ихъ наслѣдственныхъ долей. Въ противномъ случаѣ, если конкурсъ многихъ не осуществится и останется только

*) Въ сущности, однакожъ, въ этомъ случаѣ не происходитъ никакого приращенія однѣхъ частей къ другимъ, такъ какъ нѣтъ и самыхъ частей, которыя были бы даны сначала.

одинъ наслѣдникъ, то онъ одинъ получитъ все наслѣдство, а не только назначенную ему долю. При такомъ значеніи мѣры участія въ наслѣдствѣ наслѣдниковъ *универсальныхъ* становится совершенно понятнымъ, что и тогда, когда назначенныя имъ доли не исчерпываютъ всего наслѣдства, все-таки они *не могутъ ограничиться* однѣми этими долями, *но должны* получить и все остальное *).

Что касается самаго *способа опредѣленія мѣры участія* универсальныхъ наслѣдниковъ въ наслѣдствѣ, или точнѣе—въ конкурсѣ, то принимается, что это опредѣленіе должно быть *выражено не иначе, какъ въ умственныхъ, или дробныхъ доляхъ* цѣлаго наслѣдства (почему institutio heredis ex re certa разсматривается какъ что-то аномальное). Такое опредѣленіе участія въ наслѣдствѣ—умственными, или дробными долями *само по себѣ* считается уже признакомъ универсальнаго призванія. Но я думаю, какъ не вѣрно то, что опредѣленіе мѣры участія универсальныхъ наслѣдниковъ въ наслѣдствѣ можетъ быть выражено только умственными или дробными долями цѣлаго наслѣдства, такъ же точно невѣрно и то, будто бы дробное выраженіе мѣры участія само по себѣ уже означаетъ универсальность призванія. Мнѣ кажется, что мѣру участія въ конкурсѣ можно выразить *всячески:* ее можно выразить назначеніемъ, напримѣръ, двумъ *универсальнымъ* наслѣдникамъ—каждому *просто половины* наслѣдства, или одному правой, а другому лѣвой, одному верхней, а другому нижней половины наслѣдства (предполагая наслѣдство, состоящее изъ матеріальной вещи), или одному такой, а другому другой суммы изъ цѣнности наслѣдства, или одному движимаго, а другому недвижимаго, одному родоваго, а другому благопріобрѣтеннаго состава наслѣдства и т. д. Нужно

*) Это случай, указанный въ источникахъ Римскаго права и не перестающій до сихъ поръ вызывать удивленіе: не могутъ надивиться странности Римлянъ, обращавшихъ все наслѣдство и къ тѣмъ наслѣдникамъ, которымъ назначались *только части*, иногда даже вмѣстѣ не составлявшія цѣлаго наслѣдства! Вся странность однакожъ исчезнетъ, если только принять во вниманіе, что здѣсь рѣчь идетъ *прежде всего о наслѣдникахъ универсальныхъ* и затѣмъ уже—объ извѣстной мѣрѣ участія ихъ въ конкурсѣ, буде таковой осуществится.

только, чтобы то или другое выраженіе *несомнѣнно опредѣляло одну лишь мѣру участія въ конкурсѣ, а не ограничивало самаго призванія* одною назначенною долею наслѣдства. А для этого *прежде всего необходима несомнѣнность самаго универсальнаго призванія*. Такой несомнѣнности, однакожъ, ничуть не даетъ назначеніе призываемому лицу *дробной* доли наслѣдства. Напротивъ, *само по себѣ* такое назначеніе доли есть *вполнѣ ограниченное* *). Должно, однакожъ, сказать, что при универсальномъ наслѣдованіи *обыкновенно* части наслѣдниковъ получаютъ *сперва не вещественное, реальное но дробное, идеальное опредѣленіе*. Это потому, что *опредѣленіе* этихъ частей *зависитъ отъ конкурса*; конкурсъ же *самъ по себѣ* приводитъ только *къ общности права* (communio), въ которой части всегда опредѣляются *умственно, дробно*; *реальное же, вещественное* опредѣленіе ихъ можетъ дать только *реальный раздѣлъ*. Встрѣчая *обыкновенно* это явленіе при универсальномъ наслѣдованіи, приняли его за существенный признакъ самой универсальности!

Мнѣ остается еще характеризовать универсальное наслѣдованіе съ отрицательной стороны.

Съ этой стороны, во 1-хъ, *рѣшительно невозможно универсальное наслѣдованіе по частямъ*, т.-е. на основаніи призванія наслѣдниковъ *только къ частямъ* оставшихся имуществъ и пріобрѣтенія ими *только этихъ частей*—все равно, будутъ-ли эти части реально опредѣленными, или же только идеальными, дробными, и съ другой стороны, все равно, какъ бы велики эти части ни были, хотя бы даже онѣ составляли въ сложности и цѣлое наслѣдство. Универсальное наслѣдо-

*) Связывая универсальность призванія съ извѣстными *формулами выраженія* такого призванія, пришли къ цѣлому ряду неразрѣшимыхъ контроверсъ: видѣть ли въ той, другой, третьей формулѣ, выраженіе универсальнаго призванія, или же нѣтъ?—считать ли назначеніе *опредѣленной* половины, трети, четверти и т. д.,—назначеніе родовой или благопріобрѣтенной части наслѣдства—за призваніе универсальное, или же нѣтъ? — составляютъ ли такъ-называемыя *законныя* или *указанныя доли* призваніе (универсальное) къ наслѣдованію, или же нѣтъ?—возможенъ ли вообще *долевой легатъ* (partitio legata)? См. *Unger*—System d. Oesterreich. Privatrechts. Bd. VI, § 8, *Forster*—Theorie u Praxis d. Preuss. Privatrechts. Bd. IV, § 248. I.

ваніе какими бы то ни было частями — есть contraditio in adjecto.

Въ нашей наукѣ господствуетъ, однакожъ, иной взглядъ на этотъ предметъ. Въ нашей наукѣ признается, что возможно универсальное наслѣдованіе и *частей* наслѣдства, *но только частей дробныхъ, умственно опредѣленныхъ, а не реальныхъ*. Такое универсальное наслѣдованіе, ограниченное частями, видятъ въ двухъ случаяхъ: во 1-хъ, въ случаѣ призванія *многихъ* наслѣдниковъ *ко всему наслѣдству въ цѣлости*, и во 2-хъ, въ случаѣ просто назначенія имъ дробныхъ, или идеальныхъ долей цѣлаго наслѣдства. Что касается перваго случая, то, какъ мы видѣли выше, онъ дѣйствительно представляетъ универсальное призваніе, но потому самому вовсе не призваніе только къ долямъ, а призваніе каждаго изъ многихъ наслѣдниковъ ко всему наслѣдству въ цѣлости. Находя въ этомъ случаѣ призваніе лишь къ однимъ долямъ, естественно представляютъ себѣ отношеніе многихъ универсальныхъ сонаслѣдниковъ сходнымъ съ отношеніемъ между многими соучастниками общей собственности—съ тою только разницею, что тамъ общую принадлежность составляетъ res incorporalis (наслѣдство), а здѣсь res corporalis (Windscheid, Lehrbuch des Pandektenrechts, B. III, § 528, n. 5). Но аналогіи между тѣмъ и другимъ отношеніемъ нѣтъ никакой. Въ общей собственности соучастникамъ принадлежатъ *только части* общей вещи, хотя и идеальныя, но не каждому вся вещь въ цѣлости; напротивъ, при универсальномъ наслѣдованіи право каждаго изъ сонаслѣдниковъ простирается на все наслѣдство въ цѣлости. Оттого хотя это право каждаго изъ универсальныхъ наслѣдниковъ ограничивается при конкурсѣ съ другими сонаслѣдниками, такъ что тогда они получаютъ наслѣдство только по идеальнымъ частямъ, но безъ конкурса все наслѣдство достается одному; въ общей же собственности никакое отпаденіе однихъ соучастниковъ не можетъ сдѣлать частей ихъ принадлежностію другихъ соучастниковъ. — Во второмъ случаѣ принимается универсальность наслѣдованія, не смотря на призваніе только къ частямъ, на томъ основаніи, что призваніе къ частямъ

идеальнымъ, съ одной стороны, *проникаетъ весь составъ* наслѣдства, а съ другой распространяется и на долги. Но то и другое ничего не доказываетъ въ пользу универсальности. Если призваніе къ идеальнымъ долямъ и проникаетъ весь составъ наслѣдства, то все-таки только въ извѣстной долѣ, а не обнимаетъ его въ цѣлости, какъ того требуетъ универсальное призваніе. Съ другой стороны, что касается распространенія такого призванія и на долги, то этого *не дозволяетъ* характеръ самаго этого призванія, какъ долга, лежащаго на наслѣдствѣ. Однимъ словомъ, призваніе къ частямъ, хотя бы и идеальнымъ, есть всегда само по себѣ призваніе *ограниченное*, противуположное призванію универсальному.

Но если невозможно универсальное наслѣдованіе по частямъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы съ универсальнымъ наслѣдствомъ было совершенно несовмѣстно призваніе кого-либо къ такимъ или другимъ частямъ наслѣдства. Это значитъ только, что послѣднее призваніе къ частямъ само не есть то призваніе, какое нужно для универсальности. Подобное *ограниченное* призваніе не можетъ ни устранить, ни замѣнить призванія универсальнаго, которое всегда требуется *неотложно одинаковымъ наслѣдственнымъ усвоеніемъ* оставшихся имуществъ. Оно только *соединяется* съ послѣднимъ призваніемъ, когда имѣется въ виду *ограничить* тѣхъ или другихъ лицъ однимъ неполнымъ участіемъ въ наслѣдствѣ, въ противуположность наслѣдникамъ универсальнымъ, и потому имѣетъ значеніе не призванія къ наслѣдованію въ собственномъ смыслѣ, долженствующаго *исчерпать всѣ имущества*, составляющія наслѣдственную принадлежность, но значеніе только *отдѣльныхъ выдачъ изъ наслѣдства, легатовъ*. Не смотря на назначеніе такихъ отдѣльныхъ выдачъ, универсальное призваніе все-таки остается въ силѣ, какъ неотложно требуемое одинаковымъ наслѣдственнымъ усвоеніемъ всѣхъ оставшихся имуществъ,—все-таки продолжаетъ обнимать эти имущества въ цѣлости, въ томъ числѣ и *самыя части ихъ, подлежащія отдѣльнымъ выдачамъ*, и обнаруживаетъ свое дѣйствіе въ обращеніи и этихъ частей къ наслѣдни-

камъ универсальнымъ, коль скоро отпадутъ лица, въ пользу которыхъ онѣ назначены.

Во 1-хъ, съ отрицательной же стороны, универсальное наслѣдованіе характеризуется еще тѣмъ, что оно не можетъ основываться на призваніи къ одному и тому же наслѣдству разныхъ наслѣдниковъ по *различнымъ основаніямъ*, т.-е. однихъ, напр., по волѣ, прежде выраженной, другихъ—по волѣ позднѣйшей, третьихъ по закону. Такое призваніе разныхъ наслѣдниковъ къ одному и тому же наслѣдству, можно представить себѣ только въ двухъ видахъ. Во 1-хъ, оно возможно въ видѣ призванія однихъ — къ однимъ частямъ наслѣдства по одному основанію, другихъ—къ другимъ частямъ по другому основанію, третьихъ—къ третьимъ частямъ по третьему основанію. Но такое раздѣльное призваніе только къ частямъ не будетъ универсальнымъ призваніемъ, какъ показано выше. Во 2-хъ, призваніе разныхъ наслѣдниковъ къ одному и тому же наслѣдству по различнымъ основаніямъ можно себѣ представить въ видѣ призванія ихъ не къ частямъ только, но всѣхъ ко всему наслѣдству въ цѣлости. Такое призваніе по своему объему будетъ вполнѣ универсальнымъ. Но такое призваніе предполагаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *совмѣстное дѣйствіе* различныхъ основаній призванія, т.-е. воли и закона вмѣстѣ, относительно одного и того же предмета. Между тѣмъ эти различныя основанія именно предназначены дѣйствовать не совмѣстно, но *исключительно относительно другъ друга*, т.-е. одно—только тамъ и настолько, гдѣ и насколько нѣтъ другаго. Этого требуетъ самое существо ихъ. Ибо гдѣ законъ беретъ опредѣленіе чего-либо на себя, тамъ нѣтъ мѣста для распоряженія воли, и наоборотъ, гдѣ допускается распоряженіе воли, тамъ законъ устраняетъ самъ себя. При такомъ необходимомъ, естественномъ отношеніи между различными основаніями призванія къ наслѣдованію, очевидно, что универсальное призваніе по волѣ не можетъ совмѣщаться съ такимъ же универсальнымъ призваніемъ по закону, — универсальное призваніе по волѣ позднѣйшей не можетъ совмѣщаться съ такимъ же призваніемъ по волѣ прежней. Эту мысль выражаетъ, въ формѣ римскихъ юри-

дическихъ понятій, знаменитое *nemo pro parte etc.* Освобожденное отъ своей римской оболочки, это положеніе значитъ: невозможно призваніе универсальныхъ преемниковъ къ одному и тому же наслѣдству одновременно и по волѣ, и по закону, — невозможно ни въ видѣ раздѣльнаго призванія однихъ къ однѣмъ частямъ по волѣ, а другихъ — къ другимъ частямъ по закону, ибо тогда они перестанутъ быть универсальными преемниками, ни въ видѣ совмѣстнаго призванія всѣхъ ихъ ко всему наслѣдству въ цѣлости, ибо призваніе по волѣ и по закону, по самому существу, по самой природѣ ихъ, взаимно исключаютъ другъ друга, или, какъ выражается юристъ Помпоній, естественно находится въ борьбѣ между собою: *earumque rerum naturaliter inter se pugna est, testatus et intestatus* *). Въ такомъ своемъ внутреннемъ смыслѣ, хотя не въ своей внѣшней римской формѣ, начало *nemo pro parte....* имѣетъ силу вездѣ, гдѣ только существуетъ универсальное наслѣдованіе, имѣетъ её и у новыхъ народовъ и въ новѣйшихъ законодательствахъ, не смотря на отрицаніе ея учеными и даже на мнимую отмѣну ея новыми кодексами. Правильно понятое, это начало есть необходимое, неизбѣжное требованіе универсальнаго наслѣдованія, которое въ свою очередь необходимо и неизбѣжно выте-

---

*) *Цицеронъ* выражаетъ ту же мысль болѣе полно и рѣшительно: unius pecuniæ plures dissimilibus de causis heredes esse non possunt, *nec unquam factum est*, ut ejusdem pecuniæ alius testamento, alius lege heres esset (De invent. II, 21). Впрочемъ, Римское право допускало отступленіе отъ начала— *nemo pro parte*, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ указанномъ видѣ: въ первомъ — въ пользу testamentum militis, а въ послѣднемъ — при нарушеніи въ завѣщаніи *долга* относительно нѣкоторыхъ законныхъ наслѣдниковъ, получавшихъ за то право наслѣдовать *совмѣстно* съ завѣщательными наслѣдниками. Нужно при этомъ замѣтить, что собственно только отступленіе послѣдняго рода представляетъ *дѣйствительную конкурренцію универсальныхъ* наслѣдниковъ и по закону, и по завѣщанію, *со взаимнымъ неограниченнымъ правомъ приращенія* между ними, чего нельзя сказать объ отступленіи въ пользу testamentum militis, которое потому напрасно приводится какъ отрицаніе начала *nemo pro parte etc.* въ его внутреннемъ смыслѣ самимъ римскимъ правомъ: въ немъ было отрицаніе *обязательной* универсальности римскаго завѣщанія, но не начала *nemo etc.*, почему въ противуположность назначенному въ немъ наслѣднику, всегда существуетъ другой, *дѣйствительно универсальный*, наслѣдникъ.

каетъ изъ одинаковаго наслѣдственнаго усвоенія оставшихся имуществъ, разумѣется, гдѣ таковое существуетъ. Но опять отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы универсальное призваніе по одному основанію не могло терпѣть рядомъ съ собою призванія, ограниченнаго назначеніемъ отдѣльныхъ выдачъ изъ того же наслѣдства по другому основанію. Такой возможности начало *nemo pro parte* вовсе не отвергаетъ, и само Римское право не затрудняется допускать рядомъ съ универсальнымъ призваніемъ по волѣ дѣйствіе ограниченнаго призванія по закону и наоборотъ (Intestat codicil съ одной стороны и законныя доли — съ другой).

Иное дѣло вопросъ о силѣ начала *nemo pro parte* въ самой его римской формѣ. Эта форма предполагаетъ не одну необходимость универсальнаго наслѣдованія вообще, но и *обязательность универсальнаго завѣщанія* въ частности. Потому съ паденіемъ этой послѣдней, съ допущеніемъ завѣщанія имущества по частямъ, пало и это начало, но только въ римской своей формѣ. Въ своемъ же внутреннемъ смыслѣ оно остается въ силѣ до сихъ поръ.

Между тѣмъ убѣжденіе, что это начало утратило свою силу *вообще*, сдѣлалось традиціоннымъ. Вообще признается, что съ отмѣною обязательной универсальности завѣщанія въ новое время стало возможно призваніе различныхъ универсальныхъ наслѣдниковъ къ одному и тому же наслѣдству, частію по волѣ, частію по закону. Подобное универсальное призваніе разныхъ наслѣдниковъ къ одному и тому же наслѣдству — однихъ по волѣ, а другихъ по закону усматриваютъ именно въ призваніи къ дробнымъ долямъ наслѣдства. Но выше мы видѣли, насколько это справедливо.

IV. *Наслѣдство, какъ преемство частное (партикулярное).*

Наслѣдство, *какъ преемство частное, партикулярное*, является тогда, когда оставшіяся имущества составляютъ не однородную, но *разнородную* наслѣдственную принадлежность владѣльца и потому распадаются на большее или меньшее число различныхъ, по своей наслѣдственности, частей; напримѣръ — когда различную наслѣдственную принадлеж-

ность владѣльца составляютъ его имущества благопріобрѣтенныя и родовыя, отцовскія и материнскія, доставшіяся отъ предковъ одного и другаго рода и т. п.

Въ этомъ случаѣ каждая изъ такихъ частей оставшихся имуществъ обращается, въ силу своей особой наслѣдственной принадлежности, къ своимъ особымъ наслѣдникамъ. Потому, какъ призваніе къ наслѣдованію, такъ и пріобрѣтеніе наслѣдства въ этомъ случаѣ уже не можетъ обнимать всѣ оставшіяся имущества вмѣстѣ, какъ одно цѣлое, но должно совершаться *особо по каждой ихъ части*, имѣющей свою особую наслѣдственность. Вмѣстѣ съ симъ и наслѣдственный переходъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть общимъ, универсальнымъ, однимъ для всѣхъ оставшихся имуществъ, *но распадается* на столько *отдѣльныхъ переходовъ*, на сколько различныхъ, по своей наслѣдственной принадлежности, частей распадаются оставшіяся имущества, т. е. становится *переходомъ частнымъ*, *партикулярнымъ*, обнимающимъ эти имущества только по отдѣльнымъ частямъ.

Такимъ образомъ здѣсь представляется намъ въ одномъ наслѣдствѣ послѣ одного лица какъ бы нѣсколько наслѣдствъ послѣ нѣсколькихъ лицъ. Этимъ опредѣляется не только отличіе настоящаго наслѣдственнаго перехода отъ перехода универсальнаго, но и сходство его съ послѣднимъ. Именно, здѣсь отдѣльный переходъ каждой изъ частей наслѣдства, имѣющей свою особую наслѣдственность, представляетъ *самъ по себѣ* вполнѣ единство перехода универсальнаго—по причинѣ одинаковой наслѣдственной принадлежности каждой изъ этихъ частей *самой по себѣ*. Онъ обнимаетъ свою часть въ цѣлости и обращаетъ ее къ своимъ наслѣдникамъ въ цѣлости и при томъ, если этихъ наслѣдниковъ будетъ нѣсколько, то въ цѣлости къ каждому изъ нихъ, но только съ обязанностію раздѣла, который и здѣсь вызывается только конкурсомъ между наслѣдниками, опредѣляется однимъ этимъ конкурсомъ и сопровождается правомъ приращенія также точно, какъ и при переходѣ универсальномъ. За то переходъ всѣхъ оставшихся имуществъ, взятыхъ вмѣстѣ, какъ раздробленныхъ различною наслѣдственною принадлежностію на различныя части, представ-

ляетъ полную разрозненность, *совокупность лишь отдѣльныхъ переходовъ*, изъ коихъ каждый ограничивается исключительно одною своею частію и обращаетъ ее къ однимъ своимъ наслѣдникамъ, нисколько не распространяясь на другія части и на другихъ наслѣдниковъ. Отсюда если какая-либо изъ этихъ частей не найдетъ своихъ наслѣдниковъ, то она не можетъ присоединиться къ другимъ частямъ и перейти съ ними къ ихъ наслѣдникамъ на основаніи права приращенія. Въ этомъ случаѣ она дѣлается выморочною, остающеюся безъ наслѣдниковъ, не смотря на то, что въ тоже время другія части того же наслѣдства могутъ имѣть своихъ наслѣдниковъ.

V. Двумя разсмотрѣнными нами видами наслѣдованія исчерпываются всѣ различія въ объемѣ *собственно наслѣдственнаго перехода* имуществъ. Каждый изъ этихъ видовъ обнимаетъ *всѣ* оставшіяся имущества; но первый обнимаетъ ихъ *всѣ въ цѣлости*, а второй *всѣ же по частямъ*. Потому оба эти вида не могутъ соединяться въ одномъ и томъ же наслѣдствѣ, но исключаютъ другъ друга. За то каждый изъ нихъ можетъ соединяться съ посмертнымъ переходомъ имуществъ инаго рода, именно съ переходомъ, *ограниченнымъ отдѣльными выдачами изъ наслѣдства* (legatum въ обширномъ смыслѣ). Но этотъ переходъ не подлежитъ теперь нашему разсмотрѣнію.

Представленный очеркъ универсальнаго и партикулярнаго наслѣдованія даетъ, кажется, право на слѣдующее заключеніе.

Тотъ и другой видъ наслѣдованія вполнѣ зависятъ отъ существующаго наслѣдственнаго усвоенія имуществъ въ данное время у даннаго народа. Первый есть необходимое послѣдствіе одинаковаго наслѣдственнаго усвоенія имуществъ, а второй различнаго наслѣдственнаго усвоенія ихъ по различію самыхъ имуществъ. Тотъ и другой даны вмѣстѣ съ самымъ этимъ усвоеніемъ и даны съ необходимостію: они не могутъ быть или не быть въ томъ или другомъ законодательствѣ, смотря по волѣ законодателя, по разсчетамъ практической цѣлесообразности ихъ, по такому или иному сознанію сущности наслѣдства. Поэтому не мо-

жетъ быть спора о преимуществѣ одного изъ нихъ передъ другимъ, не можетъ быть рѣчи о большемъ соотвѣтствіи съ существомъ наслѣдства одного изъ нихъ, нежели другаго. Какъ универсальный переходъ является не только лучшимъ, но и неизбѣжнымъ при одинаковой наслѣдственной принадлежности всѣхъ оставшихся имуществъ, такъ и партикулярный переходъ—въ противномъ случаѣ, и наоборотъ—какъ первый представляется не только неумѣстнымъ, но и невозможнымъ по самой силѣ вещей при разнородной наслѣдственной принадлежности оставшихся имуществъ, такъ и послѣдній—въ противномъ случаѣ.

Въ наукѣ, однакожъ, привыкли смотрѣть на универсальное наслѣдованіе, какъ на изобрѣтеніе римскаго юридическаго генія, какъ на продуктъ болѣе совершеннаго сознанія имъ существа наслѣдства, и вмѣстѣ съ тѣмъ считать универсальность необходимою принадлежностію одного римскаго наслѣдства. Напротивъ того, наслѣдованіе партикулярное признается характеристическою особенностію наслѣдованія у новыхъ народовъ, у которыхъ универсальное наслѣдованіе, будто бы, водворилось уже при посредствѣ римскаго права, притомъ—все таки не съ тѣмъ *характеромъ необходимости*, какой оно имѣло у римлянъ. То правда, что нигдѣ необходимость универсальнаго наслѣдованія не была такъ сознана, какъ у римлянъ, и такъ выражена и послѣдовательно проведена, какъ въ римскомъ правѣ; съ другой стороны, правда и то, что нигдѣ партикулярность наслѣдованія не заходила такъ далеко, какъ у новыхъ германскихъ народовъ. Но причина *самаго бытія* тамъ универсальнаго, а здѣсь партикулярнаго наслѣдованія кроется тамъ — въ одинаковости, а здѣсь въ разнообразіи существовавшаго наслѣдственнаго усвоенія имуществъ. Съ устраненіемъ этого разнообразія и здѣсь наслѣдственный переходъ долженъ былъ сдѣлаться необходимо универсальнымъ, независимо отъ римскаго права. Но и до этого времени, и при существованіи разнообразнаго наслѣдственнаго усвоенія имуществъ, универсальный переходъ наслѣдства не былъ чуждъ новымъ народамъ уже съ самаго появленія у нихъ наслѣдства. Ибо и при разнообразномъ усвоеніи имуществъ не

всякое открывающееся наслѣдство можетъ представлять разнородный составъ; равнымъ образомъ при переходѣ не ко всякимъ наслѣдникамъ можетъ выступать наружу его разнородность (такъ, напримѣръ, разнородность имуществъ по происхожденію ихъ изъ разныхъ родовъ обнаруживается только при переходѣ къ боковымъ, но не къ нисходящимъ наслѣдникамъ, какъ соединяющимъ въ себѣ *всѣ роды* своихъ восходящихъ). Существующая разнородность наслѣдственнаго усвоенія имуществъ еще не доказываетъ отсутствія универсальнаго наслѣдованія и исключительнаго господства наслѣдованія партикулярнаго. Смотря *по конкретному составу* оставшихся имуществъ, они могутъ требовать универсальнаго перехода, не смотря на существованіе въ то же время различнаго наслѣдственнаго усвоенія разныхъ родовъ имуществъ *вообще*. Такъ и у насъ—существующее различіе наслѣдственнаго усвоенія разныхъ родовъ имуществъ (родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ, доставшихся отъ предковъ одного или другаго рода), вызывая раздробленіе наслѣдственнаго перехода ихъ тамъ, гдѣ это различіе встрѣчается въ конкретныхъ случаяхъ, нисколько не мѣшаетъ универсальному переходу тѣхъ наслѣдствъ, въ составѣ которыхъ этого различія не представляется, или оно не выступаетъ наружу, и притомъ не мѣшаетъ такому переходу ихъ не только при наслѣдованіи по закону, но и по завѣщанію, если только завѣщаніе не ограничивается назначеніемъ однѣхъ отдѣльныхъ выдачъ, а содержитъ назначеніе полныхъ посмертныхъ преемниковъ.

Выступая предъ Вами, мм. гг., я имѣлъ въ виду предложить подъ Вашу защиту тѣ основныя начала наслѣдственнаго права, о которыхъ была здѣсь рѣчь и отъ которыхъ наша наука почти что готова отказаться, какъ отъ вещей излишнихъ и ненужныхъ.

Я хотѣлъ, во 1-хъ, указать на неудовлетворительность самыхъ понятій и объясненій, существующихъ въ наукѣ касательно универсальности и партикулярности наслѣдованія,—чѣмъ достаточно объясняется и современный дискредитъ первой изъ нихъ.

Во 2-хъ, мое желаніе было найти, вмѣсто отвлеченныхъ постулятовъ, общеисторическое основаніе универсальности и партикулярности наслѣдованія, объясняющее присутствіе того и другаго вида наслѣдованія въ правахъ разныхъ народовъ и въ разныя времена.

Наконецъ, въ 3-хъ, характеризуя ближе тотъ и другой видъ наслѣдованія, я хотѣлъ показать, что оба они далеко не такъ ненужны вообще и чужды особенно намъ, какъ вообще привыкли думать, но что, напротивъ, оба они практиковались и практикуются вездѣ, гдѣ только было и есть наслѣдство, въ томъ числѣ и у насъ, начиная съ первыхъ памятниковъ нашего права, уже обращающихъ *все наслѣдство* послѣ отца къ дѣтямъ.

Я почту цѣль мою достигнутою, если мой докладъ вызоветъ живой обмѣнъ мыслей въ этомъ высокоуважаемомъ первомъ собраніи русскихъ юристовъ и поведетъ къ дальнѣйшей повѣркѣ господствующихъ въ наукѣ воззрѣній по разсмотрѣнному вопросу—повѣркѣ, по моему мнѣнію, столь необходимой и для науки, и для практики, и для самаго законодательства.

А. В. Соколовъ. Вполнѣ сочувствуя мастерскому очерку, сдѣланному г. Демченко, я все-таки долженъ обратиться къ нѣкоторымъ разъясненіямъ въ защиту нашего дѣйствующаго законодательства. Оно не стоитъ въ этомъ отношеніи такъ низко, какъ можно вывести изъ выслушаннаго нами очерка. Въ римскомъ правѣ дѣйствительно господствуетъ универсальный способъ наслѣдованія съ исключеніемъ легатовъ, но вѣдь въ римскомъ правѣ, соотвѣтственно тогдашнимъ условіямъ, землевладѣніе имѣло громадное значеніе и это было связано съ нѣкоторыми историческими національными воззрѣніями. Новѣйшіе народы, какъ сказалъ уважаемый референтъ, обратились къ другому принципу и отмѣнили универсальное право наслѣдованія. Наше законодательство вообще весьма широко относится къ такъ называемой автономіи наслѣдства; наше законодательство допускаетъ наслѣдованіе по завѣщанію и по закону; далѣе, оно допускаетъ частичный способъ наслѣдованія въ этихъ видахъ, напр., у насъ существуетъ особый способъ наслѣ-

дованія, особый порядокъ по заповѣднымъ майоратнымъ имуществамъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ особое опредѣленіе относительно имущества при отсутствіи наслѣдниковъ. По моему мнѣнію, наше законодательство проводитъ тотъ и другой принципъ весьма согласно съ ходомъ историческаго развитія имущественныхъ правъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляетъ большое вліяніе автономіи. Желательно-ли учрежденіе, такъ называемой, наслѣдственной доли, это опять вопросъ, который требуетъ довольно подробнаго обсужденія; съ другой стороны, желательно-ли проведеніе того или другаго принципа, это также зависитъ отъ оцѣнки тѣхъ данныхъ, при которыхъ происходило историческое развитіе нашего права. Я съ своей стороны глубоко убѣжденъ, что желаніе референта выяснить вопросъ весьма существенно и можетъ лечь въ основаніе разработки наслѣдственнаго права. Но въ какой мѣрѣ это можетъ быть примѣнено къ нашему законодательству и будетъ-ли это составлять дѣйствительно прогрессъ современнаго состоянія нашего завѣщательнаго права, это другой вопросъ. По моему едва-ли это будетъ соотвѣтствовать обычному праву и интересамъ государства.

А. М. Фальковскій. Я хотѣлъ бы только указать, мм. гг., на практическое значеніе тѣхъ вопросовъ, которыхъ коснулся референтъ. Весьма важно въ этомъ собраніи сказать нѣсколько словъ объ отношеніи научнаго элемента къ практикѣ. Въ практикѣ возникаетъ безчисленное множество вопросовъ объ отвѣтственности наслѣдниковъ по закону и по завѣщанію, благодаря только тому, что въ нашемъ X томѣ эти понятія не выработаны, потому что различіе универсальнаго и партикулярнаго преемства не разработаны у насъ и не введены въ положительное законодательство. Благодаря этому обстоятельству, мы не находимъ исхода для рѣшенія самыхъ насущныхъ вопросовъ.

Еще недавно въ юридическомъ обществѣ возникалъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ долженъ нести отвѣтственность всякій, принимающій наслѣдство за долги векселедателя. Вопросъ этотъ потому только представлялся труднымъ, что долго не могли установить единства во взглядѣ

на наслѣдство по русскому праву. Поэтому я думаю, что рефератъ, внеся въ собраніе юристовъ научный вкладъ, есть явленіе въ высшей степени отрадное для перваго съѣзда юристовъ и, полагаю, что нельзя не отдать справедливости и признательности референту за мастерскую обработку вопроса относительно научнаго пріема и относительно значенія его для положительнаго законодательства.

А. Д. Кутыринъ. Я позволю себѣ сдѣлать одно маленькое замѣчаніе: универсальное наслѣдованіе, какъ я думаю, есть не что иное, какъ остатокъ прошлаго, давно умершаго и, въ настоящее время, ни къ чему не примѣнимаго. Принципъ римлянъ понималъ универсальное наслѣдованіе какъ successio in universum jus, вотъ отсюда вытекаетъ понятіе о пріобрѣтеніи наслѣдникомъ всѣхъ этихъ правъ и обязанностей. Чѣмъ на низшей степени развитія стояло наше общество, тѣмъ чаще являлось въ случаѣ смерти главы рода универсальное наслѣдство. Вотъ почему въ наше время универсальное наслѣдованіе не можетъ имѣть никакого мѣста и самый родъ, въ концѣ концовъ явившійся первымъ источникомъ права для отдѣльнаго человѣка и бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ обладателемъ права, въ настоящее время уничтожился. Такимъ образомъ, обладатель наслѣдства, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ рода, могъ задаваться вопросомъ объ универсальности или сингулярности преемства, т.-е. передать-ли все имущество родовое нѣсколькимъ лицамъ или оставить у одного представителя рода. Въ настоящее время это не мыслимо, такъ что возбуждать вопросъ объ универсальности наслѣдованія значило бы идти назадъ, а никакъ не сообразно съ развитіемъ принципа собственности.

В. Г. Демченко. Прежде всего позвольте отвѣтить на возраженіе г. Соколова, именно на то замѣчаніе, что нельзя проводить въ нашемъ законодательствѣ одинъ какой-нибудь принципъ наслѣдованія. Я долженъ сказать, что нисколько не высказываю желанія проведенія того или другаго принципа. Я утверждаю только, что уничтожитъ законъ разницу въ преемственности наслѣдства, напр., роднаго и пріобрѣтеннаго, установитъ онъ однообразную

преемственность всѣхъ нашихъ имуществъ, тогда хотимъ, не хотимъ мы, издадимъ законъ или нѣтъ, все равно универсальность придетъ сама собою. То же самое слѣдуетъ сказать и о сингулярности наслѣдованія; его проводить или отмѣнить нельзя; все зависитъ отъ различныхъ способовъ усвоенія имущества.

Универсальность и сингулярность наслѣдованія не есть произвольное установленіе, а только выводъ изъ существующей въ данное время у даннаго народа преемственности усвоенія частнаго имущества. Что касается замѣчанія другаго сочлена въ томъ смыслѣ, что универсальность и сингулярность наслѣдованія суть идеи отжившія, не пригодныя для насъ, то отвѣтомъ ему уже служитъ то, что я сказалъ сейчасъ. Пока существуетъ наслѣдованіе, до тѣхъ поръ будетъ и опредѣленный порядокъ наслѣдованія и именно въ двухъ только видахъ: универсальное и частное, то или другое, средняго между ними быть ничего не можетъ.

А. В. Соколовъ. Я говорю не противъ раціональности того или другаго принципа, я вполнѣ сочувствую и съ уваженіемъ отношусь къ труду автора, я только говорю, что въ данную эпоху проведеніе того или другаго принципа или совмѣстное ихъ проведеніе зависитъ отъ многихъ условій.

П. К. Скордели. Я позволю себѣ сдѣлать только одну поправку: такъ какъ самъ референтъ указалъ, что названія: „универсальное“ и „сингулярное“ наслѣдованіе удержаны имъ несогласно съ дѣйствительностью, то я полагалъ бы, лучше назвать это партикулярнымъ, а не сингулярнымъ преемствомъ.

На вопросъ предсѣдателя, не найдетъ ли съѣздъ возможнымъ согласиться съ авторомъ предложенія, голосованіе дало утвердительный отвѣтъ.

А. М. Хоткевичъ. Мм. гг. Вопросъ, предложенный на обсужденіе перваго съѣзда русскихъ юристовъ профессоромъ здѣшняго университета В. А. Умовымъ, относится къ тому отдѣлу судопроизводства, который по справедливости можетъ считаться окраиной устава гражд. судопр., помѣщаясь въ самомъ концѣ этого устава. Удостовѣреніе

въ безвѣстномъ отсутствіи—больное мѣсто всѣхъ европейскихъ законодательствъ; образцовыми, по моему мнѣнію, могутъ считаться только постановленія нашего остзейскаго права (Сводъ гражд. узакон. губ. остз. Спб. 1864 г.). Вслѣдствіе этого нѣтъ ничего удивительнаго, что и постановленія уст. гражд. судопр. по отношенію къ удостовѣренію отсутствія отличаются неполнотою. Законодательство наше, въ особенности до изданія устава охранительнаго судопроизводства, по этому предмету было чрезвычайно бѣдно узаконеніями, такъ что сюда относилась лишь одна 1244 ст. т. X ч. 1. Статьями же 57 — 60 того же тома и части опредѣляется порядокъ производства дѣлъ по случаю безвѣстнаго отсутствія одного изъ супруговъ по расторженію союза брачнаго. Пробѣлъ этотъ отчасти пополненъ процессуальными правилами устава охранит. судопр. Но еще и до изданія этого устава въ проэктѣ гражданскаго уложенія (Труды Коммиссіи составленія законовъ. Второе изданіе. Т. II. Спб. Въ типографіи составленія законовъ 1822 г.) предполагалось дать подробныя правила по нашему предмету. Судьба проэкта извѣстна, и такимъ образомъ отсутствіе въ имущественной сферѣ осталось безъ достаточнаго регулированія со стороны законодательства. Но за то правила о расторженіи брака по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ по своей полнотѣ и опредѣленности превосходятъ постановленія всѣхъ европейскихъ законодательствъ. Неполнота же и недостаточность нашихъ гражданскихъ законовъ о вліяніи безвѣстнаго отсутствія на судьбы имущественныхъ отношеній, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. При сильномъ развитіи семейнаго начала, при отсутствіи частной поземельной собственности у членовъ семьи въ первоначальный періодъ нашей исторіи не было никакой надобности въ точномъ указаніи на судьбы имуществъ лицъ, безвѣстно отсутсвующихъ. Имущества этихъ лицъ при господствѣ обычнаго права дѣлались достояніемъ членовъ семьи, находящихся на лицо. Этою особенностью отличаются всѣ славянскія законодательства, которыя, какъ и русское, подверглись самому ничтожному вліянію римскаго права, изъ котораго

прочія европейскія законодательства, заимствуя цѣлые институты, получили и правило о безвѣстномъ отсутствіи. Подтвержденіемъ положенію, что славянскія законодательства нисколько не интересовались безвѣстнымъ отсутствіемъ, можетъ, между прочимъ, служить указаніе на законникъ Душана (Соч. Зибеля, 1872 г.). Въ этомъ сборникѣ сербскаго законодательства, составленномъ на сербскомъ соборѣ въ 1479 году, не упоминается вовсе объ удостовѣреніи въ безвѣстномъ отсутствіи. Такое отсутствіе указаній въ законахъ мы объясняемъ: 1) слабымъ вліяніемъ системы римскаго права на славянскія законодательства и 2) правовыми воззрѣніями Славянъ на частную собственность, которыми объясняется и существованіе общиннаго землевладѣнія. Мы сказали выше, что до изданія устава охранит. судопр. мы имѣли лишь одну 1244 ст. X т. 1 ч., имѣющую непосредственное отношеніе къ нашему предмету. Статья эта произошла изъ указовъ 1730, 1787, 1827 и 1818 годовъ. Такое позднее появленіе самыхъ источниковъ статьи указываетъ, по нашему мнѣнію, на недостатокъ сознанной обществомъ необходимости въ существованіи закона. И дѣйствительно, даже въ настоящее время въ нашемъ законодательствѣ мы не имѣемъ спеціальнаго отдѣла объ отсутствующихъ въ томъ значеніи и объемѣ, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ законодательствахъ. Но съ изданіемъ устава охран. судопр. получили начало дѣйствующія правила объ удостовѣреніи (ст. 1451 — 1460). Эти правила ссылаются не только на статьи X т., но и на статьи уст. гражд. суд., слѣдовательно, какъ будто представляются незаконченными. Само собою разумѣется, что дѣлается ссылка и на единственную ст. X тома—статью 1244. Эта статья сообщаетъ всему отдѣлу особый характеръ: весь отдѣлъ пріурочивается къ наслѣдственному праву, законному преемству,— отсюда, понятно, мы не встрѣчаемъ упоминанія объ арендаторахъ земель лицъ безвѣстно отсутствующихъ, не говорится даже о совладѣльцахъ въ общемъ нераздѣленномъ имуществѣ (на практикѣ возникаютъ для нихъ большія затрудненія). Конечно, правила устава охранит. судопр. нѣсколько устраняютъ эти неудобства (ст. 1451), но далеко

не вполнѣ, и притомъ они не отличаются опредѣленностью. И такъ, правила устава не получили законченности право-ваго института, въ нихъ нѣтъ даже, хотя и смутныхъ впрочемъ, предѣловъ европейскихъ законодательствъ, въ родѣ признанія отсутствующаго умершимъ (римско-германское право, псаломъ 89 (90), стихъ 10) достиженія 70-лѣтняго возраста, полученія имѣнія во временное владѣніе ближайшими предполагаемыми наслѣдниками и пр. Въ виду всего вышеизложеннаго рефератъ проф. Умова заслуживаетъ полнаго вниманія съѣзда.

Засимъ А. М. Хоткевичъ прочелъ слѣдующій текстъ реферата В. А. Умова.

„*Съ какого времени имущество безвѣстно-отсутствующаго лица поступаетъ къ наслѣдникамъ его и какимъ порядкомъ послѣдніе вступаютъ въ право распоряженія онымъ, какъ своею собственностью?*“

По нашему праву имущество безвѣстно-отсутствующаго отбирается въ казенный присмотръ (ст. 1244 1-й ч. X т.) или въ опеку (ст. 1453 У. Г. С.). Въ обоихъ случаяхъ владѣніе означеннымъ имуществомъ соединено съ отчетностью и законъ опредѣляетъ даже maximum издержекъ, которыя могутъ быть сдѣланы на охраняемое имущество (12). Когда должно окончиться такое владѣніе на отчетѣ, нашъ законъ не говоритъ. Поэтому естественно было бы принять, что имущество безвѣстно отсутствующаго должно перейти къ его наслѣдникамъ въ тотъ моментъ времени, когда можно будетъ почти безошибочно предполагать, что отсутствующаго нѣтъ уже въ живыхъ, напр., когда пройдетъ сто лѣтъ со дня рожденія безвѣстно-отсутствующаго, какъ это и принято во французскомъ правѣ. Нѣчто въ родѣ этого срока оставалось бы принять и у насъ, если бы ст. 1244 1-й ч. X т. и 1453 У. Гр. С. не уполномочивали насъ принять болѣе короткій срокъ, именно десятилѣтній со дня объявленія въ вѣдомостяхъ объ отсутствіи лица. Къ этому приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Въ иностранныхъ законодательствахъ, напр., во французскомъ и итальянскомъ, имущество безвѣстно-отсутствующаго передается въ безотчетное владѣніе его наслѣдникамъ по истеченіи 30 лѣтъ со

времени ввода наслѣдниковъ во владѣніе на правахъ опекуновъ, или по истеченіи ста лѣтъ со дня рожденія отсутствующаго, но это не лишаетъ лицо, объявленное безвѣстно-отсутствующимъ, права требовать возвращенія ему этого имущества, не стѣсняясь никакимъ срокомъ. Поэтому, если нашъ законъ запрещаетъ лицу, объявленному безвѣстно-отсутствующимъ, отыскивать свое имущество по прошествіи десяти лѣтъ съ перваго объявленія въ вѣдомостяхъ объ отсутствіи, то будетъ вполнѣ основательнымъ принять и то, что съ этого момента наслѣдники отсутствующаго имѣютъ право требовать передачи его имущества въ безотчетное распоряженіе. Но если такое разсужденіе и будетъ признано правильнымъ, то спрашивается: какимъ путемъ наслѣдники могутъ искать этой передачи? Съ этою передачей должна окончиться опека надъ имуществомъ безвѣстно-отсутствующаго, опека же, какъ учрежденіе правительственное, установляемое въ силу закона, не можетъ быть прекращена иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ же опредѣленныхъ. За исключеніемъ опеки надъ безвѣстно отсутствующими—у насъ начало каждой опеки и ея конецъ опредѣляются строго закономъ. Въ настоящемъ же случаѣ, при отсутствіи постановленій закона, остается одинъ выходъ: принять, что право прекратить опеку предоставляется въ данномъ случаѣ Дворянскимъ Опекунамъ и Сиротскимъ Судамъ. Но спрашивается, будутъ ли Дворянскія Опеки и Сиротскіе Суды давать постановленія о прекращеніи опеки и передачѣ имущества безвѣстно-отсутствующихъ ихъ наслѣдникамъ, когда ни закономъ, ни практикой во 1) не признано за ними права прекращать опеку въ подобныхъ случаяхъ, и во 2) не указано тѣхъ предположеній, при которыхъ означенную опеку слѣдуетъ считать прекращенною. Вотъ почему было бы желательно разрѣшеніе предложенныхъ двухъ вопросовъ юридическимъ съѣздомъ.

Имѣю честь покорнѣйше просить съѣздъ русскихъ юристовъ признать, что дѣйствующія нынѣ правила удостовѣренія нуждаются въ дополненіи узаконеніями по вопросу, по прошествіи какого срока заинтересованныя лица всту-

наютъ въ обладаніе на правѣ собственности имуществомъ лица, признаннаго безвѣстно отсутствующимъ.

М. В. Шимановскій. Г. докладчикъ основываетъ свои положенія на ст. устава гражд. судопр. и полагаетъ, что надо признать срокъ 10-лѣтней давности, что признаніемъ 10-лѣтняго срока вообще для принятія наслѣдства будутъ устранены всѣ недоразумѣнія. Вотъ эти то положенія, начиная съ того, что можно снять опеку и т. п. и приводятъ насъ къ заключенію, что человѣкъ, говорящій такимъ образомъ, забываетъ практическую сторону дѣла. Такой юристъ никогда не затруднится въ томъ, можетъ ли опекунъ собственною властью снять опеку. Опека только тогда можетъ быть уничтожена опекунскимъ постановленіемъ, когда она установлена по малолѣтству; та же опека, которая налагается вслѣдствіе подачи прошенія о признаніи безвѣстно отсутствующимъ, такая опека можетъ быть уничтожена только судомъ. Когда лицо ходатайствуетъ о признаніи извѣстнаго лица безвѣстно отсутствующимъ, оно можетъ явиться въ судъ, чтобы заявить свои права на наслѣдство и требовать признанія этихъ правъ судомъ. Изъ моей, хотя и незначительной практики по этому вопросу, я могу указать, что судъ въ этомъ отношеніи, на основаніи ст. уст. гражд судопр., находится въ другомъ положеніи, чѣмъ человѣкъ ученый. Послѣдній можетъ заняться этимъ вопросомъ довольно продолжительное время; но судъ обязанъ рѣшить дѣло сейчасъ же: онъ не можетъ отказать. И вотъ, когда является такой вопросъ, что̀ и было въ дѣйствительности, для рѣшенія его нѣтъ статьи закона. Что дѣлать? У насъ есть ст. 54, 56, 58 ч. I т. X. Хотя въ этихъ статьяхъ говорится о бракѣ, но если сопоставить эти статьи съ уст. гражд. судопр., то увидимъ, что въ обоихъ случаяхъ говорится объ одномъ и и томъ же: наслѣдство открывается, когда лицо признано безвѣстно отсутствующимъ, и выйти замужъ и жениться можно точно также тогда, когда лицо признано безвѣстно отсутствующимъ. Вотъ мы и принимаемъ ст. уст. гражд. судопр. Это — 1455 ст., гдѣ говорится, что лицо обязано явиться въ судъ, представить извѣстное удостовѣреніе по 58 ст. и заявить ходатайство о признаніи лица безвѣстно

отсутствующимъ. Начинается производство. Судъ на основаніи этого дѣлаетъ постановленіе о признаніи лица безвѣстно отсутствующимъ и дѣлаетъ публикацію. Дальше происходитъ то, что установлено закономъ, т.-е. является человѣкъ и говоритъ: прошло 5 лѣтъ, извольте дать дальнѣйшее движеніе, я хочу быть утвержденнымъ въ правахъ наслѣдства. Является вопросъ: прошло 5 лѣтъ,—утвердить его или нѣтъ? Въ 1 ч. X т., въ ст. 54 говорится, что если отсутствующее лицо не явится въ теченіе 5 лѣтъ, то другое лицо можетъ просить о расторженіи брака. Исключеніе въ этомъ случаѣ дѣлается для солдатскихъ женъ; здѣсь назначается 10-лѣтній срокъ. Но что дѣлать въ отношеніи тѣхъ лицъ, которыя пропали въ неизвѣстности. Статьи нѣтъ срокъ не положенъ. Судъ казанскій и примѣнилъ вышеуказанную статью, толкуя ее аналогически, такъ какъ отказать не было никакого основанія и мы пустили дѣло, т.-е. судъ долженъ былъ собрать свѣдѣнія и т. д., и утвердили въ правахъ наслѣдства въ виду того, что въ законѣ нѣтъ статьи, говорящей противъ этого.

А. Я. Ашебергъ. Я скажу нѣсколько словъ о томъ моментѣ, съ котораго можно считать наслѣдниковъ правоспособными принять наслѣдство. Я, какъ практикъ, обращаюсь къ тому же самому уставу и говорю, что ст. 1455 и послѣдующія признаютъ моментомъ безвѣстнаго отсутствія тотъ моментъ, когда лицо выбыло изъ той среды, гдѣ оно жило, слѣдовательно, какъ только что проходитъ 5 лѣтъ, какъ являются наслѣдники, такъ должно быть признано, что такое-то лицо не существуетъ и открывается право на наслѣдство. Вотъ моментъ, съ котораго наслѣдники должны представить деньги на публикацію или удостовѣрить, что они состоятъ единственными наслѣдниками. Судъ ограничивается признаніемъ ихъ правоспособности или ждетъ шестимѣсячнаго срока со дня выхода публикаціи.

В. Г. Демченко. Вопросъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что остается нерѣшеннымъ, во 1-хъ, допускаетъ ли нашъ законъ вообще наслѣдованіе по безвѣстному отсутствію, и во 2-хъ, если допускаетъ, то съ какого времени. Это вопросъ чрезвычайно важный, потому что

если допустить наслѣдованіе черезъ 5 лѣтъ, то ближайшими наслѣдниками будутъ совсѣмъ другія лица. Потомъ и на другой нашъ вопросъ законъ, мнѣ кажется, не даетъ никакого отвѣта. Что касается перваго вопроса, т.-е. допускается ли вообще наслѣдованіе по безвѣстному отсутствію, то только изъ косвенныхъ намековъ, содержащихся въ различныхъ статьяхъ устава гражд. суд., можно заключить, что редакторы этихъ статей имѣли въ виду, что наслѣдство при безвѣстномъ отсутствіи у насъ допускается. Это можно заключить изъ постановленій о вызовѣ наслѣдниковъ въ извѣстный срокъ въ связи съ постановленіемъ объ открытіи опеки. Къ сожалѣнію, редакція новыхъ уставовъ пошла далѣе и мѣру относительно наслѣдниковъ, не явившихся въ срокъ, примѣнила къ самимъ безвѣстно отсутствующимъ. Такимъ образомъ, косвеннымъ путемъ можно выводить по нашимъ законамъ открытіе наслѣдства въ извѣстный срокъ, но такъ какъ выводъ этотъ недостаточно проченъ, то весьма желательно, чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, чтобы статья новаго устава гражд. суд., лишающая безвѣстно-отсутствующаго его имущества, была исправлена, такъ какъ она вкралась въ новые судебные уставы очевидно по недоразумѣнію. Что касается времени открытія наслѣдства послѣ безвѣстно-отсутствующаго, то законъ не даетъ на него отвѣта и при рѣшеніи его слѣдуетъ обратиться къ основному началу, лежащему въ понятіяхъ нашего закона о безвѣстно-отсутствующихъ. Надо замѣтить, что безвѣстное отсутствіе соединяется съ объявленіемъ безвѣстно-отсутствующаго умершимъ и тогда, какъ бы вслѣдствіе смерти, открывается наслѣдство. Въ противоположность этому есть другая, французская система законодательства, которая не соединяетъ этихъ явленій, а прямо считаетъ безвѣстное отсутствіе само по себѣ основаніемъ для открытія наслѣдства. Нашъ законъ, какъ извѣстно, никакого объявленія безвѣстно-отсутствующаго мертвымъ не знаетъ. Если безвѣстное отсутствіе само по себѣ должно у насъ сопровождаться извѣстными послѣдствіями, и такъ какъ мы принимаемъ, что оно должно сопровождаться открытіемъ наслѣдства, то спра-

шивается, съ какого именно времени. Мое личное мнѣніе такое, что ставить этотъ моментъ въ зависимость отъ момента судебнаго признанія дѣло опасное, потому что тутъ моментъ этотъ ставится въ зависимость вполнѣ отъ случая, отъ произвола. Нѣсколькими днями раньше состоится публикація по истеченіи срока, судъ скорѣе приступитъ къ опредѣленію,—все это будетъ колебать моментъ открытія наслѣдства, будетъ колебать права наслѣдниковъ. Проще, мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ принимать за моментъ открытія наслѣдства моментъ, когда фактически безвѣстное отсутствіе случилось, а не относить его къ моменту судебнаго опредѣленія. Тогда моментъ этотъ не будетъ зависѣть отъ произвола, а будетъ опредѣляться совокупностью тѣхъ данныхъ, тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются о безвѣстно отсутствующемъ.

А. Я. Ашебергъ. Я полагаю, намъ слѣдуетъ прямо обратиться къ 1455 ст., изъ которой видно, что наслѣдники послѣ безвѣстно отсутствующаго могутъ явиться въ судъ и заявить, что такой-то ихъ родственникъ исчезъ, слѣд., изъ самаго текста статьи видно, что законъ предвидѣлъ возможность появленія наслѣдниковъ и такимъ образомъ статья эта устраняетъ всякія сомнѣнія въ томъ: могутъ ли быть наслѣдники или нѣтъ. Очевидно, законъ допускаетъ наслѣдниковъ. Что касается до момента, когда отсутствующее лицо должно быть признано сошедшимъ съ лица земли и кто будутъ наслѣдники, то я полагаю, что это будетъ зависѣть отъ момента судебнаго признанія и если ближайшіе наслѣдники умерли, то вмѣсто нихъ получаютъ другія лица. Что касается до срока явки наслѣдниковъ, то публикація необходима, если не будетъ представлено доказательствъ, что явившіеся суть единственные наслѣдники. Относительно возвращенія безвѣстно отсутствующаго я полагаю, что тутъ была допущена только ошибка; онъ, безъ сомнѣнія, можетъ обратно принять имущество; полагаю, что этотъ вопросъ нашему обсужденію подлежать не можетъ.

Съѣздъ пришелъ къ тому заключенію, что вопросъ этотъ разрѣшается сводомъ законовъ.

Засѣданіе 8 іюня 1875 года.

Засѣданіе состоялось при участіи слѣдующихъ лицъ: П. П. Алексѣевъ, П. Г. Алексѣевъ, А. Ф. Акуловъ, В. А. Андреевъ, А. Я. фонъ-Ашебергъ, К. Д. Анциферовъ, И. В. Богоявленскій, А. М. Богдановскій, С. И. Баршевъ, С. Е. Бабушкинъ, Н. С. Богдановъ, Н. Л. Борхартъ, Ѳ. Ф. Балашевичъ, В. В. Барковъ, А. Л. Баршевъ, Г. В. Бертгольтъ, В. С. Баршевъ, Н. П. Безобразовъ, Н. Я. Блазновъ, А. К. Вульфертъ, В. В. Васильевъ, А. И. Волынскій, Н. К. Воскресенскій, С. С. Волковъ, Я. И. Гурляндъ, Н. А. Гладковъ, Н. С. Генкинъ, А. И. Геннертъ, М. С. Гольденвейзеръ, М. Я. Городецкій, С. М Гулькевичъ, Л. С. Дравертъ, В. Г. Демченко, Г. А. Джаншіевъ, Д. А. Дриль, В. Н. Даниловъ, М. В. Духовской, В. И. Дранишнъ, С. П. Дмитровскій, В. М. Евреиновъ, В. И. Жилинъ-Кохновъ, В. Я. Іогихессъ, А. В. Иваницкій, Н. В. Калачовъ, Е. С. Котляровъ, Б. Ѳ. Калиновскій, Н. А. Каблуковъ, Л. А. Куперникъ, В. Д. Кутыринъ, А. П. Кюри, Н. А. Каминскій, М. М. Котельниковъ, А. Ѳ. Кистяковскій, В. Ф. Крюковъ, Ѳ. Е. Клейстъ, М. Е. Клейстъ, Н. П. Курилко, Я. В. Кошелевъ, А. Д. Куликовъ, В. Н. Лешковъ, А. В. Лешковъ, С. Л. Левинсонъ, М. М. Латышевъ, А. Н. Лавровъ, Н. П. Ляпидевскій, П. О. Лангъ, О. Я. Левинсонъ, Н. Ю. Львовичъ-Кострица, Д. А. Лавренко, Л. И. Ланге, В. Н. Лавровъ, С. О. Милашевичъ, Н. А. Малыхинъ, Х. Я. Масловъ, А. Ѳ. Марконетъ, С. А. Муромцевъ, И. Ѳ. Мигузовъ, В. Н. Макаровъ, Н. М. Міансаровъ, Л. Е. Мандельштамъ, О. О. Миловзоровъ, А. П. Маковскій, Я. Я. Нырненко, Д. О. Невядомскій, А. Е. Носъ, Н. І. Нерсесовъ, Д. А. Нилусъ, Н. Т. Новиковъ, И. М. Остроглазовъ, П. Я. Оптовцевъ, А. П. Озерецкій, Д. С. Охлебининъ, П. А. Ордынскій, С. Г. Островскій, Д Т. Поповъ, А. А. Павловъ, С. А. Пиге, М. Н. Паренаго, И. П. Побѣдимовъ, В. А. Панинъ, С. А. Петрешкевичъ, В. С. Пагануцци, Ѳ. Н. Плевако, В. М. Пржевальскій, К. А. Рихтеръ, П. Л. Розенбергъ, С. В. Романовскій, Г. Ф. Раевскій, В. И. Розенблюмъ, О. С. Рогалинъ, Э. Н. Сумбулъ, П. К. Скорделли, М. П. Соловьевъ, П. А. Столповскій, А. В. Соколовъ, Л. А. Соколовъ, А. И. Салтыковъ, В. С. Соколовъ, Д. П. Суходольскій, В. Д. Спасовичъ, П. Г. Степура-Сердюковъ, А. К. Соболевъ, В. К. Саблеръ, Н. А. Силуяновъ, Д. М. Сперанскій,

В. А. Савченко, Н. В. Тихменевъ, Н. С. Тростянскій, Я. Л. Тейтель, П. Н. Тереповскій, З. В. Троицкій, Н. Г. Тальбергъ, М. Ѳ. Троицкій, Н. В. Толмачевъ, А. М. Фальковскій, Г. А. Фронштейнъ, Н. А. Флендучковъ, М. П. Фроловъ, Н. М. Филатовъ, А. А. Фронштейнъ, В. Я. Фуксъ, А. М. Хоткевичъ, Л. Г. Харитоновъ, А. Г. Харитоновъ, Н. М. Цвѣтаевъ, Г. А. Цвѣтковъ, А. М. Чконіа, Г. О. Черкезовъ, А. Н. Шаховъ, М. В. Шимановскій, М. Я. Шиллингъ, К. А. Шапошниковъ, А. С. Шайкевичъ, А. В. Шидловскій, А. А. Шлыковъ, А. С. Шкляревскій.

I.

Засѣданіе началось чтеніемъ слѣдующаго доклада Н. П. Ляпидевскаго:

„*О дополненіи нашего дѣйствующаго законодательства постановленіями объ узаконеніи и признаніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака*“.

Предлагая вашему просвѣщенному вниманію мои соображенія о необходимости коренной реформы дѣйствующаго законодательства относительно незаконнорожденныхъ, я убѣжденъ, что найду въ васъ полное сочувствіе и, можетъ быть, самая многочисленность настоящаго собранія сравнительно съ предшествовавшими днями уже служитъ его выраженіемъ. Это сочувствіе вытекаетъ прежде всего изъ характера отношенія юриста къ дѣйствующему закону о рожденныхъ внѣ брака. Каждый разъ при практическомъ соприкосновеніи съ нимъ является коллизія между чувствомъ справедливости, наиболѣе чуткимъ и впечатлительнымъ въ юристѣ, и жесткимъ словомъ формальнаго закона. Чѣмъ сильнѣе ощущеніе этого разлада, чѣмъ настойчивѣе вслѣдствіе его желаніе найдти примиреніе, которое можетъ дать только коренная реформа настоящаго закона, тѣмъ естественнѣе и полнѣе сочувствіе къ ея предложенію.

Но не одной средѣ юристовъ присуще желаніе перемѣны настоящихъ постановленій о незаконнорожденныхъ. Оно давно созрѣло и проявляется въ сознаніи русскаго общества, которое также чувствуетъ, хотя, можетъ быть, и въ другой мѣрѣ, нежели юристы, разладъ между письменнымъ закономъ и требованіями естественной справедливости и желаетъ примиренія ихъ. Наша пресса неоднократно высказывалась въ смыслѣ неотложности полной реформы дѣйст-

вующаго законодательства о незаконнорожденныхъ. Я не могу не указать, напримѣръ, на длинный рядъ статей, по этому вопросу въ газетѣ „Русскій Міръ“ за 1874 годъ, глубоко затрогивающихъ какъ исторію права незаконнорожденныхъ, такъ и отношеніе къ нимъ современныхъ западноевропейскихъ кодексовъ, а равно на популярно-юридическія монографіи по тому же предмету, всѣмъ вамъ извѣстныя. При такихъ заявленіяхъ общественнаго сознанія правительственная власть не могла не усмотрѣть, что потребность реформы сдѣлалась настоятельною, и нынѣ пересмотръ дѣйствующихъ постановленій о незаконнорожденныхъ сталъ очереднымъ вопросомъ въ законоподготовляющихъ учрежденіяхъ. Позвольте думать, что въ виду всего этого ваше участіе въ обсужденіи его, съ одной стороны, какъ нельзя болѣе своевременно, а съ другой — вполнѣ соотвѣтствуетъ основной цѣли съѣзда русскихъ юристовъ—*служить выразителемъ русской юридической жизни и указывать на основаніи практическаго опыта и науки, какимъ образомъ онѣ могутъ быть удовлетворены.* Ваше заявленіе о необходимости реформы еще болѣе утвердитъ сознаніе ея неотложности и сдѣлается однимъ изъ мотивовъ появленія новыхъ законовъ о родившихся внѣ брака, соотвѣтствующихъ высокому складу русскаго семейнаго права и великимъ предшествующимъ законодательнымъ нововведеніямъ настоящаго царствованія.

Если реформа въ юридическомъ положеніи незаконнорожденныхъ необходима, то самъ собою вытекаетъ вопросъ, въ чемъ же должна состоять она? Я думаю, что отвѣтить на него правильно можно только на почвѣ сравнительнаго законовѣдѣнія. Мы должны взглянуть напередъ, какія права числятся за незаконнорожденными на западѣ, что́ даютъ имъ его кодексы, и только послѣ тщательнаго измѣренія юридической территоріи, на которой стоятъ незаконнорожденные въ главнѣйшихъ государствахъ Европы, мы можемъ точно опредѣлить содержаніе реформы у насъ, сообразуясь со складомъ русскаго юридическаго быта и правовымъ воззрѣніемъ русскаго народа. Напрасно мы стали бы искать отвѣта на вопросъ о реформѣ въ исторіи законодательства о незаконнорожденныхъ. Если она можетъ представить зна-

чительный матеріалъ для выясненія постановленій объ нихъ западныхъ кодексовъ, то отнюдь не даетъ намъ руководящей нити въ настоящемъ обсужденіи и потому, не утомляя безплодно вашего вниманія изложеніемъ исторической стороны вопроса, я прямо обращусь къ обзору современнаго европейскаго законодательства о рожденныхъ внѣ брака и начну съ французскаго, опредѣленіями котораго руководится практическая правовая жизнь въ значительной части западной Европы.

Узаконеніе чрезъ послѣдующій бракъ, поддерживаемое римскимъ и каноническимъ правомъ, существовало во Франціи во всей силѣ за долго до времени первой революціи. Если нельзя сказать, чтобы эта эпоха, столь богатая законодательными реформами, отразилась какими-нибудь значительными измѣненіями на институтѣ легитимаціи, то право признанія естественныхъ дѣтей ихъ родителями и вытекающія отсюда юридическія послѣдствія обязаны своимъ широкимъ развитіемъ во Франціи только законодательству революціи. До 1789 года дѣти, родившіяся внѣ брака и не легитимированныя впослѣдствіи, не только исключались изъ права наслѣдовать по закону послѣ своихъ родителей, но даже и *по завѣщанію* не могли быть ихъ наслѣдниками. Они имѣли возможность получить родительское имущество только въ качествѣ легата, хотя и здѣсь являлись для нихъ разнообразныя стѣсненія. Въ этомъ умаленіи правоспособности къ наслѣдованію нельзя не видѣть вліянія 74 и 89 новеллъ и отчасти канонического права. Такимъ образомъ до революціи за незаконнорожденными въ сущности оставалось одно только право на пропитаніе. Эти ограниченія являлись въ глазахъ Конвента жестокостью, оскорбленіемъ естественнаго права. Онъ не только уничтожаетъ ихъ, но и доводитъ возстановленіе правъ незаконнорожденныхъ до полнаго уравненія съ законными дѣтьми. Законъ 12 брюмера II года призываетъ къ наслѣдованію послѣ отца и матери всѣхъ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и даетъ этому постановленію обратную силу, т.-е. участіе въ наслѣдованіи незаконнорожденныхъ распространяетъ на всякое наслѣдство, открывшееся съ 1789 года. Доля ихъ совершенно одинакова

съ дѣтьми законными. Далѣе, тотъ же законъ вводитъ право взаимнаго наслѣдованія между незаконнорожденными и боковыми ихъ родственниками. Въ этомъ видѣ существовало наслѣдственное право незаконнорожденныхъ до 3 вандемьера IV года, когда обратная сила закона 12 брюмера уничтожается и дѣйствіе его ограничивается лишь днемъ обнародованія. Но 23 вандемьера того же года законъ 12 брюмера былъ снова возстановленъ въ его обратномъ примѣненіи, что окончательно отмѣнено только 15 термидора VI года. Обезпеченіе содержанія и воспитанія незаконнорожденныхъ дѣтей было не менѣе важнымъ дѣломъ въ глазахъ Конвента. Исходя изъ того принципа, *что за отсутствіемъ или неизвѣстностью родителей заботы о дѣтяхъ падаютъ на государство*, онъ ежегодно назначалъ значительную сумму изъ государственныхъ доходовъ на госпитали для родильницъ, имя которыхъ въ силу закона хранилось въ строжайшей тайнѣ, и воспитательные пріюты для дѣтей. Самое слово *незаконнорожденный* Конвентъ изгналъ изъ оффиціальнаго языка, какъ унизительное и заключающее въ себѣ ничѣмъ неоправдываемое презрѣніе и замѣнилъ сначала словомъ *сироты*, а впослѣдствіи—*естественныя дѣти отечества*.

Не долго суждено было господствовать этому новому порядку, стоявшему внѣ всякой связи съ прошедшимъ и представлявшему такое полное его отрицаніе. Кодексъ Наполеона снова воздвигаетъ ниспровергнутую Конвентомъ границу между дѣтьми законнаго и незаконнаго рожденія и хотя вноситъ въ свои постановленія о судьбѣ послѣднихъ значительную часть воззрѣній, выработанныхъ революціей, но не менѣе значительно съуживаетъ ихъ и приводитъ снова въ связь съ прошедшимъ, возстановляя, напримѣръ, традиціонное дѣленіе рожденныхъ внѣ брака на дѣтей *естественныхъ*, дѣтей *отъ прелюбодѣянія* и *кровосмѣшенія*, и уничтожая почти всѣ права за послѣдними. Дальнѣйшія измѣненія и дополненія въ постановленіяхъ самого кодекса Наполеона не имѣютъ особеннаго значенія для моей задачи и я прямо перейду къ обзору опредѣленій его въ современной намъ редакціи ихъ во главѣ III, титулѣ 7.

За исключеніемъ дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣя-

нія и кровосмѣшенія, всѣ рожденные внѣ брака могутъ быть узаконены чрезъ вступленіе родителей ихъ въ бракъ, если только признаны ими за своихъ до брака или при самомъ вступленіи въ него (Art. 331, 333). Узаконеніе возможно и относительно умершихъ дѣтей, если послѣднія оставили послѣ себя нисходящихъ (Art. 332). Законъ 10 декабря 1850 года возложилъ на должностныхъ лицъ актовъ гражданскаго состоянія истребованіе по просьбѣ вступающихъ въ бракъ всѣхъ документовъ, необходимыхъ для легитимаціи, а равно и розысканіе дѣтей, отданныхъ въ воспитательные дома.

Признаніе ребенка его естественными родителями, подобно легитимаціи, не распространяется только на дѣтей отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія (Art. 335). Оно можетъ совершиться или при самомъ рожденіи или впослѣдстіи особымъ нотаріальнымъ актомъ (Art. 334). Если признаніе исходитъ отъ одного отца, безъ указанія матери, то юридическія послѣдствія признанія распространяются на одного его (Art. 336). Супругамъ не возбраняется и во время брака признать своихъ естественныхъ дѣтей, но послѣдствія признанія являются только при расторженіи брака, если нѣтъ законныхъ дѣтей (Art. 337). Всякій заинтересованный въ признаніи ребенка можетъ оспоривать его (Art. 339). Розысканіе отца безусловно воспрещается за исключеніемъ только дѣтей, рожденныхъ отъ похищенной женщины (Art. 340). Розысканіе матери дозволяется за исключеніемъ рожденныхъ отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія (Art. 341). Въ процессѣ о признаніи извѣстнаго лица матерью ребенка свидѣтельскія показанія допускаются лишь при существованіи письменныхъ доказательствъ (Art. 342).

Юридическія послѣдствія признанія ребенка по французскому праву суть:

а) *Право на наслѣдованіе* послѣ естественныхъ родителей. При существованіи законныхъ дѣтей оно ограничивается одною третью того, что принадлежитъ законному ребенку. Эта доля возвышается до половины, если остаются только восходящіе или братья и сестры, и до трехъ четвертей,

если только дальнѣйшіе боковые родственники (Art. 757). Какъ скоро вовсе нѣтъ родственниковъ правоспособныхъ къ наслѣдованію, незаконнорожденные получаютъ все (Art. 758). Въ случаѣ смерти этихъ послѣднихъ ихъ дѣти наслѣдуютъ дѣду и бабкѣ по праву представленія (Art. 759). Если незаконнорожденный при жизни своихъ родителей получитъ половину того, что дается ему послѣ ихъ смерти, то онъ совершенно устраняется отъ наслѣдованія. Если же полученная имъ часть менѣе половины, то онъ можетъ требовать только дополненія къ ней (Art. 761); b) *право на пропитаніе*; c) *право на опеку* со стороны признавшаго родителя.

Дѣти, рожденныя отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія, имѣютъ право только на пропитаніе, размѣръ котораго опредѣляется сообразно съ состояніемъ родителя и его законнаго семейства (Art. 763). Если незаконнорожденный умираетъ бездѣтнымъ, наслѣдство переходитъ къ родителю, признавшему его, а въ случаѣ смерти къ законнымъ его дѣтямъ. Впрочемъ участіе ихъ въ наслѣдованіи ограничивается тѣмъ имуществомъ, которое незаконнорожденный получилъ отъ общаго съ ними родителя. Все прочее имущество переходитъ къ естественнымъ братьямъ и сестрамъ или ихъ потомству (Art. 766).

Таковы постановленія современнаго французскаго гражданскаго кодекса о правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей.

Весьма близко къ нимъ по своимъ опредѣленіямъ стоитъ уложеніе итальянскаго королевства 1869 года. Оно еще шире смотритъ на дѣло и еще мягче относится къ переходу незаконныхъ дѣтей въ законные: кромѣ легитимаціи чрезъ послѣдующій бракъ, въ немъ мы встрѣчаемся съ легитимаціей посредствомъ королевскаго декрета. Королю предоставляется право узаконять дѣтей своимъ указомъ, если a) оба родителя сами просятъ о легитимаціи, b) если они не имѣютъ законныхъ дѣтей, c) если легитимація чрезъ вступленіе въ бракъ была для нихъ невозможна и d) наконецъ, если оба родителя согласны на узаконеніе. Не ограничиваясь этимъ итальянское уложеніе реставрируетъ древній способъ узаконенія (74 новел.)—*легитимацію чрезъ завѣщаніе.*

По статьѣ 199, если одинъ изъ родителей незаконнорожденнаго выразилъ въ завѣщаніи желаніе узаконить его, то незаконнорожденному предоставляется право просить о легитимаціи на основаніи завѣщанія, если не осталось законныхъ дѣтей и если будетъ доказано, что родители не могли вступить въ бракъ. Просьба о легитимаціи въ этомъ случаѣ разсматривается апелляціонною палатою и чрезъ министра юстиціи представляется вмѣстѣ съ заключеніемъ суда на королевское благоусмотрѣніе.

Постановленія итальянскаго кодекса о признаніи незаконнорожденнаго ребенка почти тождественны съ постановленіями на этотъ предметъ французскаго права и отличаются, какъ и въ легитимаціи, еще большею мягкостью и снисходительностью. Такъ, напримѣръ, на признавшаго родителя возлагается обязанность содержать и нисходящихъ незаконнорожденнаго и т. под. (ст. 185—187).

Въ Прусскомъ законодательствѣ (Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten 11. 2. Absch. 9) мы находимъ новый способъ узаконенія, неизвѣстный романскимъ кодексамъ. Здѣсь, кромѣ легитимаціи чрезъ послѣдующій бракъ (§ 596) и королевскій декретъ (§ 601), допускается *узаконеніе по судебному приговору*, причемъ дѣти получаютъ только фамилію матери (§§ 592—594). Если бы она умерла до окончанія процесса о предоставленіи ей права законной супруги (wirkliche Ehefrau) и судебный приговоръ послѣдовалъ бы въ пользу ея, то дѣти, тѣмъ не менѣе, получаютъ права законныхъ (§ 595). Точно такъ-же незаконнорожденный получаетъ права законнаго ребенка, если родители его *помолвлены формально* и отецъ, признавая его на судѣ своимъ, заявитъ, что бракъ съ матерью его не можетъ состояться по уважительнымъ причинамъ (§ 597). Узаконенный королевскимъ декретомъ, хотя и получаетъ всѣ права законнорожденнаго, но не вступаетъ въ семейство своего отца и можетъ быть принятъ въ него только по особому акту (Familienvertrag) (§ 605). Возникающія отсюда родственныя отношенія между нимъ и законными дѣтьми приравниваются къ родству по единокровію (§ 606).

Дѣти, остающіяся внѣ узаконенія, не принадлежатъ ни

къ семейству отца, ни къ семейству матери (§ 639). Впрочемъ они получаютъ фамилію послѣдней и приписываются къ тому сословію, въ которомъ она находилась въ моментъ рожденія ихъ (§ 640), но во всякомъ случаѣ безъ предоставленія имъ дворянскаго титула и герба, если она принадлежала къ дворянству (§ 641). Точно такъ же они раздѣляютъ и вѣроисповѣданіе матери (§ 642).

Прусское законодательство открываетъ полный просторъ розысканію отца и даже возлагаетъ на опекуна обязанность начать процессъ противъ предполагаемаго отца ребенка, если бы онъ отрицалъ свое участіе въ его рожденіи (§ 616). Если мать незаконнорожденнаго въ одно и то же время имѣла сожительство со многими мущинами, то отъ усмотрѣнія опекуна зависитъ, кого изъ нихъ непередъ привлечь къ суду и только послѣ отказа въ признаніи даннаго лица отцомъ ребенка къ суду привлекаются другіе сожители (§ 619).

Родитель незаконнорожденнаго обязанъ принять на себя всѣ издержки по содержанію и воспитанію его. Законъ предоставляетъ матери право до четырехлѣтняго возраста воспитывать ребенка на счетъ отца (§ 621), но далѣе уже отъ воли послѣдняго зависитъ оставить его на рукахъ матери или взять отъ нея и самому непосредственно продолжать его воспитаніе (§ 622). Сумма, получаемая на содержаніе, должна быть не менѣе той, какая расходуется на ребенка въ семействѣ ремесленника или крестьянина, включая сюда и плату въ школу (§ 626). Если отецъ не имѣетъ никакихъ средствъ, обязанность содержанія переходитъ на восходящихъ его родственниковъ и только при несостоятельности этихъ послѣднихъ ребенокъ воспитывается на счетъ государства (§ 627—632). Право на полученіе содержанія прекращается съ достиженіемъ четырнадцатилѣтняго возраста. Но если вслѣдствіе болѣзни или тѣлесныхъ недостатковъ незаконнорожденный не можетъ самъ добыть себѣ пропитаніе, то содержаніе со стороны отца или его восходящихъ родственниковъ прекращается только съ помѣщеніемъ его въ общественныя или частныя благотворительныя учрежденія (§ 633—634). Если мать захочетъ вос-

питывать ребенка независимо отъ отца на свой счетъ, отецъ не имѣетъ права устранить ее и все-таки привлекается къ содержанію ребенка, если бы впослѣдствіи мать оказалась несостоятельною (§ 623).

Наслѣдственное право незаконнорожденныхъ въ имуществѣ матери прусское законодательство совершенно уравниваетъ съ правами законныхъ дѣтей (§ 656). За то и послѣ незаконорожденнаго наслѣдуетъ только мать, отцу же не предоставляется никакого участія (§ 658, 659). Наслѣдованіе незаконнорожденнаго послѣ отца допускается въ томъ лишь случаѣ, если нѣтъ нисходящихъ и если происхожденіе его отъ наслѣдодателя доказывается судебнымъ или добровольнымъ признаніемъ; въ противномъ случаѣ онъ устраняется отъ наслѣдства, хотя бы и получалъ пропитаніе отъ умершаго. Наслѣдственная доля незаконнорожденныхъ не должна превышать шестой части имущества.

Австрійское законодательство *), подобно прусскому, вводитъ узаконеніе по опредѣленію суда и поставляетъ его наравнѣ съ вступленіемъ въ послѣдующій бракъ и рескриптомъ государя (Ellinger § 161, 162). Дѣти, рожденныя въ недѣйствительномъ бракѣ, причисляются къ законнымъ, если будетъ доказано, что при вступленіи въ бракъ незнаніе одного изъ супруговъ о существованіи препятствій не можетъ быть ему вмѣнено въ вину (§ 160). Розысканіе отца и принужденіе его по суду къ выполненію обязанности содержанія и воспитанія дозволяется безусловно. И здѣсь, какъ въ Пруссіи, къ незаконнорожденному назначается опекунъ, который долженъ содѣйствовать матери въ осуществленіи ея единственнаго права—требовать отъ отца ребенка средствъ для его содержанія (§ 189). Отцомъ ребенка признается тотъ, *кто имѣлъ сожительство съ его матерью не менѣе, какъ за 7 мѣсяцевъ предъ его рожденіемъ* (§ 163). Если же она имѣла связь со многими мущинами, то указать суду на того или другаго, какъ на отца ребенка, зависитъ отъ ея усмотрѣнія. Въ доказательство принимается: присяга ея,

*) *Ellinger's* Handbuch d. österreichischen Civilrechts § 160–171, 754–758. *Unger's* System d. österreich. allgemein. Privat-Rechts. I. S. 142. 196.

заключеніе свѣдущихъ людей по соображенію времени сожитія и зачатія и, наконецъ, сознаніе отца, сдѣланное внѣ суда. Родителямъ незаконнорожденнаго не воспрещается заключать между собою всякіе договоры относительно расходовъ и направленія его воспитанія (§ 170). Въ случаѣ смерти ихъ до достиженія незаконнорожденнымъ пятнадцатилѣтняго возраста обязанность содержанія переходитъ къ наслѣдникамъ ихъ (§ 171). Порядокъ наслѣдованія незаконнорожденныхъ почти тотъ же, какъ и въ Пруссіи (§ 754—756).

Постановленія англійскаго права о незаконнорожденныхъ носятъ на себѣ въ значительной степени отпечатокъ оригинальности, хотя по духу своихъ опредѣленій почти не выдѣляются изъ группы гуманнѣйшихъ законоположеній романскихъ и германскихъ кодексовъ, на которыя я вамъ сейчасъ только указывалъ. Англійское право (*Layer* Cod. civ. angl. T. I., p. 305) не отрицаетъ легитимаціи чрезъ послѣдующій бракъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не считаетъ ея общею, нормальною мѣрою и допускаетъ только въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особеннаго разрѣшенія парламента. Узаконеніе рескриптомъ государя здѣсь замѣняется актомъ парламента.

Свободному признанію ребенка въ Англіи также дается полный просторъ. Въ случаѣ судебнаго принужденія къ исполненію обязанности содержанія незаконнорожденнаго, вопросъ о происхожденіи его отъ лица, объявленнаго отцомъ, *рѣшается присяжными.*

Сумма, опредѣленная на содержаніе, вносится въ приходскую кассу, откуда и отдается матери или тому, на чьихъ рукахъ находится воспитаніе. Принудительное содержаніе ребенка прекращается съ семилѣтнимъ его возрастомъ.

Едва ли не гуманнѣе всѣхъ европейскихъ кодексовъ относится къ незаконнорожденнымъ шведское законодательство. Оно не признаетъ никакихъ разрядовъ незаконнорожденныхъ, по которымъ группируетъ ихъ, напримѣръ, французскій кодексъ. Оно не только допускаетъ легитимацію чрезъ послѣдующій бракъ, но и прямо причисляетъ къ законнымъ дѣтямъ: а) ребенка, прижитаго въ бракѣ человѣкомъ уже

женатымъ, б) прижитаго съ женатымъ или лицомъ, давшимъ формальное обязательство жениться, в) ребенка женщины изнасилованной. Узаконеніе возможно и по смерти естественныхъ родителей, если будетъ доказано, что они имѣли намѣреніе вступить въ бракъ и что оно не исполнилось только вслѣдствіе смерти одного изъ нихъ. Наслѣдственное право незаконнорожденныхъ весьма обширно. Если нѣтъ нисходящихъ родственниковъ, они наслѣдуютъ все *).

Таковы, мм. гг., постановленія о судьбѣ незаконнорожденныхъ въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы: Франціи, Италіи, Пруссіи, Австріи, Англіи и Швеціи. Я не считаю возможнымъ въ предѣлахъ настоящаго доклада распространяться о постановленіяхъ другихъ европейскихъ кодексовъ, да и по самому существу дѣла въ этомъ не предстоитъ надобности, такъ какъ заключеніемъ нѣкоторыхъ партикулярныхъ опредѣленій основныя положенія въ большинствѣ ихъ одни и тѣ же.

II.

Что же выносимъ мы изъ этого обзора юридической территоріи, на которой стоятъ незаконнорожденные въ западно-европейскихъ государствахъ? Прежде всего мы не можемъ не видѣть усиленнаго стремленія сблизить родителей съ естественными дѣтьми и всѣми мѣрами облегчить послѣднимъ возможность сдѣлаться законными. Мы не можемъ не видѣть, что легитимація чрезъ послѣдующій бракъ и свободное признаніе естественныхъ дѣтей есть достояніе всего цивилизованнаго міра; *это суть постулаты цивилизаціи.* Мы не знаемъ ни одного уголка просвѣщеннаго юридическаго быта, гдѣ узаконеніе и признаніе, имѣющія свои незыблемыя основы въ естественномъ правѣ и чувствѣ справедливости, были бы приносимы въ жертву формальной нравственности. Къ сожалѣнію, постановленія нашего права о судьбѣ незаконнорожденныхъ, благодаря историческимъ вліяніямъ, лишены той гуманности и того либераль-

*) См. брош. „Вопросъ о незаконнорожденныхъ“.

наго духа, которыми проникнуты законы русскаго семейнаго права, оставляющіе далеко позади себя большую часть западно-европейскихъ. Статья 132 X Т. Св. Зак. безусловно отрицаетъ легитимацію чрезъ послѣдующій бракъ, открытое же признаніе ребенка своимъ влечетъ за собою наказанія по уложенію. Я далекъ отъ всякаго желанія видѣть въ этомъ что-нибудь другое, кромѣ результата византійскаго вліянія на наше право. Въ западной Европѣ легитимація есть наслѣдственный элементъ эпохи господства римскаго и каноническаго права. Въ восточной римской имперіи она еще въ IX вѣкѣ уничтожена новеллами Льва Философа (886—911) (вмѣстѣ съ конкубинатомъ, ради превращенія котораго въ правильный бракъ и введена была въ первый разъ Константиномъ), тогда какъ на западѣ ее постоянно поддерживало юстиніановское законодательство, управлявшее, какъ вы знаете, гражданско-правовою жизнью ново-европейскихъ народовъ. Въ то время, какъ каноническое право восточной церкви безусловно отвергаетъ легитимацію чрезъ послѣдующій бракъ, каноническое право церкви западной не только вноситъ ее на свои скрижали, но и значительно расширяетъ приложеніе, допуская къ узаконенію не только *ilii naturales*, но и *spurii* (постановл. папы Александры III 1172 года и папы Иннокентія III 1212 года, см. с. 6, X qui filii sint legitimi). Воззрѣніе восточной церкви на легитимацію перешло къ намъ вмѣстѣ съ ея канонами. Въ Кормчей самый бракъ съ наложницей не одобряется (см. о возбран. брац.). Отсюда въ уложеніи Алексѣя Михаиловича (гл. 10, ст. 280) рѣзко отрицается всякая возможность узаконенія чрезъ послѣдующій бракъ. Правда, въ проэктѣ гражданскаго уложенія при Александрѣ I въ главѣ девятой мы встрѣчаемъ постановленія о легитимаціи путемъ брака, формулированныя по началамъ французскаго права, но этому проэкту не суждено было перейти въ практическую жизнь и дѣйствующее право по прежнему осталось при безусловномъ отрицаніи легитимаціи.

Но, какъ бы сознавая всю жестокость и несправедливость этого отрицанія, русское право съ конца прошлаго столѣтія допускало легитимацію рескриптомъ государя,

что особенно часто практиковалось при Александрѣ I. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 13 іюня 1801 года признаетъ право просить объ узаконеніи до-брачныхъ дѣтей не только за родителями, вступившими въ правильный бракъ, но и за родственниками ихъ и опекунами незаконнорожденныхъ, если будетъ доказано, *что самъ отецъ имѣлъ намѣреніе при жизни просить объ узаконеніи.* Другое мнѣніе 1803 года дѣтей узаконенныхъ признаетъ равноправными съ законными относительно наслѣдованія послѣ обоихъ родителей. Но эта мѣра, такъ справедливо смягчившая суровость юридическихъ судебъ незаконнорожденныхъ, значительно ограничена въ своемъ примѣненіи съ 1829 года, когда по Высочайшему повелѣнію всѣ прошенія объ узаконеніи приказано оставлять безъ движенія и такимъ образомъ узаконеніе по указу государя сдѣлалось добровольнымъ актомъ самодержавной власти, чѣмъ оно существуетъ и до нынѣ.

Отвергая легитимацію и свободное признаніе незаконнорожденнаго, наше право идетъ еще далѣе — оно преграждаетъ родителямъ всякій путь стать въ легальныя отношенія къ своимъ естественнымъ дѣтямъ посредствомъ, напримѣръ, усыновленія. Статьи 145 и 153 X Т. Св. Зак. не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что усыновленіе дворяниномъ или купцомъ своего незаконнорожденнаго ребенка есть *актъ незаконный*, хотя относительно лицъ податнаго состоянія, при неопредѣленности постановленій, можно приходить къ противоположному выводу.

Я считаю излишнимъ говорить здѣсь о значительныхъ ограниченіяхъ, лежащихъ на незаконнорожденныхъ при вступленіи на государственную службу, о безправіи ихъ въ наслѣдованіи, точно также какъ не считаю умѣстнымъ вдаваться въ разсужденія, на сколько эти ограниченія лишены юридическаго основанія и нарушаютъ естественное чувство справедливости, воспрещающее карать за грѣхи родителей ни въ чемъ неповиннаго младенца. Я обращусь прямо къ вопросу: *могутъ ли быть введены у насъ мѣры возстановленія и улучшенія правъ незаконнорожденныхъ дѣтей, принятыя во всемъ цивилизованномъ мірѣ подъ именемъ узаконенія*

чрезъ послѣдующій бракъ и признанія ребенка своимъ, дающаго ему право на пропитаніе отъ родителей и извѣстную долю въ наслѣдствѣ послѣ нихъ? Не будетъ ли существованіе ихъ у насъ противно складу русскаго юридическаго быта? Нѣтъ ли въ самомъ правовомъ сознаніи русскаго народа такихъ окрѣпнувшихъ, установившихся вѣками, воззрѣній, при которыхъ допущеніе легитимаціи и признанія являлось бы насиліемъ надъ нимъ? Вопросъ о соотвѣтствіи новаго закона съ установившимися правовыми воззрѣніями имѣетъ глубокую важность и не можетъ быть обойденъ при каждой реформѣ въ области права, а потому и въ данномъ случаѣ разрѣшеніе его значительно развязываетъ руки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ относится къ незаконнорожденнымъ народный юридическій разумъ? Соединяетъ ли онъ съ состояніемъ незаконнорожденнаго то умаленіе правъ, которыя признаетъ за нимъ, на превосходныхъ по своей гуманности мотивахъ, каноническое право запада. Оно предполагаетъ, что съ самаго перваго момента половаго сообщенія родители незаконнорожденнаго имѣли уже намѣреніе вступить въ бракъ между собою, что только увлекаемые страстью одинъ къ другому они подпали искушенію предупредить наступленіе брака, что связь ихъ есть только предвареніе брака, который дѣйствительно наступилъ, а *потому дѣти, рожденныя отъ такихъ родителей, должны считаться плодами брака, хотя и рановременнымъ* (Pothier. T. VII, p. 261).

Что касается признанія естественныхъ дѣтей, то и оно, вмѣсто того, чтобы вести къ наказанію по уложенію, должно сдѣлаться правомъ каждаго гражданина. Воспрещая открытое признаніе ребенка, законъ лишаетъ его естественныхъ покровителей, могущихъ предохранить жизнь его отъ многихъ бѣдствій. Я затрудняюсь исчислить тѣ горькія послѣдствія, которыя возникаютъ иногда для ребенка изъ запрещенія признанія со стороны закона. Всѣмъ вамъ извѣстно, напримѣръ, что совершающееся нынѣ подъ вліяніемъ этого запрещенія сокрытіе именъ родителей имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что право на участь незаконнорожденнаго переходитъ къ тому, въ чьихъ рукахъ являет-

ся случайно пріемный билетъ изъ воспитательнаго дома. Какое широкое поприще открывается здѣсь для особъ, промышляющихъ дѣтьми! Употребленіе ихъ для испрашиванія милостыни, странствованіе по городу за шарманкою, затѣмъ продажа для разврата и наконецъ карьера публичной женщины или вора той или другой категоріи — все это суть обыкновенныя явленія въ положеніи незаконнорожденнаго въ настоящее время, если не постоянно, то весьма часто вытекающія изъ жестокаго отношенія къ нимъ закона.

Что касается легитимаціи въ особенности, то даже самая логика нашего права ведетъ къ необходимости признанія ея. По нашему закону ребенокъ, родившійся на другой день брака, считается законнымъ и записывается таковымъ въ метрическихъ книгахъ, которыя, если будутъ подписаны отцомъ, на всегда исключаютъ споръ противъ законности рожденія (ст. 127 X т. св. зак., ч. 1). Почему же ребенокъ, родившійся наканунѣ брака, отъ тѣхъ же родителей, считается незаконнорожденнымъ? Если въ первомъ случаѣ бракъ дѣлаетъ законнымъ младенца, зародившагося и созрѣвшаго для жизни до вступленія въ него, то почему тѣ же послѣдствія не являются и во второмъ случаѣ? Мы говоримъ, что ребенокъ отдѣлился отъ матери въ то время, когда брака не существовало. Но, игнорируя такимъ образомъ *моментъ зачатія*, не перескакиваемъ ли мы здѣсь за барьеръ, черезъ который въ другихъ случаяхъ не осмѣливаемся переступить? Не даемъ ли мы во многихъ случаяхъ моменту зачатія громадное юридическое значеніе,—почему же здѣсь спѣшимъ забыть его? Чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно отказать въ признаніи законности рожденія всякому ребенку, который по естественному порядку не можетъ считаться зачатымъ въ бракѣ, *плодомъ брака*, чего наше право не дѣлаетъ.

Я не могу пройти молчаніемъ тѣ замѣчанія относительно вреднаго вліянія легитимаціи на народную нравственность, съ которыми приходится встрѣчаться весьма нерѣдко. Такъ въ вышеприведенномъ мнѣніи государственнаго совѣта высказано, что надежда узаконить впослѣдствіи дѣтей мо-

жетъ вести къ умноженію недозволенныхъ половыхъ отношеній. По мысли этого мнѣнія выходитъ, что отрицаніе легитимаціи, какъ нормальной общедоступной мѣры, необходимо для устрашенія родителей относительно незаконнаго сожительства безправіемъ дѣтей, необходимо, какъ нравственное давленіе на волю лицъ, вступающихъ въ незаконную связь. Не вдаваясь въ разсужденія, на сколько устрашеніе неумѣстно и нецѣлесообразно, какъ мѣра воздержанія отъ неправильныхъ половыхъ отношеній, потому что, по свидѣтельству опыта, это прямо приводитъ къ противоположному результату, я не могу не замѣтить, что устрашеніе въ этомъ случаѣ вовсе не страшно для дѣйствующихъ незаконно; оно страшно для третьяго лица, для ребенка, о возможности рожденія котораго обыкновенно помышляютъ очень мало. Что легкость легитимаціи не ведетъ къ ослабленію народной нравственности, это лучше всего доказываютъ намъ статистическія данныя о числѣ незаконныхъ рожденій въ государствахъ, законодательство которыхъ наиболѣе гуманно относится къ незаконнорожденнымъ. Такъ въ Швеціи, гдѣ законъ даетъ имъ сравнительно самыя широкія права, незаконныхъ рожденій считается 8% на 100, тогда какъ въ другихъ государствахъ, гдѣ законы менѣе благопріятные, процентъ незаконныхъ рожденій возвышается (въ Баваріи 20%, въ Саксоніи 14%, въ Вюртембергѣ 12% и т. п. *).

Эти показанія статистики, кажется, могутъ вполнѣ успокоить всѣ опасенія относительно вреднаго вліянія легитимаціи на народную нравственность. Въ заключеніе моихъ соображеній относительно введенія у насъ легитимаціи чрезъ послѣдующій бракъ я позволю себѣ остановить ваше вниманіе на несогласіе въ этомъ отношеніи нашихъ народныхъ понятій съ буквою формальнаго закона? Самаго поверхностнаго знакомства съ народнымъ воззрѣніемъ на незаконнорожденныхъ уже достаточно, чтобы видѣть, что не только связи этой въ немъ не существуетъ, но напротивъ въ немъ заключается энергическій протестъ противъ опре-

*) Haushofer, Lehr und Handbuch der Statistik. Wien. 1872.

дѣленій закона. Прежде всего нашъ народъ не дѣлаетъ никакой разницы между человѣкомъ законнаго и не законнаго рожденія и самое слово „*незаконнорожденный*“ едва ли ему извѣстно и странно звучитъ для его слуха. Онъ караетъ всей силою своего осужденія половыя отношенія, не освященныя церковью, но далѣе этого нейдетъ, — не переноситъ своего презрѣнія на плодъ этихъ отношеній и не вмѣняетъ неповинному въ своемъ рожденіи ребенку грѣха его родителей. Онъ называетъ его *пріемышемъ*, *сиротою*, и, какъ извѣстно, значительная часть дѣтей, поступающихъ въ воспитательные дома, усыновляются крестьянами и получаютъ права законныхъ среди крестьянской семьи. Наконецъ, по нашимъ народнымъ обычаямъ, имущество въ крестьянской средѣ раздѣляется между законными дѣтьми и пріемышами. Да и въ той средѣ, которая исключительно опредѣляется постановленіями писаннаго закона, правовое воззрѣніе не менѣе рѣзко расходится съ нимъ и постоянно предъявляетъ къ нему косвенный протестъ. Что значатъ эти усилія среди дворянства и купечества усыновлять своихъ естественныхъ дѣтей вопреки постановленіямъ закона, какъ не желаніе обойти его подъ вліяніемъ неотразимыхъ требованій естественнаго родительскаго чувства, какъ не протестъ правоваго сознанія противъ его суровой буквы? И такъ, въ юридическомъ воззрѣніи народа не только нѣтъ ничего чуждаго легитимаціи и признанію, но напротивъ, въ немъ заключается для нихъ подготовленная почва.

Юридическія послѣдствія признанія, то-есть, содержаніе ребенка до совершеннолѣтія и предоставленіе ему извѣстной доли наслѣдства вовсе не чужды нашему современному юридическому быту. И то, и другое практикуется у насъ въ настоящее время. Статья 994 уложенія о наказаніяхъ даетъ право матери незаконнорожденнаго требовать отъ отца его содержанія себѣ и ребенку, но законъ этотъ распространяется только на случай сожитія неженатаго съ незамужнею. Что касается до наслѣдованія незаконнорожденныхъ, оно допускается въ крестьянскомъ быту. Слѣдовательно, законодательству предстоитъ только въ первомъ случаѣ распространить обязанность содержанія ребенка за

предѣлы, установленные 994 статьею, и по образу западноевропейскихъ кодексовъ установить размѣръ и срокъ исполненія этой обязанноети, а въ послѣднемъ—точно опредѣлить мѣру наслѣдованія незаконнорожденныхъ и обобщить наслѣдственное право ихъ для всѣхъ сословій.

Вотъ, мм. гг., основанія, по которымъ я считаю необходимымъ введеніе въ наше законодательство постановленій о легитимаціи и признаніи естественныхъ дѣтей.

Какъ организовать то и другое въ подробностяхъ, что можно перенести на русскую почву изъ постановленій о незаконнорожденныхъ западныхъ кодексовъ—этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ нашими законоподготовляющими учрежденіями по соображеніи какъ внутренняго достоинства заимствуемаго постановленія, такъ и соотвѣтствія его со всѣмъ складомъ нашего юридическаго быта. Если высказанныя мною соображенія съѣздъ изволитъ признать заслуживающими уваженія, то не благоугодно ли ему будетъ постановить слѣдующую резолюцію:

а) Желательно, — чтобы вступленіе въ бракъ родителей незаконнорожденныхъ давало право на сопричисленіе этихъ послѣднихъ къ законнымъ дѣтямъ;

и b) Желательно, чтобы родителямъ незаконнорожденныхъ, не могущимъ вступить между собою въ бракъ, предоставлено было право признанія ихъ своими естественными дѣтьми и чтобы съ этимъ признаніемъ соединялось право на полученіе содержанія отъ нихъ и наслѣдованіе по закону въ извѣстной долѣ.

В. Н. Лешковъ. Отъ вашего вниманія, гг., вѣроятно, не ускользнуло мнѣніе референта о положеніи женщины по нашему законодательству и по законодательствамъ западнымъ. Думаю, что если положеніе женщины по русскимъ законамъ менѣе тяжело, чѣмъ положеніе женщины на западѣ Европы, то этимъ какъ будто немного выясняется, почему у насъ законъ строго относится къ дѣтямъ незаконнорожденнымъ. Для русской дѣвушки нѣтъ опасности, нѣтъ страха вступить въ бракъ, потому что русскій бракъ содержитъ въ себѣ болѣе гуманныя основанія для взаимнаго сожитія мущины и женщины, чѣмъ западный; гораздо

болѣе опасности для дѣвушки западной вступить въ бракъ. Тамъ, собственно говоря, многое побуждаетъ воздерживаться отъ брака и впадать въ грѣхъ, который могъ бы быть предупрежденъ бракомъ. Во 2-хъ, я думаю, что предметъ, затронутый референтомъ, изложенъ имъ въ такой формѣ, что невольно наводитъ на мысль о великой его важности, наводитъ на мысль о томъ, что если Западная Европа смотритъ на него такъ, а вся восточная — иначе, то въ этомъ фактѣ, такъ сказать, всеобщей исторіи лежитъ указаніе, что мы съ величайшею осторожностью должны относиться къ затронутому вопросу. Въ 3-хъ, Н. Пав. замѣтилъ, что каноническое право западное болѣе либерально въ этомъ отношеніи. Я долженъ сказать, что бракъ по каноническому праву запада имѣетъ два момента: собственно совершеніе брака и его консолюція; консолюція можетъ имѣть мѣсто и послѣ церковнаго обряда и прежде. Быть можетъ, эта консолюція, входящая въ составъ понятія о бракѣ, по западному каноническому праву, побуждаетъ къ тому, чтобъ дѣтямъ, рожденнымъ до брака, такъ какъ они уже удовлетворяютъ одному элементу, облегчить признаніе ихъ законными. Въ 4-хъ, референтъ говоритъ, что народъ относится легко, милостиво, гуманно къ дѣтямъ незаконнорожденнымъ. Пусть меня извинятъ, но я этому не вѣрю. Напротивъ, если мы видимъ, что на западѣ слово bâstard звучитъ чѣмъ-то позорнымъ, то и у насъ титулъ незаконнорожденнаго не изъ удобоносимыхъ и дѣтямъ въ такомъ званіи не легко живется на свѣтѣ. Нѣтъ, не думаю, чтобы русскій народъ относился легко, да и не можетъ онъ относиться легко къ такому явленію, которое не одобряется самою церковью. Вѣдь русскій народъ воспитаніемъ своимъ обязанъ преимущественно церкви. Ни одинъ элементъ государства и общества не поработалъ такъ много для развитія русскаго народа, какъ церковь. Еще одно замѣчаніе: референтъ находитъ весьма легкимъ, весьма удобнымъ ввести законъ объ усыновленіи вообще въ Россіи, потому что существуютъ сословія, куда въ качествѣ пріемышей поступаютъ дѣти изъ воспитательныхъ домовъ и узаконяются. Я думаю, что это изъятіе объясняется не

столько моральными, сколько фискальными соображеніями: чѣмъ больше въ Россіи записано родившихся въ податномъ состояніи, тѣмъ лучше для фиска. Не забывайте также и того, мм. гг., что воспитательные дома наполняются, кромѣ незаконныхъ, и законными дѣтьми. Бѣдные родители часто изъ любви къ дѣтямъ рѣшаются помѣщать ихъ въ воспитательный домъ, потому что не знаютъ, что съ ними дѣлать. А если такъ, то почему же не допустить, что народъ русскій это знаетъ, что онъ, который самъ носитъ своихъ законныхъ дѣтей, чтобы дать имъ пріютъ, ученье, воспитаніе, онъ охотно, съ любовью, съ почетомъ принимаетъ такихъ дѣтей, какъ своихъ полноправныхъ сограждан. Я думаю, что для нашего времени резолюція, могущая быть высказана въ настоящемъ съѣздѣ, должна быть лишь такова, чтобы законъ 29 года былъ отмѣненъ, т. е., чтобы были возстановлены законы, дѣйствовавшіе до 29 года.

Θ. Н. Плевако. Мм. гг.! Я думаю, что измѣненіе резолюціи, которое предложилъ В. Н. Лешковъ, должно быть сочтено недостаточнымъ, а напротивъ отношусь съ совершеннымъ сочувствіемъ къ предложенію г. референта; но, съ другой стороны, полагаю, что независимо отъ мотивовъ, указанныхъ въ его рефератѣ, мы имѣемъ и другіе, которые также необходимо присоединить къ его резолюціи. Для созданія въ нашемъ обществѣ, въ средѣ нашего народа того законоположенія, которое желательно видѣть г. Ляпидевскому, недостаточно одной ссылки на историческій примѣръ другихъ народовъ. Не тамъ, не въ нихъ однихъ намъ слѣдуетъ искать основаній, чтобы подобное узаконеніе не мало не медля было введено въ Россіи. Я совершенно согласенъ, что въ нашемъ народѣ особенно жесткаго возрѣзнія на фактъ незаконнаго рожденія въ отношеніи къ родившимся не существуетъ; вѣдь самъ же народъ зачисляетъ ихъ въ свою семью, какъ пріемышей. Но я думаю, что мотивы такого легкаго взгляда на незаконнорожденныхъ совершенно другіе. Изъ опыта извѣстно, что въ крестьянскую семью пріемыши вводятся большею частью для того, чтобы сдать ихъ потомъ въ солдаты и тѣмъ избавить отъ рекрутчины законныхъ дѣтей. Еще недавно такой мотивъ

имѣлъ подъ собою несомнѣнно реальную почву. Теперь обстоятельства измѣнились. Съ новымъ воинскимъ закономъ, когда будущность, которую готовили пріемышамъ, стала неизбѣжною и для законныхъ дѣтей, прежній стимулъ долженъ исчезнуть. Ради рекрутчины никто не станетъ теперь кормить пріемыша, да и законныя дѣти должны раздѣлить ту же участь. Такимъ образомъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ стимуловъ уничтоженъ закономъ. На немъ же лежитъ и обязанность устранить вредныя послѣдствія этого. Онъ долженъ обезпечить незаконнорожденнымъ всѣ тѣ выгоды, которыя при прежнихъ условіяхъ волей-неволей давала пріемышу крестьянская семья. Съ перваго раза можетъ показаться, что резолюція В. Н. Лешкова имѣетъ въ виду и достигаетъ того же практическаго результата. Но это врядъ-ли справедливо. Его предложеніе кажется мнѣ не болѣе, какъ палліативомъ. Дѣло въ томъ, что законъ 29 года запретилъ лишь обращаться къ высшей государственной власти съ ходатайствомъ о причисленіи дѣтей незаконнорожденныхъ къ законнымъ. Такимъ образомъ, отмѣна его не въ состояніи принести большой пользы. Добиться узаконенія будетъ по прежнему очень и очень трудно. Сложный процессъ особаго ходатайства на высочайшее имя по прежнему останется въ силѣ. Между тѣмъ, при измѣненіи какого-либо закона весьма важно принять во вниманіе и легкость, съ какою каждый гражданинъ можемъ имъ пользоваться; правый судъ долженъ быть по возможности дешевъ и скоръ. А этими качествами врядъ ли отличается ходатайство передъ верховною властью. Уже по одному количеству русскаго населенія легко судить, что это благодѣяніе доступно не каждому. Лица привилегированныхъ, богатыхъ классовъ, конечно, легко могутъ воспользоваться правомъ ходатайства. Но и теперь для нихъ ничего не стоитъ обойти стѣснительный законъ, такъ какъ верховная власть стоитъ выше закона. Но для массы, для которой въ высшей степени важенъ легкій доступъ къ источнику, отъ котораго она ждетъ осуществленія своего права, врядъ ли будетъ послѣдовательно ходатайствовать объ уничтоженіи закона 29 года, это значило бы остановиться на

полдорогѣ. Предложеніе возвратиться къ порядкамъ до 29 года страдаетъ еще слѣдующимъ недостаткомъ. Право ходатайствовать объ узаконеніи принадлежало только отцамъ. Но этого мало, и не того, конечно, требуетъ резолюція г. Ляпидевскаго. Его предложеніе вытекаетъ изъ той глубоко справедливой мысли, что родители, виновные въ рожденіи дитяти, не должны уклоняться отъ исполненія своихъ родительскихъ обязанностей, и что, слѣдовательно, право требовать узаконенія должно принадлежать самому незаконнорожденному. Но обратимся къ самой резолюціи референта. Первое, что она предлагаетъ—это ввести у насъ узаконеніе черезъ послѣдующій бракъ. Я не могу не сознаться, что для такого закона предвижу впереди не мало затрудненій. Установить желательный принципъ однимъ почеркомъ законодательнаго пера, я думаю, не удастся. Г. Ляпидевскій указываетъ намъ на постановленіе Конвента. Но что же, если не это постановленіе породило иски, которые внесли разладъ, разстройство въ семьѣ? Вѣдь не разъ случалось въ то время, что женщины извѣстной категоріи только ради скандала, или въ надеждѣ на отступное, начинали процессы, компрометтировали честныя имена. До чего дошла такая практика, видно изъ того, что закономъ Наполеона было наконецъ воспрещено розыскивать отца незаконнорожденнаго. Все это можетъ повториться и у насъ. И такъ, полезенъ ли будетъ новый законъ, не поведетъ ли онъ къ ослабленію семейныхъ узъ? Но мнѣ кажется, что всѣ такія опасенія падаютъ передъ совершенствами новаго гласнаго суда. Злоупотребленія будутъ, безъ сомнѣнія, рѣдки. Я не думаю, что, предоставивъ лицамъ, рожденнымъ внѣ брака, широкое право иска о признаніи или узаконеніи ихъ своими родителями, мы этимъ самымъ внесемъ разложеніе въ нашу семейную жизнь. Судъ, конечно, всегда найдетъ возможнымъ оградить насъ отъ спекуляціи. Подъ защиту свою онъ приметъ лишь тѣхъ, кто наши по плоти и крови, и отворитъ наконецъ тѣ двери, которыя для нихъ остаются до сихъ поръ запертыми лишь благодаря народнымъ предразсудкамъ.

В. Д. Спасовичъ. Я, г-да, вполнѣ раздѣляю предложеніе

референта и мнѣніе моего сотоварища г. Плевако и въ то же время заявляю свое несогласіе съ ограничительнымъ предложеніемъ В. Н. Лешкова. Отмѣна закона 29 года дѣло совершенно второстепенное. Главная сила заключается въ характерѣ, въ направленіи юридическихъ идей. Вы знаете, гг., на нашемъ правѣ уголовномъ и гражданскомъ все еще тяготѣетъ гнетъ старыхъ, церковныхъ, отжившихъ воззрѣній. Въ уголовномъ правѣ все еще держится церковное покаяніе. Въ гражданскомъ ими опутана наша семья; они сильно тормозятъ развитіе нашего семейнаго права, успѣшно соперничая съ новыми идеями, отвѣчающими новымъ потребностямъ общества. Критика по отношенію къ такимъ тормозящимъ воззрѣніямъ обязательна, и первое, о чемъ намъ надо спросить себя — это, насколько они коренятся въ общественныхъ нравахъ? Я думаю, что имъ не удалось пустить здѣсь слишкомъ глубокихъ корней, они далеко не вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру, нравамъ, обычаямъ, преданіямъ народа: народъ гораздо снисходительнѣе отжившихъ традицій писаннаго закона. Въ виду этого, полумѣра, предложенная В. Н. Лешковымъ, не соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей. Въ настоящее время необходима реформа, несравненно болѣе радикальная. За доказательствами ходить не далеко: сравните въ самомъ дѣлѣ наши постановленія о законныхъ и незаконныхъ дѣтяхъ. Въ нашихъ постановленіяхъ о дѣтяхъ законныхъ проводится вотъ какая мысль: снисходительность ко всякому, кто, такъ или иначе, хотя-бы и незаконно, проникъ въ область законныхъ дѣтей и удержался тамъ; малѣйшій пропускъ годичнаго срока, малѣйшее упущеніе какой-нибудь формальности уже лишаетъ отца права оспаривать законность рожденія ребенка, хотя-бы онъ даже и не зналъ, что на его имя записанъ не законнорожденный. Бываютъ случаи, что лица, несомнѣнно незаконнорожденныя, пользуясь лишь этими формальными условіями, вступали въ семью и навсегда утверждались въ ней. Съ другой стороны, наши постановленія о незаконныхъ дѣтяхъ носятъ на себѣ исключительно отрицательный характеръ: дѣти эти ровно никакихъ правъ не имѣютъ. Въ результатѣ, между прочимъ, слѣдующее, из-

вѣстное каждому на практикѣ, толкованіе правит. сенатомъ ст. 993, выходя изъ того предположенія, что по закону незаконныя дѣти не могутъ имѣть никакихъ правъ, имъ нельзя присудить никакого содержанія отъ родителей; но такъ какъ незаконное сожитіе есть преступленіе, влекущее за собою церковное покаяніе, то въ видѣ наказанія присудить такое содержаніе можно. Построеніе, очевидно, не логическое. Взыскать содержаніе не значитъ наказать, а лишь обезпечить удовлетвореніе несомнѣннаго частнаго права, права, котораго никто не долженъ быть лишенъ. Противорѣчіе практики и законодательства очевидно и ему надо положить конецъ. Ввести опредѣленія о правахъ незаконныхъ дѣтей положительно необходимо.

А. В. Лохвицкій. Мм. г.г. Вопросъ, предложенный г. Ляпидевскимъ, принадлежитъ, конечно, къ такимъ вопросамъ, которые возбуждаютъ сочувствіе всѣхъ гуманныхъ людей. Но при всемъ сочувствіи нашемъ къ затронутому вопросу, самое это гуманное чувство заставляетъ насъ по важности вопроса быть осторожнымъ къ выводамъ. Всегда, когда мы желаемъ принять какую-нибудь резолюцію, надо сперва осмотрѣться, не столкнется ли наше гуманное чувство съ другими явленіями, чтобы, давая слишкомъ широкое приложеніе этому чувству, не повредить ему самому, затронувши другія явленія, столь же законныя и столь же имѣющія право на наше гуманное чувство. Г. Ляпидевскій формулировалъ свое предложеніе въ двухъ пунктахъ: прежде всего онъ желаетъ такой резолюціи, чтобъ признано было право отца узаконять тѣхъ дѣтей, которыя рождены были внѣ брака съ тою женщиною, на которой онъ впослѣдствіи женился, т.-е. онъ требуетъ возстановленія порядка, который въ той или другой формѣ существовалъ до 29-го года; потомъ онъ говорилъ вообще о правѣ незаконныхъ дѣтей на содержаніе, стало быть, прижитыхъ внѣ тѣхъ условій, о которыхъ говорится въ первомъ пунктѣ. Г. Плевако указалъ, что въ рефератѣ Ляпидевскаго центръ тяжести находится не на родителяхъ, а на дѣтяхъ, т. е. что рѣчь идетъ не столько о правѣ родителей, сколько о правѣ дѣтей требовать, чтобы ихъ узаконили. Я не такъ понялъ слова г. Ляпидевскаго,

но это все равно, сказалъ-ли это г. Ляпидевскій, или кто другой, но вопросъ поставленъ въ этомъ видѣ. Вотъ поводъ, по которому я счелъ себя обязаннымъ высказаться о резолюціи г. Ляпидевскаго.

Прежде всего надо замѣтить, что я согласенъ съ г. Лешковымъ, что въ нашемъ народѣ существуетъ нѣкоторое пренебреженіе къ незаконнорожденнымъ. Всякій, кто бывалъ въ деревнѣ, знаетъ, что незаконнорожденныя называются не воспитанниками, а совершенно другимъ именемъ, которое здѣсь не могу повторить. Затѣмъ я припомню слѣдующій фактъ весьма замѣчательный: въ нынѣшнее царствованіе изданъ такой законъ: не писать въ формулярномъ спискѣ, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и чиновныхъ лицъ о ихъ незаконномъ происхожденіи. Очевидно, что такое упоминаніе было своего рода непріятностью, тяжестью для человѣка, т.-е. хотя человѣкъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, но все таки это возбуждало нѣкоторое пренебреженіе, конечно, въ мало развитомъ обществѣ, но вѣдь это общество несравненно обширнѣе развитаго. И такъ нашъ народъ вовсе не проникнутъ такими воззрѣніями, о которыхъ говоритъ г. Лапидевскій. Правда, бывали эпохи—у насъ я этого не помню, а у другихъ народовъ—когда незаконное происхожденіе не считалось нисколько пренебрежительнымъ, такъ, напр., знаменитый Вильгельмъ завоеватель имѣетъ прозваніе батара и писалъ въ оффиціальныхъ актахъ: „Мы, Вильгельмъ незаконнорожденный“; у насъ, въ древней Россіи, пока христіанскій бракъ не успѣлъ еще установиться, точно также случалось, что даже владѣтельные князья бывали по церковному праву незаконнорожденными, да и самъ Владиміръ св., какъ сынъ рабы, былъ незаконнорожденный, потому что и въ эпоху язычества бракъ отличался у насъ отъ простаго сожительства. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что именно въ силу своего происхожденія Владиміръ стоялъ ниже своихъ братьевъ князей. Очень характеристично то мѣсто лѣтописи Нестора, гдѣ Новгородъ приходитъ къ великому князю просить себѣ князя на условіяхъ, чрезвычайно стѣснительныхъ для княжеской власти; имъ было отвѣчено, что едва-ли кто пойдетъ. Тогда они сказали: „ну, дай намъ хоть Владиміра“.

Онъ сказалъ: „ну, это и есть по васъ князь“, т.-е. что онъ незаконный. Мы противъ народныхъ понятій сдѣлать ничего не можемъ при помощи законодательства. Допустимъ даже, что оно уничтожило самое различіе законныхъ и незаконныхъ дѣтей, все таки народъ будетъ знать и говорить: да, но онъ все таки сынъ незаконной жены.

Противъ народныхъ понятій, быть можетъ весьма неправильныхъ, негуманныхъ, потому что ребенокъ ничѣмъ не виноватъ, потому что невозможно упрекать человѣка въ дѣяніи, которое не онъ совершилъ,—надо дѣйствовать не путемъ закона, а путемъ распространенія гуманныхъ чувствъ и мыслей. Мы же здѣсь занимаемся только вопросомъ, касающимся законодательства. И такъ я приступаю къ первому вопросу: слѣдуетъ ли предоставить отцу право узаконять дѣтей, родившихся отъ той женщины, съ которою впослѣдствіи онъ вступилъ въ бракъ, или, какъ формулировалъ другой ораторъ, слѣдуетъ ли признать право дѣтей требовать, чтобы отецъ призналъ ихъ законными и чтобы они были введены во всѣ права. Я сначала займусь первою частью вопроса: съ нею всѣ согласны, никто не высказалъ отрицанія, напротивъ, говорили, что недостаточно сказать, чтобы былъ введенъ тотъ законъ, который дѣйствовалъ въ царствованіе императора Николая, въ которомъ все было дѣломъ милости, а не права. Я думаю, что такое небольшое разногласіе легко примирить; я думаю, что теперь можно просить не о введеніи закона, отмѣненнаго въ 29-мъ году, а того, который дѣйствовалъ гораздо ранѣе, съ древнѣйшихъ временъ. Скажу прямо, первый пунктъ резолюціи г. Ляпидевскаго нисколько не противенъ нашей древнѣйшей церковной программѣ. Я вовсе не богословъ, не знаю подробно, какъ каноническое право постановляло, но знаю, что нашъ русскій церковный обычай всегда признавалъ такихъ дѣтей и называлъ ихъ *привѣнчанными*. Человѣкъ жилъ съ женщиною, могъ прижить нѣсколько дѣтей и пожелать жениться — это явленіе довольно нормальное; человѣкъ встрѣчаетъ женщину ниже его по образованію, по состоянію, думаетъ, что связь можетъ быть лишь кратковременная, но затѣмъ свыкается съ нею, получаетъ доказатель-

ства дружбы, любви, домовитости, рождаются дѣти, которыя укрѣпляютъ эту связь, и вотъ онъ рѣшается вступить въ бракъ. Такъ у насъ нерѣдко бывало, что вѣнчается пара, а за нею слѣдомъ идутъ шесть человѣкъ дѣтей. Я не могу называть именъ, но прошу вспомнить фактъ, что была одна русская Императрица, также привѣнчанная дочь и тѣмъ не менѣе царствовала. Слѣдовательно, въ качествѣ церковнаго закона правило это существовало давно и никому не приходило въ голову отрицать его. Впослѣдствіи оно проникло и въ сферу гражданскаго законодательства, но уже съ ограниченіемъ: стали требовать каждый разъ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Спросятъ: почему же это право церковное сдѣлалось потомъ прерогативой Высочайшей власти? Объяснить очень легко: вспомните, что у насъ дѣло узаконенія дѣтей связано съ извѣстными политическими преимуществами: здѣсь не только дается имя и часть наслѣдства, но даются также извѣстныя дворянскія права. Правда, права эти теперь не велики, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія это были права громадныя, избавлявшія отъ всякаго позорнаго наказанія, права на государственную службу, вообще дававшія высшему классу то положеніе, которое теперь въ состояніи дать одно образованіе. При такихъ условіяхъ понятно извѣстное ограниченіе въ признаніи незаконныхъ дѣтей; бывали примѣры, что помѣщикъ живетъ съ своею крѣпостною, дѣти должны быть записаны въ крѣпостные, законныхъ дѣтей у него нѣтъ и вотъ разомъ онъ даетъ имъ положеніе лицъ, высоко стоящихъ въ государствѣ, даже, быть можетъ, даетъ высокій титулъ. Идеи различны, смотря потому, какую роль играютъ сословія. Гдѣ съ принадлежностью къ тому или другому сословію связаны важныя и многочисленныя права,—тамъ господствуютъ однѣ воззрѣнія; гдѣ этого нѣтъ—тамъ другія. Вотъ чего не долженъ упускать изъ виду юристъ. Но если мы придемъ къ тому заключенію, что въ настоящее время права эти не слишкомъ велики, сводятся лишь къ извѣстному почету, то быть можетъ своевременно будетъ постановить резолюцію въ такой формѣ, что желательно было бы возстановить тотъ древній церковный обычай, слѣды котораго

сохранились въ гражданскомъ законѣ, дѣйствовавшемъ до 29-го года, а именно, чтобы лице, не бывшее въ бракѣ, а жившее въ постоянномъ сожитіи съ другимъ небрачнымъ лицемъ, по вступленіи съ нимъ въ бракъ, имѣло право самымъ фактомъ брака причислить своихъ дѣтей, прижитыхъ до брака, къ числу законныхъ дѣтей. Противъ этого могутъ, пожалуй, возразить, что государство все еще дорожитъ правами дворянъ; въ такомъ случаѣ можно прибавить: но права дворянства этимъ лицамъ сообщаются не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. При этомъ я долженъ прибавить еще нѣсколько словъ: многочисленность собранія стѣсняетъ меня до нѣкоторой степени, однако я постараюсь по возможности яснѣе выразить свою мысль: вы знаете, что всѣ дѣла относительно незаконнорожденныхъ дѣтей зависятъ совершенно отъ тѣхъ высшихъ учрежденій, куда поступаютъ эти дѣла, и я могу положительно сказать, что въ нынѣшнее царствованіе, хотя законъ 29-го года у насъ не отмѣненъ, тѣмъ не менѣе существуетъ для лицъ, кому поступаютъ прошенія, весьма широкая и гуманная инструкція. Повторяю, законъ не былъ отмѣненъ и все-таки для незаконнорожденныхъ дѣлается теперь очень много. Я позволилъ себѣ указать на этотъ фактъ на тотъ конецъ, что всякая наша гуманная резолюція можетъ найти въ высшихъ сферахъ большое сочувствіе, потому что это сочувствіе не гласно выразилось рядомъ различныхъ льготъ и милостей.

Я съ своей стороны желалъ бы дополнить эту резолюцію г. Ляпидевскаго слѣдующимъ отдѣломъ: онъ проводилъ тотъ фактъ, что наше законодательство различаетъ дѣтей собственно незаконныхъ, дѣтей прижитыхъ отъ прелюбодѣянія и дѣтей, происшедшихъ отъ брака, по обману заключеннаго. Какъ поступать съ дѣтьми этой послѣдней категоріи? Эти дѣти по закону—дѣти незаконнорожденныя, а между тѣмъ есть Высочайше утвержденное мнѣніе, если не ошибаюсь 46-го года, въ которомъ выраженъ слѣдующій принципъ: одна мѣщанка Олонецкой губ. вышла замужъ за какого-то надворнаго совѣтника, у котораго оказалась законная жена гдѣ-то въ Перми. Его подверлиг наказанію,

бракъ объявленъ уничтоженнымъ, а у нея осталось двое дѣтей. Она вошла съ прошеніемъ на Высочайшее имя, чтобы имъ были дарованы права отца. Ей было отвѣчено, что этого нельзя, потому что въ то время существовалъ такой порядокъ, что по Высочайшей милости давались такимъ несчастнымъ дѣтямъ права, состояніе и фамилія ихъ матери. Въ томъ случаѣ, на который я указалъ, дѣтямъ дано было не дворянское достоинство ихъ отца, а предложено было, чтобъ дѣти были въ мѣщанскомъ званіи и носили фамилію матери. Такимъ образомъ есть разрядъ дѣтей, которыхъ само законодательство не признаетъ дѣтьми незаконнорожденными, а именно дѣти отъ брака по обману и тѣмъ болѣе по насилію. Конечно, въ настоящее время законъ долженъ быть поставленъ шире и такого рода дѣти должны безусловно получать фамилію и званіе отца безъ всякаго ограниченія.

Затѣмъ я перехожу ко второй части резолюціи — относительно права дѣтей требовать признанія ихъ законными. Я полагаю, что если стать на ту точку, что это вина отца и онъ долженъ дать права и обезпеченіе своимъ дѣтямъ, то тутъ мы наталкиваемся на непреодолимое затрудненіе, чисто естественнаго свойства. Вопросъ ставится съ самой широкой, гуманной стороны; незаконнорожденный сынъ говоритъ: „вотъ мой отецъ, пусть онъ дастъ мнѣ права свои, состояніе, званіе, права наслѣдства“. Я не думаю, чтобы это было слишкомъ гуманно; вѣдь гуманный скажетъ: „да что мнѣ до этого закона; я человѣкъ, каждый человѣкъ происходитъ отъ самого себя“. Слѣдовательно, взрыхляя почву этимъ гуманнымъ раломъ, мы все-таки встрѣчаемъ на ней искъ, да еще какой—искъ сословныхъ привилегій, имущества, наслѣдства и т. п. Помимо всего этого, здѣсь является другое затрудненіе: обкновенно бываетъ что только мать положительно извѣстна, ибо мать физически связана съ ребенкомъ, почему не лишенъ смысла обычай нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, по которому сынъ носитъ прозваніе своей матери. Народы эти говорятъ, кто мать— это извѣстно, а кто отецъ — это еще вопросъ. Даже у англичанъ, весьма образованнаго народа, какъ видно изъ ли-

тературы, существуетъ интимный обычай, что сынъ называется фамиліею матери. Одинъ изъ предшествовавшихъ ораторовъ высказалъ между прочимъ, какъ широко наше законодательство относится къ дѣтямъ незаконнымъ, какъ оно благопріятствуетъ причисленію дѣтей къ законнымъ и какой большой процентъ незаконнорожденныхъ находится въ числѣ законныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, право отрицать законность рожденія дѣтей принадлежитъ только отцу, а никакъ не постороннимъ лицамъ; жена, напр., нѣсколько лѣтъ не живетъ съ мужемъ, а отцемъ ея дѣтей записанъ въ метрическую книгу мужъ и никто не можетъ этого оспаривать. Да иначе и быть не можетъ; можетъ существовать одна только форма, по которой всѣ дѣти, рожденныя во время существованія брака извѣстныхъ лицъ, принадлежатъ этимъ лицамъ; противное должно быть доказано. Иначе какъ же поступить? Теперь возьмите внѣбрачныя отношенія: есть женщина, есть дѣти: что это ея дѣти, несомнѣнно доказано. Что касается права женщины, имѣющей незаконныхъ дѣтей, требовать содержанія себѣ и дѣтямъ путемъ уголовнаго суда, то это есть и теперь и въ немъ есть много шокирующаго; но представьте, что дѣти сами будутъ требовать себѣ права и обезпеченія. Вотъ съ гуманной-то точки и вышло, что молодой человѣкъ является и говоритъ: такой-то человѣкъ былъ въ физическихъ, половыхъ сношеніяхъ съ этою женщиною, моею матерью; я вамъ докажу, что онъ ѣздилъ, ночевалъ у нея. Что же это гуманно? Сыну приходится заявлять оффиціально, что его мать была вообще нельзя сказать, чтобы очень почтеннаго поведенія. Тутъ надо поставить гуманности извѣстный барьеръ. Оставьте то, что существуетъ въ нашемъ законѣ и чего въ этой формѣ нѣтъ ни въ какомъ другомъ государствѣ, а именно что лица, не связанныя супружествомъ, подвергаются церковному покаянію и если есть дѣти, то отецъ долженъ обезпечить содержаніе матери и дѣтей, смотря по своему состоянію. Въ этомъ требованіи нѣтъ ничего позорнаго, потому что оно прикрывается любовью къ дѣтямъ. Замѣтьте, законъ весьма благоразуменъ; онъ не говоритъ, что женщина безъ дѣтей можетъ требовать на содержаніе; когда

есть дѣти, то содержаніе неразрывно для нея и для дѣтей. Вотъ въ этомъ смыслѣ законъ весьма почтененъ, надо только распространить его примѣненіе: въ настоящее время онъ касается только лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія, а было бы полезно, чтобы правило это примѣнялось ко всѣмъ. Далѣе сказано: „лица, не связанныя супружествомъ“; въ этомъ случаѣ намъ также надо быть осторожными и если человѣкъ женатый имѣетъ связь, то нельзя обязать его содержать незаконныхъ дѣтей безъ нѣкоторой обдуманности на томъ основаніи, что на человѣкѣ, связанномъ супружескими обязанностями, лежитъ религіозная и гражданская обязанность воспитывать своихъ законныхъ дѣтей.

Но будетъ ли предлагаемый законъ въ ущербъ законнымъ дѣтямъ? Настоящее законодательство требуетъ одного, чтобъ родители обезпечили своихъ незаконныхъ дѣтей, не опредѣляя мѣры этого обезпеченія. Значитъ, возможенъ и minimum—лишь бы съ голоду не умирали. Между тѣмъ намъ предлагаютъ установить право незаконныхъ дѣтей требовать обезпеченія, и судъ можетъ приговорить въ ихъ пользу $^2/_3$ содержанія, а законнымъ не останется ничего. Я полагаю, что судъ въ этомъ случаѣ долженъ имѣть въ виду не только законное сожитіе, но и законную жену и дѣтей.

Перехожу ко 2-му пункту резолюціи г. Ляпидевскаго, къ праву вообще незаконныхъ дѣтей требовать себѣ содержаніе. Мнѣ кажется, что я могу освободить себя отъ возраженій по этому пункту, такъ какъ по поводу перваго высказалъ, въ какихъ предѣлахъ можетъ быть допущено право тѣхъ незаконныхъ дѣтей, которыя родились отъ сожитія съ женщиною человѣка, несвязаннаго супружествомъ, отъ сожитія, довольно регулярнаго, продолжительнаго. Очевидно, что дѣти, случайно рожденныя, не могутъ имѣть больше правъ. При этомъ всякій, кто желаетъ достигнуть чего-нибудь, всякій истецъ долженъ доказать свой искъ. Если мы видѣли, что предоставленіе права дѣтямъ отыскивать своихъ родителей тамъ, гдѣ все таки мать жила въ естественномъ союзѣ съ отцемъ, нѣсколько скандально, во многомъ коробитъ наше нравственное чувство, то тѣмъ паче, не только скандально, но невозможно это тамъ, гдѣ ребенокъ произо-

шелъ отъ случайнаго сожитія, напр., если женщина была легкаго поведенія и только по своимъ соображеніямъ, догадкамъ, преданіямъ говоритъ, что отецъ долженъ быть тотъ-то.

Вотъ, мм. гг., то заключеніе, къ которому я пришелъ, а именно, постановить резолюцію, что съѣздъ находитъ весьма гуманнымъ, справедливымъ и не нарушающимъ особенно ничьихъ другихъ, ни частныхъ, ни государственныхъ интересовъ—предоставить право отцу, который вступаетъ въ бракъ съ женщиною, отъ которой онъ прижилъ дѣтей внѣ брака, вводить ихъ въ кругъ дѣтей законныхъ съ правомъ на свою фамилію, на свое имущество и, если законодатель признаетъ, что дарованіе прямо правъ высшихъ сословій можетъ встрѣтить затрудненія, то, чтобы права эти давались не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. Затѣмъ, что касается права дѣтей на содержаніе отъ лица, которое ихъ прижило, то мы можемъ сказать, что существующая статья уложенія и въ особенности толкованіе ея правительствующимъ сенатомъ, которое послѣдовало по дѣлу Петрова — въ этомъ дѣлѣ, которое не напечатано, я участвовалъ и хорошо его знаю — гдѣ сенатъ сказалъ, что отецъ обязанъ содержать дѣтей, происшедшихъ отъ незаконнаго сожитія, если эта была единичная связь, если мать можетъ положительно доказать, что именно онъ, а никто другой былъ отцемъ ея дѣтей, — что эта статья и что ея толкованіе совершенно достаточны, и что остальное надо предоставить нравамъ и обычаямъ общества. Конечно, резолюція, которую я предлагаю, не такъ широка и гуманна, какъ тѣ, которыя предшествовали, но я смѣю думать, что она имѣетъ и свои преимущества: она удобоприложимѣе и, главное, щадитъ интересы, вполнѣ заслуживающіе вниманія законодателя. Поэтому думаю, что предложенная мною резолюція есть истинно гуманная резолюція.

В. Д. Спасовичъ. Я позволю себѣ сдѣлать здѣсь такую поправку: можно-ли достигнуть чего-нибудь полумѣрами? Положимъ, напримѣръ, можно проникнуть въ домъ чрезъ форточку; но это неудобно, нехорошо; не лучше-ли про-

рубить дверь? Такимъ образомъ, пока не будетъ постановленъ опредѣленный принципъ относительно нашего вопроса, никакого успѣха нельзя ожидать. Вотъ почему слѣдуетъ предпочесть право безправію, которое поведетъ за собой разныя натяжки.

Чтобы права были даны—такое желаніе выразить необходимо. Установите принципъ: его послѣдствія явятся самисобой. Безъ основнаго положенія, что незаконныи дѣти должны наконецъ получить свои права, я полагаю, сдѣлать ровно ничего нельзя.

С. А. Муромцевъ. Если такая редакція возможна, то я ничего не имѣю противъ. Но возможна-ли—вотъ вопросъ, не выйдетъ-ли это за предѣлы нашей программы?

В. Д. Спасовичъ. Отчего же эта редакція можетъ казаться неудобной? Признаніе правъ незаконныхъ дѣтей вообще вытекаетъ прямо изъ постановки самаго вопроса.

А. К. Вульфертъ. Я имѣю представить нѣсколько замѣчаній по поводу бывшихъ преній. Я постараюсь подтвердить нѣкоторыя указанія относительно правъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Одинъ изъ нашихъ сочленовъ г. Спасовичъ указалъ на уголовное право. Наше уголовное право не представляетъ собой только одни наказанія; въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ есть статья закона, допускающая смягчающія обстоятельства относительно положенія женщины, которая убиваетъ своего ребенка, рожденнаго внѣ брака. Я полагаю, что слѣдуетъ воспользоваться указаніями закона уголовнаго въ подтвержденіе правильности мысли реферата г. Ляпидевскаго. Я полагаю, что въ виду того проэкта, который предполагается здѣсь, въ виду дарованія новыхъ правъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, намъ можно надѣяться на сокращеніе числа преступленій дѣтоубійства, по которому присяжные такъ часто бываютъ вынуждены постановлять по совѣсти оправдательные приговоры, не смотря на явныя улики. Теперь, что касается резолюціи, то я думаю, что резолюція г. Лохвицкаго будетъ для настоящаго времени самою подходящею. Въ этомъ дѣлѣ, я полагаю, надо дѣйствовать съ большою осторожностью и, становясь на извѣстную точку,

опредѣленно, точно поставить вопросъ. Хорошо поставленный вопросъ на половину уже разрѣшенъ. Мы можемъ ожидать успѣха нашему дѣлу, только дѣйствуя съ осторожностью. Я полагаю, что въ дѣлахъ такихъ важныхъ, серьезныхъ, осторожность не слишкомъ большой недостатокъ. И мы вправѣ ожидать успѣха, если присоединимся къ резолюціи г. Лохвицкаго, а именно, что въ наше время слѣдуетъ разсчитывать на дарованіе правъ незаконнымъ дѣтямъ посредствомъ послѣдующаго заключенія брака.

Ѳ. Н. Плевако. Я прибавлю еще нѣсколько словъ по поводу сказаннаго. Возражавшіе противъ резолюціи, предложенной г. Ляпидевскимъ и нѣсколько расширенной въ моемъ предложеніи, указывали на то, что мы можемъ разойтись съ народными воззрѣніями на незаконнорожденныхъ и между прочимъ, было замѣчено совершенно справедливо, что наши народныя воззрѣнія во многомъ воспитаны церковными взглядами. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно-ли предлагаемое нами нововведеніе находится въ противорѣчіи съ ученіемъ господствующей церкви? Я думаю, что самаго бѣглаго взгляда, самаго простаго знанія нашей церковной исторіи, нашего номоканона достаточно, чтобы убѣдиться въ отсутствіи такого разлада между церковью и положеніемъ, которое мы защищаемъ. Христіанство не признаетъ никакой иной, кромѣ личной, отвѣтственности. Оно отрицаетъ отвѣтственность потомства за дѣла предковъ, отвѣтственность нисходящихъ за дѣянія восходящихъ. Самъ Основатель христіанской религіи, когда къ нему обращались за рѣшеніемъ спорнаго вопроса о виновности дѣтей за грѣхи родителей, отвѣчалъ кратко и категорически, что не можетъ сынъ отвѣчать за грѣхи отца. Церковь пошла по слѣдамъ Учителя. Императоръ Константинъ, по принятіи христіанства, признавая законнымъ только бракъ, освященный церковью, отнесся къ незаконнорожденнымъ съ величайшею строгостью. Но въ концѣ концовъ онъ не могъ не убѣдиться, что строгость нарушаетъ христіанство въ его самыхъ священныхъ основахъ. Слѣдствіемъ было то, что въ исходѣ своего царствованія онъ значительно расширилъ права дѣтей, происшед-

шихъ отъ брака, не освященнаго церковью. Юстиніанъ допускалъ усыновленіе незаконнорожденныхъ, и подобныя явленія въ законодательствѣ не были противны православной церкви. Я сошлюсь на Василія Великаго. И онъ задавался вопросомъ, на сколько противно христіанству происхожденіе дѣтей отъ незаконнаго брака и если не прямо, то косвенно, высказалъ взглядъ церкви на это дѣло. По мнѣнію Василія Великаго, связь между лицами, обѣщавшими другъ другу вступить въ бракъ даже лично для нихъ самихъ, а не только для ихъ дѣтей наказывается въ высшей степени легко. Чтобы судить объ извѣстномъ фактѣ, сильно-ли онъ противорѣчитъ церковному праву, или составляетъ только незначительное уклоненіе, лучше всего узнать, строго ли наказаніе, положенное за его совершеніе? Есть случаи внѣбрачной жизни, гдѣ связь какъ бы узаконяется. Такова связь съ обрученицею: эпитимія, которою карается этотъ проступокъ, рѣдко продолжается до полугода, между тѣмъ какъ обыкновенное любодѣяніе наказывается 10 и 15 лѣтнимъ покаяніемъ. Такимъ образомъ на самихъ виновныхъ церковь смотрѣла въ извѣстныхъ случаяхъ легко и съ тѣмъ большею снисходительностью должна она была относиться къ потомству, происшедшему отъ подобной связи.

Нѣтъ нигдѣ указанія, чтобы потомство, рожденное отъ свободной связи, наказывалось, чтобы оно считалось нечистымъ за грѣхи предковъ; каждый человѣкъ отвѣчаетъ самъ за свои дѣйствія. Потому я не могу не обратить вниманія на слѣдующее; при обсужденіи значенія какого-нибудь закона мало ссылаться только на исторію, на прошлое; прошлое имѣетъ всѣ права на наше вниманіе, но вѣдь и настоящее есть частица того времени, изъ котораго составилось прошедшее, слѣдовательно, если въ настоящемъ существуютъ извѣстныя соціальныя условія, извѣстныя выработанныя наукою мысли и выработанныя жизнью истины, то ихъ мы не въ правѣ упускать изъ виду. Въ числѣ этихъ научныхъ истинъ, повидимому чуждыхъ законодательству, находится простое наблюденіе надъ жизнью и участью незаконнорожденныхъ. Возьмите таблицы, приложенныя къ

любому изъ наиболѣе распространенныхъ сочиненій по статистикѣ: оказывается, что незаконнорожденныя умираютъ цѣлыми массами. Я могу сослаться на примѣры, лично мною видѣнные: имѣя случай просматривать книги Воспитательнаго Дома за послѣдніе 10 лѣтъ, я былъ пораженъ, что листъ, на которомъ записываются незаконнорожденные младенцы, къ концу 10-го года всегда значительно сокращается, такъ что изъ 100 человѣкъ, записанныхъ въ 1865 году, черезъ 5 лѣтъ не осталось и 33-хъ, чѣмъ дальше, тѣмъ цифра эта, конечно, все понижалась и понижалась и за два послѣднихъ года спустилась, наконецъ, до 17 и 14 человѣкъ. Такимъ образомъ жизнь незаконнорожденныхъ въ настоящее время чрезвычайно не продолжительна; они мрутъ цѣлыми сотнями. Таковы указанія науки. Отсюда выводъ слѣдующій: можно, конечно, сказать, зачѣмъ намъ заботиться о такомъ поколѣніи, которое не призвано къ жизни; не только въ силу политической экономіи, но и по здравому смыслу затрата должна соотвѣтствовать ожидаемой прибыли. Но при болѣе глубокомъ взглядѣ окажется, что причина страшной смертности въ средѣ незаконнорожденныхъ прежде всего объясняется невыгодами ихъ соціальнаго положенія, тѣми различіями, которыя общежитіе и законодательство установили между законными и незаконными дѣтьми. Вѣдь прочія условія приблизительно одинаковы: зачатіе, рожденіе, наконецъ первыя потребности законныхъ и незаконныхъ дѣтей ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Очевидно, есть какой-нибудь посторонній элементъ; и усиленную смертность незаконнорожденныхъ нечѣмъ объяснить, кромѣ безправнаго, беззащитнаго положенія ихъ въ обществѣ. Повторяю—соціальныя условія жизни незаконныхъ дѣтей ужасны и должны быть измѣнены, если мы признаемъ за человѣческимъ существомъ право на жизнь. Мы бы не хотѣли, чтобы право незаконнорожденныхъ на жизнь, право быть или не быть—зависѣло отъ раскаянія того, кто далъ имъ жизнь, мы бы хотѣли, чтобы родившійся самымъ появленіемъ на свѣтъ могъ сказать: я хочу жить, дайте мнѣ право на жизнь, какъ вы даете его другимъ, болѣе счастливымъ только тѣмъ, что рожденіе ихъ произошло въ болѣе

законной формѣ. Въ этомъ смыслѣ я предлагаю расширить резолюцію г. Ляпидевскаго.

Ѳ. Ф. Балашевичъ. Изрѣченіе: „отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ“ въ настоящемъ засѣданіи оправдалось, какъ нельзя лучше. Г. Лохвицкій, не смотря на важность вопроса, поставилъ свои воззрѣнія такъ, что вызвалъ улыбки между собравшимися здѣсь членами. Но постараемся разобрать его положенія: первое, на что ссылается г. Лохвицкій, это обычаи и понятія народа. Замѣчу кстати: когда былъ возбужденъ вопросъ объ обычномъ правѣ, какъ элементѣ положительнаго права, то г. Лохвицкій считалъ это поворотомъ назадъ, совершенно излишнимъ; когда дѣло коснулось волостныхъ судовъ, г. Лохвицкій сказалъ даже, что въ настоящее время идетъ рѣчь объ уничтоженіи нашихъ волостныхъ судовъ. Но какъ бы то ни было, а теперь онъ опирается въ своихъ выводахъ на народный обычай, на юридическія понятія народа. На это я скажу слѣдующее: насколько мнѣ приходилось наблюдать, народныя понятія далеко не склоняются въ пользу мнѣнія г. Лохвицкаго, а напротивъ въ пользу незаконнорожденныхъ. Если же тѣ эпитеты, которые пришлось подмѣтить и подслушать г. Лохвицкому, и произносились крестьянами, то это большею частью была какая-нибудь пьяная ватага, задорная женщина, которая бранилась, сама не зная, за что. Я не вижу никакого основанія лишать права гражданства цѣлую массу безвинныхъ людей; лишенію правъ можетъ подвергнуться человѣкъ, если онъ это чѣмъ-либо заслужилъ, но лишать правъ человѣка за грѣхи его предковъ было бы крайне несправедливо. Далѣе, г. Лохвицкій говоритъ, что гуманизировать посредствомъ закона нельзя, что прежде всего надо народу привить гуманныя идеи, но я думаю, что если законъ служитъ выраженіемъ гуманныхъ идей народа, то въ свою очередь и гуманный законъ можетъ гуманизировать народъ.

К. А. Рихтеръ. Я хотѣлъ сдѣлать одно замѣчаніе въ пользу мнѣнія г. Лохвицкаго. Намъ говорятъ между прочимъ: перенесите центръ тяжести на дѣтей, предоставьте имъ самимъ добиваться своихъ правъ. Но, мм. гг., когда человѣкъ

достигъ возраста, въ которомъ онъ съ успѣхомъ можетъ вести процессъ противъ виновника своихъ дней, то онъ уже не нуждается въ особомъ покровительствѣ закона. Кто въ борьбѣ за существованіе дошелъ до такого возраста, можетъ уже считаться обезпеченнымъ. Рѣчь, слѣдовательно, идетъ не о нихъ, а о тѣхъ безпомощныхъ сиротахъ, которыя умираютъ въ колыбели, въ младенчествѣ. Чѣмъ же обезпечены они? Признаніе ихъ правъ, это—нуль, господа. Надо же кому-нибудь слѣдить, чтобы они дѣйствительно получали пропитаніе. Кто же будетъ слѣдить? Отецъ и мать; тогда вопросъ сводится къ тому, что отецъ и мать и безъ того имѣютъ это право, имъ остается только сопричислить этихъ дѣтей къ своимъ законнымъ дѣтямъ. Но если этого недостаточно, то кто же долженъ слѣдить? Тутъ вопросъ идетъ уже не о правахъ, а объ обязанностяхъ родителей содержать своихъ незаконныхъ дѣтей и слѣдовательно должна быть указана та власть, которая слѣдила бы за исполненіемъ этихъ обязанностей. Вотъ вопросъ, который слѣдуетъ поднять и о которомъ я еще ничего не слышалъ.

А. В. Соколовъ. Я бы хотѣлъ обратить вниманіе на одну сторону вопроса, которая, сколько мнѣ кажется, не была затронута. Идея, положенная въ основаніе реферата, очень широка; въ немъ трактуется о правахъ незаконнорожденныхъ вообще; между тѣмъ до сихъ поръ дебаты шли лишь о правахъ незаконныхъ дѣтей православнаго исповѣданія. Вѣдь у насъ масса католиковъ, протестантовъ, евреевъ, язычниковъ и условія признанія ихъ законными весьма разнообразны. Я не стану пускаться въ изложеніе всѣхъ этихъ законодательствъ, я говорю только, что вопросъ поставленъ широко, пренія же держатся слишкомъ узкихъ рамокъ. Второе замѣчаніе состоитъ въ томъ, что напрасно хлопотать объ установленіи принципа; принципъ уже признанъ, вопросъ этотъ возбужденъ правительствомъ и даже составлена коммиссія. Намъ дѣйствительно слѣдовало бы придти на помощь этой коммиссіи, но не тѣмъ, чтобы установлять принципъ, а тѣмъ, чтобы разсудить, какія права слѣдуетъ предоставить незаконнорожденнымъ. Далѣе позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее: до сихъ поръ шла рѣчь

о томъ, какія права предоставить узаконеннымъ дѣтямъ, но вотъ предшествующій ораторъ указалъ, что до сихъ не было рѣчи о правахъ незаконныхъ дѣтей. Мы всѣ смотримъ въ этомъ случаѣ на дѣло съ одной стороны, мы хотѣли бы предоставить всѣмъ незаконнорожденнымъ одинаковыя, полныя права, наравнѣ съ законными. Я вполнѣ сочувствую такому уравненію, къ которому обязываетъ строгая справедливость. Что касается до невыгодной стороны, то вся она обрушивается на родственниковъ; полное уравненіе незаконныхъ съ законными вызоветъ нѣкоторыя затрудненія вотъ въ какомъ отношеніи: совершенное уравненіе правъ незаконныхъ дѣтей съ законными повлечетъ къ признанію за ними права наслѣдства послѣ всѣхъ родственниковъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ имѣть послѣдствіемъ устраненіе другихъ родственниковъ даже въ отношеніи родовыхъ имѣній. Я обращаю при этомъ вниманіе на практику обычнаго права въ крестьянскомъ сословіи. Здѣсь было высказано, что крестьяне уравниваютъ въ правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей съ законными, даже иногда даютъ имъ предпочтеніе. Это совершенно вѣрно, потому что тамъ принципъ экономическій: кто работалъ, тотъ и получаетъ. Но замѣтьте, что незаконныя дѣти получаютъ права только въ той семьѣ, гдѣ они узаконены, а если открывается наслѣдство въ боковой линіи, то наслѣдуютъ братья, сестры, или только законныя дѣти, а питомцы устраняются. Каковъ этотъ обычай всюду, я не знаю, но что онъ существуетъ въ Казанской губ., за это я ручаюсь. Точно также въ Высочайше утвержденномъ законѣ относительно обезпеченія лицъ, состоящихъ въ бракѣ по обману, по принужденію, прямо сказано, что права наслѣдства послѣ родственниковъ не затрогиваются. Мнѣ кажется, что родственники въ такихъ случаяхъ не обязаны принимать въ свою среду всякаго, кто пожелаетъ указать на свою связь съ ними по крови. Этимъ путемъ могутъ проскользнуть такія лица, которыя вовсе и не принадлежатъ къ родству. Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію г. Лохвицкаго, но желалъ бы видѣть одно ограниченіе, чтобы права наслѣдства незаконнорожденнымъ представлялись только послѣ того, кто узако-

нилъ ихъ, послѣ же другихъ родственниковъ только въ томъ случаѣ, когда предполагаемымъ семейнымъ совѣтомъ право это будетъ признано, или когда черезъ послѣдующій бракъ связь ихъ съ родствомъ будетъ несомнѣнна.

А. В. Лохвицкій. Я желаю достигнуть возможнаго и практичнаго. На мой взглядъ сказать: принимаемъ резолюцію г. Ляпидевскаго и даже находимъ ее еще узкою, значитъ ровно ничего не сдѣлать. Это все равно, что пожелать, чтобы бѣднымъ жилось богаче, а больнымъ легче. Затѣмъ, я не буду возражать тѣмъ, которые говорили собственно противъ меня одного, скажу только, что если я низвелъ пренія до смѣшнаго, то, я надѣюсь, вы раздѣлите мое мнѣніе, что послѣ моей ошибки, ораторъ, сдѣлавшій это замѣчаніе, возвысилъ ихъ снова до великаго. Позвольте мнѣ однако выяснить одно; тутъ говорятъ объ уравненіи незаконныхъ дѣтей съ законными. Но вѣдь если двѣ половины равны, то одна всегда можетъ замѣнить другую и, стало быть брака не нужно. Зачѣмъ же тогда бракъ, къ чему онъ? Вотъ мы до чего дошли?

Предсѣдатель. Послѣ долгихъ разсужденій, мы пришли къ тому выводу, что въ принципѣ предложеніе г. Ляпидевскаго должно быть одобрено, т. е., что наши гражданскіе законы относительно незаконнорожденныхъ дѣтей должны быть дополнены и исправлены, но въ какой мѣрѣ, въ какой степени, въ этомъ отношеніи произошло очень много разногласія. Передо мной лежатъ проэкты нѣкоторыхъ заключеній, которыя должны быть сдѣланы, но съ другой стороны слышатся голоса, что эти проэкты слишкомъ широки, что едва-ли возможно полное уравненіе правъ незаконнорожденныхъ съ законными дѣтьми.

(Всѣ согласны).

А. В. Соколовъ. Тутъ говорится не только о правахъ гражданскихъ дѣтей, но и объ обязанностяхъ родителей.

Предсѣдатель. Еслибы мы стали обсуждать, какъ расширить, или сократить этотъ вопросъ, то мы не кончили бы цѣлый день. Не угодно-ли поэтому принять какую нибудь положительную норму того, что должно сдѣлать законодательство по этому вопросу?

А. К. Скордели. Здѣсь ничего не было сказано относительно дѣтей, которыя не были узаконены. Я считаю, что такія дѣти, если они не вошли въ добровольное соглашеніе съ отцемъ, должны получать содержаніе и права наслѣдства отъ матери.

Предсѣдатель. Если мы будемъ обсуждать всѣ отдѣльныя предложенія, то едва-ли мы кончимъ сегодня.

К. А. Рихтеръ. Во всякомъ случаѣ одно предложеніе всѣ безспорно раздѣляютъ, именно о легитимаціи дѣтей незаконнорожденныхъ, о признаніи ихъ не безправными существами.

(Всѣ согласны).

А. В. Соколовъ. Кажется, всѣ согласны и въ томъ, чтобы доставить имущественное обезпеченіе незаконнымъ дѣтямъ?

Предсѣдатель. Слѣдовательно, мы пришли къ такому заключенію: надлежитъ признать необходимость легитимаціи дѣтей незаконныхъ и обезпеченія ихъ имуществомъ.

II.

Предсѣдатель. Теперь слѣдуетъ вопросъ, означенный подъ № 11 нашей программы: о предоставленіи наслѣднику права получать наслѣдство по описи и оцѣнкѣ и объ отвѣтственности его за долги наслѣдодателя только въ предѣлахъ стоимости полученнаго наслѣдства.

А. В. Лохвицкій *). Мм. гг! Въ 1-й ч. X т. есть ст. 1258, которая говоритъ, что наслѣдникъ, вмѣстѣ съ принятіемъ наслѣдства, получаетъ право на полученіе долговъ, слѣдующихъ наслѣдодателю; но получая такія широкія права, онъ, по статьѣ 1259 того же тома и части, долженъ платить и долги наслѣдодателя и вообще нести отвѣтственность по всему имуществу. 1263 ст. распространяетъ эту обязанность и на казенныя и на общественныя учрежденія, если имъ достанется какое-нибудь имущество. Но вотъ что спрашивается: о комъ здѣсь рѣчь? О наслѣдникахъ по закону

*) Содержаніе этой рѣчи представляетъ устное изложеніе реферата А. В. Лохвицкаго. Въ письменномъ изложеніи рефератъ этотъ доставленъ не былъ.

или по завѣщанію? Съ перваго раза можетъ показаться, что помянутыя статьи относятся къ наслѣдникамъ по закону, ибо 1259 и слѣдующія статьи помѣщены кн. 3-й I ч. X т. въ раздѣлѣ 2, который озаглавленъ: о пріобрѣтеніи имуществъ по закону, между тѣмъ какъ о наслѣдствѣ по завѣщанію говорится въ раздѣлѣ 1 той-же книги. Но вникните поглубже и вы убѣдитесь въ противномъ. Дѣйствительно въ главѣ о завѣщаніяхъ не говорится ни о чемъ, кромѣ порядка ихъ составленія. Отсюда ясно, что розыскать права и обязанности наслѣдника по завѣщанію можно лишь подъ рубрикой наслѣдства по закону. Что такова мысль законодателя, это не только доказываетъ практика, но и уставъ торговый. Тамъ говорится въ 163 ст. объ обязанностяхъ наслѣдниковъ и прибавлено, что это относится одинаково, какъ къ наслѣдникамъ по закону, такъ и къ наслѣдникамъ по завѣщанію. Эта статья имѣетъ великое значеніе, и я считаю весьма полезнымъ предоставить наслѣдникамъ по закону и по завѣщанію принимать наслѣдство по инвентарю, по описи, съ тѣмъ, чтобы отвѣчать только въ предѣлахъ наслѣдства, по своему имуществу. Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ, чтобы выяснить, что́ такое право инвентаря, или beneficium inventarii въ 1 раздѣлѣ свода Юстиніана. Римское право считало, согласно съ духомъ Римскаго народа, безчестною смерть безъ наслѣдства, точно такъ же, какъ существуетъ воззрѣніе въ Еврейскомъ народѣ, что человѣкъ долженъ оставить послѣ себя дѣтей; а если не оставитъ, то ближайшій родственникъ долженъ жениться на его вдовѣ; иначе онъ погибъ; необходимо, чтобы былъ наслѣдникъ, какъ человѣкъ, продолжающій его народъ. Противъ этого чувства боролось отчасти эгоистическое чувство, нежеланіе платиться всѣмъ состояніемъ для уплаты долговъ своего родственника или даже отца. Но кромѣ эгоизма тутъ есть и нѣчто другое, потому, что если похвально, чтобъ человѣкъ охранялъ честь и достоинство своихъ предковъ, то точно такъ-же необходимо, чтобъ онъ заботился о своей женѣ и дѣтяхъ и не приносилъ въ жертву всего состоянія одному требованію о сохраненіи достоинства памяти умершаго. Вотъ этимъ

требованіемъ и вызвано въ сводѣ Юстиніана такъ называемое beneficium для наслѣдниковъ. Это beneficium перешло потомъ въ западное право; но тамъ оно совершалось такимъ образомъ, что beneficium принималось не по буквѣ закона, а такъ, какъ у насъ совершается узаконеніе незаконнорожденныхъ дѣтей, съ разрѣшенія государя, которое дается по просьбѣ наслѣдника. И на этомъ основаніи beneficium не распространяется на казенные долги, которые наслѣдникъ долженъ былъ уплачивать изъ своихъ денегъ, если на это не хватало ему полученнаго имущества. Такимъ образомъ это не есть право; это льгота, которая дается государемъ и государь не можетъ давать льготъ противъ себя самого; ergo это не распространяется на государственные долги. Потомъ, въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи, право это возбуждало тѣ вопросы, которые теперь еще живутъ въ современномъ законодательствѣ. Такъ говорилось, что не имѣетъ права требовать beneficium inventarii тотъ, кто наслѣдуетъ по завѣщанію, когда завѣщатель скажетъ, что онъ не знаетъ, приметъ наслѣдникъ его наслѣдство, или нѣтъ. Авторы средневѣковыхъ сводовъ, разрѣшая эти вопросы, утверждали, что завѣщаніе недѣйствительно; они основывали это на томъ правильномъ принципѣ, что beneficium вытекаетъ изъ публичнаго права. Этотъ вопросъ обсуждался и утвердился въ кодексѣ Наполеона относительно малолѣтнихъ такимъ образомъ, что всякій можетъ принять наслѣдство съ инвентаремъ, или безъ инвентаря, каковы бы ни были завѣщательныя распоряженія. Что касается малолѣтнихъ, то они, или опекуны ихъ принимаютъ наслѣдство только подъ инвентаремъ. Вотъ сущность этого права. Оно перешло въ сводъ Наполеона, въ Сардинію, въ Австрію и въ большую часть нѣмецкихъ законодательствъ. Законодательство Австрійское идетъ очень далеко; въ немъ есть даже такое постановленіе, что можно сдѣлать для наслѣдника обязательнымъ принятіе наслѣдства безъ инвентаря; по прочимъ законодательствамъ нельзя лишать его этого права. Это право, какъ говорятъ западные юристы, превосходно; потому что оно съ одной стороны ограждаетъ интересы кредиторовъ, а съ другой — личные

интересы наслѣдника, не подвергая его раззоренію. Противъ этого можно сдѣлать одно возраженіе; именно, что наслѣдство не всегда состоитъ изъ однѣхъ земель, недвижимаго имущества, но часто въ капиталѣ, въ долговыхъ обязательствахъ, въ торговыхъ предпріятіяхъ. Здѣсь, при этомъ beneficium, могутъ страдать интересы кредиторовъ. Но вѣдь не существуетъ закона, который можно было бы назвать безупречнымъ. Законъ хорошъ уже тогда, когда его выгоды перевѣшиваютъ недостатки. Обращаясь къ нашему законодательству, я имѣю честь представить его общія положенія. Мнѣ кажется, что у насъ есть желаніе ввести инвентарь въ уставъ торговый, но выражено оно нерѣшительно. Тамъ сказано, что если наслѣдникъ сомнѣвается въ стоимости наслѣдства, не превышаютъ-ли его долги, онъ можетъ просить сдѣлать публикацію для явки кредиторовъ, назначая сроки отъ 3—9 мѣсяцевъ и даже $1^1/_2$ года для лицъ, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Это дѣлается, какъ будто, въ интересахъ наслѣдника, а между тѣмъ нигдѣ не сказано, что этимъ срокомъ замѣняется срокъ земской давности. Намъ надо посмотрѣть, насколько это можетъ имѣть значеніе при практическомъ разрѣшеніи вопроса, каковы взгляды нашего народа на обязанности наслѣдника. Я приведу нѣсколько фактовъ, которые доказываютъ, мнѣ кажется, что у насъ нѣтъ такого понятія о чести, какъ у Римлянъ, у Французовъ, гдѣ наслѣдникъ долженъ принять наслѣдство для поддержанія чести сродника и уплатить долги даже въ ущербъ себѣ. У насъ другое преобладающее понятіе—религіозное, что долгъ священная обязанность, что человѣкъ не можетъ быть спокоенъ въ гробу, если не будутъ уплачены его долги. Въ большей части древнихъ завѣщаній наслѣдодатель говоритъ кому что долженъ, проситъ заплатить, а потомъ въ концѣ прибавляетъ: „а болѣе никому ничего не долженъ, кромѣ Бога душею“. Чувство, отразившееся въ этой формѣ завѣщанія, конечно, почтенное чувство; но все, чего можетъ требовать законъ — это уплаты долговъ изъ имущества наслѣдодателя. Иначе можетъ случиться, что наслѣдникъ поплатится своимъ иму-

ществомъ, имуществомъ жены, дѣтей. Далѣе я считаю весьма благоразумнымъ введеніе такого ограниченія, которое существуетъ въ нѣкоторыхъ западныхъ законодательствахъ. Именно, если ближайшій наслѣдникъ заявляетъ, что желаетъ получить наслѣдство съ инвентаремъ, а другой отдаленный желаетъ принять безъ инвентаря, то надо отдать преимущество второму, потому что для кредиторовъ это лучше, такъ какъ онъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ состояніемъ; наконецъ опекуны малолѣтнихъ должны принимать наслѣдство не иначе, какъ съ инвентаремъ, въ этомъ не можетъ быть спора, потому что въ противномъ случаѣ недостойные опекуны легко могутъ раззорить малолѣтнихъ. Вотъ сущность того реферата, который я хотѣлъ представить. Я могу доложить нѣкоторые факты, извѣстные мнѣ, которые могутъ показать, до чего доходятъ приложенія этого закона, до какой степени они бываютъ несправедливы. Такъ одинъ провіантскій чиновникъ завѣщалъ, кромѣ носильнаго платья, еще одно цѣнное имущество—серебрянные часы—своему пріятелю по службѣ. Тотъ принялъ и росписался, а черезъ полгода получилъ постановленіе, что онъ долженъ заплатить 30 тысячъ по наслѣдству; такъ что военный министръ долженъ былъ войти съ прошеніемъ на Высочайшее имя, чтобы освободить бѣдняка отъ этого платежа. При этомъ, я считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее. Не полезнѣе-ли было-бы у насъ исключить изъ числа наслѣдства, не считать наслѣдствомъ малоцѣнныя вещи, которыя оставляются по завѣщанію на память, какъ, напримѣръ, альбомъ, палка, какая-нибудь другая цѣнная вещица, потому что собственно у насъ въ народѣ существуетъ обычай оставлять на память; если человѣкъ умираетъ, не оставляя ничего послѣ себя, то народъ говоритъ, что души нечѣмъ помянуть. Надо, чтобъ было, чѣмъ душу помянуть. Мнѣ кажется, что не будетъ противъ интересовъ наслѣдниковъ и кредиторовъ, если въ законѣ будетъ сказано, что вещи малоцѣнныя, оставленныя знакомымъ на память, не считаются въ числѣ наслѣдства и не налагаютъ никакихъ обязанностей.

Такимъ образомъ, я предлагаю, угодно-ли вамъ будетъ

выразить сочувствіе къ тому вопросу, чтобы у насъ было введено наслѣдство по инвентарю, и чтобы относительно опекуновъ и малолѣтнихъ наслѣдство по инвентарю было единственной формой, и чтобы, сверхъ того, вещи малоцѣнныя, оставляемыя на память, не были разсматриваемы какъ наслѣдство.

К. А. Рихтеръ. Вполнѣ соглашаясь въ принципѣ съ почтеннымъ референтомъ, позволю себѣ сдѣлать однако нѣкоторыя взображенія. Я не буду распространяться о томъ значеніи, которое имѣетъ кредитъ: вамъ также извѣстно, что кредитъ прямо пропорціоналенъ той увѣренности, который имѣютъ кредиторы въ возвратѣ данныхъ ими денегъ и что дисконтъ обратно пропорціоналенъ этой увѣренности. Теперь спрашивается, при принятіи подобной мѣры не пострадаетъ-ли кредитъ. При существующемъ законѣ кредиторъ увѣренъ, что юридическая личность должника существуетъ за гробомъ, ему нѣтъ интереса знать принялъ-ли наслѣдникъ все наслѣдство, или только часть, скрылъ-ли онъ что-либо, или нѣтъ. Ему довольно, что принята часть наслѣдства и онъ уже имѣетъ право получить полное удовлетвореніе своего долга. Если эта мѣра будетъ замѣнена другою, въ силу которой наслѣдникъ будетъ отвѣчать только въ предѣлахъ полученнаго наслѣдства, то не вызоветъ-ли это такія спекуляціи, благодаря которымъ кредиторы лишены будутъ всякой возможности получить удовлетвореніе. Не будетъ-ли въ интересахъ прямыхъ наслѣдниковъ и даже самого наслѣдодателя скрывать по возможности дѣйствительную стоимость полученнаго наслѣдства, а скрыть наслѣдство нѣтъ ничего легче, такъ, напримѣръ, денежные капиталы всегда могутъ быть скрыты до прибытія судебнаго пристава для составленія описи. Если, напримѣръ, установлены будутъ тѣ договоры на случай смерти, о которыхъ говорено было во вчерашнемъ засѣданіи, то безъ сомнѣнія появится масса подобныхъ договоровъ, быть можетъ въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ. Далѣе возможна выдача безденежныхъ обязательствъ на имя законныхъ наслѣдниковъ, и такимъ образомъ наслѣдники эти кромѣ того, что будутъ наслѣдниками

по закону, явятся еще съ правами кредиторовъ и притомъ съ такими правами, при которыхъ они только выигрываютъ, а не теряютъ, потому, что лично съ нихъ взыскать ничего нельзя. Понятное дѣло, что если все это будетъ возможно, то результатомъ явится отсутствіе или по крайней мѣрѣ уменьшеніе увѣренности въ возвратѣ данныхъ взаймы денегъ и отсюда упадокъ кредита. Я говорю это, мм. гг., съ тѣмъ, чтобы указать только на возможныя послѣдствія, которыя слѣдуетъ устранить. Но чѣмъ-же онѣ устраняются? Почтенный референтъ указалъ только одно, что можно предоставить право болѣе отдаленнымъ наслѣдникамъ принимать наслѣдство безъ инвентаря, но представляется-ли эта мѣра справедливою; очень часто прямой наслѣдникъ добросовѣстный не захочетъ принять на себя тѣхъ обязанностей, которыхъ исполнить не можетъ, не захочетъ принять наслѣдства безъ инвентаря; съ другой стороны, болѣе отдаленный наслѣдникъ для того только, чтобы получить что-нибудь, приметъ наслѣдство безъ инвентаря и будетъ имѣть предпочтеніе предъ законнымъ наслѣдникомъ; затѣмъ наслѣдство истратится, кредиторы посадятъ его въ долговое, и ему ни жарко, ни холодно. И такъ, мѣра эта можетъ быть принята только при устраненіи тѣхъ вредныхъ послѣдствій для кредита, на которыя я имѣлъ честь указать.

В. Н. Лешковъ. Я долженъ указать, что инвентарь у насъ существуетъ въ торговомъ правѣ десятки лѣтъ и оказывается, что онъ не представляетъ тѣхъ опасностей, о которыхъ говоритъ г. Рихтеръ. Если бы въ торговомъ быту не было никакого указанія на существованіе подобнаго учрежденія, то возраженіе г. Рихтера имѣло бы громадное значеніе; но, имѣя въ виду жизнь торговую, гдѣ наиболѣе возможны тѣ или другія соображенія, я думаю есть полное основаніе предполагать, что внесеніе этого учрежденія въ гражданскій бытъ можетъ быть только полезно. Вѣдь тутъ вопросъ о справедливости имѣетъ двѣ стороны: справедливо-ли изданіе закона, который могъ бы грозить опасностью кредиторамъ, и, съ другой стороны, справедливъ-ли такой законъ, который приводитъ къ раззоренію наслѣдниковъ.

Вопросъ о кредиторахъ совершенно справедливъ, но я говорю, что для рѣшенія его мы имѣемъ опытъ русскаго торговаго права.

К. А. Рихтеръ. Я позволю себѣ замѣтить, мм. гг., что если на вѣсы правосудія ставить съ одной стороны кредиторовъ, а съ другой стороны наслѣдниковъ, то не слѣдуетъ забывать, что наслѣдники имѣютъ полную возможность оградить себя прежде, чѣмъ примутъ наслѣдство; наоборотъ, кредиторы этого сдѣлать не имѣютъ возможности. Кредиторъ находится совершенно въ рукахъ тѣхъ недобросовѣстныхъ наслѣдниковъ, которые захотѣли бы скрыть наслѣдство.

П. К. Скордели. Я прибавлю только нѣкоторыя соображенія къ тому, что было высказано г. Лохвицкимъ въ доказательство справедливости имъ сказаннаго. Инвентарь даетъ кредиторамъ достаточную возможность получить то, на что они разсчитываютъ. Поэтому я не могу согласиться съ положеніемъ, что слѣдуетъ отдавать преимущество отдаленнымъ наслѣдникамъ въ томъ случаѣ, если они захотятъ принять наслѣдство безъ инвентаря. Дѣйствительно-ли кредиторы будутъ обезпечены? У наслѣдника пассивъ можетъ превышать активъ; не придется ли тогда кредиторамъ умершаго вмѣсто того, что было у наслѣдодателя, получить менѣе? Такимъ образомъ я думаю, что рефератъ можетъ быть принятъ въ цѣлости за исключеніемъ того преимущества, которое указано въ немъ относительно отдаленныхъ родственниковъ.

А. В. Лохвицкій. Здѣсь спрашиваютъ: зачѣмъ отдавать преимущество отдаленному наслѣднику? Да за тѣмъ, что онъ берется платить долги, не только по инвентарю, но и изъ своего имущества.

Предсѣдатель. Кажется, очевидно изъ всего сказаннаго, что предложеніе г. Лохвицкаго принимается, но не слѣдуетъ ли точнѣе опредѣлить нѣкоторыя положенія?

К. А. Рихтеръ. Мое предложеніе заключалось лишь въ томъ, чтобы оградить кредиторовъ отъ разныхъ злоупотребленій наслѣдниковъ; такого замѣчанія нельзя даже формулировать, такъ какъ нѣкоторыя положенія не входятъ

въ программу. Я только заявляю ту мысль, что на практикѣ могутъ встрѣтиться нѣкоторыя затрудненія, для которыхъ необходимо ввести извѣстныя правила, чтобы оградить права законныхъ кредиторовъ.

Вслѣдъ затѣмъ А. В. Лохвицкій слѣдующимъ образомъ формулировалъ свое предложеніе: 1) полезно предоставить наслѣднику принимать наслѣдство по инвентарю, что обусловливаетъ его отвѣтственность за долги наслѣдодателя лишь въ размѣрѣ унаслѣдованнаго имущества; 2) полезно, чтобы опекуны и попечители могли принимать наслѣдство только по инвентарю и 3) полезно предпочитать дальняго наслѣдника наслѣднику ближайшему, если первый согласится принять наслѣдство не по инвентарю.

Первыя два положенія приняты, послѣднее отвергнуто.

III.

А. Я. Ашебергъ доложилъ сущность предложенія г. Тергукасова по вопросу о томъ, гдѣ долженъ быть протестованъ вексель, выданный по предъявленіи, въ томъ ли мѣстѣ, гдѣ имѣетъ постоянное мѣстожительство векселедатель или бланконадписатель, или же гдѣ написанъ самый вексель (ст. ст. 585, 615, 617, 619, 620, 623 уст. торг.)?

Вотъ текстъ этого предложенія:

„Въ законѣ нѣтъ прямаго разрѣшенія этого вопроса, хотя правительствующій сенатъ находитъ, что протестъ, не заключающій въ себѣ удостовѣренія о требованіи платежа и учиненный въ такомъ мѣстѣ, гдѣ должникъ не находился и не обязанъ былъ находиться, не можетъ быть признанъ правильнымъ (рѣшеніе IV депар. по дѣлу Вальтена съ Петровымъ 1871 г.). Но въ судебной практикѣ вопросъ этотъ рѣшается различно: одни окружные суды требуютъ протестъ векселя по предъявленіи на мѣстѣ жительства должника, или бланконадписателя,—другіе суды въ мѣстѣ жительства векселедержателя или истца,—а третьи въ мѣстѣ надписанія векселя“.

А. В. Лохвицкій. Это, дѣйствительно, составляетъ затруд-

неніе, но вѣдь съѣздъ не адвокатская контора, чтобы рекомендовать путь, какъ легче произвести взысканіе.

А. Я. Ашебергъ. Позвольте возразить противъ этого, что можно обратиться ко всякой адвокатской конторѣ за указаніемъ или разъясненіемъ закона, но никакъ нельзя обращаться за разъясненіемъ того, чего въ законѣ нѣтъ. Слѣдовательно, въ нашемъ съѣздѣ и можно, и должно поставить такой вопросъ: слѣдуетъ ли дополнить вексельный уставъ тѣмъ-то и тѣмъ-то.

А. В. Соколовъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что тутъ могутъ быть нарушенія права третьихъ лицъ. Это вопросъ весьма серьезный.

К. А. Рихтеръ. Мнѣ кажется, что съѣздъ можетъ допустить только такую резолюцію: признать необходимымъ разъясненіе законодательнымъ порядкомъ указанныхъ статей закона.

Принята резолюція, формулированная г. Рихтеромъ.

IV.

Предсѣдатель. Теперь всѣ вопросы разсмотрѣны и обсуждены; остается только одинъ вопросъ, означенный въ программѣ подъ № 15: „о вліяніи запрещеній на вводъ во владѣніе недвижимыми имуществами по актамъ укрѣпленія“. Лицо, предложившее этотъ вопросъ, находится въ отсутствіи и прислало свои соображенія, которыя будутъ доложены г. Плевако.

Съѣздъ отклонилъ разсмотрѣніе этого реферата.

Предсѣдатель. Мм. гг.! Прежде, чѣмъ я признаю возможнымъ закрыть засѣданіе, я считаю долгомъ просить выслушать лицо, которому мы обязаны нашимъ юридическимъ съѣздомъ, именно С. И. Баршева. С. И. Баршевъ взялъ на себя трудъ не только представить правительству мысль о нашихъ съѣздахъ, но и другіе разные труды онъ взялъ на себя, поэтому я считаю долгомъ выслушать его сообщенія и принести ему благодарность.

С. И. Варшевъ. Событіе, мм. гг., пережитое нами, можно сказать, въ нѣсколько часовъ, если ему суждено повториться, несомнѣнно будетъ имѣть неисчислимо важное вліяніе на всю послѣдующую жизнь нашей юридической науки и юридической практики. Тогда настанетъ для нихъ совершенно новая эра и откроется самое обширное поле для новой, доселѣ небывалой, въ высшей степени плодотворной дѣятельности. Въ виду такой высокой важности настоящаго событія всякій изъ насъ, мм. гг., безъ сомнѣнія чувствуетъ настоятельную потребность самымъ гласнымъ и торжественнымъ образомъ выразить глубокую, искреннюю признательность тѣмъ, которые вспомоществовали ему. Горячему сочувствію и просвѣщенному содѣйствію гг. министровъ народнаго просвѣщенія и юстиціи обязаны мы тѣмъ, что родившаяся въ моей душѣ мысль и радушно принятая въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ о съѣздѣ русскихъ юристовъ изъ области мечты перешла въ область совершившихся фактовъ. Г. министръ народнаго просвѣщенія, въ своей всегдашней готовности идти на помощь всякому полезному начинанію въ дѣлѣ науки, простеръ свое сочувствіе къ мысли о съѣздѣ русскихъ юристовъ до такой степени, что исходатайствовалъ не только Высочайшее соизволеніе на открытіе съѣзда, но судя по времени, назначенному для съѣзда, довольно роскошное пособіе для поддержанія его существованія. Самое Высочайшее соизволеніе на открытіе съѣзда юристовъ есть такой актъ монаршей воли, воспоминаніе о которомъ мы должны крѣпко запечатлѣть въ нашихъ сердцахъ. Въ разрѣшеніи съѣзда указанъ высокій знакъ монаршаго довѣрія къ духовной зрѣлости русскаго юридическаго сословія. Въ высшей степени, мм. гг., отрадно настоящее событіе; горячо сочувствуя ему, благодарю Бога, что мнѣ довелось не только дожить до него, но и посильно содѣйствовать ему. Не могу поэтому удержаться, чтобы не заявить гласно въ настоящемъ собраніи мое искреннее желаніе, чтобы нашъ первый съѣздъ не былъ и послѣднимъ; желаніе, которое безъ всякаго сомнѣнія раздѣляется и всѣми вами. Судя по тому, съ какой полною достоинства серьезностью происходили здѣсь пренія по весьма важнымъ во-

просамъ, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ и участіемъ всѣ присутствующіе въ нашихъ собраніяхъ слѣдили за ходомъ преній, мнѣ кажется, нѣтъ причины почему бы намъ время отъ времени не собираться для взаимныхъ бесѣдъ? Бесѣды эти, помимо всякихъ другихъ результатовъ, приносятъ несомнѣнно пользу и потому, что сближаютъ между собою людей родственныхъ по тождеству ихъ занятій, становятся между ними связью, которая продолжается и потомъ и облегчаетъ ихъ обычный трудъ. Что касается до тѣхъ результатовъ, которые должно достигнуть настоящее собраніе, то я думаю, что его нельзя считать неудачнымъ и тогда, если на немъ были только лишь затронуты извѣстные серьезные вопросы и установлены болѣе или менѣе вѣрные взгляды на ихъ рѣшеніе. Требовать отъ подобныхъ собраній всесторонняго разсмотрѣнія поднятыхъ вопросовъ препятствуетъ уже краткость времени, назначеннаго для нихъ. Это дѣло кабинетной работы, которая и должна слѣдовать за ними. 40 лѣтъ, мм. гг., служу я русской юридической наукѣ; теперь, на концѣ моего служебнаго поприща, мое настоящее слово, обращенное къ вамъ, есть послѣдняя, лебединая пѣснь. Считаю себя счастливымъ, что мнѣ довелось сложить ее и пропѣть по поводу такого знаменательнаго событія, для дѣла, которому я посвятилъ всю свою жизнь.

Предсѣдатель. Мм. гг! Позвольте мнѣ продолжить нѣсколько бесѣду почтеннаго Сергѣя Ивановича. Мы въ теченіе трехъ дней собирались, обсуждали разные вопросы, спорили, соглашались и наконецъ пришли къ нѣкоторымъ результатамъ. Плодомъ нашихъ занятій будетъ тотъ томъ, который будетъ напечатанъ и въ которомъ будутъ сообщены какъ всѣ статьи, предложенныя на съѣздѣ, такъ и тѣ обсужденія, къ которымъ онѣ дали поводъ. Конечно, очень желательно, чтобы какъ самыя статьи, такъ и всѣ возраженія и отвѣты были напечатаны какъ можно правильнѣе, какъ можно болѣе передавали бы проводившуюся мысль; чтобы кромѣ того, что было записано здѣсь, сами авторы предложенныхъ статей взяли на себя трудъ по возможности ихъ прислать гг. секретарямъ нашего съѣзда, для того, чтобы впослѣд-

ствіи можно было правильнѣе и лучше напечатать. Если затѣмъ окажется по нѣкоторымъ обстоятельствамъ необходимымъ сдѣлать кое какія сокращенія, то безъ сомнѣнія, гг. авторы предложенныхъ статей и возраженій не будутъ въ этомъ случаѣ въ претензіи, такъ какъ это будетъ предпринято только для пользы науки, для того, чтобы какъ можно болѣе распространить въ будущемъ наши занятія. Но, чтобъ теперь уяснить себѣ, что мы дѣлали въ теченіе этихъ трехъ дней, что мы представимъ правительству, которое разрѣшило нашъ съѣздъ, я позволю себѣ, мм. гг., еще разъ повторить результаты нашихъ занятій, т.-е. вопросы и отвѣты, которые вы на нихъ дали. Я считаю это необходимымъ для того, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлать извѣстнымъ публикѣ то, что мы получили, съ тою цѣлью, чтобы нѣкоторыя невѣрныя мысли, невѣрныя сужденія, которыя проникаютъ въ газеты, были этимъ самымъ устранены; для того, чтобы всѣ окончательно могли убѣдиться въ томъ, какъ мы дѣйствовали и что положили. Я повторю тѣ вопросы, которые мы разсматривали.

Первый вопросъ, мм. гг., вамъ угодно было почтить серьезнымъ вниманіемъ и я очень радъ, что мое предложеніе въ этомъ смыслѣ было принято, по крайней мѣрѣ принято большинствомъ голосовъ. Предложеніе мое принято съ выраженіемъ пожеланія, чтобъ учреждена была правительственная коммиссія для собиранія обычаевъ. Я думаю, что если вы изволите признать такой результатъ правильно изложеннымъ, то онъ окажетъ намъ большую услугу: во-первыхъ, мы получимъ сборникъ обычаевъ, собранный именно съ тою цѣлью, въ томъ направленіи, какъ я заявлялъ. Съ другой стороны тутъ еще представляется важнымъ то обстоятельство, что правительство увидитъ, когда сборникъ будетъ изданъ, что это труды, которые сдѣланы по предложенію нашего съѣзда. Положимъ, что мы прямо такое предложеніе сдѣлать не можемъ, но мы имѣемъ право ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы была назначена коммиссія; а много значитъ, если мы заявимъ такое желаніе. Я увѣренъ, что при содѣйствіи, о которомъ я лично буду ходатайствовать, это

желаніе такъ или иначе будетъ приведено въ исполненіе, поэтому еще разъ благодарю за честь, оказанную моему предложенію.

Ст. 2-я: „о правѣ промышленности, какъ основаніи для отличенія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго". Эта статья была предложена В. Н. Лешковымъ и резолюція записана такъ: указать, что XI-й т. св. зак. требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій, но въ чемъ должны заключаться эти измѣненія и какая должна быть принята теорія, этого не можетъ объяснить и самъ авторъ, какъ онъ заявилъ, по недостатку времени.

Ст. 3-я: „о необходимости новой кодификаціи гражд. права матеріальнаго въ замѣнъ 1-й ч. X т. св. зак. гражд. и большей части статей Торг. Уст. съ указаніемъ, какъ совершить эту работу" и ст. 7: „объ изданіи 1-й ч. X т. св. зак. дополненной въ самомъ текстѣ статей всѣми узаконеніями, вошедшими въ Продолженія законовъ. У меня записана резолюція такая: признать мнѣнія С. И. Зарудnаго и А. А. Книрима основательными, но предложенія ихъ не подлежащими разсмотрѣнію съѣзда по кратковременности его занятій.

Ст. 4-я: „объ изданіи гражд. уложенія Россійской имперіи съ изложеніемъ причинъ необходимости отмѣны мѣстныхъ сводовъ гражданскихъ узаконеній, нынѣ дѣйствующихъ и указаніемъ основныхъ положеній, могущихъ служить къ объединенію въ Россіи гражд. права". Этотъ вопросъ былъ предложенъ А. М. Фальковскимъ и М. П. Соловьевымъ. Наша резолюція та, что онъ признается преждевременнымъ, потому что еще не сдѣлано многихъ предварительныхъ работъ.

Ст. 5-я: „о дополненіи нашихъ гражд. законовъ постановленіями о признаніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и объ узаконеніи ихъ". Предложеніе принято.

Ст. 6-я: „о необходимости опредѣлить въ нашемъ законодательствѣ размѣръ гражд. отвѣтственности за самовольное представленіе драматическаго произведенія". Предложеніе принято.

Ст. 8-я: „о томъ что, слѣдовало бы разрѣшить свободное

распоряженіе по духовнымъ завѣщаніямъ родовыми имуществами". Принято, но не безусловно.

Ст. 9-я: „о введеніи въ наше законодательство распоряженій имуществомъ посредствомъ договоровъ на случай смерти". Предложеніе принято.

Ст. 10-я: „не представляется достаточнаго теоретическаго основанія возводить универсальное и сингулярное преемство къ разнымъ эпохамъ развитія и различнымъ степенямъ сознанія наслѣдства". Принято.

Ст. 11-я: „о предоставленіи наслѣднику права получать наслѣдство по описи и оцѣнкѣ и объ отвѣтственности его за долги наслѣдодателя только въ предѣлахъ стоимости полученнаго наслѣдства". Принято съ особой статьей относительно опекуновъ и попечителей.

Ст. 12-я: „съ какого времени имущество безвѣстно отсутствующаго лица поступаетъ къ наслѣдникамъ его и какимъ порядкомъ послѣдніе вступаютъ въ права распоряженія онымъ, какъ своею собственностью". Съѣздъ положилъ руководствоваться сводомъ законовъ.

Ст. 15-я: „о вліяніи запрещеній на вводъ во владѣніе недвижимыми имуществами по актамъ укрѣпленія". Оставляется безъ разсмотрѣнія.

Ст. 16-я. Гдѣ долженъ быть протестованъ вексель, выданный по предъявленіи? Въ томъ ли мѣстѣ, гдѣ имѣетъ постоянное мѣсто жительства векселедатель или бланконадписатель, или же гдѣ написанъ самый вексель?—Признано необходимымъ дополнить существующія постановленія указаніемъ мѣста, гдѣ долженъ быть предъявленъ вексель.

Вотъ, мм. гг. всѣ вопросы, по которымъ мы пришли къ заключеніямъ. Я считаю долгомъ указать, что во время преній для меня по крайней мѣрѣ выяснилось два направленія. Одни изъ гг. возражавшихъ старались какъ можно болѣе о проведеніи новыхъ началъ въ наше законодательство, т.-е. старались указать, что необходимо улучшеніе во многихъ пунктахъ свода законовъ, въ тѣхъ частяхъ, которыя разсматривались. Этого, конечно, никто изъ присутствующихъ не отрицалъ, но здѣсь произошло то различіе, что нѣкоторые имѣли въ виду иностранные образцы

или теоріи права, которыя указываютъ именно на то, что̀ могло бы быть измѣнено, улучшено въ обіщемъ юридическомъ смыслѣ: это, по ихъ мнѣнію, могло бы возвести нашъ сводъ законовъ на равную или даже на высшую степень въ отношеніи иностранныхъ законодательствъ. Это мнѣніе очень вѣроятно послѣ того какъ съ такимъ успѣхомъ изданы были наши судебные уставы; многимъ изъ насъ не разъ случалось читать, что имъ отдавали должную честь за границею; иностранцы завѣряли даже, что это такой кодексъ, который стоитъ выше ихъ собственныхъ. Поэтому вовсе не удивительно, если намъ русскимъ, хотя говоря вообще, мы стоимъ ниже иностранцевъ, приходитъ на мысль, что и мы, работая, должны достигнуть тѣхъ же результатовъ, которыхъ достигли они, что и мы въ свое время можемъ издать уложеніе, которое послужитъ образцомъ для иностранцевъ. Это совершенно справедливо, совершенно оправдываетъ насъ, но, мм. гг., первый опытъ еще, по моему мнѣнію, не вполнѣ убѣдителенъ; то, что было сдѣлано, относится къ судебнымъ уставамъ, которые гораздо легче измѣнить и построить на основаніи общихъ теорій, чѣмъ постановленія матеріальнаго права. Слѣдовательно, если бы мы захотѣли видоизмѣнить въ этомъ смыслѣ наше право и особенно гражданское право, то должны подходить къ этому съ большою обдуманностью, т.-е. мы должны руководствоваться не только дѣйствующими иностранными законодательствами, но и вообще теоретическимъ изученіемъ права. Однако и этого мало, намъ необходимо обратиться сначала къ источникамъ русскимъ, также къ практической жизни русскаго народа и въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется, тѣ практики, которые высказывали это убѣжденіе, стоятъ на болѣе правильной точкѣ зрѣнія. Это вопросъ теоріи, не нами созданной; теорія эта уже существуетъ на западѣ, она есть продолженіе теоріи, высказанной великимъ Савиньи. Мы должны прежде изучить старое, сказать что̀ въ томъ или другомъ отношеніи было невѣрно или по крайней мѣрѣ не соотвѣтствуетъ настоящему быту.

Вотъ, мм. гг., почему я могу сказать, что мы, насколько я понимаю взглядъ правительства на наши теперешнія за-

нятія, достигли хорошихъ результатовъ, именно правительство въ нашихъ дѣйствіяхъ не усмотритъ никакой поспѣшности,—ни торопливости, ни нежеланія сдѣлать что-нибудь полезное. Въ этомъ смыслѣ при самомъ открытіи нашего съѣзда я имѣлъ честь принести благодарность и выяснить мое мнѣніе, что мнѣ особенно пріятно дѣйствовать въ нашемъ съѣздѣ, если я убѣжденъ, что мои воззрѣнія не противорѣчатъ его взглядамъ. Чтобы еще болѣе подтвердить то, что правительство точно также смотритъ на нашъ съѣздъ, я долженъ заявить, что сейчасъ убѣдился въ этомъ, получивъ изъ Петербурга депешу. Я сдѣлалъ предложеніе многимъ членамъ съѣзда осмотрѣть наши архивы и не далѣе какъ вчера многіе уже посѣтили архивъ Окружнаго Суда и, какъ кажется, нѣкоторые почерпнули полезныя свѣдѣнія изъ этого осмотра. Потомъ мы положили также собраться въ архивѣ министерства юстиціи, которымъ я управляю. Въ настоящее время я получаю телеграмму, въ которой товарищъ министра юстиціи проситъ меня за членовъ съѣзда русскихъ юристовъ позволить имъ посѣтить и обозрѣть архивъ министерства юстиціи. Значитъ, само правительство желаетъ, чтобы мы осматривали архивы, занимались ими для пользы нашего дѣла. Архивъ, которымъ я управляю, есть чисто историческій; но если вы его осмотрите, то увидите, что въ немъ много дѣла и для юриста, потому что оттуда можно черпать, какъ изъ источника, данныя для исторіи развитія правовыхъ отношеній, семейныхъ, государственныхъ и бытовыхъ. Во всякомъ случаѣ трудъ юриста болѣе или менѣе историческій. Слѣдовательно, говоря о томъ, что мы работали въ этомъ смыслѣ согласно съ точкою зрѣнія правительства, я думаю, что этимъ самымъ разрѣшается вопросъ о томъ, возможны-ли съѣзды на будущее время, какъ посмотритъ на нихъ правительство, какую пользу можетъ оно отъ нихъ ожидать. Мы уже слышали отъ почтеннаго Сергѣя Ивановича, что правительство можетъ ожидать пользы отъ нашихъ съѣздовъ и что оно, вѣроятно, не откажетъ намъ въ своемъ содѣйствіи къ дальнѣйшему развитію нашего права. Теперь, мм. гг., мнѣ остается только напомнить вамъ, что такъ какъ мы изда-

димъ нашъ трудъ, то непремѣнно нужно кому-нибудь изъ насъ поручить это изданіе. Хотя разумѣется мнѣ было бы пріятно участвовать въ этомъ трудѣ, но я считаю себя одного не довольно компетентнымъ. Не угодно-ли будетъ съѣзду избрать коммиссію изъ лицъ, которыя ближе стоятъ къ этому дѣлу и которыя могутъ принять участіе въ изданіи. Затѣмъ мы возбудимъ вопросъ о новомъ съѣздѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, выразить правительству наше желаніе и нашу готовность трудиться на будущее время.

В. Н. Лешковъ. Я полагаю, мм. гг., что желаемая коммиссія болѣе или менѣе существуетъ. Я полагаю, что общество юридическое, которое принимало участіе въ созваніи и собраніи съѣзда, несомнѣнно уже думало о томъ, что съѣздъ, покончивъ свои дѣла, дастъ извѣстные словесные и письменные документы какъ результаты своей дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ общество наше уже утруждало министра народн. просвѣщ. просьбою о снабженіи насъ нужными средствами для изданія, и общество уже имѣетъ 3,000 рублей, изъ которыхъ большая доля, конечно, пойдетъ на изданіе. Если мы получили задатокъ за свой трудъ, то естественно мы обязаны этотъ трудъ исполнить и эта первая обязанность лежитъ на томъ, въ чьихъ рукахъ находятся деньги, нужныя для изданія.

Мы просили эти деньги для изданія нашихъ трудовъ и мы должны заняться этимъ дѣломъ, потому что гг. членамъ съѣзда весьма неудобно будетъ дѣлать выборъ, такъ какъ они могутъ выбрать весьма достойнаго человѣка, но живущаго въ Казани, отличнаго даровитаго редактора, но живущаго въ Одессѣ. Такимъ образомъ, я полагаю, что это дѣло наше домашнее; мы лучше знаемъ и положеніе и отношеніе лицъ, которыя могутъ быть обременены этимъ порученіемъ.

Предсѣдатель. Я долженъ сказать, что я смотрю нѣсколько иначе: дѣйствительно съѣздъ созванъ стараніями Юридическаго Общества; сумма о которой оно ходатайствовало получена, но самый Юридическій съѣздъ, самый трудъ его составляетъ нѣчто совершенно отдѣльное и желательно, чтобы онъ былъ изданъ совершенно самостоятельно. Что

касается до того, кого выбрать въ коммиссію, то безъ сомнѣнія, всѣ лица, которыя здѣсь участвуютъ, знаютъ, что эта работа должна производиться въ Москвѣ и, слѣдовательно, для участія въ ней могутъ быть выбираемы только живущіе здѣсь.

А. В. Соколовъ. Просить предсѣдателя съѣзда руководить этимъ изданіемъ.

Голоса. Просимъ.

К. А. Рихтеръ. Я бы предложилъ собранію просить почтеннаго С. И. Баршева почтить насъ своимъ участіемъ въ этомъ трудѣ. Предложеніе это было встрѣчено всеобщими рукоплесканіями.

С. И. Баршевъ. Употреблю всѣ мои силы, чтобы по мѣрѣ возможности быть еще полезнымъ съѣзду.

Предсѣдатель. Теперь о новомъ съѣздѣ. Насъ собралось хотя немного, но, все-таки, были представители изъ другихъ городовъ и это очень существенно для перваго начала. Съѣздъ оказался удачнымъ и, можно надѣяться, что на будущій съѣздъ соберется гораздо болѣе, будетъ гораздо болѣе вопросовъ, предложенныхъ для разсмотрѣнія и, вѣроятно, намъ дадутъ больше времени для ихъ рѣшенія. Слѣдовательно, нужно избрать такой городъ, гдѣ бы можно было дѣйствовать съ большею обдуманностью и имѣть больше способовъ для разрѣшенія вопросовъ.

А. В. Лохвицкій. Конечно, Петербургъ.

Нѣкоторые. Москва.

А. В. Соколовъ. Я позволю себѣ нѣсколько словъ. Когда собирается съѣздъ археологовъ, естественниковъ, имъ есть разсчетъ мѣнять города, гдѣ находятся разныя коллекціи; то, чего нѣтъ въ Москвѣ, есть въ Петербургѣ. Но нашъ съѣздъ не нуждается въ какихъ-либо коллекціяхъ и для него было-бы гораздо полезнѣе, если бы онъ постоянно собирался въ одномъ городѣ, поэтому я съ своей стороны предлагаю созваніе въ Москвѣ и 2-го съѣзда.

К. А. Рихтеръ. Я, съ своей стороны, хотѣлъ предложить, чтобы мы москвичи, были устранены отъ рѣшенія этого вопроса. Здѣсь, въ этомъ дѣлѣ, мы должны ожидать мнѣнія нашихъ почтенныхъ гостей.

Предсѣдатель. Нѣтъ, вы ошибаетесь. Мы, какъ хозяева, также можемъ заявить свое желаніе, которое можетъ и должно быть уважено.

К. А. Рихтеръ. Я имѣлъ честь сдѣлать это замѣчаніе на томъ основаніи, что мы всѣ, москвичи, конечно, имѣемъ основаніе желать, чтобы будущій съѣздъ былъ въ Москвѣ.

В. Д. Спасовичъ. Принимая участіе въ съѣздѣ, какъ русскій юристъ, никто не можетъ быть устраненъ отъ этого вопроса въ качествѣ москвича, какъ никто не можетъ быть устраненъ въ качествѣ русскаго юриста (Рукоплесканія).

Большинствомъ голосовъ рѣшено: быть съѣзду въ С.-Петербургѣ.

Предсѣдатель. Теперъ вопросъ о времени для новаго съѣзда. Я думаю, что слѣдующій съѣздъ можетъ состояться не раньше какъ черезъ три года.

Голоса. Раньше, раньше!

Предсѣдатель. Археологическое общество получило отъ правительства разрѣшеніе на созваніе съѣзда не ранѣе, какъ черезъ три года.

А. В. Соколовъ. Общество натуралистовъ собирается черезъ два года.

Предсѣдатель. Но мы можемъ не успѣть выполнить своихъ работъ.

А. В. Соколовъ. У археологовъ и натуралистовъ могутъ быть такія предварительныя работы, которыя требуютъ много времени, а у юристовъ матеріалъ подъ рукою; его можно скопить въ теченіи года.

Предсѣдатель. Нѣтъ, я надѣюсь, что мы будемъ работать не такъ какъ теперь, иначе мы не достигнемъ результатовъ, какъ бы ни старались. Мы, надо полагать, воспользуемся примѣромъ Германіи. Тамъ указываются вопросы, которые должны быть разработаны къ слѣдующему съѣзду, именно въ промежуткахъ между двумя съѣздами. На это потребуется 2 или 3 года.

А. В. Соколовъ. Я участвовалъ на трехъ съѣздахъ германскихъ и знакомъ съ этимъ дѣломъ. Тамъ составляется особая коммиссія; но намъ подобныя коммиссіи не разрѣшены; слѣдовательно, нѣтъ возможности употребить тотъ способъ,

который въ ходу въ Германіи. Но можно желать, чтобъ съѣзды созывались въ томъ городѣ, гдѣ существуетъ Юридическое общество, какъ напримѣръ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Казани, гдѣ уже предположено основать Юридическое общество; въ Кіевѣ оно уже существуетъ. Слѣдовательно, у насъ есть предварительныя коммиссіи, которыя могутъ принять участіе въ предварительной разработкѣ вопросовъ. Мнѣ кажется, что поэтому нѣтъ препятствія созывать съѣздъ чрезъ каждые 2 года, въ Германіи они созываются каждый годъ; три года было-бы слишкомъ продолжительно; даже натуралисты собираются черезъ 2 года.

А. В. Лохвицкій. У насъ вычеркнуты всѣ вопросы уголовнаго права, къ которымъ приготовлялись. Быть можетъ, въ виду того, что такъ разумно шли наши засѣданія, намъ черезъ годъ разрѣшатъ тѣ вопросы, которые сочли несвоевременными въ настоящеее время.

К. А. Рихтеръ. Я, съ своей стороны, предлагаю употребить для съѣзда время Рождества или Святой, когда всѣ свободны; это время придется и въ связи со срокомъ, такъ какъ тогда съѣздъ можно будетъ назначить черезъ $1^1/_2$ года.

А. В. Соколовъ. Противъ этого я могу сказать слѣдующее: если теперь съѣздъ немногочисленъ, то зимой онъ будетъ еще менѣе многочисленъ, такъ какъ назначается такое время, когда всякій изъ членовъ съѣзда привыкъ быть въ своей семьѣ; это хорошо для тѣхъ, которые живутъ по зимамъ въ той мѣстности, въ которой будетъ происходить съѣздъ. Но у насъ даже не всѣ мѣстности имѣютъ желѣзно-дорожное сообщеніе, а инымъ придется употребить дня 4 на дорогу. Кромѣ того, есть еще одно обстоятельство. У насъ большинство юристовъ не живетъ въ университетскихъ городахъ; многіе дѣльные юристы, которые, можетъ быть, пожелаютъ принять участіе въ съѣздѣ, нерѣдко живутъ въ уѣздныхъ городахъ. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ избрать то время, когда сообщеніе наиболѣе удобно и когда у всѣхъ свободное вакаціонное время, какъ у лицъ учебнаго вѣдомства, такъ и у лицъ судебнаго вѣдомства: это именно лѣтніе мѣсяцы. Но начало вакаціоннаго времени также неудобно, потому что члены учебнаго

вѣдомства только что освободились отъ тяжкихъ занятій, равно какъ и члены судебнаго вѣдомства; тогда можно будетъ имѣть время болѣе основательно и серьезно обдумать какія-нибудь научныя работы. Поэтому, я думаю, удобнѣе избрать для съѣзда вторую половину іюля или начало августа?

Предсѣдатель. Значитъ, вы предлагаете вторую половину лѣта?

В. Д. Спасовичъ. Это самое неудобное время; почти невозможно, чтобъ кто-нибудь изъ Петербурга пріѣхалъ въ это время.

Предсѣдатель. Мы были въ Кіевѣ на археологическомъ съѣздѣ въ началѣ августа.

А. В. Соколовъ. Мы можемъ имѣть въ виду, что съѣзды археологовъ, натуралистовъ и историковъ назначаются въ августѣ мѣсяцѣ.

Предсѣдатель. Мы можемъ только изъявить желаніе, но не можемъ постановить окончательнаго рѣшенія.

П. К. Скордели. Я позволю себѣ замѣтить слѣдующее: одно изъ неудобствъ нынѣшняго съѣзда заключалось въ томъ, что всѣ объявленія о съѣздѣ, о различныхъ срокахъ дѣлались черезъ Юридическій Вѣстникъ и черезъ Московскія Вѣдомости. Слѣдствіемъ этого было слѣдующее явленіе: я въ Нѣжинѣ получилъ 15 мая № Юридическаго Вѣстника, въ которомъ объявлялось о съѣздѣ и было сказано, что до 1 мая могутъ быть представлены рефераты, потомъ съѣздъ былъ отложенъ до 1 сентября и я получилъ этотъ № 15 сентября. Поэтому желательно, чтобы всѣ объявленія печатались въ Судебномъ Вѣстникѣ, который получается всѣми юристами, а не только чрезъ Московскія вѣдомости и Юридическій Вѣстникъ.

А. М. Фальковскій. Я, какъ бывшій членъ коммиссіи, считаю долгомъ заявить, что объявленія печатались не въ одномъ Юридическомъ Вѣстникѣ, но и во всѣхъ газетахъ; кромѣ того, разослано было до 1000 пригласительныхъ писемъ, слѣдовательно, коммиссія не виновата въ томъ, что эти объявленія не доходили во время; она сдѣлала все, что отъ нея зависѣло.

А. Я. Ашебергъ. Я полагаю, что не всѣ тѣ юристы, которые желали бы быть на съѣздѣ въ Петербургѣ, имѣютъ достаточно средствъ для этого; и при всемъ своемъ желаніи быть на съѣздѣ, при всемъ знаніи юридической науки не могутъ тронуться за неимѣніемъ къ тому средствъ. И потому я думаю, слѣдовало бы войти въ соглашеніе съ лицами, завѣдующими путями сообщенія объ уменьшеніи платы за проѣздъ.

Предсѣдатель. Это ужъ будетъ дѣло той коммиссіи, которая будетъ завѣдывать слѣдующимъ съѣздомъ.

А. В. Соколовъ. Мм. гг.! Позвольте предъ закрытіемъ съѣзда принести истинную благодарность г. предсѣдателю нашего съѣзда (громкія рукоплесканія).

Предсѣдатель. Я долженъ отдать всю честь Юридическому Обществу, которое приняло на себя всѣ заботы о съѣздѣ; я былъ приглашенъ случайно для принятія участія въ этомъ дѣлѣ.

В. Н. Лешковъ. Протестую противъ того, что мы пригласили Н. В. случайно; мы пригласили его какъ человѣка истинно достойнаго.

И. С. Дурново предложилъ членамъ подписать и поднести адресъ г. предсѣдателю, но г. предсѣдатель отвергъ это въ интересахъ будущихъ съѣздовъ, — и объявилъ съѣздъ закрытымъ.

Приложенія.

I. Телеграмма изъ Петербурга отъ 8 іюня 1875 г. управляющему Московскимъ Архивомъ министерства юстиціи.

Прошу разрѣшить членамъ съѣзда русскихъ юристовъ посѣщать и обозрѣвать архивъ министерства. Статсъ-секретарь Эссенъ.

II. Отчетъ г. Попечителю Московскаго учебнаго округа о первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ.

Какъ бывшій предсѣдатель перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ, считаю долгомъ представить вашему сіятельству отчетъ какъ объ обсуждавшихся на немъ вопросахъ, такъ и о результатахъ, къ которымъ пришли члены съѣзда по каждому вопросу.

Не могу прежде всего не заявить, что избранный съѣздомъ въ предсѣдатели, я бы не рѣшился принять на себя обязанности этого званія, если бы не былъ убѣжденъ, что по преимуществу то направленіе, которому я слѣдовалъ въ моихъ юридическихъ занятіяхъ, послужило поводомъ къ предпочтенію меня многимъ другимъ, безъ сомнѣнія, болѣе достойнымъ меня юристамъ. Въ теченіе бывшихъ за тѣмъ преній по разнымъ вопросамъ дѣйствительно выяснилось,

что самое значительное большинство членовъ стояло не только за необходимость основательнаго изученія всѣхъ соображеній, которыми въ отечественной практикѣ вызваны были статьи закона, требующія, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія нашего на пути гражданственности и вслѣдствіе большаго усвоенія нашимъ обществомъ теоретическихъ основъ законодательства, болѣе или менѣе значительнаго исправленія, дополненій или изъятій, а въ самой системѣ той или другой части свода болѣе или менѣе существенной переработки, но и высказалось въ томъ смыслѣ, что историческія туземныя начала не только должны быть въ виду желательныхъ улучшеній въ сводѣ, но необходимо также принимать во вниманіе и тѣ условія, которыя указываются нашимъ бытомъ, общественнымъ и частнымъ, нашими поземельными отношеніями, климатомъ, общею степенью нашего образованія и т. д., словомъ, всѣми тѣми особенностями, которыми мы отличаемся отъ того или другаго изъ нашихъ западныхъ собратій и, конечно, будемъ отличаться и всегда, если не захотимъ утратить нашей національности. Многими указывалось весьма справедливо, что высшій слой нашего общества уже во многихъ отношеніяхъ достигъ той степени развитія и культуры, которая выставляется, какъ идеалъ, послѣднимъ словомъ здравой науки, но еще справедливѣе большая часть членовъ съѣзда остановилась на томъ соображеніи, что въ виду болѣе значительнаго развитія лишь одного класса общества, да и то не безъ пробѣловъ, нельзя всѣ прочія классы нивелировать по этому образцу и навязать имъ разомъ правила жизни и дѣйствій, несогласныя съ ихъ взглядами, убѣжденіями, понятіями и даже съ тою внѣшнею обстановкою, которую представляетъ наша физическая природа, далеко не сходная съ западною. И вотъ причина, почему съѣздъ пришелъ къ слѣдующимъ, по мнѣнію моему, отраднымъ заключеніямъ:

1. По докладу „объ отношеніи обычнаго права къ законодательству“ принято въ основаніе то положеніе, что пока не приведены въ возможно полную извѣстность наши юридическіе обычаи, пока они не объяснены достаточно тѣми соображеніями, которыми они вызваны, многіе даже съ не-

запамятной древности, и настойчиво поддерживаются въ крестьянской практикѣ, нѣтъ возможности отмѣнить ихъ однимъ почеркомъ пера: вопреки закону, они стали бы жить и даже противодѣйствовать его предписаніямъ. Но, съ другой стороны пока они не записаны, не признаны каждый въ отдѣльности, до тѣхъ поръ какъ въ волостныхъ, такъ и мировыхъ судахъ, гдѣ крестьянскіе обычаи допускаются, они будутъ служить въ дѣлѣ юстиціи не столько къ общей пользѣ, сколько во вредъ строгимъ пріемамъ права и даже нравственности. Но разъ приведенные въ извѣстность, записанные, объясненные и утвержденные правительствомъ, они войдутъ въ общій строй законодательства и могутъ получить значеніе источника права не только для крестьянскаго сословія, но и для другихъ сословій, находящихся въ тѣхъ же обстоятельствахъ, которыми тѣ или другіе обычаи были вызваны въ быту крестьянскомъ. На этомъ основаніи съѣздъ призналъ *весьма желательнымъ*, чтобы учреждена была правительствомъ особая коммиссія, подъ наблюденіемъ коей *на мѣстахъ* свѣдующія въ обычаяхъ лица записывали бы ихъ съ дополненіями и тѣми соображеніями, которыми они вызваны къ жизни и поддерживаются въ практикѣ, а по полученіи такихъ сборниковъ изъ разныхъ мѣстностей, составила изъ нихъ *сборникъ юридическихъ обычаевъ*, мотивированный условіями жизни, какъ матеріалъ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія ихъ и утвержденія въ значеніи источника права тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ признаны соотвѣтствующими практическимъ потребностямъ*).

*) Въ дополненіе къ этому постановленію съѣзда считаю долгомъ заявить, что желаніе его было мною сообщено въ свое время бывшему министру юстиціи графу К. И. Палену, который, хотя и выразилъ мнѣ, что не встрѣчаетъ препятствія къ составленію такой коммиссіи при министерствѣ юстиціи, но не иначе какъ изъ лицъ, служащихъ въ семъ министерствѣ. Съ своей стороны, признавая учрежденіе такой коммиссіи несоотвѣтствующимъ опредѣленію съѣзда, я не далъ дальнѣйшаго хода моему ходатайству, тѣмъ болѣе, что вскорѣ за симъ юридическіе обычаи въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи сдѣлались предметомъ собиранія и изученія не только особыхъ коммиссій, образовавшихся при вновь учрежденныхъ юридическихъ обществахъ, а также въ юридическомъ обществѣ московскомъ, но и продолжаютъ разработываться и въ средѣ русскаго Географическаго Общества въ С.-Петербургѣ.

2. По 2-му реферату, предположенному В. Н. Лешковымъ: „о правѣ промышленности, какъ основаніи для отличенія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго“, съѣздъ призналъ основательными соображенія референта, что XI томъ свода законовъ требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ системѣ расположенія статей и въ самыхъ статьяхъ. Но въ чемъ должны заключаться упоминаемыя докладчикомъ измѣненія и каково должно быть въ особенности теоретическое построеніе XI тома—этого не могъ изложить авторъ по недостатку времени и потому просилъ дозволить ему представить статью свою вполнѣ для напечатанія въ изданіи трудовъ съѣзда, съ тѣмъ, чтобы она могла быть обсуждена на будущемъ съѣздѣ, если таковой будетъ разрѣшенъ правительствомъ. На это съѣздъ изъявилъ свое согласіе.

3. Предложеніе А. А. Книрима: „о необходимости новой кодификаціи гражданскаго права матеріальнаго въ замѣнъ 1-й части X тома св. зак. гражд. и большей части статей торговаго устава“, съѣздъ нашелъ вполнѣ согласнымъ и съ своимъ убѣжденіемъ въ необходимости болѣе или менѣе измѣнить систему означенныхъ частей свода законовъ и переработать многія статьи каждой части.

4. Рефератъ гг. А. М. Фальковскаго и М. П. Соловьева „объ изданіи гражданскаго уложенія Россійской имперіи съ изложеніемъ причинъ необходимости отмѣны мѣстныхъ сводовъ гражданскихъ узаконеній, нынѣ дѣйствующихъ, и указаніемъ основныхъ положеній, могущихъ служить къ объединенію въ Россіи гражданскаго права“ возбудилъ продолжительныя пренія, въ которыхъ референты доказывали необходимость для объединенія силою права разныхъ народностей Россіи ввести въ ней одно общее гражданское уложеніе, со включеніемъ въ это послѣднее лишь тѣхъ статей мѣстныхъ законовъ, которыя соотвѣтствуютъ теоріи права, общей всѣмъ положительнымъ законодательствамъ, несоотвѣтствующія же имъ положенія туземныя вовсе устранить; а возражавшіе имъ въ большомъ числѣ находили такое предположеніе, именно въ отношеніи къ настоящему состоянію Россіи, несоотвѣтствующимъ ея потребностямъ, говоря притомъ вообще, что гражданское право въ отно-

шеніи къ объединенію разныхъ частей государства не одно и то же, что политическія учрежденія, которыя дѣйствительно своимъ объединеніемъ связываютъ разныя части государства въ одно стройное цѣлое. Согласно этому, большинство членовъ признало, что изданіе для всѣхъ частей Россіи одного общаго гражданскаго уложенія *преждевременно*.

5. Докладъ Н. П. Ляпидевскаго „о дополненіи нашихъ гражданскихъ законовъ постановленіями о признаніи дѣтей рожденныхъ внѣ брака и объ узаконеніи ихъ“ принятъ былъ сочувственно: съѣздъ призналъ необходимымъ легитимацію дѣтей незаконнорожденныхъ (не сравнивая ихъ однако вполнѣ съ законнорожденными) и обезпеченіе ихъ имущественнымъ состояніемъ.

6. По вопросу, предложенному г. Родиславскимъ „о необходимости опредѣлить въ нашемъ законодательствѣ размѣръ гражданской отвѣтственности за самовольное представленіе драматическаго произведенія“, съѣздъ призналъ заключеніе референта основательнымъ, находя, что дѣйствительно въ законахъ размѣръ означенной отвѣтственности не указанъ.

7. „Объ изданіи т. X св. зак., дополненнаго въ самомъ текстѣ статей всѣми узаконеніями, вошедшими въ продолженіе законовъ“. Сенаторъ С. И. Зарудный, заявляя о необходимости такого изданія, мотивируетъ его тѣмъ, что выходящія въ послѣднее время „продолженія“ не сливаютъ текста законовъ, внесеннаго въ X-й томъ, съ дополненіями, измѣненіями, и проч., почему весьма часто практики находятъ невозможнымъ согласовать между собою оба текста, встрѣчая въ нихъ противорѣчія, неясности, и проч. Съѣздъ, признавая мнѣніе С. И. Заруднаго весьма основательнымъ, но полагая, что несравненно было-бы полезнѣе въ практическомъ отношеніи, еслибы такое изданіе было сдѣлано оффиціально, а не какъ трудъ частный, призналъ невозможнымъ принять его къ своему исполненію, за недостаткомъ потребнаго для того времени.

8. Докладъ В. Д. Спасовича и его заключеніе, что „слѣдовало бы разрѣшить свободное распоряженіе по духовнымъ завѣщаніямъ родовыми имуществами“, принятъ, но не безусловно, а съ тѣмъ, что одновременно съ отмѣною подле-

жащихъ статей законовъ должны быть установлены нѣкоторыя мѣры къ имущественному обезпеченію членовъ семьи покойнаго.

9-й докладъ, также В. Д. Спасовича: „о введеніи въ наше законодательство распоряженій имуществомъ посредствомъ договоровъ на случай смерти", признанъ соотвѣтствующимъ практическимъ случаямъ, коими вызываются такіе договоры.

10. Рефератъ В. Г. Демченко о томъ, что „не представляется достаточнаго теоретическаго основанія возводить универсальное и сингулярное (партикулярное—какъ исправлено авторомъ при докладѣ) преемство къ разнымъ эпохамъ развитія и различнымъ степенямъ сознанія наслѣдства", принятъ съѣздомъ въ смыслѣ теоретическаго разъясненія того и другаго начала.

11. По вопросу, возбужденному А. В. Лохвицкимъ, „о предоставленіи наслѣднику права получать наслѣдство по описи и оцѣнкѣ и объ отвѣтственности его за долги наслѣдодателя только въ предѣлахъ стоимости полученнаго наслѣдства", признано справедливымъ, чтобы всѣмъ наслѣдникамъ предоставлено было пользоваться такимъ правомъ по ихъ желанію, а опекуны малолѣтныхъ во всякомъ случаѣ принимали бы наслѣдство, достающееся опекаемымъ, не иначе какъ съ соблюденіемъ такого порядка описи и оцѣнки наслѣдства, но съ устраненіемъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя могли-бы возникнуть при этомъ со стороны наслѣдниковъ недобросовѣстныхъ.

12. Вопросъ, поставленный В. А. Умовымъ и доложенный на съѣздѣ А. М. Хоткевичемъ: „съ какого времени имущество безвѣстно-отсутствующаго лица поступаетъ къ наслѣдникамъ его и какимъ порядкомъ послѣдніе вступаютъ въ право распоряженія онымъ, какъ своею собственностію", съѣздъ призналъ не требующимъ поясненій, такъ какъ оно разрѣшается сводомъ законовъ и практика не встрѣчаетъ никакихъ недоумѣній по этому предмету.

Вопросы 13 и 14 не были доложены за неприбытіемъ на съѣздъ лицъ, ихъ предложившихъ, но такой пробѣлъ въ обсужденіяхъ съѣзда восполняется тѣмъ, что рефераты по

этимъ вопросамъ были напечатаны въ Юридическомъ Вѣстникѣ.

15-й вопросъ Р. С. Кохманскаго, прочитанный, за неприбытіемъ его на съѣздъ, г. Плевако, „о вліяніи запрещеній на вводъ во владѣніе недвижимыми имуществами по актамъ укрѣпленія“, признанъ съѣздомъ неподлежащимъ разрѣшенію въ виду имѣющаго выдти положенія объ ипотекахъ, которымъ готовится существенное измѣненіе въ порядкѣ укрѣпленія перехода правъ на недвижимыя имущества.

16. По вопросу г. Терпугасова, доложенному А. Я. Ашебергомъ: „гдѣ долженъ быть протестованъ вексель, выданный по предъявленію, въ томъ-ли мѣстѣ, гдѣ имѣетъ постоянное мѣсто-жительства векселедатель или бланконадписатель, или же гдѣ написанъ самый вексель (ст. 385, 615, 617, 620, 623 Уст. Торг.)“, съѣздъ призналъ необходимымъ дополнить приведенныя статьи торговаго устава указаніемъ мѣста для протеста векселя, не находя съ своей стороны достаточнаго основанія къ предпочтенію того или другаго изъ приведенныхъ выше мѣстъ.

Всѣ доклады, изготовленные къ съѣзду и бывшія на немъ обсужденія ихъ, какъ ни мало заняли они времени, не лишены однако юридическаго интереса. На этомъ основаніи съѣздъ призналъ полезнымъ издать ихъ въ свѣтъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ въ виду оставленную имъ на этотъ предметъ сумму въ 3,000 рублей, Высочайшею милостію ассигнованныхъ на съѣздъ. Редакція такого сборника докладовъ и бывшихъ по нимъ преній и заключеній возложена съѣздомъ на особую коммиссію, въ которую, подъ моимъ предсѣдательствомъ, избраны бывшіе товарищи предсѣдателя (В. Н. Лешковъ и В. Д. Спасовичъ) и секретари съѣзда (А. М. Фальковскій и Ѳ. Н. Плевако) съ присоединеніемъ къ нимъ С. И. Баршева, который не только возбудилъ вопросъ о съѣздѣ, но и приготовилъ его осуществленіе въ особой коммиссіи, состоявшей подъ его предсѣдательствомъ изъ нѣсколькихъ членовъ Московскаго Юридическаго Общества: коммиссія эта разсматривала предложенные вопросы для обсужденія ихъ на съѣздѣ и составила программу тѣхъ изъ нихъ, которые признала соотвѣтствующими предлежавшей цѣли.

Спокойное и серьезное обсужденіе докладовъ, не смотря на то, что, по краткости времени, назначеннаго для занятій съѣзда,—каждое засѣданіе его продолжалось отъ 5 до 6 часовъ, съ самыми краткими перерывами для отдыха—и что въ библіотечной залѣ университета, весьма удобной въ отношеніи акустическомъ, но тѣсной для публики, собиравшейся въ числѣ 200 человѣкъ и болѣе, было чрезвычайно жарко и душно, — подало съѣзду мысль, что и въ будущемъ, если бы правительство настоящій первый съѣздъ русскихъ юристовъ, разрѣшенный какъ опытъ, признало удавшимся и трудившимся не безъ пользы для развитія нашего права,—такія собранія изъ разныхъ концовъ Россіи какъ представителей науки, такъ и людей дѣла, связывая ихъ занятія—теоретическія и практическія—тѣснымъ единеніемъ (такъ животворно, благодаря съѣздамъ, обновляющимъ юриспруденцію Германіи результатами науки и опыта), приготовили бы, конечно, рядомъ своихъ трудовъ нелишній матеріалъ для работъ законодательныхъ, намъ предлежащихъ. Въ этомъ убѣжденіи члены съѣзда признали возможнымъ остановиться на вопросѣ: еслибы нынѣшній первый опытъ проложилъ путь и другимъ съѣздамъ русскихъ юристовъ, то гдѣ было бы желательно, собрать второй съѣздъ, чрезъ сколько времени и въ какую именно пору года? Разрѣшеніе этого вопроса не могло быть затруднительнымъ, такъ какъ почти всѣ члены должны были сознаться, что послѣ Москвы настоящее значеніе съѣздамъ русскихъ юристовъ можетъ быть дано только совѣщаніями ихъ въ Петербургѣ, гдѣ на глазахъ правительства, въ средѣ уже совершаемыхъ или подготовляемыхъ работъ по разнымъ частямъ законодательствъ, указанія, сдѣланныя теоретиками и практиками, и результаты, достигнутые ихъ преніями, выяснили бы окончательно ту пользу, какой надлежитъ ожидать отъ съѣздовъ, такъ что съѣздъ ихъ въ Петербургѣ былъ бы, можетъ быть, краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ юридическихъ совѣщаній и въ другихъ мѣстностяхъ. Что касается до времени для открытія новаго съѣзда, то члены перваго находили и полезнымъ, и возможнымъ быть второму съѣзду уже че-

резъ два года и притомъ въ промежутокъ времени отъ второй половины іюня по вторую половину августа, когда и университетскіе профессора и члены судовъ могутъ пользоваться вакантомъ для участія въ съѣздѣ.

Николай Калачовъ.

11 іюня 1875 года.

III. Памяти Василія Николаевича Лешкова и Сергѣя Ивановича Баршева.

Въ 1828 году, когда уже было окончено историческое обозрѣніе нашего законодательства и приступлено къ составленію догматическихъ сводовъ, Сперанскій представилъ Государю, что, для установленія правосудія на твердыхъ основаніяхъ, необходимы не одни ясные и положительные законы, но и знающіе судьи и законовѣдцы. „Обученіе россійскаго законовѣдѣнія въ университетахъ нашихъ, писалъ онъ въ своемъ докладѣ, доселѣ не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ: по недостатку учебныхъ книгъ, и по недостатку учителей. Двѣ учебныя книги: одну для учителей, другую для учащихся, необходимо должно составить. Трудъ сей не маловаженъ; но составленіемъ сводовъ и уложеній онъ будетъ облегченъ, и есть надежда, что во II отдѣленіи онъ можетъ быть совершенъ. Пріуготовленіе учителей представляетъ болѣе трудностей. Здѣсь должно начать почти съ самаго перваго образованія. Должно сперва снабдить каждый университетъ двумя или хотя однимъ русскимъ профессоромъ правъ, пріуготовленнымъ исключительно для сей части. Къ сему пріуготовленію наши университеты мало представляютъ способовъ. Въ нихъ есть каѳедры Римскаго права; но въ Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ это— пустой обрядъ; ибо какъ учиться Римскому праву безъ латинскаго языка? Въ другихъ университетахъ можетъ быть

болѣе успѣховъ: въ Дерптѣ—въ правахъ Римскомъ и Нѣмецкомъ, въ Вильнѣ—въ Римскомъ и Польскомъ; *но, къ сожалѣнію, нигдѣ въ Россійскомъ.*“

Вслѣдствіе того Сперанскій предлагалъ: 1) вызвать изъ духовныхъ академій С.-Петербургской и Московской по три лучшихъ студента, вполнѣ окончившихъ курсъ, помѣстить ихъ въ С.-Петербургскій Университетъ, на казенный счетъ, для слушанія лекцій только по Римскому праву и Латинской словесности; 2) этимъ студентамъ являться, сверхъ того, каждый день во II отдѣленіе, гдѣ слушать у его чиновниковъ уроки русскаго публичнаго и гражданскаго права, а также читать лучшія юридическія сочиненія, съ представленіемъ письменныхъ о нихъ отчетовъ, практически упражняться въ дѣлопроизводствѣ и составлять систематическіе алфавиты къ „Полному Собранію Законовъ“; 3) по выдержаніи ими строгаго экзамена во всемъ пройденномъ, поручить этимъ новымъ профессорамъ образовать нѣсколькихъ лучшихъ изъ казенныхъ студентовъ С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ, для приготовленія себѣ достойныхъ помощниковъ и преемниковъ. „Такимъ образомъ—говорилъ онъ въ заключеніи докладной записки — положено будетъ твердое начало юридическому въ Россіи образованію и, судя по охотѣ къ сему роду ученія, въ молодыхъ людяхъ примѣтной, можно надѣяться, что оно скоро распространится и перестанетъ быть рѣдкимъ.“

Избранные, на этомъ основаніи, студенты духовныхъ академій, по окончаніи предназначенныхъ имъ курсовъ, доказали свои успѣхи на шести испытаніяхъ, при которыхъ Сперанскій всегда лично присутствовалъ. Во время экзаменовъ у него родилась мысль отправить ихъ, для дальнѣйшаго еще усовершенствованія, въ одинъ изъ иностранныхъ университетовъ. По сношеніи съ знаменитымъ Александромъ Гумбольдтомъ, онъ выбралъ для этого университетъ Берлинскій, гдѣ наши молодые люди, подъ надзоромъ Савиньи, были ввѣрены особенному попеченію и руководству профессора Рудорфа *).

*) Жизнь графа Сперанскаго, Барона М. Корфа. С.-Петерб. 1861 г.

Юридическій факультетъ Берлинскаго университета имѣлъ тогда своими членами: Савиньи, Эйхорна, Бинера, Кленце, Ганса, Гомейера, Ярке, Филипса, Рудорфа, Ланцицолле.

Между воспитанниками Сперанскаго: Неволинымъ, Рѣдкинымъ, Калмыковымъ, Кранихфельдомъ, Алексѣемъ Куницинымъ и другими, мы назовемъ Н. И. Крылова и С. И. Баршева. Этотъ послѣдній въ Берлинскомъ университетѣ въ теченіи шести семестровъ слушалъ у Кленце юридическую энциклопедію, римскія древности, исторію и институцію римскаго права исторію и догму общаго германскаго права; у Ганса философію исторіи, философію права и курсъ исторіи послѣднихъ трехъ вѣковъ; у Савиньи институціи и пандекты римскаго права; у Эйхорна общее германское государственное право; у Гомейера общее германское гражданское право и у Гефтера прусское гражданское право; сверхъ сего посѣщалъ лекціи: философіи Бенеке и Генниха, географіи — Риттера, греческихъ древностей — Бёка и исторіи всеобщей Раумера и Ранке. Затѣмъ въ вакаціонное время постоянно посѣщалъ другіе университеты для знакомства съ знаменитѣйшими учеными и узнанія метода преподаванія.

По возвращеніи въ Россію, съ Высочайшаго соизволенія, по предварительномъ приготовленіи и новомъ изученіи русскихъ законовъ, по руководству уже тогда вышедшаго перваго изданія свода законовъ, выдержалъ испытаніе прямо на степень доктора законовѣдѣнія и затѣмъ опредѣленъ преподавателемъ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ въ Московскій Университетъ, въ 1835 году утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1837 году ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ *).

В. Н. Лешковъ въ 1825 году изъ Черниговскаго духовнаго уѣзднаго училища переведенъ былъ въ Семинарію, въ 1829 году окончилъ курсъ Философіи или средняго отдѣленія, и тогда былъ помѣщенъ въ Главный Педагогическій Институтъ. Въ концѣ 1835 года, когда Лешковъ выдержалъ

*) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета. Москва. 1855 г., ч. I.

экзаменъ, директоръ Института Ѳ. И. Меддендорфъ и конференція профессоровъ присудили ему за успѣхи и поведеніе, серебряную медаль съ девизомъ: „достойнѣйшій изъ будущихъ образователей юношества“ и право воспользоваться Высочайшимъ дозволеніемъ, довершить свое образованіе заграницей. Въ Берлинскомъ университетѣ Лешковъ въ продолженіи четырехъ семестровъ выслушалъ курсъ лекцій Савиньи объ институціяхъ, о древностяхъ римскаго права и о наслѣдствѣ, у Кленце о правѣ естественномъ и объ исторіи римскаго права, у Гефтера объ уголовномъ правѣ, у Ганса объ уголовномъ и общенародномъ, у Гомейера о нѣмецкомъ правѣ и прусскомъ ландрехтѣ, у Ресмеля о каноническомъ правѣ, у Раушера о всебщей исторіи. Кромѣ того посѣщалъ лекціи Бельвинга о политической экономіи, Рихтера о географіи, Ранке объ исторіи и др. Наконецъ желаніе познакомиться съ университетомъ Лейпцигскимъ, съ учеными Праги и преподаваніемъ въ Вѣнѣ, вызвали Лешкова въ эти города, откуда онъ въ 1838 году пріѣхалъ обратно въ С.-Петербургъ. Здѣсь въ Академіи наукъ читалъ пробную лекцію: „*О семейномъ правѣ Римлянъ, Германцевъ и Славянъ*“, послѣ чего министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ, 26 января 1839 года, назначенъ адъюнктомъ въ юридическій факультетъ Московскаго университета по каѳедрѣ международнаго права. Въ 1841 году онъ защищалъ диссертацію „о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ“ и получилъ степень доцента. Въ 1843 году, въ званіи экстраординарнаго профессора, Лешковъ перемѣщенъ на каѳедру Государственнаго благоустройства съ обязанностію продолжать чтеніе международнаго права до замѣщенія этой каѳедры отдѣльнымъ преподователемъ, а въ 1845 году утвержденъ ординарнымъ профессоромъ *).

Великія реформы минувшаго царствованія и въ особенности судебная возвысили у насъ значеніе права и науки его, возвысили усиленную дѣятельность для дальнѣйшей теоретической и практической его разработки и наконецъ настоятельную необходимость въ преобразованіяхъ мно-

*) Біографическій Словарь профессора и преподавателей Московскаго университета. Москва. 1855 г.

гихъ частей отечественнаго законодательства, сообразно съ измѣнившимися условіями народной жизни.

Съ этого времени высшее юридическое образованіе стало быстро распространяться въ Россіи, число студентовъ на юридическихъ факультетахъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Новыя требованія судебныхъ уставовъ Александра II неминуемо вели къ установленію неразрывной связи между теоретическими и практическими знаніями и должны были утвердить въ обществѣ сознаніе о пользѣ ближайшаго между собою общенія теоретиковъ и юристовъ-практиковъ и объ учрежденіи у насъ юридическихъ обществъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ между прочимъ принадлежитъ С. И. Баршеву и В. Н. Лешкову—имена которыхъ мы встрѣчаемъ въ числѣ членовъ учредителей Московскаго юридическаго общества.

Въ 1872 году, когда въ средѣ этого общества С. И. Баршевымъ высказана была мысль о пользѣ и необходимости съѣздовъ юристовъ въ Россіи, то эта мысль была весьма сочувственно принята и ближайшимъ результатомъ своимъ имѣла образованіе коммиссіи для разработки проэкта перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ С. И. Баршева, товарищемъ котораго былъ избранъ В. Н. Лешковъ. Заслуги оказанныя ими по устройству съѣзда и живое участіе, которое они принимали въ занятіяхъ его, достаточно объясняютъ приложеніе къ настоящему изданію ихъ портретовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно служитъ знакомъ глубокой признательности и уваженія редакціи изданія къ памяти дорогихъ сочленовъ.

Многочисленнымъ ученикамъ покойныхъ пусть напомнятъ эти портреты давно знакомыя черты людей, начавшихъ свою научную, педагогическую и литературную дѣятельность въ ту эпоху развитія отечественнаго права, когда каждый разчищенный шагъ на непроторенныхъ путяхъ долженъ составлять предметъ особаго уваженія и признательности.

Предшественники С. И. Баршева по каѳедрѣ, которую онъ занималъ, Дильтей, Десницкій, Штельцеръ и Маловъ преподавали многія науки, входившія въ составъ юридиче-

скаго образованія и изъ нихъ Десницкій оказалъ особенно важныя заслуги отечественному законовѣдѣнію и талантливо изложилъ образъ самаго преподаванія въ рѣчи: „*О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ изученію русской юриспруденціи*“. С. И. Баршевъ первый изъ Московскихъ профессоровъ посвятилъ 45 лѣтъ своей жизни преподаванію уголовнаго права, судоустройства и судопроизводства по двумъ главнымъ формамъ послѣдняго—обвинительной и слѣдственной, придерживаясь историко-догматической методы и пользуясь данными сравнительнаго законовѣдѣнія. Ревностный защитникъ единенія нравственныхъ и юридическихъ началъ, онъ считалъ своею главною задачею утвердить въ слушателяхъ должное уваженіе къ отечественнымъ постановленіямъ и ознакомить ихъ съ практическимъ приложеніемъ уголовныхъ законовъ. Изъ ученыхъ трудовъ С. И. Баршева назовемъ: диссертацію на степень доктора — „*О мѣрѣ наказаній*“, удостоившуюся почетнаго отзыва Академіи Наукъ, рѣчь „*О вмѣненіи въ правѣ*“, „*Общія начала теоріи и законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, въ двухъ раздѣлахъ*“ (1841 года); „*Лекціи уголовнаго права 1860—61 г.*“ Кромѣ этого, въ разное время онъ помѣстилъ множество статей въ періодическихъ изданіяхъ. Предложеніе же, внесенное имъ для обсужденія въ съѣздѣ юристовъ—„О существѣ властей и обязанностяхъ присяжныхъ“ *), въ которомъ онъ излагаетъ необходимыя, по его мнѣнію, условія для плодотворнаго развитія суда присяжныхъ, а именно: *широкое развитіе духа общественности, живое участіе вслѣдствіе того во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, глубокое сознаніе долга и развитіе во всѣхъ и каждомъ чувства законности при соотвѣтственномъ требованіямъ времени и доступномъ для пониманія простыхъ людей законодательствѣ*, служитъ иллюстраціей позднѣйшаго направленія научной дѣятельности автора, которому суждено было дожить до празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его честнаго служенія наукѣ, отечественному юридическому образованію, русскому обществу и государ-

*) Предложеніе это осталось безъ обсужденія съѣздомъ за исключеніемъ правительствомъ изъ программы вопросовъ уголовнаго права.

ству. Выслушавъ искреннія и задушевныя привѣтствія и адрессы и принявъ другіе знаки общественной къ нему признательности, глубоко тронутый чести юбиляръ въ отвѣтѣ своемъ призналъ этотъ день счастливѣйшимъ въ жизни своей. Изъ числа ученыхъ обществъ Кіевское юридическое почтило заслуги нашего ветерана-криминалиста избраніемъ его въ свои почетные члены.

В. Н. Лешковъ, какъ одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ русскихъ учениковъ главы исторической школы, на первыхъ уже порахъ своей научной дѣятельности ознаменовалъ себя горячимъ сторонникомъ самобытнаго развитія и понятія о заимствованіяхъ и реформахъ, преимущественно основанныхъ на привязанности народа къ его родному и на его стремленіи сознать, установить все народное и русское, *которое могло бы войти въ составъ общечеловѣческаго и образовать изъ себя русскій вкладъ, или русскую ленту въ общемъ достояніи народовъ*. Полное обособленіе, полное уединеніе, какъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ организмовъ, такъ особенно народовъ, и неразумно и невозможно. Но предметами для заимствованія между народами должно быть добро — общечеловѣческое, которое одно идетъ въ прокъ. Съ незапамятныхъ временъ, продолжаетъ Василій Николаевичъ, народъ русскій принялъ земскую организацію въ формѣ вервей и общинъ, областей и княжествъ, съ ихъ вѣчами и соборами, и, дѣйствіемъ этой организаціи, почувствовавъ нужду въ общемъ порядкѣ, въ общей безопасности, въ общей верховной власти, призвалъ князей въ свою землю для созданія изъ себя русскаго государства. Послѣ того, дѣйствіемъ своей земской и государственной организаціи, русскій народъ порѣшилъ, отрекшись отъ язычества, принять христіанство и образовать изъ себя особую духовную или церковную организацію, или общество вѣрующихъ, церковь. Такимъ образомъ русскій народъ сталъ и русскимъ государствомъ, и русскою церковью, и русскимъ земствомъ, положивъ тѣмъ твердую основу для единой, общей гармонической жизни своихъ элементовъ и для единаго, общаго, гармонически дѣйствовавшаго въ странѣ и народѣ закона и права. И такъ было до XVIII ст., когда

формула существенно мѣняется подъ вліяніемъ западныхъ воззрѣній, и въ этой послѣдующей русской исторіи мѣсто законнаго занимаетъ одно указное, такъ что въ послѣдніе годы своего царствованія самъ Петръ Великій сказалъ: „не все ль неволею сдѣлано“?

Отстаивая положеніе, что общечеловѣческое должно выдти изъ національнаго, В. Н. Лешковъ въ то же время доказываетъ, что обособленіе древняго русскаго народа и его привязанность къ родному не мѣшала ему обращать вниманіе на бытъ иноземцевъ, и иногда перенимать у нихъ даже нѣкоторыя внѣшнія формы жизни, и задается лишь разрѣшеніемъ вопросовъ: такъ ли происходило дѣло въ XVIII вѣкѣ, не было ли здѣсь заимствованіе возведено въ начало исключительное, отрицавшее принципъ народной самобытности, искало ли это заимствованіе *общечеловѣческихъ началъ* и имѣло ли оно вообще дѣло съ *началами*, или довольствовалось перенесеніемъ на русскую почву однихъ учрежденій,—этихъ плодовъ и результатовъ извѣстной цивилизаціи?

Главное сочиненіе Василія Николаевича: „Русскій народъ и государство, исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка“, изданное въ 1858 году, въ которомъ авторъ изложилъ талантливо ученіе о государствѣ, приводимомъ въ движеніе идеями, управляемомъ убѣжденіями и понятіями права и имѣющемъ три главныхъ или основныхъ интереса: *политическій, гражданскій и общественный* и о предметѣ общественнаго права и объ общинности русскаго народа, служащаго, по мнѣнію его, объясненіемъ для всего общественнаго въ Руси, независимо отъ той или другой оцѣнки названнаго сочиненія, составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для будущихъ изслѣдователей исторіи отечественнаго права и общественнаго права въ особенности. Мы вправѣ ожидать скорѣйшаго изданія продолженія названнаго сочиненія, съ которымъ отчасти авторъ знакомитъ насъ въ читанныхъ имъ въ годичныхъ собраніяхъ Московскаго Юридическаго Общества статьяхъ его: „Наша средняя исторія общественнаго права съ Петра Великаго, ея характеръ и раздѣленіе, общественное право народонаселенія, Русская

промышленность по указамъ Петра Великаго и народное просвѣщеніе по указамъ Петра Великаго"...

Общая характеристика дѣятельности В. Н. Лешкова, какъ профессора и земскаго дѣятеля и какъ предсѣдателя Московскаго Юридическаго Общества, уже ранѣе сего появилась въ печати и ознакомила русское общество съ значеніемъ понесенной имъ великой утраты и съ тою искренне-глубокою признательностью и безпредѣльнымъ уваженіемъ, съ которыми отнеслись къ заслугамъ его юридическій факультетъ Университета и состоящее при немъ Юридическое Общество.

Повторять все это излишне, и остается пожелать, чтобы память даровитаго труженика и истиннаго патріота почтена была всестороннею критическою оцѣнкою его научныхъ трудовъ, очевидно не могущею быть предметомъ настоящаго очерка, по значительности размѣровъ подобной работы, ожидающей поэтому для себя компетентнаго судьи.

А. Фальковскій.

5-го іюня
1882 г.

Межрубиблиотечный абонемент Московской обл. библиотеки